

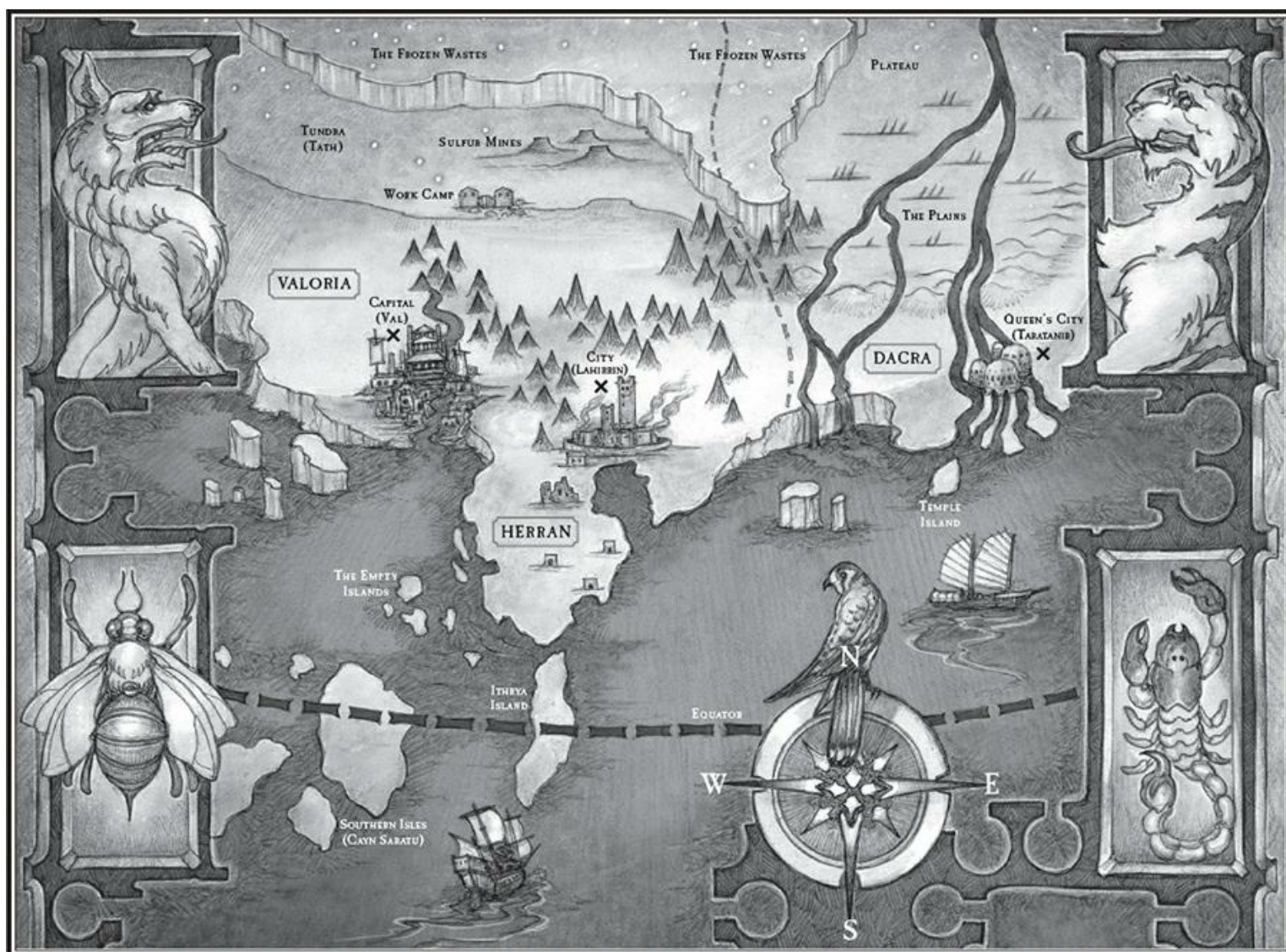
ПОЦЕЛУЙ
ПОБЕДИТЕЛЯ

МАРИ РУТКОСКИ

Annotation

Грянула война, и Арин оказывается в самой ее гуще, в окружении ненадежных новых союзников, с которыми ему придется выступить против своего врага — империи. Несмотря на то, что Арин убедил себя, будто больше не любит Кестрел, он все равно не забыл ни ее, и то, каким человеком она стала. Её больше волновала судьба империи, нежели жизни невинных людей — чего уж говорить о нём. Во всяком случае он так считает. Кестрел же на севере попадает в заключение беспощадного трудового лагеря. И пока девушка отчаянно ищет способ сбежать, одновременно с этим ей очень хочется, чтобы Арин узнал, чем ей пришлось пожертвовать ради него. Как же ей хочется, чтобы империя поплатилась за все, что сделала с ней... Но еще никто не получил желаемого просто так. Война в самом разгаре, и Арин с Кестрел понимают, что мир меняется. Восток противостоит западу, а они оказались посередине. Неужели они и в самом деле сумеют победить, после стольких-то потерь?

О переводе

Оригинальное название: *The Winner's Kiss (The Winner's Trilogy #3)* by Marie Rutkoski
Мари Руткоски "Поцелуй победителя"

Серия: *The Winner's Trilogy #3*

Перевод: **Виктория Салосина, Светлана Егошина**
Редактура: **Виктория Салосина, Светлана Егошина**
Вычитка: **Елена Брежнева**

Глава 1

Он поведал себе историю.

Но не сразу.

Раньше не было времени для мыслей, которые можно облечь в слова. У него голове царила блаженная пустота. В ней не осталось места для сказок. Идёт война. Арин родился в год бога смерти, и в кои-то веки он был рад этому. Он сдался на милость своему богу, который, улыбаясь, уже приблизился вплотную. «Сказки убьют тебя, — прошептал он Арину на ухо. — Теперь просто слушай. Слушай меня».

И Арин слушал.

Его корабль несся по морю прочь от столицы. И вот он уже вместе с флотом восточного государства, юркими военными одномачтовыми кораблями, выкрашенными в синие и зеленые цвета их величества, заходил в залив своего города. Корабли принадлежали Арину, по крайней мере, пока. Подарок дакранской королевы своим новым союзникам. Кораблей было не так много, как бы хотелось Арину. И не настолько они были утяжелены оружием, как бы ему хотелось.

Но:

Они слушались.

Арин велел капитану своего корабля встать рядом с самым большим дакранским сторожевым судном. Отдав приказ капитану зайти в док и найти сестру Арину в городе, сам он вошел на борт сторожевика. Он подошел к командующему восточным флотом Хашу, худощавому мужчине с необычайно высокой переносицей и смуглой кожей, лоснящейся под поздним весенним солнцем.

Арин посмотрел Хашу в глаза — чёрные, всегда прищуренные, с желтой подводкой, что указывало на его статус флотоводца. Он словно знал, что Арин хотел сказать. Житель востока чуть улыбнулся.

— Они на подходе, — сказал Арин.

Он объяснил, какие меры принял валорианский император, чтобы вся вода в Геране медленно отравляла народ. Должно быть, несколько месяцев назад император послал кого-то в горы к источнику акведука. Даже с палубы корабля Хаша Арину был виден арочный хвост акведука, построенного валорианцами. Издалека водопровод было видно не очень хорошо, он змеился с гор вниз, неся нечто, что ослабляло геранцев, делало их сонными и заставляло трястись.

— Меня видели в столице, — сказал Арин Хашу. — Корабль валорианцев преследовал мой почти до самых Пустынных островов. Надо полагать, император в курсе, что я знаю.

— Что случилось с кораблём?

— Он вернулся. Наверное, поплыл за подкреплением... и приказами императора. — Арин говорил на языке мужчины резким голосом с сильным акцентом, произнося слоги быстро, но твердо. Этот язык был для него внове. — Он нанесёт удар сейчас.

— Почему ты так уверен, что яд попал в город через водопровод? Откуда у тебя такая информация?

Арин помедлил, неуверенный в том, как правильно выразить на дакранском то, что хотел сказать.

— Моль, — ответил он на своем языке.

Хаш прищурился еще сильнее.

— Шпионка, — сказал Арин на дакранском, наконец-то подобрав правильное слово. Он покрутил на мизинце золотое кольцо и подумал о Тенсене, своем опытном шпионе, и о том, что валорианский корабль, преследовавший его, может быть признаком того, что Тенсена арестовали, стоило только Арину покинуть дворец. Старик настоял на том, чтобы остаться. Его могли схватить. И пытаться. Заставить говорить. Арин мог только догадываться, что валорианцы могли с ним сделать...

Нет. Бог смерти опустил холодную длань на мысли Арина и крепко сжал их в кулак.

«Ты не слушаешь, Арин».

«Слушай».

— Мне нужна бумага, — произнес Арин вслух, — и чернила.

Арин рисовал свою страну для Хаша. Он стремительным движением руки набросал полуостров Герана, чётко очерчивая пером кривые линии. Потом он заштриховал острова, разбросанные с южной стороны полуострова и рассыпавшиеся в море между Гераном и Валорией. Он изобразил Итрию — большой скалистый остров, создававший пролив между ним и окончательностью полуострова.

— Весной течение в проливе очень мощное. Трудно плыть против течения. Но если валорианский флот придёт, то они выберут этот путь.

— Они выберут пролив, в котором трудно справиться с навигацией? — скептически спросил Хаш. — Они могут обогнуть три острова и повернуть на север, чтобы до самого города плыть к нему вдоль полуострова.

— Слишком медленно. Купцы любят этот пролив. В это время года течение самое сильное и оно толкает корабли от Валории вплоть до самого Герана. Стремительный поток быстро пронесёт их через пролив. Император рассчитывает напасть на ослабленный город. Он не ожидает сопротивления. И поэтому не видит никаких причин ждать, чтобы заполучить желаемое. — Арин коснулся восточной части острова Итрия и мыса полуострова. — Мы можем спрятаться здесь, одна половина флота встанет к востоку от полуострова, другая — на восточной стороне. Когда валорианский флот зайдёт в пролив, они поплывут очень быстро, и мы сможем напасть на них с обеих сторон. Они не смогут отступить, куда бы ни дули ветра. Если же они попытаются это сделать, поток вынесет их обратно.

— Ты ничего не сказал о численности. У нас небольшой флот. Твой план предполагает разделение нашего и без того немногочисленного флота ещё надвое. Тебе доводилось хоть раз видеть сражение на воде?

— Да.

— Надеюсь, ты говоришь не о том недоразумении в бухте в ночь Первозимнего восстания.

Арин хранил молчание.

— То было в бухте, — ехидно сказал Хаш. — Довольно уютная колыбель, нежные ветра которой укачают любого младенца. Легко маневрировать. Речь идёт о сражении в открытом море. А ты предлагаешь ослабить наш флот, разделив его на части.

— Не думаю, что валорианский флот окажется большим.

— Не думаешь, значит.

— Флоту не требуется быть многочисленным, чтобы напасть на город, чьё население было отравлено и приведено в состояние летаргии. На город, — многозначительно сказал Арин, — у которого, по мнению императора, нет союзников.

— Мне нравится идея о внезапности нападения. Мне нравится мысль запечатать валорианцев между нами. Но твой план удастся, только если император не пошлёт флот значительно превосходящий наш, в противном случае, он легко нас потопит. Все получится, лишь если император не знает, что Дакра... — голос Хаша дрогнул. Арин ясно услышал осуждение в нём, — присоединилась к тебе. Валорианский император с радостью раздавит такого союзника подавляющим количеством военно-морских сил. Если он узнает, что мы здесь, то вполне может прислать весь свой флот.

— Тогда воевать вдоль пролива гораздо удобнее. Разве только, если ты предпочитаешь, чтобы они напали на нас здесь, в заливе.

— Я командую этим флотом. У меня есть опыт. А ты чуть старше мальчишки. Чужеродного мальчишки.

Когда Арин вновь заговорил, слова, слетевшие с языка, принадлежали не ему. Его бог подсказал, что нужно ответить.

— Когда твоя королева велела твоему флоту плыть в Геран, кого она назначила полноправным командиром? Тебя или меня?

Лицо Хаша побагровело от злости. Бог внутри Арина расплылся в улыбке.

— Мы немедленно отплываем, — сказал Арин.

* * *

Воды к востоку от острова Итрия плескались чистойшей зеленью. Но Арин с того места, где его корабль подстерегал валорианский флот, видел, что поток, выталкивающий воду в широкий пролив, был похож на фиолетовую нить.

Арин чувствовал, как в нём клубилась тёмная сила. Она разливалась по всему телу до самых кончиков пальцев, наполняя теплом. Она заставляла его дышать полной грудью.

Когда первый корабль валорианцев выскочил из пролива, Арина затопила злобная радость.

И это было легко. Валорианцы не ожидали нападения, очевидно, ничего не зная о заключенном союзе. Численность вражеского флота была такой же, как у геранцев. Узость пролива вынудила корабли противника входить в море Герана по парам, поэтому их легко было захватывать, ведь восточный флот наступал с обеих сторон.

Пушечные ядра пробивали корпуса. Батарейные палубы заполнялись чёрным дымом. Пахло так, будто одновременно был сожжен миллион спичек.

Арин взошёл на свой первый валорианский корабль. Ему казалось, будто он смотрит на себя со стороны: как его меч разрубил одного валорианского матроса, потом другого, потом ещё одного и так до тех пор, пока всё лезвие не окрасилось красным. Кровь попала даже ему на губы. Но Арин не чувствовал её. Арин не чувствовал и руку, зажавшую кинжал, когда та погрузилась в чьи-то кишки. Не вздрогнул и тогда, когда вражеский меч ударил по его защите и рассек бицепс.

Бог Арина вlepил ему пощечину.

«Сосредоточься», — потребовал он.

Арин сосредоточился, и после этого никто не смог прикоснуться к нему.

Когда всё было кончено, сокрушённые корабли противника утонули, а уцелевшая часть

вражеского флота оказалась захвачена. И Арин смог вновь сконцентрироваться. Он моргнул, глядя на закатное солнце, разлившее оранжевый сироп на тела павших, придав крови странный цвет.

Арин стоял на палубе захваченного корабля. Его дыхание было тяжёлым и отдавалось болью в груди. Пот заливал глаза.

Вражеского капитана подтащили к Хашу.

— Нет, — сказал Арин. — Приведите его ко мне.

Глаза Хаша сверкали гневом. Но дакранцы сделали так, как им велели. Хаш позволил.

— Пиши послание для своего императора, — сказал Арин валорианскому капитану. — Расскажи ему, что он проиграл. Скажи, что он заплатит, если повторит попытку. Поставь личную печать. Отправь сообщение, и я позволю тебе жить.

— Как благородно, — презрительно сказал Хаш.

Валорианец промолчал. Его губы были мертвенно-бледны. И Арин ещё раз подивился тому, насколько далека была от истины легенда о репутации валорианцев, славившихся отвагой и честью.

Мужчина записал его послание.

«Неужели ты и правда мальчишка, каким тебя считает Хаш? — спросил бог Арина. — Ты был моим двадцать лет. Я тебя взрастил».

Валорианец поставил подпись на клочке бумаге.

«Заботился о тебе».

Послание было свернуто в трубочку, запечатано и спрятано в крошечный тубус.

«Приглядывал за тобой, когда ты думал, что одинок».

Капитан привязал тубус к ястребиной лапе. Птица была слишком большой для пустельги. Она ничем не напоминала пустельгу. Птица склонила голову, уставившись глазками-бусинками на Арина.

«Нет, ты не мальчишка. Мужчина, созданный по образу и подобию моему... тот, кто знает, что не может явить свою слабость».

Ястреба отпустили в небо.

«Ты мой, Арин. Ты знаешь, что должен сделать».

И Арин перерезал валорианскую глотку.

* * *

Это случилось, когда Арин с запекшимися от крови волосами и в от неё же погрубевшей одежде вернулся домой, зайдя в бухту своего родного города, — история проползла ему в самое нутро. Она свернулась у Арина на языке и растаяла горькой конфетой.

Вот какую историю рассказал Арин.

Когда-то жил да был мальчик, умевший съезживаться будь то от страха или холода. Как-то раз ночью боги увидели, как он заперся один у себя в комнате. Его трясло и едва не рвало от страха. Он слышал, что происходило в другой части дома. Крики. Звук ломающихся вещей. Суровые приказы; приглушенные слова, которые все же были понятны мальчику, которого все-таки вырвало в углу комнаты.

Его мать была где-то там, за этой самой запертой дверью. И отец. И сестра. Мальчик должен был пойти к ним. Забившись в угол, он сказал это своим острым коленкам, которые подобрал под ночную сорочку. Арин прошептал эти слова дрогнувшим голосом. «Иди к ним. Ты им нужен». Но так и не смог пошевелиться. Он остался там, где сидел.

В дверь забарабанили. Она задрожала в петлях.

Треснув, дверь поддавалась. Внутри вломился солдат чужой армии. И кожа, и волосы у него были светлыми, а глаза оказались карими. Он схватил мальчика за костлявое запястье.

Обезумевший от страха мальчик попытался выдернуть руку, но это было нелепо; он знал, насколько жалкой была его попытка. Он пронзительно закричал и начал извиваться. Солдат рассмеялся. Он встряхнул мальчишку. Не очень сильно, словно хотел всего лишь разбудить ребёнка.

— Успокойся, веди себя как следует, — сказал ему солдат на языке, которому мальчик только-только обучался, но никогда не думал, что ему придется им пользоваться. — И ты не пострадаешь.

Не пострадаешь, — это было самым главным. Простое обещание принесло ребёнку гадкое чувство облегчения и заставило расслабиться. Он последовал за солдатом.

Его привели в атриум. Сюда уже согнали всех остальных, даже слуг. Родители не видели, что его привели. Он вел себя очень тихо. Позже он не мог сказать, могло ли всё случиться иначе, если бы не его сестра, стоявшая в дальнем конце комнаты и первой заметившая его. Он и сейчас не знал, смог ли бы он как-нибудь изменить то, что произошло дальше. Он знал лишь то, что в самый важный момент так ничего и не сделал.

Он слышал, что в валорианской армии есть женщины, но в его доме в ту ночь присутствовали одни мужчины. Солдаты стояли по обе стороны от его сестры. Высокой и надменной. Её распущенные волосы ниспадали на плечи, будто чёрный плащ. Когда взгляд Анирэ упал на него и её серые глаза вспыхнули, мальчик понял — прежде он никогда до конца не верил в её любовь к нему. Теперь он знал, что был не прав.

Она что-то сказала на валорианском. Мальчик услышал в её мелодичном голосе издевку.

— Что ты сказала? — требовательно спросил солдат.

Она повторила. Солдат схватил её, и мальчик с ужасом понял, что это его вина. Каким-то образом это была его вина.

Они забрали сестру. Солдаты увели её в гардеробную, которой родители пользовались зимой, когда принимали гостей по вечерам. Раньше он там прятался. Гардеробная запиралась, была тёмной и душной.

Это было то самое место в истории, когда Арину хотелось вернуться в прошлое и закрыть ладонями маленькие уши мальчика. Чтобы заглушить звуки. Он хотел сказать тому мальчику, чтобы тот зажмурился. Эхо застарелой паники вновь сдавило грудь Арина. Ему так хотелось помешать мальчику стать свидетелем того, что произошло дальше.

Зачем Арин так поступал с собой? Это усилие по изменению своих воспоминаний о той ночи — причиняло боль. Навязчивая идея. Порой мысли об этом причиняли больше боли, чем те события тогда. Но даже теперь, спустя десять лет после вторжения валорианцев, Арин не мог отделаться от отчаянной мысли, что мог что-то изменить тогда.

Что было бы, если бы он закричал?

Или умолял солдат отпустить сестру?

Что, если бы он подбежал к родителям, которые не знали о его присутствии, и остановил отца, выхватившего кинжал из ножен валорианца?

Или его мать. Конечно, он мог спасти ее. Она не борец, не такой у неё был характер. Она бы не сделала этого, зная, что сын там. Он видел, как она набросилась на солдата, державшего сестру. Солдаты зарезали отца. Дверь в гардеробную закрылась за Анирэ. Кинжал скользнул по горлу матери, её кожу покрыл яркий шлейф крови.

В ушах у Арина стоял рёв. Его глаза были сухими льдинками.

После того как солдаты оторвали кричащего мальчика от тела матери, его увели вместе со слугами в город. На холме горел королевский дворец. Всех членов королевской семьи вздернули на рынке, в том числе и принца, за которого Анирэ собиралась замуж. Может, его сестра была ещё жива? Но спустя два дня Арин увидит её мертвое тело на улице.

Всё самое худшее, что могло случиться, — случилось. Арин проглотил слёзы. Он был безмолвен в своем ужасе. Он сделал, как ему велели. Нужно вести себя как следует, так сказал ему солдат.

Он увидел вооруженного мужчину, шагающего в окружении войск. Позже, Арин узнал, что генерал был молод в момент вторжения. Но в ту ночь этот мужчина казался древним и огромным: монстром из плоти и железа.

Арин представлял, как, если бы это было возможным, встал бы на колени перед тем мальчиком. Как бы он прижал его к своей груди, спрятал бы его зарёванное лицо у себя на плече. «Тише, — сказал бы ему Арин. — Ты не будешь одинок, ты станешь сильным. Однажды ты отомстишь».

* * *

То, что случилось с Кестрел, было не самым страшным. Это нельзя сравнивать.

Арин размышлял об этом, когда его корабль с оставшимся валорианским флотом бросил якорь в геранской бухте, залитой лунным светом. Он провёл пальцем по шраму, рассекающему левую бровь и всю щёку. Потер огрубевшую кожу. Недавно появившаяся привычка.

Нет, ему больше не было больно думать о Кестрел. Он был дураком, но ему пришлось простить себе худшее. Сестра, отец, мать. Что до Кестрел... Арин теперь более или менее представлял, кем он был: человеком, который слепо верил, который напрасно отдал свое сердце.

Возможно, она уже замужем за валорианским принцем. Она играет в свои игры при дворе. Не сомневаясь в победе. Может, её отец напишет дочери с фронта и попросит об ещё одном блестящем совете, благодаря которому она однажды уже приговорила сотню людей в восточных землях к голодной смерти.

Голову Арина сдавило от отвращения. Как же он раньше был очарован дочерью генерала Валории! Как когда-то её отказ уязвил его. Теперь же он думал о Кестрел с холодным спокойствием. словно к ушибу приложили лед.

Теперь он испытывал лишь благодарность. Потому что она больше ничего для него не значила. Разве это не дар богов, вспоминать её и ничего не чувствовать? Если же он что-то и чувствовал, то это было не больше, чем просто прикоснуться к шраму и удивиться тому, насколько он длинный и как омертвели нервные окончания на коже. Арин знал, что некоторые вещи будут всегда причинять боль, но Кестрел уже не была одной из них. Она была раной, которая наконец-то зажила.

Глава 2

Ей некого было винить, кроме себя.

Повозка катила на север, Кестрел оглядывала меняющийся пейзаж через зарешеченное окно. Она смотрела на горы, сменяющиеся равнинами, усыпанными островками тусклой красноватой травы. По отмелям выхаживали белые длинноногие птицы. Ей даже попалась на глаза лисица с белым птенцом в зубах. У Кестрел от голода свело желудок. Она бы сама с удовольствием съела этого птенца. Да что там птенца, она бы проглотила лисицу целиком.

Порой ей хотелось съесть себя. Она проглотила бы всё — грязное синее платье, кандалы на запястьях и одутловатое лицо. Если бы она могла поглотить себя, то от неё бы не осталось и следа, как и от ошибок, которые она совершила.

Кестрел неловко подняла скованные руки и прижала кулаки к сухим глазам. Может, она была слишком обезвожена, чтобы плакать, подумала девушка. Горло саднило. Она не могла вспомнить, когда страж, правящий повозкой, последний раз давал ей воды.

Они находились уже глубоко в тундре. Стояла поздняя весна... или нет. Перволетний день, наверное, давно прошёл. Тундра, большую часть года стоявшая обледенелой, ожила. В воздухе клубились тучи комаров. Они искусают каждый дюйм открытой кожи Кестрел.

Проще было думать о комарах. Проще было созерцать низкие, покатые вулканы на горизонте, вершины которых давно развеяли ветра. Повозка ехала в их сторону.

Проще было смотреть на удивительно яркую сине-зелёную воду.

Сложнее было осознавать, что такому цвету вода обязана сероводороду, а это означало, что они приближались к серным шахтам.

Сложнее было осознавать, что именно отец сослал её сюда. Тяжело и ужасно, точно так же, как он смотрел на неё, как он отказался от неё, обвинил её в измене. Она была виновна. Она сделала всё, чтобы он поверил ей, и теперь у неё не было отца.

Горе разбухло комом в горле. Она попыталась проглотить его. У неё был список того, что нужно сделать... что же это? Изучить небо. Притвориться одной из тех птиц. Прислониться лбом к стенке повозки и дышать. Она не могла вспомнить.

Но она никогда не умела забывать надолго. Она вспомнила и последнюю ночь во дворце, это было неизбежно. Она вспомнила и о письме, своей исповеди Арину. «Я — Моль. Я шпионила ради твоей страны, — писала она. — Я так давно хотела признаться тебе». Она описала тайные планы императора. Неважно, что это была измена. Неважно, что она должна была выйти за сына императора в Перволетний день, или что ее отец был самым верным другом императора. Кестрел отринула тот факт, что она по рождению валорианка. Она писала то, что чувствовала. «Я люблю тебя. Мне тебя не хватает. Я готова на все ради тебя».

Но Арин так и не прочёл тех слов. Это сделал за него генерал. И её мир развалился на части.

* * *

Жила-была девушка, слишком самоуверенная. Не всякий назвал бы её красавицей, но согласился бы, что в ней была известная доля изящества, которая скорее устрашала, нежели очаровывала. Она была не из тех, так считал весь свет, кому бы вы хотели перейти дорогу. Она держала своё сердце в фарфоровой шкатулке, шептались люди, и они были правы.

Она не любила открывать ту шкатулку. Ей не нравился вид собственного сердца. Оно всегда выглядело одновременно меньше и больше, чем девушка ожидала. Оно билось на белом фарфоре. Мясистый красный комок.

Иногда, правда, она опускала руку на фарфоровую крышку и понимала, что пульс сердца был желанной музыкой.

Как-то ночью, кто-то другой услышал эту мелодию. Мальчик, голодный, он был далеко от дома. Он был, если уж вам так важно, вором. Он подкрался к стенам девичьего дворца. Он вцепился сильными пальцами в узкое окно. Он открыл его и пролез внутрь.

Пока девушка спала... да, мальчик увидел её в кровати и сразу же отвел взгляд... он украл шкатулку, не понимая, что в ней спрятано. Он только знал, что хотел эту шкатулку и точка. Его характер был полон желания, он всегда тосковал по чему-то, и его тоска, которую

он не понимал, причиняла такую боль, что ему не хотелось разбираться в том, чего он не понимал.

Всякий из светского общества, к которому принадлежала девушка, сказал бы, что кража шкатулки — плохая затея. Они видели, что случилось с её врагами. Так или иначе, она всегда воздавала по заслугам.

Но он бы не прислушался к их совету. Он забрал свой трофей и ушёл.

Это было почти сродни волшебству, её мастерство. Её отец (бог, шептались люди, но его дочь, любившая его, знала, что он смертен) очень хорошо обучил девушку. Когда порыв ветра, ворвавшийся в открытое окно, разбудил её, она услышала запах вора. Он оставил его на оконной створке, на прикроватном столике, даже на балдахине, немного отодвинутым в сторону.

Она погналась за ним.

Она увидела его путь на дворцовых стенах, по сломанным веточкам бурого плюща, которым он воспользовался вместо веревки, чтобы вскарабкаться вверх, а потом спуститься. В некоторых местах ветви плюща были толщиной с её запястье. Она видела, куда он перемещал свой вес, и где он чуть не упал. Она вышла на улицу и пошла по его следам в логово к вору.

Можно сказать, что вор знал в тот момент, когда она пересекла его порог, что он сжимал в кулаке. Можно сказать, что он должен был знать все задолго до этого. Сердце вздрогнуло в холодной белой шкатулке. Оно забилося. Ему пришло в голову, что фарфор — молочный и шелковый, прекрасный, до скрежета зубов — можно разбить. В конечном итоге он останется с кровавыми осколками. И всё же он ничего не сделал. Можно было только догадываться, что он чувствовал, когда увидел её в сломанном дверном проеме, ступившей на голый глиняный пол, освещающая комнату, словно ужасное пламя. Всё это можно было бы представить. Но история не об этом.

Девушка увидела вора.

Она увидела, каким он был маленьким.

Она увидела стальной цвет его глаз. Ресницы, покрытые сажей; чёрные брови, что были темнее его чёрных волос. Зловещий изгиб губ.

Теперь, будь девушка честна сама с собой, она бы призналась, что в тот же вечер, когда она легла в кровать, то проснулась от трёх продолжительных ударов сердца (она посчитала их, так громко они прозвучали в тихой комнате). Она увидела, как он сжимал в руках белую шкатулку. И вновь закрыла глаза. Сон, снова пленивший её, был сладок.

Но честность требует мужества. Когда она загнала вора в его логово, то обнаружила, что совсем не уверена в себе. Она была уверена только в одном. И это заставило её немного отступить. Она подняла подбородок.

Девичье сердце неровно билось, и они оба слышали это. И она сказала ему, что он может оставить себе то, что украл.

* * *

Кестрел проснулась. Оказывается, её сморил сон. Пол повозки заскрипел под её щекой. Она закрыла лицо руками. Девушка была рада, что её сон закончился именно так. Ей не хотелось видеть остальное: как отец узнал, что она отдала сердце скромному воришке, и как отец возжелал смерти дочери, и изгнал её.

* * *

Повозка остановилась. Дверь загрохотала. Кто-то вставил ключ в замок. Дверные петли

завизжали и внутрь потянулись руки. Двое охранников вытащили ее из повозки, их хватка была твердой и настороженной, словно они ждали, что пленница начнет сопротивляться.

У них были причины для беспокойства. Как-то раз Кестрел вырубил одного из мужчин, ударив его в висок наручниками на своих запястьях. Второй стражник поймал её прежде, чем она успела сбежать. В последний раз, когда они открыли дверь, Кестрел выплеснула им в лица содержимое отхожего ведра и выскочила на улицу. Она бросилась наутек, ослепшая от дневного света. Она была слаба. Больное колено подогнулось, и девушка рухнула в грязь. После этого случая стражники открывали дверь только для того, чтобы покормить её или дать воды.

Если они решили вытащить её из повозки, значит, они прибыли к месту назначения. На этот раз Кестрел не стала бороться. От сна её тело онемело. Ей нужно увидеть место, куда до конца жизни сослал её отец.

* * *

Трудовой лагерь был обнесен чёрным железным забором высотой в три человека. Позади двух блочных каменных зданий маячили мёртвые вулканы. Тундра простиралась на восток и на запад потрепанными коврами из желтого мха и красной травы. Здесь было холодно. Воздух разрежен. И все пропахло гнилью.

Далеко на севере сумерки окрасились зеленоватым оттенком. Через открытые узкие ворота тянулась очередь заключенных, возвращавшихся в трудовой лагерь. Все заключенные шли спиной к Кестрел, но в зеленоватом свете она мельком увидела одно женское лицо. Оно напугало девушку. Глаза женщины казались совершенно пустыми. Хотя Кестрел спокойно позволила стражам вести её, от вида тех остекленевших пустых глаз у неё едва не подогнулись колени. Руки стражей сжались сильнее.

— Не останавливайся, — велел мужчина, но глаза заключённой, глаза всех заключённых... напоминали гладкие блестящие зеркала... Да, Кестрел знала, куда её отправляют, и знала, что она тоже заключённая, но только сейчас она осознала, что её вот-вот превратят в такое же существо с пустым выражением лица.

— Не будь такой упрямой, — сказал стражник.

Она будто лишилась скелета. Всё её тело обмякло в их руках. Когда они наклонились, выругались и попытались привести упрямицу в вертикальное положение, Кестрел резко выпрямилась и ударила головой в лицо одного из мужчин, толкнув второго, чтобы он потерял равновесие.

Эта была её самая наименее успешная попытка побега. Глупо пытаться что-то предпринимать в лагере, наводнённом десятками валорианских надзирателей. Но даже несмотря на то, что ею занималась всего пара из них, она больше ничего другого не смогла придумать.

* * *

Никто не причинил ей вреда. Это было очень по-валориански. Кестрел находилась здесь, чтобы работать на благо империи. Покалеченные тела не очень хорошо справляются со своими обязанностями.

После того, как девушку силком затащили в застенки трудового лагеря, её провели через грязный двор прямо наверх к женщине, которая изумлённо, но, тем не менее, чуть ли не дружески оглядела Кестрел.

— Милая принцесска, — сказала она, — чего натворила, чтобы оказаться здесь?

Хотя сейчас волосы Кестрел были грязными и всклокоченными, в целом, они по-

прежнему были заплетены с тем же аристократическим изяществом, что и в тот день, когда её схватили. Она вспомнила о струящейся по коленям синеве платья, когда сидела за роялем прошлым вечером в императорском дворце... когда это было? Почти неделя, должно быть, прошла, подумала она. Сколько времени уткло с тех пор, как она написала то безрассудное, жалкое письмо? Неужели так мало? Как же она так низко и так быстро пала?

Кестрел снова погрузилась в ледяной колодец страха. Она тонула в нём. Она даже никак не отреагировала, когда женщина вынула из ножен свой кинжал.

— Стой смирно, — сказала женщина и несколькими быстрыми косыми росчерками лезвия разрежала юбку Кестрел между ног. Потом она отстегнула на своём поясе петлю, рядом с которой висела плётка, и сняла небольшой моток веревки. Разрезав её на несколько коротких отрезков, женщина обвязала ими ткань вокруг лодыжек Кестрел, формируя некое подобие брюк. — Мы же не можем позволить тебе то и дело спотыкаться в шахтах, не так ли?

Кестрел коснулась одного из узлов. Её дыхание выровнялось. Она почувствовала себя лучше.

— Проголодалась, принцесса?

— Да.

Кестрел жадно схватила то, что ей было предложено. Еда проваливалась в горло ещё до того, как она успевала осознать, что это было. Девушка жадно глотала воду.

— Полегче, — сказала женщина, — а то тебя стошнит.

Но Кестрел не слушала. Её браслеты звякнули, когда она наклонила флягу, чтобы осушить ту до последней капли.

— Мне кажется, тебе это больше не нужно. — Женщина сняла кандалы. Кестрел сразу же почувствовала, насколько рукам стало легко. Но на каждом обнаженном запястье осталась кайма от оков. Но тут руки показались ей необычайно легкими, словно вот-вот покинут её, они словно больше не принадлежали ей. Грязные, ногти обломаны, неприятная ссадина на двух костяшках. Неужели этими руками она когда-то играла на рояле?

Кожу покалывало, живот светло... наверное, это от того, что она ела и пила слишком быстро. Кестрел сунула руки крест-накрест подмышки и прижала их к себе.

— С тобой всё будет в порядке, — успокаивающе сказала женщина. — До меня дошли слухи, что ты вроде как смутьянка, но я уверена, что в ближайшее время ты утомонишься. Мы здесь ведем себя честно. Делай, что велят, и к тебе будут хорошо относиться.

— Почему... — Язык Кестрел будто разбух. — Почему вы называете меня принцессой? Вы знаете, кто я?

Женщина хмыкнула.

— Дитя, мне плевать на то, кто ты такая. Скоро и тебе станет плевать.

Брови Кестрел поползли вверх. У нее появилось странное и очень отчётливое ощущение, что по ее венам плывут маленькие жучки. Она взглянула на руки, ожидая увидеть бугорки под кожей. Девушка сглотнула. Ей больше не было страшно. Она была... а какой она была? Мысли путались в тумане, они напоминали фокус с цветными тряпками, связанными в длинную верёвку, которую иллюзионист вытащил изо рта...

— Что вы подмешали в еду, — с трудом проговорила она. — И в воду?

— То, что поможет.

— Вы одурманили меня. — Пульс Кестрел стучал так быстро, что она не различала биения своего сердца. Оно превратилось в одну сплошную вибрацию. Лагерный двор,

казалось, сжимался. Она перевела взгляд на женщину и постаралась сосредоточиться на чертах её лица — широкий рот, посеребренные косы, чуть раскосые глаза, две вертикальные морщинки меж бровей. Но улыбка женщины была расплывчатой, а следом и остальные черты её лица стали расплываться и терять чёткость. Они начали отдаляться друг от друга, пока Кестрел не убедила себя в том, что протяни она руку, и её пальцы пройдут сквозь женщину, улыбка которой стала еще шире.

— Вот, — сказала женщина, — так гораздо лучше.

* * *

Кестрел не знала, как она оказалась в темнице. Она была поглощена желанием двигаться. Но ещё до того, как девушка осознала это, она обнаружила, что мечется из угла в угол, смыкая и размыкая руки. Она не могла остановиться. Пульс стучал в висках: по нарастающей, все громче и выше.

* * *

Действие наркотика ослабло. Она была истощена и измотана. Кестрел вроде бы помнила, что провела на ногах несколько часов, но теперь, когда она осознала размер темницы (шкафы в императорском дворце и те были больше), это казалось невозможным. Но ноги ныли, и она увидела, насколько износилась тонкая подошва ее элегантных туфель.

Сердце словно налилось свинцом. Кестрел замерзла. Она села на грязный пол, подтянув колени к подбородку, и уставилась на всё многообразие плесени, покрывавшее каменные стены: целое войско крошечных зеленых звездочек. Девушка коснулась узлов на веревках, привязывающих подол разрезанного платья к её ногам. Этот жест заставил её немного прийти в себя.

Большинство попыток сбежать по дороге на север, в тундру, вероятно, было обречено на провал. И всё же Кестрел по-прежнему верила, что, возможно, первая попытка могла стать самой удачной. Возможно, она была такой же отчаянной, как остальные, но у неё все равно было больше шансов на успех. В первое утро в повозке стражники сделали остановку, чтобы напоить коней. И Кестрел услышала геранскую речь. Она шёпотом подозвала говорившего и вытолкнула через решётку окна мертвую маскировочную моль. Она всё ещё могла чувствовать моль между пальцами, пыльцу крыльшек. Часть её не хотела отдавать насекомое. Часть её думала, что если она оставит моль при себе, то это как-то отменит её ошибки. Она бы много чего сказала Арину, когда он стоял в музыкальной комнате. Это было лишь позавчера. А она сидела там за роялем, разглаживая руками синие юбки, и кормила его ложью.

Кестрел держала в руке белесую моль. А потом бросила ее в руку тому геранцу. «Передай это своему губернатору, — сказала она. — Скажи Арину, что я...»

Больше она ничего не смогла произнести. Стражники видели, как она потянулась к геранцу через решётку. Они позволили мужчине уйти, но лишь после того, как тщательно обыскали, чтобы убедиться, что Кестрел, а по сути так и было, ничего ему не дала. Может, моль упала на землю? Неужели насекомое так хорошо замаскировалось, что стражи просто не заметили его? Кестрел не смогла разглядеть этого через окно.

Но если геранец придет к Арину и расскажет ему, что случилось, поймет ли Арин, что она сделала и куда её сослали? Она перебирала кусочки истории в своем сознании. Моль: символ анонимного шпиона Арина. Тюремная повозка направлялась на север. Даже если геранец на дороге не знал, кем была Кестрел, он, тем не менее, мог бы описать её Арину, ведь так? По крайней мере, он мог сказать, что эту моль дала ему валорианка. Дальше бы

Арин выяснил всё сам. Он был проворный и хитрый.

И слепой.

Я пойду на все ради тебя, писала она в письме, которое нашел её отец. Но эти слова, несмотря на чувства, что она излила на лист бумаги, были ложью. Она отказала Арину. Она не была честной с ним, даже когда он молил об этом. Она притворилась пустышкой, будто была легкомысленна и жестока.

Он поверил. У Кестрел никак не укладывалось в голове, что он поверил. Порой она ненавидела его за это.

Она подавила робкую надежду, что Арин узнает о случившемся с ней, придет и спасет. Это был ужасный план. Это вовсе не походило на план. Ей придется придумать что-нибудь получше.

* * *

Вся еда была чем-то накачана. И вода тоже. В своё первое утро в трудовом лагере Кестрел ела с остальными заключенными во дворе. Они выглядели безвольными и не разговаривали, сколько бы Кестрел не предпринимала попыток их разговорить. Когда она покидала лагерь вместе с остальными, то почувствовала, что отравка добралась до сердца. У Кестрел забурлила кровь.

Они дошли до района шахт у подножия вулканов. Кестрел не могла вспомнить пройденный путь, который им пришлось проделать. Впрочем, ей было все равно. Это отдаленное осознание равнодушия принесло с собой нотку наслаждения.

Работа приносила облегчение. Ей очень хотелось двигаться, делать что-нибудь, куда-нибудь взбираться. Кто-то... стражник? — выдал ей две корзины. И она рьяно принялась наполнять их, вынимая из земли рассыпчатые желтые блоки серы. Она увидела туннели, которые уходили вглубь вулкана. Заключенные, направлявшиеся туда, несли с собой кирки. Кестрел поставили работать снаружи. Девушка осознала — и это осознание было подобно камню, внезапно выхваченному из наркотического потока сознания, — что, поскольку появилась она здесь совсем недавно, топор ей никто не доверит.

Все стражники носили закрепленные петлей кнуты у поясов, но Кестрел не видела, чтобы они ими пользовались. Стражники (явно не являющиеся цветом валорианской нации, раз были отправлены служить в самый худший закуток империи) лениво поглядывали на заключённых, которые без проблем подчинялись приказам. А стражники неспешно переговаривались между собой, то и дело жалуясь на запах.

В воздухе стоял очень сильный запах варёных яиц. Она обратила на него внимание, но ни он, ни запах пота, пятна от которого уже оставили характерные разводы на платье, ничуть её не беспокоили. Когда её сильно затрясло, она задумалась, от холода это или из-за наркотика? Кестрел загрузила обе корзины, прикрепленные к гибкой перекладине, и опустила на плечи. Было очень здорово почувствовать вес; было настолько здорово выкапывать, поднимать, нести и бросать, что хотелось повторять это снова и снова.

В какой-то момент она зашаталась под корзинами. Ей дали воды. И удивительная сила вернулась.

* * *

К сумеркам она вся вымоталась. Но вернулось хорошее настроение. Она отказалась от еды, которую принесла стража, когда заключенные заполонили двор, пройдя через железные чёрные ворота.

— Эта еда другая, — сказала вчерашняя седовласая женщина, которая, как поняла

Кестрел, была главной среди стражниц, охраняющих женщин-заключённых. — Вчера вечером я дала тебе попробовать, как хорошо заниматься делом, но сегодня на ночь ты получишь кое-что другое.

— Я не хочу.

— Принцесса, всем плевать на твои желания.

— Я могу работать и без этого.

— Нет, — сказала женщина ласково, — не можешь.

Кестрел отпрянула от длинного стола, уставленного мисками с супом.

— Ешь, или я волью его в тебя.

* * *

Стражница сказала правду. Пища содержала другой наркотик, с металлическим запахом, напоминающим серебро. Он оказывал затормаживающий эффект и от него потемнело в глазах, когда Кестрел привели обратно в камеру.

— Зачем империя заставляет принимать наркотики всех своих рабов? — пробормотала Кестрел, прежде чем заперли дверь

Женщина рассмеялась. Звук вышел приглушённым, словно она находилась под водой.

— Ты удивишься, если узнаешь, сколько всего есть на свете, где ум совсем ни к чему.

Кестрел чувствовала себя словно в тумане.

— Обожаю новеньких. У нас давно не было таких, как ты. Новенькие всегда такие занимательные, по крайней мере, какое-то время.

Кестрел показалось, что она услышала поворот ключа. Девушка провалилась в сон.

* * *

Она пыталась есть и пить настолько мало, насколько это было возможно. Кестрел помнила слова стражницы... но, по большей части, не вспоминала о них и избегала полных тарелок просто из осознания того, что накачанная наркотиком еда изменяла её, и девушке это не нравилось. Когда никто не видел, она опрокидывала миску своей баланды на грязный тюремный двор. Кестрел крошила хлеб, позволяя тому рассыпаться крошками по земле.

И все же она голодала. Её мучила жажда. Порой она не обращала внимания на навязчивое чувство беспокойства и просто набивала желудок едой.

* * *

«Я бы пошла на все ради тебя». Эти слова эхом звучали у неё в голове. Чаще всего она не могла точно сказать, кому она их говорила. Возможно, она сказала их своему отцу.

А потом ей внезапно сделалось плохо. Её захлестнули эмоции, в которых, будь голова чуть яснее, она опознала бы чувство стыда. Нет, она не говорила таких слов отцу. Она предала его. Или это он предал её?

Это сбивало с толку. Она была уверена только в чувстве предательства, густом и горячем, разлившимся у неё в груди.

У Кестрел случались мгновения ясности перед принятием утренних наркотиков или перед сумерками, до ночной дозы. В те мгновения она чувствовала запах серы и ощущала пыль на ресницах, видела жёлтое вещество под ногтями и пыльцу, покрывавшую кожу, очень похожую на ту, которой она посыпала те слова на бумаге. «Я пойду на всё ради тебя». Она точно знала, кому и зачем они были написаны. Она осознала, что обманывала саму себя, когда верила, что её слова не были правдивы, или что любые границы, установленные между ней и Арином, имели ценность, потому что в конце концов она оказалась здесь, а Арин был на свободе. Она сделала всё, что смогла. А он даже не подозревал об этом.

* * *

Стражи по-прежнему не доверяли Кестрел кирку. Она начала беспокоиться, что так никогда её и не получит. Небольшой топорик был настоящим оружием. С ним у неё появится возможность сбежать. В часы прояснения, в те дни, когда она очень мало ела и пила, Кестрел отчаянно желала заполучить один из них. Её нервы вопили о них. В то же самое время она боялась, что к тому моменту, когда стражник вручит ей инструмент и отправит в туннели, будет уже слишком поздно. Она станет похожа на прочих заключённых: безмолвная, с вытаращенными глазами, бездумная. Если Кестрел пошлют в подземные туннели, она не могла поручиться, что останется в своем уме.

* * *

Как-то раз Кестрел удалось избежать приема обычной дозы прежде, чем её заперли в камере. И она пожалела об этом. Ее трясло от голода и усталости, мучила бессонница. Она чувствовала грязный пол сквозь дыры в своей обуви. Воздух был холодный и влажный. Она скучала по бархатистой теплоте своей ночной дозы. Та всегда укутывала девушку, будто тёплым одеялом. Она лишала подвижности и усыпляла. Кестрел полюбила это состояние.

Кестрел знала, что стала забывать вещи и события. Это было ужасно тревожно, словно она спускалась по лестнице, держась за перила, и вдруг неожиданно перила исчезали, и в руках у неё не оставалось ничего, кроме воздуха. Что бы Кестрел ни делала, она не могла вспомнить имя своего коня, оставшегося в Геране. Она знала, что любила Иней, свою геранскую няню, и что Иней умерла, но Кестрел не могла вспомнить, как та умерла. Когда Кестрел попала в лагерь, у неё были мысли о поиске заключённых, которых она знала (опальных сенаторов, несправедливо осужденных за продажу чёрного пороха на востоке, сосланных сюда прошлой осенью), но обнаружила, что никого не узнала. Вот только девушка никак не могла понять, то ли это потому, что никого из здешних не знала, то ли просто забыла их лица.

Кестрел закашлялась. Кашель отдался громом в легких.

Той ночью Кестрел вместо Арина и отца решила вспомнить Верекса. Когда она впервые встретила принца, согласившись выйти за него замуж, то посчитала его слабым. Ничтожным, инфантильным. Как же она ошибалась.

Он не любил ее. Она не любила его. Но они заботились друг о друге, и Кестрел помнила, как он вложил ей в руки мягкого чёрного щенка. Никто и никогда не дарил ей подобных подарков. Он заставлял её смеяться. И это тоже было даром.

Верекс, скорее всего, сейчас на южных островах, притворяется, что находится с ней в романтическом путешествии.

«Может быть, ты думаешь, я не сумею заставить тебя исчезнуть, что двор будет задавать слишком много вопросов, — сказал император, когда капитан его гвардии схватил Кестрел и её тело охватил кислый запах ужаса. А отец наблюдал за всем этим из другой части комнаты. — Вот сказочка, которую я всем поведаю. Принц и его невеста настолько поглощены любовью друг к другу, что тайно поженились и ускользнули на южные острова».

Верекс будет повиноваться императору. Он знал, что бывает с теми, кто выступает против.

«А спустя какое-то время, — прошептал император, — месяц, может, два... мы получим известие, что ты заболела. Очень редкой хворью, которую даже мой лекарь не в силах одолеть. Так что для империи ты умрешь и будешь оплакана».

На лице отца Кестрел не дрогнул ни один мускул. Когда девушка вспомнила об этом,

что-то внутри нее сломалось.

Она выглянула через решётку своей темницы, но увидела лишь тёмный коридор. Как бы ей хотелось увидеть небо. Оно бы обняло её.

Будь она умной, то вышла бы за Верекса. Или вообще не вышла замуж, а вступила бы в армию, как отец всегда мечтал. Кестрел прислонилась затылком к каменной стене, покрытой плесенью. Её тело вздрогнуло. Она знала, что это не просто от холода или голода. У нее началась ломка. Она жаждала своего наркотика.

Но у неё не просто болели все конечности. Она страдала от горя. Это был ужас человека, у которого в руке была выигрышная комбинация, который поставил свою жизнь на кон игры, чтобы затем (сознательно?) проиграть.

* * *

Следующим вечером Кестрел ела и пила всё, что ей давали.

— Умница, — сказала седовласая стражница. — Не думай, будто я не знаю, что ты сделала. Я видела, как ты вылила свой суп и притворилась, будто пьешь из пиалы. Так, — женщина указала на пустую тарелку Кестрел, — лучше, не правда ли?

— Да, — ответила Кестел. Как же велик был соблазн поверить в это.

* * *

Она проснулась от слабого света зари, проникавшего через решётчатую дверь из коридора в камеру, и увидела нарисованную ею моль на грязном полу. Она тут же села.

Одна вертикальная линия, четыре крыла. Моль.

Она совершенно не помнила этого. Это было плохо. Даже хуже: возможно, в скором времени она может даже не понять, что такой рисунок означает. Она провела пальцем по моли. Должно быть, она нарисовала её прошлой ночью. Теперь её пальцы дрожали. Комочки грязи смещались под её касаниями.

Это я, напомнила она себе. Я — Моль.

Она предала свою страну, потому что считала, что это был правильный поступок. Но сделала бы она это, если бы не Арин?

Он ничего не знал. Он никогда об этом не просил. Кестрел сделала выбор. Нечестно было бы винить его.

Но ей хотелось.

* * *

Кестрел пришло на ум, что настроение ей больше не принадлежало.

Девушка задумалась, чувствовала бы она себя такой же опустошенной и одинокой, будь она под воздействием наркотика. Утром в шахтах, когда она была неутомимой великаншей, добытчиком блоков серы из земли, будучи под воздействием наркотиков, то забывала о своих чувствах. Ее совершенно не волновали собственные ощущения.

Но ночью перед сном, она знала, что её мрачные эмоции, от которых сжималось сердце, те, что съедали изнутри, были единственно правильными.

* * *

Но однажды что-то изменилось. Привычно туманный и холодный воздух, казалось, гудел напряжением.

Напряжение исходило от стражи. Кестрел слушала их, пока наполняла корзины.

Должен был кто-то приехать. Инспекция.

И без того быстро бьющееся сердце Кестрел, заколотилось ещё сильнее. Она поняла, что не потеряла надежду, что Арин получил её моль. Она не переставала верить, что он придет.

Надежда взорвалась в ней и побежала по венам, словно жидкий солнечный

свет.

* * *

Это был не он.

Если бы Кестрел была собой, то знала бы с того мгновения, как услышала о проверке, что это не мог быть Арин, явившийся под видом официального имперского представителя, чтобы проверить, как обстоят дела в трудовом лагере.

Что за дурацкая, жалкая мысль.

Арин точно был в Геране... темноволосый, сероглазый... и со шрамом, который сразу давал понять, кто он. Если бы даже он получил её послание, понял бы его и пришёл (она ненавидела себя за то, что вообще помышляла о таком неправдоподобном развитии событий), то вся валорианская стража немедленно арестовала бы его... или того хуже.

Инспекция оказалась просто инспекцией. Кестрел увидела вечером на тюремном дворе пожилого мужчину в мундире с перевязью сенатора на плече. Он беседовал с охранниками. Кестрел бродила среди заключённых, бесцельно толкущихся во дворе после рабочего дня. Утренний препарат всё ещё звенел у неё в жилах. Кестрел пыталась приблизиться к сенатору. Может, она смогла бы передать весточку отцу. Если он узнает, как она страдает, как она теряет себя, воспоминание за воспоминанием, то передумает. Тогда он вмешается.

Сенатор заметил Кестрел. Она стояла всего в нескольких футах от него.

— Стража, — выкрикнула женщина, которая разрезала подол Кестрел в первый день. — Контролируйте своих заключённых.

Женщина опустила тяжелую руку Кестрел на плечо. Вес её ладони держал крепко, непоколебимо.

— Пора ужинать, — сообщила стражница.

Кестрел подумала о наркотике в супе, и ей страстно захотелось его. Она позволила себя увести.

Ее отец прекрасно знал, что представляет собой исправительно-трудовой лагерь. Он же был генералом Траяном, самым высокопоставленным вассалом императора и его сына. Он знал о ресурсах страны и её слабостях — лагерь был мощным ресурсом. Здешняя сера шла на изготовление чёрного пороха.

Хотя, даже если он и не знал, как лагерь существовал, какое это имело значение? Он отдал её письмо императору. Она слышала, как спокойно билось его сердце, когда рыдала у него на груди. Оно работало как отлаженный часовой механизм.

* * *

Что-то ударило её. Кестрел открыла глаза, но не увидела ничего, кроме низкого чёрного потолка своей камеры.

Ещё один удар по ребрам, уже сильнее.

Палкой?

Кестрел выбралась из своего липкого сна, а затем медленно (каждое движение причиняло боль, она была мешком костей, ушибов и синих тряпок)

поднялась до сидячего положения.

— Хорошо, — раздался голос из коридора, в котором явно слышалось облегчение. — У нас мало времени.

Кестрел сдвинулась в сторону решётки. Факела в коридоре не было, но на таком далеком севере никогда не наступала полная темнота, даже в глухую ночь. Она смогла

рассмотреть сенатора, чья трость была просунута между прутьев решётки.

— Вас прислал мой отец. — Её затопила радость, мурашками побежав по коже. На глаза навернулись слёзы и ручейком устремились вниз по щекам.

Сенатор нервно улыбнулся.

— Нет, принц Верекс. — Он протянул ей что-то маленькое.

Кестрел продолжила плакать, но уже иначе.

— Тише. Я не могу вам помочь. Вы знаете, что со мной будет, если я вам помогу. — В его руке был ключ. Она взяла его. — Он от ворот.

— Выпустите меня, заберите с собой, пожалуйста.

— Не могу, — прошептал он очень взволнованно. — У меня нет ключа от вашей камеры. И вам придется выждать несколько дней после моего отъезда. Нельзя, чтобы ваш побег связали со мной. Вы меня поняли? Иначе вы меня уничтожите.

Кестрел кивнула. Она была согласна на все, лишь бы он не бросал её одну.

Но он уже отступил от камеры.

— Обещайте.

Она хотела прокричать ему, чтобы он остановился; она хотела просунуть руки сквозь решётку и вцепиться в него, заставить его остаться, чтобы он выпустил её сейчас же, немедленно. Но услышала, как произнесла:

— Обещаю. — А потом он ушёл.

Кестрел долго сидела, глядя на ключ в своей ладони. Она думала о Верексе. Её пальцы сомкнулись вокруг ключа. Она выкопала в грязи ямку и спрятала его туда.

Она свернулась калачиком, положив руки под щёку, положив голову прямо на спрятанный ключ. Девушка поджала колени как можно ближе и ощупала узлы на веревках, которыми было привязано её разрезанное платье к ногам. Разум Кестрел, пусть медленно, но все-таки начал работать. Она не спала. Она начала обдумывать план — настоящий план, на этот раз — и она представляла, будто часть её добралась до Верекса. Она обняла друга. Поблагодарила. Положила голову ему на плечо и глубоко вздохнула. Кестрел сказала ему, что теперь стала сильнее. Она сможет. Теперь она могла сделать это, потому что знала, что не забыта.

* * *

Сенатор уехал. Прошло несколько пустых, наполненных жаждой дней. Как-то раз стражница, приглядывавшая за женщинами-заключёнными поймала Кестрел за тем, как девушка пролила свою воду с наркотиком на грязный пол, но лишь одарила её взглядом, каким мать смотрит на дитя, которое плохо себя ведёт. Никто ничего ей не сказал.

Кестрел беспокоило, что она слабела всё больше. Она не знала, как ей выжить в тундре в таком состоянии. Но ей нужно было держать свой разум ясным. Девушке повезло, что пришло лето. Тундра была наполнена пресной водой. Она была полна жизни. Девушка могла бы опустошать птичьи гнезда. Питаться ягелем. Постараться не попадаться волкам. Она будет делать всё, что потребуется, лишь бы выбраться отсюда.

Её телу не нравилось отлучение от наркотиков. Её трясло. Хуже всего приходилось ночью — она ждала своей дозы. Утром было не так трудно притворяться, что ешь и пьешь все, что дают, но ночью ей действительно хотелось съесть всё это. Даже при мысли об этом у неё пересыхало в горле.

* * *

Ради сенатора она выждала обещанное время. И одной теплой ночью в своей камере

развязала и сняла веревки, обвязанные вокруг ног. Она неторопливо воссоздала самодельные штаны, перевязав их с другими узелками, которые стражница завязала ей в её первый день появления в лагере. Штаны получились более или менее такими же, как были.

Кестрел связала две веревки в крепчайший узел. В один из тех, что научил её отец. У неё получилась веревка длиной в четыре её руки: от кончиков пальцев до запястья. Веревка вышла что надо. Она свернула её и спрятала под платье.

Утро вечера мудренее.

* * *

Кестрел сделала свой ход после того, как заключённые вернулись из шахт.

В размытых зелёную сумерках Кестрел притворялась, что принимала пищу. В её сердце всё ещё остался след от утренних препаратов; это сбивало с толку. Но пульс был стабильным и сильным. Кестрел должна была бы нервничать, но она была спокойна. Она была уверена. У неё все получится. Она это знала.

Стражница с заплетёнными в косы серебристыми волосами повела Кестрел и остальных заключённых в их тюремный блок. Они свернули в коридор Кестрел. Девушка незаметно достала из платья свои связанные веревки. Она сжала их в кулак и опустила руку на бедро. Стражница запирала женщин в их клетушках одну за другой. Затем, повернувшись спиной, она встала перед темницей Кестрел и открыла её.

Кестрел подошла к ней ближе, крепко сжав веревку между руками. Веревка перелетела через голову женщины и сжалась на горле.

Женщина заметалась. Кестрел пришла на ум дикая мысль, что она поймала огромную рыбу. Она стянула верёвку ещё сильнее, не обращая внимания на крики. Даже после того, как жертва прижала её спиной к стене, она не отпустила. Она затягивала веревку всё сильнее и сильнее, пока женщина не обмякла и не упала.

Кестрел бросилась в камеру и лихорадочно откопала ключ от ворот. Когда она вернулась в коридор и увидела женщину на полу, ключ выпал из её руки. Она увидела других заключённых, стоявших там с пустыми лицами, но их тела покачивались, а пальцы дрожали. Они понимали достаточно, чтобы увидеть, что нынешний вечер отличался от других вечеров. Однако, похоже, ни одна из женщин не знала, что с этим делать.

— Пойдёмте со мной, — сказала Кестрел, при том, что это предложение было достаточно глупым, граничащим с самоубийством. Как она незаметно проведет их через ворота? Ей не спасти весь лагерь. И как они выживут в тундре? Их все равно переловят. Но... — Пойдемте со мной, — повторила она. Она двинулась назад по коридору, к выходу. Кестрел поманила их за собой. Они не шелохнулись. Когда девушка схватила одну из женщин за предплечье, та отдернула руку.

Наконец, Кестрел подняла упавший на землю ключ от двери камеры и сунула его в руку заключённой. Та так и не сжала пальцы. Ключ выпал.

Кестрел одновременно испытала разочарование, облегчение и стыд за своё малодушие. Она хотела извиниться. Но больше всего она хотела жить и знала (это знание было неожиданным и очень пронзительным), что если она останется здесь, то умрет.

Кестрел сжала в руке ключ от ворот.

— Я оставлю ворота открытыми, — пообещала она.

Никто не ответил.

Она повернулась и побежала.

* * *

Было недостаточно темно. Она прокляла зеленоватое небо. Кто-нибудь обязательно увидит её тень, стелющуюся вдоль наружной стены тюремного блока.

Но никто не увидел. Окна в бараках стражников горели ярко. Она услышала смех. Кестрел увидела всего одного стражника у ворот. Молодой человек лениво облокотился на решётку.

Притаившись в тени тюремных барачков, Кестрел сильно сжала ключ в ладони, неровные зубья врезались в кожу.

Стражник у ворот сдвинулся. Ей показалось, она увидела, как он закрыл глаза, вздохнул и устроился поудобней.

Ее рваные туфли бесшумно, но стремительно помчались по земле прямо к нему. Она замахнулась кулаком, сжимающим ключ, и ударила стража по голове.

* * *

Он лежал бесформенной грудой возле её ног, его висок кровоточил. Кестрел возилась с ключом, её дыхание было громким и прерывистым. Только когда она двинулась, чтобы вставить ключ в замок ворот, ей пришлось на ум, что, возможно, это не тот ключ, и что ее обманул Верекс или сенатор.

Ужас шипами пронзил её. Но ключ плавно вошёл и повернулся в замочной скважине, не издав ни звука, словно нож в масле.

Голова закружилась. Сердце воспарило в груди. Теперь она с облегчением могла вдохнуть полной грудью. Кестрел едва не рассмеялась.

Она толкнула ворота, и те распахнулись. Она выскочила в тундру, сначала ведя себя осторожно, а потом побежала быстро, как лань.

Она была свободна.

* * *

Её ноги вязли в слякоти. Земля была сырой, растительность короткой, а вокруг росли одни кустарники. Короткие. Нигде не скрыться. Она была вся как на ладони. Дыхание стало хриплым. Сердце то и дело замирало. Ноги горели и налились свинцом.

А потом она услышала топот копыт.

С её губ сорвался крик страха. Она слышала их у себя за спиной. Всадники рассыпались веером. Они мчались галопом. Шла настоящая охота.

Крик. Её увидели.

Маленький кролик, маленький лис.

Бежать.

Она летела. Кестрел по-настоящему не видела, куда неслась. И она не могла оглянуться. Удушье терзало ей горло. Она споткнулась и чуть не упала, заставив себя двигаться вперед. Девушка слышала, как кони остановились, а это могло означать только худшее — стражники, должно быть, уже спешили, они близко, а ей не хотелось этого знать. Не может все так быстро закончиться.

Но кто-то схватил её сзади и повалил на землю. Она закричала, вжатая лицом во влажную землю.

* * *

Её протащили обратно через тюремные ворота. Кестрел отказалась идти. Они потащили её по грязи, а потом просто понесли.

Как и в первый день в лагере, она была доставлена к женщине с серебристыми косами. На её шею красовалась тонкая фиолетовая полоска. Кестрел следовало убить её. Ей следовало

запереть всех женщин-заключённых в их камерах. Её побег был слишком быстро обнаружен. Ей не хватило форы. Еще одна ошибка.

— Помнишь, я сказала тебе, что если будешь себя хорошо вести, никто тебя не обидит, — сказала женщина, отцепляя хлыст от пояса.

— Нет. — Кестрел вся сжалась. — Пожалуйста. Я больше не буду.

— Знаю, что не будешь. — Женщина стряхнула хлыст и тот соскользнул с её бедра.

— В этом нет смысла. — Голос Кестрел прозвучал высоко и с надрывом. — Я не смогу работать.

— Поначалу. Но после, мне кажется, ты станешь работать еще усерднее.

— Нет. Пожалуйста. Зачем наказывать меня, если я потом все равно об этом не вспомню? Я не вспомню, я буду как остальные заключенные, я забуду наказание, я все забуду.

— Это ты запомнишь надолго.

Кестрел начала отчаянно извиваться, но руки уже обнажили ей спину, расстегнув платье. Ее развернули и прижали к воротам, привязали к решётке. По обнаженной коже шелестел ветер.

«Мне доводилось быть избитым, — вспомнились ей слова Арина. — Думаешь, я не смог бы вынести наказание за то, что был пойман?»

Кестрел вытянулась. Она была в ужасе.

— Принцесса, — раздался голос стражницы у нее за спиной.

Мышцы Кестрел натянулись. Плечи сгорбились. Она не могла дышать.

— Каждый новичок излучает небольшой свет, — сказала стражница. — Твой светит ярче прочих. Для всех будет лучше, если он затухнет.

Кестрел прижалась лбом к решётке. Она смотрела на тундру. Она снова дышала. Тяжело и учащенно.

Раздался резкий, свистящий звук, словно взлетела птица.

Хлыст опустился. Он врезался в неё. Что-то жидкое потекло по ребрам.

Кестрел не была смелой. Она сама в этом убедилась, когда хлыст опустился второй раз. Не было ничего, в чем бы она не созналась.

Раньше Кестрел дорожила воспоминанием о том, как Арин ей пел. Она боялась, что забудет об этом. Плавные низкие ноты. Прекрасные интервалы или то, как он выдержал длинную череду нот и как сильно ей нравился звук его дыхания, так же, как он уводил музыкальную фразу ввысь, пока она не заканчивалась там, где нужно.

Но после того, как стражники отвязали её от ворот, спина горела огнём, девушка не могла идти сама, а кости, казалось, превратились в желе, Кестрел посмотрела на стакан в руках женщины и приняла его. Она молила о питье.

Стакан был рядом с её губами. Она слышала серебристый аромат ночного наркотика. Мысль стать такой же, как остальные заключённые, уже не казалась ей такой плохой.

Потеря памяти будет благословением.

Да и что ей было помнить?

Тех, кого у нее, по сути, никогда и не было. Друзья мертвы или ушли. Отца, который её никогда не любил?

Стакан накрылся. Вода побежала по языку. Она была холодной и вкусной. Кестрел забыла боль, забыла, где находилась, забыла кто она, забыла всё, что она когда-либо боялась забыть.

Глава 3

Арин укрепил свой флот захваченными судами валорианцев.

К акведукам было отправлено несколько дакранских матросов, чтобы они обыскали их и нашли источник яда, поступающего в городской водопровод. Этим источником оказался большой чан, установленный в горном туннеле, который соединял путь прохождения воды с аркадами, спускавшимися по склону к последовательным ярусам арок. Чан был очень умно сконструирован: из него, благодаря встроенным весам и противовесам, в четко отмеренных дозах сочилась густая, бурая жидкость.

Когда Арин его увидел в одной из тех старых траншей, которыми пользовались десять лет назад геранские рабы, чтобы построить туннель, ему захотелось сбросить чан со скал и посмотреть, как тот разлетится на части, ударившись о землю. Но вместо этого, он помог аккуратно перенести его вниз и поставить на городском складе оружия, чтобы воспользоваться в случае осады.

Все в городе пили дождевую воду, собранную в бочках или привезённую из-за города. Всех немного мучила жажда. Это продолжалось до тех пор, пока Арин, подождавший несколько дней, чтобы акведуки очистились, не попробовал воду и не понял, что она не отличалась от той, что была раньше.

* * *

— Ты правда думаешь, что это сработает? — спросила Сарсин.

Сестра Арина, всё ещё бледная, лежала в постели его фамильного дома. Её движения были медленными, и большую часть дня она спала, но по истечении последних нескольких дней, глаза её заблестели ярче.

— Уже работает. — Арин описал различные части миниатюрной пушки, которую он спроектировал и создал в кузнице дакранского замка. — Вот что заставило восточную королеву согласиться объединиться с нами, — добавил он, испытывая при этом неловкость, что, возможно, это было неполным объяснением решения королевы. — Это оружие может дать нам преимущество в борьбе против империи, но нам нужно сделать больше. Сарсин, ты нужна мне. — Он убрал длинные волосы с её лба и заглянул в лицо, так напомилавшее ему отца, в честь которого она была названа... Имя было старомодным, тяжеловесным, и будучи девочкой, она его ненавидела. Он обхватил её лицо руками. — Я не смогу справиться в одиночку.

Она потянулась к нему и сжала его ладонь. Она больше не казалась такой слабой. Сарсин улыбнулась.

— Ты не один.

* * *

Спустя неделю после морского сражения, с востока пришло подкрепление, и Арин был очень рад появлению новых шлюпок, бросивших якорь в его гавани. Ведь уже очень скоро валорианцы нанесут ответный удар — возможно, как он подозревал, где-то вдоль западного побережья.

Одна из новоприбывших шлюпок вызвала настоящий переполох. С самого большого судна на лодку была опущена клетка, и вся эта конструкция медленно поплыла к пристани. По мере их приближения, Арин увидел, что дакранцы на веслах были очень серьезны и молчаливы, стараясь держаться как можно дальше от клетки. Однако одна фигура всё же склонилась к решётке, внутри которой металось животное. Арин сразу узнал молодого человека. Арин почувствовал прилив радости, он не ожидал, что приплывет Рошар.

Восточный принц поднял взгляд и увидел Арина, стоявшего на пирсе. Его лицо разрезала ухмылка. Раньше Арин считал, что у Рошара ярко выраженный череп; нос и уши у молодого человека были отрезаны. Но Рошар казался таким неистово живым. Его чёрные глаза, подведенные зеленью, сияли, а ровные зубы сверкали белизной, и, хотя Арин помнил о своем шоке, когда впервые увидел изувеченного Рошара, то воспоминание теперь казалось очень далеким.

Рошар же, не обращая внимания на испуганные крики матросов, запрыгнул на пирс. Лодка сильно качнулась на воде. Маленький тигр зарычал.

Арин, скрестив руки на груди, подошел к краю пирса.

— Надо полагать, ты привез тигра?

— Я морил его голодом всё путешествие сюда, специально для тебя, — сказал Рошар. — Не хочешь сходить к нему и обнять, а? Он проделал весь этот путь, чтобы увидеть тебя. По крайней мере, ты мог бы предложить ему своё запястье, чтобы он перекусил. Разве мы о многом просим? Или, может, поделишься частью руки? Может, пальцами? Арин, где твое гостеприимство?

Арин, смеясь, обнял друга.

* * *

Он поперхнулся, его лёгкие были полны дыма.

— Это отвратительно.

— Я же говорил, что тебе понравится. — Рошар прикусил мундштук своей трубки, раскуривая табак. Он взмахнул спичкой, затушив её. Несколько минут он молча курил. Вид у него был очень умиротворенный. Что безмолвие, что умиротворение, исходя из опыта Арина, не часто баловали принца своим присутствием. — Попробуй ещё раз, — сказал Рошар, — или я сочту тебя грубияном.

Арин, не обратив на его слова никакого внимания, пошёл открывать окно. Приятный теплый воздух заполнил кабинет отца.

— Арин, — капризно сказал Рошар, — закрой окно. Мне холодно. Почему в твоей стране так чертовски холодно?

— На дворе лето. — Первый день сезона, который валорианцы отмечают как Перволетний день, уже прошел.

Рошар пожал плечами.

— Я уже хочу вернуться домой.

— Что ты здесь делаешь?

— Признайся, ты скучал по мне.

Арин посмотрел на Рошара и мягко произнес:

— Скучал.

Принц прищурился, глядя на него сквозь клубы дыма.

— Ты выглядишь лучше.

Арин нахмурился, прислонившись к створке.

— А я и не знал, что выглядел плохо.

Рошар фыркнул.

— Как представитель королевской семьи Дакры, будучи благоразумным, воспитанным в высшей степени достойно, мне надлежит услышать и передать описание, каким бы оно ни было, того, как ты себя вел, когда незаконно ступил своей негодной ногой в мой город. — Рошар пристально посмотрел на него, затем его взгляд упал на меч, который Арин отстегнул

и повесил за ремешок на спинку стула, когда они вошли в кабинет. — А что случилось с твоим кинжалом?

— Потерялся. — Арин выбросил кинжал Кестрел в море.

Рошар поигрывал своей трубкой.

— Что касается моего появления здесь, королева подумала, что тебе мог бы пригодиться кто-нибудь, обладающий властью.

— Я и сам отлично справлялся.

— Я так и понял. Хаш под впечатлением. А ещё он тебя ненавидит. И ваша очаровательная маленькая борьба за власть сейчас спорна, поэтому я здесь, чтобы опередить вас обоих. Согласен?

— Конечно, — медленно проговорил Арин.

Рошар улыбнулся.

— Королева шлёт свой привет.

Арин в ответ промолчал.

— Надеюсь на что-то более дружелюбное? Что ж... ты же знаешь, что она из себя представляет, не так ли? — лукаво произнес Рошар.

Арин покраснел.

— Думаю, нам следует обсудить возможные сценарии нападений валорианцев.

— Скучно.

— У нас нет времени для...

— Ой, ой! Валорианцы прямо сейчас ломаются к нам в дверь. Нужно что-то делать!

— Можешь сейчас же отправляться домой.

Рошар поудобнее устроился на своем кресле.

— Кстати, говоря о валорианцах, до меня дошел слух, что леди Кестрел и принц Верекс тайно поженились. И идёт молва, что они были так поглощены страстной любовью друг к другу, что, к разочарованию сотни гостей, провели тайную церемонию сразу же после дня рождения невесты, в конце весны. Влюблённые просто не смогли больше ждать.

Арин сомневался, что слова «страстная любовь» имели хоть малейшее отношение к этому союзу.

— Она хочет империю. Она получает то, что хочет.

— Медовый месяц влюблённые проводят на южных островах.

Арин пожал плечами. На плечи давил груз. Рошар, похоже, ничего не заметил.

— Тебе и правда лучше, — сказал принц.

— Мы можем поговорить сейчас о войне?

— Что ты хочешь знать, юный геранец?

Арин развернул карту и расстелил её на отцовском столе. Они изучили западное побережье, утёсы и скалистые берега, чтобы понять, смогли бы валорианцы использовать их для внезапного нападения, а также пляж под названием Лерален, который вел к ровной местности южного Герана с поместьями.

Когда день пошел на убыль и веки Рошара отяжелели, Арин осознал, что под раздражающим весельем принца скрывалась подлинная усталость от путешествия. Арин сказал Рошару, что ему следует отдохнуть.

— Выбери себе апартаменты по нраву, — сказал Арин. — Но заклинаю: держи тигра в клетке.

— Арин еще котёнок, — возразил Рошар. Явно лишь, чтобы досадить Арину, принц

назвал тигра в его честь. — Он добродушный и вежливый, и очень симпатичный... в отличие от некоторых людей, которых я мог бы упомянуть.

* * *

— Ты ошибаешься, — сказал Рошар.

Они стояли, склонившись над картой в библиотеке. Арин упрямо прижимал пальцы к скалам вдоль западного побережья своей страны.

— Ошибаешься, — настаивал Рошар.

Арин покачал головой.

— Ты недооцениваешь генерала Валории.

— Он не поведёт солдат по отвесным скалам. В этом нет необходимости. Он может взять численностью. Он может пришвартовать свои корабли на том пляже и просто силой взять местных. Ему не нужно ухищрений.

Арин вспомнил Кестрел.

— А мне кажется, ему нравится проявлять остроумие. А ещё мне кажется, он способен сам себя перехитрить, и мы можем этим воспользоваться.

— Скалы чудовищно высоки.

— Его всадники на это способны. Если они взберутся на скалы и зайдут с юга, то, пока мы будем разбираться с валорианцами, которые высадились на пляже, они обойдут нас и разобьют, разделив своими флангами.

Рошар пренебрежительно хмыкнул.

— Неужели ты настолько горд, что не допускаешь мысли, будто кто-то может перехитрить тебя? — зло спросил Арин.

— А ты, похоже, готов поверить, что генерал — это некое всемогущее существо, способное на что угодно, только потому, что он вырезал всю твою семью?

Гнев Арина будто испарился. Повисла тягостная тишина.

Рошар протер глаза, размазывая зелень, которой те были подведены. Молодой человек вздохнул.

— Я не хотел...

— Арин. — Это была Сарсин. Она стояла в дверном проёме библиотеки.

— Не сейчас, — ответил он ей.

— Кое-кто хочет тебя видеть.

— Не сейчас.

— Он сказал — это важно.

— Что важно?

— Его послание.

— Какое?

— Он мне не сказал, хочет передать его лично.

— Я занят.

— Нет-нет, — сказал Рошар. — Сходи и поговори с ним. Мы всё равно уже закончили. Я уведомяю командиров батальона о своём плане сражения и...

— Постой. Сарсин, кто это?

— Геранский конюх. Он заботится о лошадях на перевале возле валорийской дороги, которая ведёт на север, в тундру.

— Его сообщение имеет какое-нибудь отношение к военной операции валорианцев?

— Я спросила его об этом, но он сказал нет.

— У него есть информация о генерале, его войсках или императоре?

— Нет, но...

Арин отвернулся.

— Тогда позже.

Она набрала в грудь воздух, словно собираясь начать спор, но потом, видимо, передумала.

— Я отведу его в твои старые покои. Ему пришлось проделать долгий путь, чтобы увидеться с тобой.

— Ну что ж, — сказал Рошар бодро, скатывая карту, над которой они с Арином только что спорили. — Значит, все улажено. Как, говоришь, называется пляж? Лерален? Мы отправляемся туда завтра с рассветом.

* * *

Арин не мог уснуть. Он распахнул окна. Из темноты летнего леса донёсся клич охотившейся совы.

Разумеется, безопаснее было бы отправить большую часть восточных войск на пляж Лерален и никого не посылать охранять скалы. Пляж был идеальным местом для высадки валорианской армии.

Пляж и его окрестности были относительно плоской и довольно открытой местностью — то есть он прекрасно подходил для вторжения. Дакранцы, не знавшие землю, которую защищали, не будут ждать никаких валорианцев на высоте, и это усложнит отпор захватчикам... чего бы и хотел Траян. Рошар, скорее всего, прав.

Возможно.

У Арина все равно не было никакой власти, чтобы отменить приказ. У него в строю мало людей, способных драться. У него не было войск, чтобы командовать ими. Ему повезло, что восточная королева согласилась помочь.

Да, повезло.

Однако душой королева не была. Должно быть, Хаш уже изложил ей своё возмущение поведением Арина, который проигнорировал его мнение по поводу ключевой битвы.

Арин был рад, что Рошар здесь, однако, было очевидно, что его прислали, чтобы поставить Арина на место.

Арин сжимал оконные створки в ладонях, положив лоб на запястье. Вокруг сгустилась ночь. Он не зажёт лампы. Арин задумался, могло ли быть так, что валорианцы тренировались мало спать по той причине, что он ощущал сейчас — будто и нет никакой разницы между ним и тьмой. Молодой человек слышал шелест деревьев. Он думал о высадке генерала на берег Герана. Мышцы на его руке затвердели. Он так и не смог заснуть. Арин смотрел на скалы. Мысленным взором они представляли перед ним розовыми, белыми и сверкающими.

Кестрел не смогла бы устоять перед скалами.

Если бы она собралась вторгаться в его страну, то ей бы наверняка приглянулся пляж Лерален, но и горы бы не оставили её равнодушной. Их изящество и коварство манили сами по себе. В итоге... даже если на скалы поднимутся лишь небольшие силы противника и зайдут с юга, чтобы встретиться с валорианцами, уже высадившимися на пляже, то оборона Герана легко будет уничтожена. Валорианцы возьмут сельские районы и проложат себе дорогу к городу, чьи бухты сейчас были слишком хорошо укреплены, чтобы взять его с моря.

Если бы Кестрел была генералом, что бы она сделала.

Если бы Арин был Кестрел, как бы он поступил.

Арин обнаружил, что его ладонь сжалась в кулак.

Он вспомнил золотую оливковую линию на лбу Кестрел, ознаменовавшую собой то, что эта женщина помолвлена, и насколько эта полоска была ему ненавистна. Одним вечером во дворце, Арин медленно оттеснил Кестрел к замерзшим окнам закрытой балконной двери. Он чувствовал её тонкое тело. Он поцеловал метку. Позже Арин всё ещё чувствовал косметическое масло на своих губах. Оно было горьким. Но он вновь коснулся его языком.

Арину пришлось очень постараться, чтобы его мысли обрели ясность. Всё, во что он верил! Он думал о той ночи, когда чары разрушились. Арин приплыл с востока. Он рискнул всем, чтобы прокрасться во дворец. Молодой человек вновь увидел её: испуг на её лице, холодное раздражение, то, как она потирала руки о юбки синего шелкового платья с рукавами, плотно прилегающими к запястьям. Та глубокая синева струилась вокруг девушки, когда она сидела за фортепиано и пыталась игнорировать его, наигрывая забавную короткую мелодию. А когда он отказался уйти, она превратилась в самую жестокость.

Было не совсем правдой сказать, что Арин ничего не чувствовал, когда думал о Кестрел. Он чувствовал стыд. Молодой человек содрогнулся при мысли о своих оставшихся без ответов вопросах. Неужели он спрашивал об этом богов?

Что ты сделала во имя этого договора?

Он принёс моей стране свободу. И спас мне жизнь. Что ты сделала, чтобы заставить императора подписать его?

Неужели ты... ты... выходишь замуж за принца из-за меня? Это... было какой-то частью сделки с императором?

Он все еще слышал её бьющие наотмашь ответы.

Он поблагодарил бога случая, что тот вовремя остановил его от вопроса — не она ли была Молью Тенсена. Ещё одна фантазия, которой он себя тешил в навязчивом стремлении превратить её в человека, каким он страстно хотел её видеть. И это, несмотря на верность Тенсена ему, его честность. Тенсен практически рассказал ему, кто был тем анонимным шпионом: Риша, восточная принцесса, заложница императорского двора.

Арин выпрямился. У него заныли плечи. Он слишком долго простоял в одном положении. Арин присел на широкий подоконник, прислонившись спиной к раме. Он находился как бы снаружи и как бы внутри. И ему нравилось ощущать равновесие этого состояния. Это проясняло мысли.

Всё, что случилось между ним и Кестрел, ровным счетом ничего не значило. Он думал, что знает, как устроен её разум. Арин принял её слабость за хитрый ход. Он видел, насколько она была дочерью своего отца.

Арин задумался, сколько людей ему понадобится для того, чтобы справиться с Всадниками Валории, которые придут с западных скал.

Он также гадал, а не перемудрил ли. Может, он ввязывался в свою самую большую авантюру.

Пропела первая утренняя птица.

Геранская богиня игр когда-то была смертной. Арин знал эту притчу. Она проложила себе дорогу к бессмертию, а затем посеяла разудалый хаос. Боги этому не обрадовались. Они начали терять свои ценности: пара перчаток, которые позволяли владельцу касаться цветов и звуков, кольцо, которое содержало целый мир внутри себя, любимый кот бога ночи. Когда она выиграла солнце, у всех закончилось терпение. На борьбу с ней был отправлен бог

войны. Но между богами всегда всё непросто, и в историях о богах войны и игр было много... в общем, они содержали определенные чувственные повороты и неожиданности, которые Арину, будучи ребёнком, не позволялось слушать.

Арин закрыл окно. Он взял принадлежавший отцу меч, выкованный из закаленной стали. Почти десять лет после вторжения это красивое оружие висело на стене в этом доме, словно труп на всеобщем обозрении. Он приятно холодил руку, и на мгновение Арин почувствовал, будто сжимает не эфес, а руку своего отца. А потом иллюзия исчезла.

Он прошагал (быстро, потому что почти занимался рассвет) на свою конюшню. Оседлал Джавелина; когда-то конь принадлежал Кестрел, а теперь ему. Сильный, умный и быстрый зверь.

Арин выехал в серое утро. Он думал, что командующему любой армии лучше молиться двум богам: войны и игр. Никакого сражения не выиграть без хорошей азартной игры.

Когда земля неслась под копытами Джавелина, Арин мимолетно вспомнил о посланнике, который пришёл к нему.

Позже, решил он, и пришпорил животное.

Глава 4

Арин осторожно полз на животе, скользил по стелющейся траве. Ветер звенел в ушах. Грязь залепляла глаза, он смаргивал её слезами и полз к краю утеса. Арин слышал, как крошится почва под его весом. Видел, как она слетает вниз со скалы.

Пульс Арина неистово стучал. Он представил, как выступ скалы обваливается. Его падение будет быстрым.

Быстро, как он уже проделал несколько раз за сегодняшний день, Арин впился локтями в землю и поднялся достаточно высоко, чтобы выглянуть за край утёса. Море простиралось головокругительно далеко внизу. Оно пенилось у скал.

Не было никаких кораблей.

Валорианцы не взбирались по скалам.

Ничего.

Арин отполз от края, перекатившись на спину, взглянул на бледное небо, а потом и на ждущих его геранцев.

Их взгляды пересеклись. Он покачал головой.

* * *

Арин въехал в Итрею, местность, которую он помог освободить во время Первозимнего восстания. Здешний народ находился слишком далеко от города и гор, чтобы полагаться на акведуки для воды; они пользовались колодцами, поэтому никто не заболел. Может быть, они не были рождены бойцами, но Арин будет иметь дело с тем, что есть. Он проехал по деревне и попросил о помощи. Около двадцати мужчин и женщин последовали за ним в горы.

Голые скалы.

Безмолвные.

Арин снова посмотрел на пустые воды и представил, что Рошар, должно быть, подумал, когда увидел Арина в утреннем свете и отправился на пляж без него.

Арин задумался, а что если его неповиновение — а может, Рошар усмотрит в этом трусость? — будет стоить ему союза, который он с таким трудом выковал в кузнице.

* * *

Но на второй день Арин их увидел.

Поначалу, он не поверил, что это происходит наяву. Он не видел никаких вновь приплывших кораблей — должно быть, они бросили якорь где-то вне поля зрения, за южным краем скал, основание которых омывала вода. Прежде Арин не замечал маленькую гряду у подножия скал. Он понял что это (поначалу ему показалось, что это тёмные скалы в море), когда сумел разглядеть чёрные фигурки на фоне ярко-белых скал.

Арин вновь посмотрел через подзорную трубу. Солнце омывало ему плечи. Он чувствовал, что вспотел. Его желудок, прижатый к траве, сжался в тугой узел.

Валорианские Всадники взбирались на скалы парами. Один держал верёвку внизу. Другой, обвязанный верёвкой, поднимался вверх, впиваясь в породу крюками и странными приспособлениями. Взбирающиеся цепляли веревку за опору, каждая из которых очень напоминала стремя, так, что веревка проходила свободно. Затем взбирающиеся вскарабкивались на утёс, а те, что стояли внизу, травили верёвку, ослабляя её.

Их было немного, всего несколько сотен, по мнению Арина.

Он наблюдал, как взбирающиеся дотягивались до концов веревок. Они использовали свои приспособления для прикрепления к каменной стене. Затем они закрепляли верёвку, а потом, дергая её, давали понять, что их партнёрам внизу можно тоже подниматься тем же путем. Когда они добивались до крюка, процесс повторялся, и они снова начинали взбираться вверх, насколько хватало веревки.

На мгновение Арин позволил себе представить, что они, должно быть, чувствовали. Ветер ревет. Их кожа обветрена, губы потрескались. Пальцы дрожали над камнем, когда они искали опору. Облегчение, если опора оказывалась хорошей. Страх, если руки соскальзывали по гладкой как стекло породе. Их ноги теряли опору. Они висели, руки пылали от боли. Но верёвки удерживали, пока ноги не находили крепёж в скале или выемку. Руки кровоточили, во ртах пересохло, но они продолжали взбираться вверх.

Арин отполз от края. Он перестал думать о том, что чувствовали валорианцы. Они пришли украсть его страну и убить его народ. Ему не нужен совет бога о том, как быть дальше.

У него была небольшая группа вооруженных геранцев, согласившихся помочь, которая рассредоточилась за ближайшими низкорослыми, пригибаемыми ветром к земле, кустами.

Арин подождал, пока на выступе появится и взберется первая пара мужчин. Они водрузили себя на твердь, а затем начали тянуть вверх веревки, по которым еще поднимались их партнеры.

Как только Всадники взобрались наверх и руки у них оказались заняты, геранцы вышли из-за кустов.

Арин был первым, кто обрушился на них, чтобы показать остальным, что нужно делать.

Всадник развернулся, его карие глаза были широко распахнуты. Он всё ещё стоял на земле. Меч Арина рассек длинную, смотанную верёвку в руках валорианца. Верёвка полетела вниз. До Арина донесся крик.

Арин срубил зацеп Всадника и приставил кончик меча к горлу вспотевшего мужчины.

— Лезвие или скалы? — спросил Арин валорианца. Слова прозвучали бездушно, исчерканные сыростью ветра.

Глаза валорианца красноречиво пошарили вокруг.

Спустя один громкий удар сердца, Арин понял, что Всадник был слишком напуган, чтобы ответить. Арин сделал выбор за него и взмахнул мечом.

* * *

— Я с тобой не разговариваю, — сообщил Рошар, когда распахнул отворот палатки и встретился лицом к лицу с Арином. Молодой человек всё равно протиснулся внутрь.

— Ты мне тут закапаешь кровью весь пол, — сказал принц. — Это пятно невозможно будет отмыть.

Арин опустил взгляд. «Полом» в палатке служил песок. Из бока Арина сочилась кровь, каплями размером с монету падая в песок и меняя его оттенок на более тёмный. Валорианский кинжал нашел слабое место в закаленных кожаных доспехах Арина, там, где они застегивались пряжками, и вошел прямо меж рёбер. Это случилось на пляже, после того, как Арин разобрался с Всадниками и поскакал навстречу восточной армии.

— Полагаю, ты остался на задворках, — сказал Рошар, — вдали от веселья. Вот, что получаешь за опоздание. — Рошар стянул с себя пропитанную потом тунику. — Фу. Я воняю.

— Рошар...

— Может, ты замолкнешь наконец? Я же сказал, что не разговариваю с тобой. Ты просто не способен поступать по-людски, да?

— Но генерал...

— Да, отступил. Да, без своих драгоценных Всадников. Я слышал о твоих подвигах. Вышвырнул их с утёса, да? Очень спортивно. Но ты опоздал на мою битву, когда был мне так нужен, и я говорил тебе, чья это земля, за которую я продолжаю биться?

— Я знаю. Прости.

Принц фыркнул.

Арин, не зная что сказать, возился с пряжками на своей броне. Рана вдоль рёбер сильно жалила.

— Как погляжу, никто не помог тебе вылезти из доспехов. Бедняжка. Посмотри на меня, — Рошар жестами показал на себя, одетого только в тунику и штаны, руки голые и мускулистые, измазанные чужой кровью, — я избавился от доспехов, как только валорианцы отчалили от пляжа, потому что я принц и я велел помочь мне их снять, и меня слушаются.

— Так вот, значит, чего ты хочешь от меня? — произнес Арин.

Рошар опустил руки.

— Ты правда хочешь, чтобы я исполнял всё, что ты велишь?

Ответа не последовало.

— И не важно, что я был прав насчет скал?

Рошар поморщился.

— Честно говоря, это только усугубило ситуацию.

— Я не собираюсь подчиняться тебе. Ты мой друг, а не хозяин.

Рошар отвел взгляд, его изуродованный нос портил профиль. Он изучал пустую стену брезентовой палатки, которая светилась на солнце. Рошар вздохнул, дернув тем, что осталось от уха. Затем он повернулся и открыто посмотрел Арина в лицо. Его рот сжался в тонкую усталую линию.

— Давай сюда, — он дернул броню Арина и начал её расстёгивать. — Остановим кровотечение. О, ты только посмотри на себя. Арин, тут же живого места нет.

* * *

— Ты мне всё равно не понадобился, — сказал ему Рошар, когда они возвращались верхом обратно в город, оставив на пляже для надежности несколько батальонов. — Я был

хорош в сражении. Всё оттого, что я неотразим. Как один из ваших богов. Стоит только людям меня увидеть, как разум их меркнет. И я просто провожу по ним мечом.

Арин цокнул Джавелину, чтобы тот обогнал лошадь Рошара.

Рошар его нагнал. Как и большинство восточных людей, он ездил верхом без поводий, направляя коня лишь коленями, пятками, да перенося свой вес. Это позволяло ему свободно и размашисто жестикулировать, разговаривая.

— Ты меня слушаешь? — Он наклонился, чтобы толкнуть Арина в плечо. — Я не уверен, что ты до конца понимаешь ценность присутствия бога среди твоего народа.

— Может, мне помолиться, чтобы ты исчез?

Рошар ухмыльнулся.

— Мы взяли в плен несколько валорианцев.

— Зачем?

— Ради информации, разумеется. Новости из Валории в последнее время в дефиците. Наши шпионы молчат. А твои?

Арин ничего не слышал ни от Тенсена, ни от Моли. Он покачал головой.

— Что ж, — Рошар потер ладони. — Посмотрим, что выявят наши небольшие допросы. Уверен, заключенные будут рады поболтать.

Арин бросил на него косой взгляд.

— Арин, ты меня обижаешь. Уверяю тебя, у меня и в мыслях не было кого-то пытаться. Люди обожают со мной разговаривать. Обещаю, я буду задавать вопросы весьма и весьма доброжелательно.

* * *

Арин, лежа в ванне, задержал под водой дыхание, пока в легких не появилась боль, после чего вынырнул. Его ванная комната наполнилась эхом расплескавшейся воды. Грязная пена окружила колени. Арин прикоснулся к боку и пальцы окрасились розовым цветом. Порез вдоль рёбер опять начал кровоточить. Длина раны не стоила того, чтобы её зашивали.

Он задумался, а сколько шрамов у генерала. Легкие Арина горели, потому как он всё ещё задерживал дыхание и даже не понял этого сразу, и эта боль заставила его почувствовать такую бездонную ненависть и осознать то, что никаких шрамов не будет достаточно, чтобы принести боль генералу и чтобы Арину стало легче на душе.

Генерал с дочерью не похожи друг на друга. Арин вспомнил, как он ненавидел это в первые месяцы своего рабства у Кестрел. Он хотел увидеть черты того человека в ней, и его бесило, что ничего не получалось. Было что-то похожее в глазах... её глаза тоже были карими, но светлее. Хотя Арин даже не был уверен, что может назвать их карими. Медовый — это не карий. И форма отличалась. Уголки её глаз были слегка приподняты. Арин помнил, как он сравнивал их, и как ему хотелось увидеть в ней нечто, что он мог бы ненавидеть, предаваясь отвращению к себе, что так много уделял этому внимания. А затем он с удивлением обнаружил, насколько отец и дочь разные. А потом пришла другая эмоция, одновременно нежная и сильная...

Арин вылез из ванны. Он оделся и вышел из своих апартаментов.

* * *

Сарсин перехватила его на лестнице, которая вела вниз из западного крыла. Он улыбнулся.

— Ты выглядишь лучше.

Сестра скрестила руки на груди.

— Прошла неделя.

Он наморщил лоб.

— Неделя после чего?

— После появления здесь посланника.

— О. Я забыл.

— Ты был занят. — В тоне её голоса притаилась опасность.

— Я немедленно поговорю с ним.

— Ты был занят, — повторила она, — сбрасыванием людей со скал.

— Это преувеличение.

— Так это неправда?

— Чего ты хочешь от меня, Сарсин?

— Ты обвинял Кестрел в том, что она изменилась, но и ты уже не тот, что прежде.

Голос Арина прозвучал твердо.

— Это не одно и то же.

— Разве?

Арин повернулся к ней спиной. Он бежал вниз по лестнице, быстро и уверенно чеканя ступени подошвами сапог.

* * *

— Я пытался добраться сюда, как можно скорее, — сказал посланник.

Это был невысокий мужчина с узловатыми суставами на руках и ногах. С причудливо коротким носом. Под глазами у него залегли мешки, а отливавшие зеленью белки напомнили Арину о Тенсене.

Они сидели в приёмной, некогда бывшей детской комнатой Арина. Ему не нравилось находиться здесь. Он оглядел свои детские инструменты, все еще висевшие на стене. Он вспомнил, как Кестрел касалась их, как её пальцы цепляли струны. Как он тогда заметил родинку на ее правой руке, между указательным и большим пальцами, похожую на маленькую черную звезду.

Арину следовало бы убрать все эти инструменты. Нужно было давно избавиться от них.

— Это случилось где-то с месяц назад.

Арин превратился весь во внимание.

— Кое-кто отдал мне кое-что. — Мужчина сцепил руки. — Она сказала, чтобы я передал это вам, но у меня этого больше нет.

— Что это было?

— Маскировочная моль.

— Что? — голос Арина сорвался.

— Одна из тех валорианских молей. Которые меняют цвет. Мне её дала одна заключенная.

Сердце Арина забилось чаще.

— Кто тебе её дал?

— Геранка.

— Это невозможно.

Тенсен сказал Арину, что Молью, его ценным шпионом в столице, была Риша. И Ришу просто невозможно было перепутать с геранкой. Как у всех восточных людей, у неё была тёмная кожа — гораздо темнее, нежели даже кожа Арина, которая загорела из-за

многолетнего пребывания под солнцем.

— Я знаю, что я видел, — сказал посланник.

— Расскажи мне всё в мельчайших подробностях.

— Я ухаживаю за лошадьми, которые идут по дороге, ведущей к северу от валорианской столицы. Там сделала остановку тюремная повозка. Они иногда там проходят. Я поил лошадей, пока стража отдыхала. Меня окликнула женщина. Она протянула руку через решетку и попросила меня передать моль, но страж это заметил. Вот почему у меня нет её при себе. Её раздавили. Стража со мной не церемонилась. Да и с ней.

— Что произошло?

— Не знаю. Я не рассмотрел. Они все равно уехали.

— И это всё?

Мужчина замялся, смутившись из-за тона Арина.

— Мне не следовало приходиться?

— Нет, да. — Арин ненадолго зажмурился. Его пульс был слишком быстр. — Ты правильно поступил, что пришёл.

— Простите, я потерял моль.

— Не переживай об этом. Только скажи... она говорила с тобой на геранском?

— Да.

— Уверен?

Посланник странно на него посмотрел.

— Я в состоянии узнать родной язык. Это был её родной язык, как для вас и меня.

«Я не говорю на геранском», — вспомнил он признание Риши. Она также никогда не упоминала, что была шпионкой. Арин решил это сам, со слов Тенсена.

— Ты сказал, что не смог рассмотреть, но что именно?

— Я не мог заглянуть в повозку. Стены были сплошными, без прорех, да и дверь тоже. Я видел её только в окно.

— Опиши ее.

— Не могу.

Арин очень старался говорить ровно.

— Что ты подразумеваешь под «я не могу»? Ты видел её. Это твои слова.

— Да, но... — мужчина, определенно, тоже был расстроен, — я видел только её руку.

— Какого цвета была кожа? Как моя? Твоя?

— Более или менее. Хотя, наверное, менее. Бледная. Такого цвета, как у домашних слуг. Не дакранка.

— Наверняка, ты можешь сообщить что-то ещё. — Арин чувствовал, что ему всё труднее усидеть на месте. — Что случилось с заключенной?

Мужчина потер обветренную шею, избегая взгляда Арина.

— Страж меня ударил. В голове звенело. Я не слышал, чем они занимались внутри повозки. Не знаю, что они сказали. Но она ужасно кричала.

— А потом?

— Повозка поехала на север, прямоком в тундру.

* * *

Рошар угрожающе произнес:

— Ты полагал, что моя младшая сестра шпионила для Герана, и не посчитал нужным упомянуть об этой мелочи?

— Я говорю тебе об этом теперь.

— Арин, порой, ты мне по-настоящему очень не симпатичен.

— Это был не мой секрет. Тенсен сказал, что по условиям договоренности, личность шпиона должна оставаться в тайне. Я надавил на него, и он назвал имя. Я восхищался ею. Все в этом городе были бы мертвы, если бы она не сообщила Тенсену про яд в акведуках. И если она хотела анонимности, то я должен был уважать её решение.

— То есть ты говоришь, что ты из уважения спасал свою шкуру. Может быть, мы с королевой повели бы себя несколько иначе, если бы знали, что ты используешь нашу сестру для добычи информации, ради которой она могла погибнуть.

— Это была не твоя сестра.

— Не в этом суть!

— Понимаю, но как бы ты поступил на моем месте?

Рошар угрюмо уставился на камин библиотеки. В нём уже не один месяц не разводился огонь, но запах гари всё равно висел в воздухе. Принц играл с кольцом на пальце — толстой полоской, выглядевшей так, словно её отлили из тусклого чёрного камня. Обычно восточные люди не носили колец, они предпочитали, чтобы их руки не утяжеляли украшения. Арин знал, что у этого кольца имелось особое предназначение: в нём содержалась жидкость, вызывающая онемение. Он никогда не спрашивал об этом, но подозревал, что она может и убить. Рошар покрутил кольцо.

— Арин, — тихо произнес он, — а ты умеешь добиваться своего.

— Я знаю, прости, — повторил Арин.

— Итак, значит, твоя Моль — не моя сестра.

— Да.

— Она геранка.

— Да.

— Мёртвая геранка.

Арин покачал головой.

— Её сослали в трудовой лагерь в тундре.

— Это равносильно смерти, — заметил Рошар.

— Это трудовой лагерь. Нельзя заставить трудиться мёртвое тело. Прошёл всего месяц. Она может быть ещё жива.

Взгляд Рошара метнулся к Арину.

— Нет, о нет. Даже не думай о том, о чем, я думаю, ты думаешь.

— Я мог бы возглавить небольшой отряд на север...

— Остановись немедленно.

— Она может обладать ценной информацией.

— Оно того не стоит.

— Она не заслуживает подобной участи.

— Она знала, во что ввязывалась. Все наши шпионы осознают риск. — Чуть ласковее Рошар добавил: — Невозможно спасти всех.

Арин медленно выдохнул. Он прижал ладони к глазам. Руки у него были холодными. Руки Кестрел всегда сначала холодны, когда к ним прикасаешься. Ему нравилось чувствовать, как они медленно согревались...

Арин одёрнул себя. Он с подозрением относился к работе своего разума, когда тот без причины то и дело возвращался к Кестрел, но его мысли не единожды возвращались к ней и

работному дому, словно он был ловчей птичкой, а она наматывающейся блесной.

— Я не стану тебе говорить, что делать, — сказал Рошар. — С нас этого довольно. Я только спрошу тебя — тебя, я признаю это, поцелованного богом одарённого тактика, — неужели ты считаешь себя достаточно умным, чтобы отправить солдат на север, подальше от войны, развернувшейся здесь, чтобы попытаться спасти женщину из тюрьмы, когда ты даже не знаешь, сколько жизней это будет тебе стоить, и кого именно ты ищешь. Ну, Арин? Ты настолько умен?

— Нет.

— Но ты все равно сделаешь по-своему?

— Нет, — нехотя ответил Арин. — Я ничего не буду делать. — И он действительно так думал.

Глава 5

Руки Арина дёргались поверх подушки. В ногах запуталась простыня.

Он открыл глаза. В окне висела большая и жёлтая луна. Арин задумался, интересно, а какой луна будет, если посмотреть на нее из верхней точки сада, и он неожиданно оказался в саду — одновременно в обеих частях сада, несмотря на то, что его восточная и западная части были разделены запертой дверью. Босыми ногами идя по гладким камням, Арин находился где-то между сном и явью. А потом он перестал это осознавать и полностью погрузился в сон, не понимая, кто он и что.

По другую сторону стены сада Арин слышал чьи-то шаги. Но он стоял на обеих сторонах: и в том, и другом саду — в своем саду и саду Кестрел. Он был один. Стоял неподвижно. Эти шаги принадлежали не ему.

И вновь он слышал шуршание гравия. Но никого не увидел.

Ночное небо развернулось. Кто-то словно отстриг опутывающие его нити. Оно опустилось на Арина лоскутами шелка. Синий цвет застелил ему глаза, заполонил рот. Грудная клетка молодого человека расширилась в попытках глотнуть воздуха. Арин тонул. Он пытался пить ткань. Он жадно глотал её, даже несмотря на то, что легкие сжались.

* * *

Он в испуге проснулся. Простыни были влажными, дыхание прерывистым.

Сон стал ещё страшнее. Арин видел только синий шелк. Перед глазами, ощущал его во рту.

Он резко сел. Его кровать купалась в лунном свете.

Разум Арина трепетал от воспоминания, когда он в последний раз видел Кестрел. Как разлилось её синее платье по скамейке для фортепиано.

Он заставил себя вновь лечь спать.

Утром он смутно осознал, что ему приснился кошмар. Арин нахмурился — а правильно ли называть кошмаром то, что ему приснилось. Он попытался вспомнить сон. Но в памяти всплывали лишь какие-то фрагменты: ощущение того, что он тонет, и его желание утонуть. А ещё было что-то синее.

И тут он вспомнил достаточно для того, чтобы пожелать забыть. Он отделил сон от сознания. И как это бывает с хрупкими мыслями, нити паутины рассыпались. Они превратились в ничто... или почти в ничто. Они стали чувствами, которые он больше не мог объяснить, подобно воде из водоема, которую он зачерпывал ртом. Больше не осталось

какого-то неясного ощущения, мысли или воспоминания — только неявная обеспокоенность.

* * *

Он пришёл в покои Сарсин позавтракать. Комната была очень девичьей, оформлена так же, как и зашторенная и запертая на замок комната сестры Арина.

Сарсин опустила чашку на блюдце.

— Что случилось?

— Ничего. — Он бы заставил себя заговорить, но не знал, что сказать и, в общем-то, на самом деле не хотел что-либо говорить.

— У тебя мешки под глазами. Бог сна тебя не жалует.

Арин пожал плечами. Он очистил летний фрукт перочинным ножом, который так и мелькал в его руке. Фиолетовая мякоть фрукта помялась и начала капать. Плод источал неявный сладковатый аромат. Очень знакомый. Души. На коже, у основания её шеи.

Арин бросил фрукт обратно в тарелку. Аппетит совершенно пропал.

Сарсин забрала плод и съела его, а потом слизнула сок с большого пальца.

— Разве ты не рад, что некоторые из нас чувствуют себя достаточно хорошо, чтобы насладиться урожаем фруктов?

Он сосредоточился на словах сестры.

— Да, но...

— Но этого недостаточно, чтобы воевать.

— Я не хочу, чтобы ты воевала.

— И я, в общем, тоже не хочу. — Она отпила свой чай.

— Не хочешь возглавить один проект?

Она приподняла чёрные брови.

Арин вытащил сложенные страницы из внутреннего кармана своей легкой куртки. В них детально описывалось, как он создал миниатюрную пушку: процесс изготовления формы для ствола и ядра, все размеры, способ подгонки ствола в кожаное ложе.

Сарсин внимательно проглядела листки.

— Сколько ты хочешь?

— Сколько ты в состоянии изготовить.

Он умолк. Сарсин его не торопила. Арин съел немного хлеба, а потом будто бы спохватился, уставившись на кольцо Тенсена у себя на мизинце. Почему его куратор шпионов солгал?

Тенсен обещал Моли анонимность. Это было предельно четко обозначено с самого начала. А потом Тенсен, похоже, отступился от этого обещания... или он просто сдался под давлением своего же обещания верности Арину. Тенсен назначил Ришу своим самым находчивым шпионом.

Почему геранка так настаивала на своей анонимности?

Вероятно, это была прислуга из императорского дворца. Боявшаяся, что её раскроют. Император был очень мстительным.

Арин коснулся шрама. Его пальцы стали липкими.

А может, шпионкой была Далия? Но геранская портниха, заштопавшая лицо Арину, сообщала ему информацию напрямую. Зачем ей нужно было становиться анонимным шпионом Тенсена?

Словно угадав его ход мыслей, Сарсин спросила:

— Что сказать посланнику?

— Я поговорил с ним. Передай ему, что он может вернуться домой.

— Арин, границы закрыты. Он прошёл через горы из Валории. Его нельзя отправить обратно, у него нет дома.

Арин поморщился.

— Я об этом не подумал.

— Такое случается с тобой, если сердце встает на пути.

Он вновь почувствовал все то же назойливое беспокойство. Арин попытался вспомнить сон, который приказал себе забыть. Юноша встал, желая покинуть кузину, которая знала его слишком хорошо... хотя именно поэтому он и пришел к ней.

— Тогда посланник может остаться в моих прежних комнатах.

Сарсин сказала:

— Я дам ему знать, если он ещё не уехал.

* * *

Рошар находился во дворе кухни со своим тигром, который только что убил курицу. Каменные плиты были усеяны окровавленными перьями. У тигра, несмотря на то, что он всё ещё котёнок, лапы были большие. Он лежал на дворе, тяжело дыша на солнце, сложив лапы поверх своего трофея. Его морда порозовела и стала влажной.

Принц перевел взгляд на Арина.

— Это была несущка? — спросил Арин.

— У меня есть для тебя новости, и они не о курице.

— О валорианских заключенных?

Рошар сидел на краю колодца. Выражение его лица было сложно прочесть.

У Арина упало сердце.

— Что за новости?

— Ты хочешь сначала услышать плохие вести или те, которые, лично я не уверен, ты сочтешь добрыми или плохими?

— Плохие.

— Твой руководитель шпионов мертв.

— Тенсен? — Арин ждал этого, и все же боль пронзила его настолько глубоко, словно он совершенно не был готов.

— И портниха. Генерал убил Тенсена... или, по крайней мере, так говорят. Что случилось с портнихой — не ясно.

Арин был опустошен. Он помнил, как смотрел на Делию сквозь завесу собственной крови и думал тогда, что она напоминает ему мать.

— Хочешь услышать еще новости? — поинтересовался Рошар.

Нет! Арин внезапно осознал, что больше ничего не хочет знать, потому что просто не сможет этого вынести. Он чувствовал, что тонет в ужасе.

— Твоя... — Рошар запнулся.

Порыв ветра поднял куриное перо и закружил его возле основания колодца.

— Арин, Кестрел мертва.

У юноши зазвенело в ушах. У него возникло такое чувство, будто он прямо сейчас падает в колодец. Арин слышал голос Рошара откуда-то издалека. Его слова давили на него.

— Это случилось недавно, — сказал Рошар. — Болезнь. Когда она уехала из столицы в

путешествие с принцем. Вся империя в трауре.

— Это неправда.

Рошар что-то сказал, но Арин не услышал его. Он был на дне колодца. Холодная и чёрная вода накрыла его с головой.

Глава 6

— Я в порядке.

— Арин, я знаю, что это не так.

Сарсин поджидала его в пустом стойле Джавелина, когда Арин вернулся со взмыленным конем. Арина что-то неприятно покалывало изнутри. Словно что-то частично проржавело, а что-то так и осталось грозно блестеть. Если бы это было чем-то осязаемым, валяющимся в грязи, то было бы понятно, что лучше это оставить там, где лежит.

Арин отправился на прогулку. Он покинул дом, дабы избежать то и дело появляющихся вопросов и всего того, что могло напомнить о ней. Он сильно прищипил Джавелина. Но когда Арин наконец притормозил коня и пустил его под зеленым пологом городской тропы для лошадей, вытер пот с лица и вспомнил, кому принадлежал конь, идущий под ним. И Арин понял, что у него нет выбора. Он понял, что даже избегание напоминаний само по себе является напоминанием.

Его руки держали поводья слишком напряженно. Его беспощадно душили знакомые эмоции. Сердце саднило. Казалось, оно сжалось так сильно, что стало твёрдым и цельным, как орех, который он мог раздавить, сжав в кулаке.

Лицо Арина было все еще влажным. Он слишком далеко уехал и повернул Джавелина обратно к дому.

Когда он увидел, что Сарсин ждёт его в тени открытой конюшни, присев на трехногий табурет, то просто прошёл мимо. Напоил Джавелина из корыта во дворе. Расседлал коня. Снял поводья. Принес ведро воды, которое медленно вылил на фыркнувшего коня, низко опустившего голову. Арин смахнул воду с тела животного и насухо его вытер. Он осмотрел копыта, убрал грязь и мелкие камешки киркой, работая пальцами только там, где нужна была аккуратность — в желобе на другой стороне вершины стрелки копыта.

Наконец Арин понял, что его молчания недостаточно, чтобы заставить сестру уйти. Он завел лошадь в стойло. Сказал, что в порядке, но она не согласилась с ним. Арин насухо вытер поводья Джавелина, повесил их на гвоздь и попытался снова отмолчаться, на этот раз уверенный, что в противном случае может сказать то, о чем потом пожалеет.

Сарсин спросила:

— Почему ты считаешь неправильным скорбеть по ней?

— Сарсин, — его голос был тверд, — если ты любишь меня, то оставишь в покое.

— Сначала ответь.

Слова острым ножом вонзились в него.

— Потому что я принимал её не за того человека. Нельзя оплакивать того, кого не знал.

— Я видела, какими вы были друг с другом. С чего ты решил, что не знал её?

— С того, что она лгунья. Она все время ведёт свои игры, и у неё всегда припасены козыри. Всякий попадает в расставленную ею ловушку. И я не исключение... — Он умолк, осознавая собственные слова. Потом он принялся чистить коричневую шкуру Джавелина. — И она не умерла.

— Нет? — Голос Сарсин прозвучал обеспокоенно.

Арин наблюдал за мышцами лошади, как они дергались и подпрыгивали под щеткой.

— Нет.

— Арин, я понимаю твои чувства. Ты знаешь, что это так. Ты думаешь, что такое невозможно, что произошла ошибка и что, если бы ты мог все исправить...

— Дело в другом. Вся история звучит неправдоподобно.

— Я не понимаю.

Щетка стремительно двигалась туда-сюда.

— Во-первых, тайный брак. Императору нужно было, чтобы свадьба состоялась в Перволетний день. Все ради престижа. Волнение, чтобы засвидетельствовать рост династии императора. Невеста. Ты знала, что она была трофеем? Что эта свадьба была не между сыном императора и Кестрел. Это император венчался с армией. Император никогда бы не отказался от этой свадьбы. Если они поженились тайно, то почему император не заставил их вновь обвенчаться, чтобы это засвидетельствовал народ? В этом нет смысла.

— Ты просто не хочешь, чтобы в этом был смысл.

— Её убила болезнь? Что-то я ни разу не видел, чтобы её тошнило, я работал на её вилле. И она только однажды не встала с постели, потому что... — Арин запнулся, вспоминая, как она прихрамывала. Как она вышла на дуэль ради него, и пострадала.

Он опустил щётку.

Арин уже проходил это. Он потратил на это всё время: придумывал сказки о Кестрел, описывающие её перебинтованное колено, то, как она поцеловала его той ночью, когда открыла дверь, разделив ею сад на крыше наполовину. Он увидел из окна своих покоев, что дверь не заперта. Он ждал, пульс зачастил. Такие мгновения, как раз перед тем, как она вновь захлопнул дверь, преследовали его в столице, заставили его додумывать детали. Прекрасные, заманчивые развития событий. Помнится, он даже задавался вопросом, не она ли была Молью Тенсена.

— Перволетний день был около месяца назад, — услышал он собственный голос.

Джавелин зафыркал и начал перебирать копытами. Он изогнул шею, чтобы уткнуться лбом Арину в грудь.

Сарсин открыла было рот, чтобы заговорить.

— Прощу, уйди, — сказал Арин. — Я ответил на твой вопрос. Я хочу побыть один. Мне нужно подумать, — добавил он, хотя и сам толком не знал о чем.

Когда она ушла, Арин запустил пальцы в гриву лошади. Кестрел любила Джавелина, но все равно бросила его.

Арин вспомнил, как она пропускала руку через гриву коня и накручивала на пальцы жёсткие волосы. Это напомнило ему немного необычную длину между мизинцем и большим пальцем, когда её ладонь охватывала октаву на пианино. Родинка чёрной звездой. Он вновь увидел её в императорском дворце. В её музыкальном зале. Он лишь однажды видел этот зал. Где-то месяц назад, как раз перед Перволетним днем. Рукава ее синего платья застегивались на запястьях.

Что-то дернулось внутри. Какое-то неявное беспокойство.

— Ты поёшь?

Это были её первые слова, сказанные ему в день, когда она купила его.

Тошнота подступила к горлу, прямо как тогда, когда она задала ему этот вопрос, отчасти по той же причине.

У неё не было акцента. Кестрел говорила на безупречном геранском, словно тот был её родным языком.

* * *

— Я рассказал вам все, что знал, — сказал посланник.

По дороге к своей бывшей детской, его чувство тревоги сменилось настоящей паникой при мысли о том, что он может не застать там того мужчину, что придется его разыскивать и что столько времени упущено... но стоило Арину постучать, как посланник почти сразу же открыл ему.

— Я задавал тебе не те вопросы, — сказал Арин. — Я хочу еще раз тебя расспросить. Ты сказал, что заключенная просунула руку между решетками повозки, чтобы отдать тебе моль.

— Да.

— Но ты не мог её рассмотреть как следует.

— Всё так.

— Но ты сказал, что она была геранкой. Почему ты так решил, если не видел её толком?

— Потому что она говорила по-герански.

— Безупречно.

— Да.

— Без акцента.

— Без.

— Опиши её руку.

— Я не уверен...

— Начни с кожи. Ты сказал, что она бледнее твоей и моей.

— Да, она как у домашних слуг.

А это означает, что их кожа не слишком отличается от валорианской.

— Ты рассмотрел её запястье, предплечье?

— Запястье — да. Теперь, когда вы об этом упомянули... Она была закована. Я видел кандалы.

— Ты видел рукав платья?

— Вроде да. Кажется, синее.

— Тебе кажется или ты уверен? — Арина переполняла страх и надежда.

— Не знаю. Все случилось слишком быстро.

— Пожалуйста, это важно.

— Я боюсь ошибиться.

— Хорошо, хорошо. Это была правая или левая рука?

— Я не знаю.

— Ты можешь мне сказать хоть что-нибудь? Может, у нее на руке был перстень?

— Нет, я не видел, но...

— Да?

— У неё была родинка. Возле большого пальца. Похожая на маленькую черную звезду.

* * *

— Арин. — Рошар ненадолго зажмурился, а потом посмотрел на него так, словно увидел нечто отталкивающее, но при этом завораживающее, как обычно смотрят на причуды природы, например, на животных, рожденных двухговыми. — Это звучит...

— Мне плевать, как это звучит.

— Ты уже думал о ней в таком ключе и прежде.

— Я должен был прислушиваться к себе. Она солгала. Я поверил, а не следовало.

— Арин, она мертва.

— Покажи тело.

— Я за тебя переживаю. Я серьезно.

— Мне не нужны солдаты. Я отправлюсь в тундру один.

— Я не об этом.

— Я знаю, но я всё равно иду.

— Ты не можешь отправиться в погоню за призраком прямо в разгар войны.

— Я вернусь.

— Тундра — территория Валории. Ты хоть представляешь себе, что они с тобой сотворят, попадись ты им? Ты не сможешь скрыть того, кто ты есть. Твой шрам...

— Я тебе не нужен. Ты же сам сказал.

— Да я пошутил!

Арин протянул Рошару копию плана миниатюрной пушки, который отдал Сарсин.

— Я попросил кузину встать во главе производства. Но один Геран не выстоит в сражении. А для такой пушки не нужно много физической силы. И ты можешь несколькими людям поручить создание разных частей механизма. Если ты начнешь сейчас, то у тебя будет небольшой запас оружия к моему возвращению.

— И ты вот так просто отдаешь мне это?

— Мне следовало сделать это раньше.

— Вот как поступают люди, собравшиеся покончить с собой.

Арин покачал головой.

— Самоубийство — недостойная смерть.

Рошар выпрямился в полный рост. Он скрестил руки, пальцы положив на бицепсы.

— Я мог бы удержать тебя силой. У нас в стране есть такие законы, которые позволяют удержать психов, чтобы они не навредили себе.

— Можешь кое-что сделать для меня? — произнес Арин.

— Боюсь спросить.

— Одолжи своё кольцо.

Глава 7

В воздухе тундры висела белая дымка. Арин сидел на корточках за чахлым кустиком, утопив сапоги в холодной грязи, которая просачивалась внутрь, и наблюдал через подзорную трубу за заключенными, тянувшимися темной вереницей вдоль основания вулкана. Он внимательно осмотрел каждого заключённого, попавшего в поле зрения трубы. Но лиц разглядеть так и не сумел. Туман был слишком плотным. Когда заключённые прошли через ворота лагеря, те за ними захлопнулись.

Он дождался темноты. Температура резко упала. Где-то вдали завыл волк.

Илян, посланник, предупредил его о волках. Он показал Арину дорогу в тундру, которая никоим образом не пересекалась с валорианской, ведущей в трудовой лагерь. Они спали днём, а ночью ехали. Илян остался ждать Арина у мелкого озерца, где они сделали последнюю остановку, чтобы выгрузить снаряжение и оставить пастись трех лошадей. Арин запомнил, как Джавелин поднял голову, чтобы проводить его взглядом.

Арин был внутренне спокоен. Он смотрел на закрытые ворота. Юноша был напряжен и собран, и не думал ни о чем, только о том, что ему нужно делать. Арин подальше спрятал эмоции, которые овладели им после новостей Рошара. Он словно закутал тягучее липкое горе, окрыленное надеждой, в промозглый туман. Это позволяло держало в страхе чувство, которое разрушило его, лишило возможности дышать: раскаяние.

Завыл ещё один волк. Теперь стало настолько темно, что можно было начинать действовать.

Он оставил свое укрытие и направился к вулканам.

* * *

У подножия вулкана, верхушка которого растворялась в зеленоватой полутьме, Арин испачкал волосы серой. Он нанёс желтоватую рассыпчатую субстанцию на лицо, размазывая её вдоль шрама. Втер серу и в кожу рук, замазал ею кольцо Рошара.

Простая одежда Арина была и без того в грязи из-за нескольких дней путешествия сюда. Если бы он мог взглянуть на себя сейчас из своего укрытия, то увидел бы лишь пятно желтого и коричневого. Мужчину неопределенного возраста и происхождения, если конечно, не присматриваться.

Он помолился, чтобы никто не стал приглядываться. Арин спустился в шахты. У него было такое чувство, будто его сердцебиение, словно удары барабана, разносится эхом по туннелю.

Он дождался утра.

* * *

На рассвете, когда заключённые с кирками спустились вниз, Арин вышел из тени, чтобы смешаться с ними, стать одним из них. Он воровато вглядывался в лица. И когда, спустя какое-то время, так её и не увидел, ему стало страшно от мысли, что он опоздал. На целый месяц. Он ненавидел себя за это. Когда Арин спустился глубже в шахты, он с трудом мог вынести мысль, что ей причиняли боль, что она могла заболеть. А может, она вообще была переведена в другую тюрьму. Может, он попусту тратил время, тогда как она страдала в другом месте.

Он не мог позволить себе думать о худшем.

Кестрел была сильной. Она с этим справится. Она могла справиться с чем угодно. Но когда он увидел безвольные лица других заключённых... пустоту в их глазах, шаркающую походку... его уверенность была уже не такой твердой. По позвоночнику пополз липкий страх.

В шахты вместе с Арином спустились и два валорианских стража, но они мало обращали внимание на происходящее вокруг. Они ничего не заметили, и когда Арин забрал кирку у другого заключенного прямо из рук. Стражники перестали переговариваться только тогда, когда заключенный, оставшийся без орудия труда, начал бродить по шахте, словно лунатик, пытаясь выковырять серу из каменной стены, разбивая пальцы в кровь и ломая ногти. Искоса Арин наблюдал за механическим поведением этого мужчины. Арин опустил голову, сгорбил плечи, его лицо стало такой же пустой маской, как и у того заключенного. Теперь он стал похожим на остальных. Стражники подошли к заключенному без кирки, пожали плечами и нашли ему другую.

Арин работал. Он думал о Кестрел, которая занималась тем же самым. Молодой человек вогнал кирку в стену, сглотнул желчь, подступившую к горлу. Его не могло сейчас стошнить, нельзя привлечь к себе внимание. Но тошнота не покидала его.

Наверное, прошло несколько часов. Арин потерял чувство времени. Сероватый свет, струившийся из туннельного жерла, не менялся.

А вот заключённые, наоборот. Все они неожиданно замерли. Кирка Арина застыла на полпути. Он тоже обратился в статую. Чего они ждут?

Вода. Стражники раздавали воду. Тела заключённых вытянулись в струнку, и они

охотно пили воду.

Арин подражал им. Он глотнул воды.

Спустя мгновение его пульс устремился в небеса.

* * *

Арин чувствовал себя слишком большим для этого тела. Он понимал, словно видел себя со стороны, что он — это не он. Всё дело в воде.

Арин ударил по скале с энергией, преисполненной чистого восторга. Но это было неправильно. Он сказал себе, что это неправильно, что это не то, что он чувствовал по-настоящему. Но он доверху наполнил две корзины серой.

Он вот-вот потерпит неудачу. У Арина был план, он пришёл сюда с планом... пот пропитал рубашку... план рассыпался на части, похоже, он на пути к провалу.

«Из-за тебя».

Руки Арина замедлились. Он вновь услышал голос Кестрел, он почувствовал, словно едет, раскачиваясь из-за тряски, в повозке. Первозимный день. И он словно прикоснулся ладонью к окну повозки и почувствовал, как под его ладонью растаял морозный узор.

Из-за тебя, тогда сказала Кестрел. Её губы приоткрылись под его губами.

В Арина вонзилось осознание того, зачем и по какой причине он здесь оказался.

Он вновь стал собой. Он её не подведет, снова.

* * *

Действие наркотика ослабло. Он всё ещё был в крови, будоража тело довольно яркими вспышками активной деятельности, но уже не так интенсивно. Навалилась усталость. Арину казалось, будто он рассыпается на части. Стражники вывели молодого человека на поверхность, где его поджидали остальные заключённые, покрытые желтой пылью. Количество людей позволяло обезвредить охрану даже без оружия. А у некоторых из них оно было. Другие же могли похватать камни, валяющиеся у ног.

Ему понятно было их повиновение. После вторжения валорианцев, ему пришлось подчиниться. Выбора не было. Арин видел, что случалось с теми, кто этого не сделал. Он был перепуганным ребёнком. Но потом он вырос и изменился, Арин научился сопротивляться. И последствия этого никогда не обходили его стороной. Разбитые губы. И не только. Порой ему казалось, что неповиновение возникало повсюду, и это меняло его взгляды. Ломало сознание, суть вещей. Как-то раз, чтобы доказать правоту, ему туго стянули голову уздечкой, а в рот вставили металлический стержень.

После десяти лет проведенных в рабстве, Арин познал послушание во всех его проявлениях. Страх боли, твёрдое, данное себе, обещание отомстить. Бездна надежд. Рутинная переломов, случившихся несчетное количество раз по вине кулака или ремня. Мысли о том, как он отплатит хозяину его же монетой, только страшнее, примерив на себя его шкуру. Он был склонен не к неповиновению, независимо от того, как глупо это было, потому что в то мгновение, он был тверд в непоколебимости своей воли, — и ни у кого не было права это менять. Но потом боль изменила его. И унижения. Он стал послушным от безысходности.

Но он так и не увидел здесь подобного послушания. Он стал свидетелем того, как стражники согнали заключённых в линию. Те, словно были стадом коров. Они не были даже похожи на людей, притворявшихся животными, которых он сам не раз видел, и притворялся таковым. Здесь, в тундре, не было никакого сопротивления, никакого намека на ненависть.

Арин не мог представить, чтобы Кестрел подчинялась вот так. Он в принципе не мог представить Кестрел подчиняющейся.

Он напряженно пытался разглядеть её в рваной очереди заключенных. Может быть, она в начале очереди? А может быть, она изменилась настолько, что он не сможет её узнать?

А может быть, её вообще здесь нет?

Стражник потянулся за киркой Арина. Арин отдернул руки. Ему хотелось схватить кирку и воткнуть её острие стражнику в горло.

Страж внимательно посмотрел на Арина. Молодой человек заставил себя разжать пальцы и выпустил кирку.

Он встал в очередь, как это делали все. Заключенных повели в лагерь.

* * *

Арин не стал принимать ни пищу, ни воду, что выдавались во дворе. Он медленно выливал суп из миски в грязь, когда увидел её. Кестрел стояла к нему спиной. Её волосы были спутаны. Увидев, как она исхудала, Арин с трудом сглотнул. На мгновение он решил, что ошибся, это не могла быть она. Но ошибки не было.

Её вели в тюремный блок с другими женщинами. «Оглянись. Пожалуйста». Но она не оглянулась, а потом Арина повели в противоположном направлении. У него ныло сердце от того, что приходилось делать то, что велели.

Пока он не оказался в мужском блоке.

Он подошёл сзади к ближайшему стражнику, схватил валорианца за голову и свернул ему шею.

Там были и другие стражники. Они пошли на него. Арин каждого ужалил кольцом Рошара, и те рухнули без сознания на землю. Молодой человек обыскал их и нашел ключи. Потом запер заключенных. Он набил их в камеру битком, сколько вошло, только бы сэкономить время.

* * *

В женском блоке стояла тишина. Большая часть заключённых уже находилась в своих камерах, став тенью на земле.

В конце коридора стояла валорианская женщина с серебряными косами. Она и увидела Арина. Стражница выхватила свой кинжал, а потом открыла рот и закричала. Арин бросился к ней, увернулся от кинжала, прижал руку к её лицу и ужалил кольцом. А затем, когда ключи оказались у него в руках, он пошёл от камеры к камере. Он хриплым шепотом звал Кестрел по имени. Ответа не было. В нём клубились вперемешку кислота страха, надежды и отчаяния.

И вдруг он замер. Арина увидел её спящую, лежащую в грязи. И вновь она оказалась к нему спиной, но он узнал этот изгиб позвоночника и остроту её плеча, и то, как вздымались и опускались рёбра. Он замешкался с ключами.

Арин неустанно повторял её имя. Он умолял её очнуться. Одни и те же слова срывались с его губ снова и снова. Он даже не был уверен, что вообще произносит эти слова вслух. Когда Арин зашёл в камеру и прикоснулся к её щеке, а она так и не очнулась, он приподнял её тело. Голова девушки запрокинулась назад. Кестрел спала. Какая-то часть Арина понимала, что ему, возможно, придется влить ей пощечину, чтобы разбудить, но потом другая часть заставила его отказаться от этой мысли. Он бы ни за что этого не сделал, никогда, он убил бы любого, кто осмелился бы это сделать.

— Кестрел? — Он даже не мог встряхнуть её за плечи, настолько хрупкой она казалась ему. — Кестрел?

Она разлепила веки. Арин задержал дыхание. Она почти проснулась и увидела его.

Прежде Арин не допускал мысли, что она, возможно, как и остальные заключенные превратилась в бездумное существо, что в её глазах больше нет жизни и исчезло всё, что делало её той, кем она была.

Кестрела была не такой. Не такой, и когда Арин увидел проблеск разума, то очень обрадовался. Его накрыло горячей волной благодарности: он мысленно произнёс благодарственную молитву всем богам и обхватил руками её лицо... очень грубо.

Или ему показалось, что он это сделал очень грубо, потому что девушка отпрянула. Арин боялся причинить ей боль. Но она прищурилась в тусклом свете, изучая его. Он увидел её замешательство, но не смог его понять.

Она прошептала:

— Кто ты?

Арин ничего не понял, пока она не повторила вопрос.

Его пронзило понимание.

Она его не помнила. Она понятия не имела, кто он такой.

Глава 8

Они продирались сквозь тундру. Арин видел, какой неестественно сонной была Кестрел. Порой колени девушки подгибались, словно её тело представляло собой мешок, набитый соломой, и она заставляла его двигаться только усилием воли.

— Обопрись на меня, — сказал Арин. Она выполнила его просьбу, но он видел, что ей это не понравилось.

— Идти осталось недолго, — обнадежил он.

В конце концов, Арин взял её на руки. Он шёл в темноте, отливающей зеленью, а Кестрел спала у него на груди.

Поскальзываясь на влажной грязи под ногами, Арин наконец добрался до берега озера, на котором оставил Иляна и лошадей. Арин увидел, что стало с лагерем. У него чуть не подогнулись колени. Он выругался.

Кестрел проснулась. Он аккуратно опустил её, а потом сел на корточки и закрыл лицо руками.

Наполовину обглоданный труп Иляна был вытащен из палатки. Лошадей нигде не было видно.

Волки. Арин вспомнил, что накануне ночью слышал их вой. Он провел ладонями по лицу. Он постарался не думать об участии Иляна, последние минуты которого были наполнены ужасом и болью, и что в этом была и его вина. Арин постарался не думать, сколько у них уйдет времени без лошадей, чтобы пересечь тундру, пройти горы и попасть в Геран. При состоянии Кестрел...

Он перевел взгляд на девушку. На её крайне истощенное тело, и заметил настороженность, с которой она смотрит на него.

— Они могли выжить, — сказал он, подразумевая лошадей. А потом быстро проговорил: — Они убежали. Они наверняка держатся вместе.

Кестрел посмотрела на него так, будто собиралась о чём-то спросить, а потом её лицо ожесточилось из-за проявившейся настороженности. И Арин был уверен, что единственная причина, по которой она пошла с ним, — в камере было гораздо хуже.

Он отвернулся. Поблизости не было никакой возвышенности, откуда бы открывался вид на окружающую их местность. Света в ночной тундре хватало, чтобы разглядеть лицо Кестрел, но он был слишком тусклым, чтобы разглядеть трех лошадей, бродящих где-то...

как далеко они убежали?

Должно быть, очень далеко.

Если они вообще остались в живых.

— Джавелин! — позвал он. Лошади были хорошими, но только одна из них достаточно умна, чтобы прийти, когда её зовут... если Джавелин вообще был способен на это. Арин не знал. Он никогда не слышал, чтобы лошади так делали, вернее, если они куда-то далеко убежали, а потом сами бы вернулись без приманивающего их угощения.

Арин посчитал, что они находятся довольно далеко от трудового лагеря и большая часть стражников, благодаря его стараниям, там была без сознания... а может, и мертва. Он не придавал значение тому, насколько глубоко в кожу уходило жало кольца. Однако за ним и Кестрел все равно могла быть послана погоня. И кричать было глупо. Их могли услышать.

Арин вновь посмотрел на девушку. Она боролась со сном.

Он вновь позвал:

— Джавелин!

Арин довел себя до хрипоты. Он ушел достаточно далеко от Кестрел, чтобы осмелиться позвать коня. Наконец, он вернулся к ней, и, усевшись прямо в грязь, сказал:

— Позови его. Он придёт, если ты позовешь.

— Кто придет?

Арин понял, что ещё не прозвучало никаких объяснений того, кто такой Джавелин, чтобы это смог понять человек, который уже ничего не помнил. Он понял — он надеялся, что в тюрьме она не то имела в виду, когда спросила Арина кто он и посмотрела на него, как на опасного чужака. Часть его верила, что она всего лишь притворяется, что не узнает его, чтобы ранить, потому что он это заслужил, и было понятно, насколько сильно она, должно быть, ненавидела его сейчас.

— Кестрел, — мягко сказал он, и по выражению её лица он понял, что она приняла имя, но все равно до конца не поверила, что оно её. — Джавелин — твой конь. Ты любишь его. Он любит тебя. Если ты позовешь его, то он придёт. Он нам нужен. Пожалуйста, попробуй.

Она попробовала. Ничего не произошло, и Кестрел посмотрела на него так, словно он играл с ней, издевался над ней, заставляя звать нечто, не существующее в природе... У Арина сжалось горло.

— Пожалуйста, — произнес он. — Еще раз.

Она помедлила несколько мгновений, но потом сделала так, как он просил, при этом, однако, не сводя с него глаз, будто он был какой-то хищной тварью.

Когда Арин услышал топот копыт о влажную землю, его тело обмякло от облегчения.

Джавелин привел ещё двоих. Один из коней хромал.

Арин потом обязательно принесет жертву богу потерь. Он поклялся себе. Затем вновь перевел взгляд на Кестрел, которая поднялась на дрожащих ногах, и он понял, что нужно будет принести жертвы всем богам.

Кестрел подошла к своему коню. Арин не мог видеть её лица, потому что она уткнулась им в шею животного. Он не увидел мгновение узнавания. Но он увидел, как вздымалась её грудь. Джавелин прикоснулся губами к её волосам. Девушка прильнула к коню, не так, как было с Арином, — всецело, нежно, доверительно.

Глава 9

Он её нервировал.

Кестрел была благодарна ему и не спорила, когда он сказал, что они должны вместе

ехать на Джавелине и повести за собой двух лошадей. Она заметила его обеспокоенный взгляд. Как Арин оценивающе смотрит на нее. Она так же, как и он, знала, что может заснуть в седле. Джавелин был достаточно крепким, чтобы выдержать их обоих, по крайней мере, какое-то время. В предложении Арина был резон. Но внутренне девушка негодовала.

Ей не хотелось чувствовать себя прижатой к незнакомой груди, быть укачанной чужой рукой. Но её тело, казалось, знало его.

Голова Кестрел была полна противоречий. Девушка решила позволить себе отдохнуть.

Было неправильно, что тело точно знало этого человека, а разум нет. Смутно она осознавала, что он мог бы сказать ей любую ложь, которую захотел.

Её память была вырвана с корнями. Кестрел продолжала искать их, прощупывать дыры, но всякий раз возвращалась в исходную точку беспомощности. Это ранило.

Да, любую ложь.

Он спас её, но она понятия не имела, что ему нужно от неё... или что, якобы, ему будет нужно.

Сердце стучало где-то у позвоночника и это убаюкивало девушку. Она заснула, хотя и понимала, что не следовало бы.

* * *

С наступлением утра у Кестрел появилась возможность рассмотреть его получше. Её разум немного прояснился, на это потребовалось некоторое время. Молодой человек разжёт костерок. Однако стоило ему заметить, как внимательно она рассматривает его, он сначала замедлился, а потом и вовсе застыл.

Он был весь перепачкан грязью. У девушки мелькнула мысль, что прежде она уже видела его и грязным, и чистым. Она скользнула взглядом по длинному шраму, который теперь, когда сера стерлась, был хорошо виден. На краткий миг ей показалось, что она почти узнала его. И всё же шрам не дал подсказку, почему она должна его помнить.

Он перевел на неё взгляд своих серых глаз.

Она должна его помнить. Кестрел вновь пробежала взглядом по его лицу. Её одолевало сомнение. Казалось невозможным, увидеть хоть раз этого парня и не запомнить.

Что-то было не так в его странном объяснении, которое он дал после их побега, — что они были друзьями. Её насторожило не то, как неуверенно он сказал это, а то, что по её ощущениям это была не вся правда. И то, как он просто позволял ей разглядывать его и теперь ждал, затаив дыхание, вынесения вердикта, пытаясь скрыть, насколько при этом нервничал. Если они и правда были друзьями, то он не должен был нервничать. И потому Кестрел чувствовала, что ожесточается.

И вот теперь он выглядел огорченным, и очевидно, хотел это скрыть от неё, словно угадал мысли девушки.

И то, что он вот так легко читал её, Кестрел тоже не нравилось.

* * *

Дальше они поехали на разных лошадях. Кестрел верхом на Джавелине. Он же взял кобылу. Когда они сделали очередной привал, чтобы дать лошадям отдохнуть, Кестрел ближе подошла к огню, даже при том, что это означало оказаться ближе к нему. Она очень продрогла.

Он предложил ей хлеб и вяленое мясо, а потом за это же и извинился.

— Знаю, ты привыкла к лучшему.

Это было глупо, учитывая, что он только что спас её из тюрьмы.

— Прости, — сказал он. — Я сморозил глупость.

Когда она взяла флягу, то вновь не удержалась и понюхала воду, как сделала это и утром.

— В ней нет наркотика, — сказал он.

— Знаю, — парировала Кестрел, и подумала о том, как изменилось его лицо, потому что он увидел её разочарование.

* * *

Он продолжал извиняться. И он продолжал пытаться что-то сказать ей, но девушка не давала ему закончить. Всякий раз, когда она прерывала его, он не был похож на человека, что провел её через весь тюремный двор и напал на всех тех, кто встал у них на пути, воспользовавшись странным массивным кольцом на пальце. Не был похож на человека, который потом разоружил павшего стража. Не был похож на того, кто владеет украденным кинжалом, как собственным, которым и вспорол живот следующему нападавшему.

— Пожалуйста, дай мне объяснить, — сказал он, когда они ехали верхом.

Страх наполнил её легкие. Казалось, разум кровоточил. И хотя отсутствие такого количества воспоминаний сводило с ума, подсознательно Кестрел чувствовала — помнить было бы гораздо хуже.

— Оставь меня в покое.

— Разве ты не хочешь знать, что случилось? Почему ты оказалась здесь?

Она увидела, как он страдал. И она подозревала, что любое объяснение, которое он мог предложить, скорее будет сделано ради него самого, нежели ради неё.

Она хотела сбросить его с коня. Заставить его почувствовать, что такое падение. Потому что она падала, погружалась во тьму небытия, состоящую из «почему» и «как», и она была в ужасе от того, что забыла свою жизнь. Она винила его в том, что он не видел её страха, даже несмотря на то, как тщательно она его скрывала.

— Хорошо, — сказала она. — Давай, расскажи мне.

После всех ранних отказов, теперь он, казалось, не знал с чего начать.

— Ты была шпионкой. Тебя схватили.

— Ты шпион?

— Не совсем.

— Но кто-то вроде него. Поэтому ты пришёл за мной. Вот почему ты хочешь, чтобы я вспомнила. Вот, что тебе нужно от меня: информация.

— Нет. Кестрел, мы...

— Если мы друзья, то как познакомились?

Его кобыла вскинула голову. Арин слишком туго натянул поводья.

— На рынке.

— Это где, но не как.

Он сглотнул.

— Ты...

И внезапно перед её мысленным взором промелькнул рынок, пыльный и жаркий. Она услышала рёв толпы и вспомнила, что видела его лицо без шрама; лицо, черты которого были наполнены ненавистью.

— Куда ты ведешь меня? — спросила она шёпотом.

Теперь он увидел её страх. И Кестрел заметила, что он его увидел. Молодой человек остановил лошадь. Её конь тоже встал. Арин протянул руку, чтобы коснуться её. Девушка

отпрянула.

— Кестрел. — И вот опять эта необъяснимая боль. — Я веду тебя домой.

— Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, что ты можешь увезти меня куда угодно. Я думаю, что тебе что-то нужно от меня. И я думаю, что ты лжец.

Она пришпорила Джавелина.

Он отпустил её. Он знал, что нужен ей, чтобы выжить в тундре. Она не уйдет далеко.

Она взглянула на коня под собой. Джавелин. Это её конь. И это точно его имя. Маленький шажок вперед.

* * *

Из-за горизонта выползло розовое солнце. Из грязи поднялись москиты. Когда она ехала рядом с ним, казалось, её конь становился всё больше и больше. А она, казалось, чувствовала себя всё хуже.

Он спросил её, не страдает ли она от боли. После того, как Кестрел ответила отрицательно, он вновь спросил:

— Может, твоя память... — он умолк, и она не смогла не заметить, с какой надеждой он смотрел на неё, словно причиной всему была травма головы. Его изучающий взгляд неожиданно вызвал непреодолимое желание зарычать, как зверь.

* * *

К закату она почти потеряла контроль над своим телом. Необходимость держаться весь день теперь обернулась дрожью всего тела. У неё свело желудок. У девушки промелькнула мысль, что, должно быть, она в своё время научилась очень хорошо ездить верхом, в противном случае, уже давно бы свалилась с лошади.

И от него это не укрылось. Он продолжал снижать темп, хотя она видела, что ему хотелось двигаться вперед.

— Что случилось?

Кестрел не хотела сознаваться, что ей нужен наркотик, который раньше давали, чтобы у нее появились силы. Но он всё равно догадался. Кивнул и сказал:

— Тем вечером они и мне его дали.

И тогда она по-настоящему возненавидела его за то, что он догадался и посчитал, будто понимает жажду к тому, что попробовал всего раз.

Она продолжала двигаться вперед, пока не смогла уже ничего разглядеть перед собой и в желудке громко не заурчало. В итоге, он схватил уздечку её коня и дернул, чтобы остановиться.

* * *

Её стошнило на весь мох и папоротник тундры. Он придерживал волосы девушки, чтобы они не падали на лицо. Какая-то часть Кестрел, которой было не всё равно, не понимала, как он вообще может к ней прикасаться. Молодой человек и сам не блистал чистотой, но она была просто омерзительна.

Он дал ей воды. Кестрел выхватила её у него из рук, сплюнула и отпила, а затем посмотрела на флягу в своих дрожащих пальцах. Она с удовлетворением отметила, что он хорошо подготовился и взял достаточно припасов (даже для троих), но при этом продолжал предлагать ей всё, в чём она нуждалась и прятать у себя, когда необходимость в этом отпадала. Он разводил огонь, прокладывал дорогу и помогал даже в том, в чем ей почти хотелось, чтобы он не принимал участия.

— Почему бы тебе не оставить её у себя. — Он кивком указал на флягу.

Кестрел сильнее сжала пальцы на фляге.

— Не нужно быть таким снисходительным.

Он дотронулся до шрама.

— Я не это имел в виду.

Она направилась к своему коню.

— Поехали, — сказала девушка.

* * *

Ночь принесла с собой новые вопросы.

— Палатка только одна. — Он откашлялся. — Но есть три матраца. — Он подождал... а потом заметил, что она думает. Ей очень хотелось настоять на том, чтобы он спал снаружи, но Кестрел чувствовала, что это будет очень неправильно, даже несмотря на то, что она отказывалась признаваться себе, в чём именно состояла эта неправильность. Поэтому она просто коротко кивнула.

Он не стал разводить огонь, из-за чего она сделала вывод — он всё ещё боится, что их могут заметить и схватить.

— Лучше передвигаться ночью, — сказала она, — а днём спать.

Он покачал головой, но на неё при этом не смотрел.

— Я не сплю, — настаивала она.

— Тебе нужно попытаться уснуть. Скоро всё наладится.

Это высказывание, с учётом того, что день не принёс никаких доказательств в пользу его слов, должно было бы вывести девушку из себя. Но выражение его лица, когда он распаковывал палатку, было непреклонным и напряжённым. Его руки были заняты. Однако в глазах читалась умиротворенность. Они искрились серебром во тьме. Мерцали, как вода.

— Ну и ладно. — Кестрел крепко обняла свои колени. Она попыталась подавить дрожь в костях. Ей не хотелось, чтобы её вновь вырвало. Девушка развернулась так, чтобы не видеть его, но слышать, как он устанавливает палатку.

* * *

Даже в палатке, с костром на расстоянии вытянутой руки, она отчаянно мёрзла. Она жаждала привычной ночной дозы наркотика, чувствовала его металлический вкус на языке.

Он отдал ей уже всю запасную одежду. В ту первую ночь после возвращения лошадей, он открыл вещмешок рядом с телом своего друга и вытащил пальто, а потом закинул в него её безвольные руки. По запаху, исходящему от одежды, она поняла, что это его вещь. Её собственная одежда, казалось, была сострепана из мешковины: серовато-коричневый цвет, длинные рукава, штаны. Кестрел носила её не всё время своего пребывания в тюрьме. Она вспомнила, как её передевали, пока она находилась в забытьё разноцветного дурмана ночного наркотика. Девушка вспомнила, когда её одежда стала другой, и почему. Она всё ещё чувствовала пуговицы платья, расстегивающиеся вдоль спины. Поток холода и ужаса, словно порыв ветра ударил по коже. Боль. Но наркотик был ласков, и она засыпала, да и какое значение имеет одежда?

Теперь же она была далека от сна. Кестрел свернулась, будто червяк под грудой одежды. Он накрыл её ещё одним спальным мешком, а потом вылез из своего и накрыл девушку им тоже. Больше у него ничего не осталось, чтобы отдать ей.

Его голос нерешительно прорвался сквозь тьму:

— Кестрел...

— Мне не было бы так холодно, если бы я смогла уснуть, — сказала она, стуча

зубами. — Мне нужно уснуть.

Пауза.

— Я знаю, что нужно.

— Дай мне что-нибудь, чтобы уснуть.

— У меня ничего такого нет.

— Нет, есть.

На этот раз пауза была дольше.

— Нет.

— У тебя есть кольцо.

— Нет.

— Воспользуйся им.

— Нет.

— Я хочу, чтобы ты им воспользовался.

— По правде говоря, я не представляю, как правильно его использовать. Оно может убить тебя.

— Плевать.

Он был в бешенстве.

— А мне нет.

Она поняла, почему его глаза были слишком яркими ранее. Её собственные жалило.

Он сместился. Она держалась к нему спиной, чувствовала его близость. Его тепло медленно распространившееся вдоль её позвоночника. Это было сродни погружению в ванну. Его слова коснулись тыльной стороны её шеи:

— Только для того, чтобы согреть тебя, — сказал он, но в его голосе прозвучал вопрос.

— Ты говоришь, что мы были друзьями.

— Да.

— Мы так делали раньше?

Еще одна пауза.

— Нет.

Тряску всего тела сменила дрожь. Она обнаружила, что придвинулась к нему еще ближе, да так и осталась лежать. Его сердце билось очень быстро. Он обнял её и его руки заставили её чувствовать себя более цельной, более настоящей и менее готовой разлететься на стеклянные осколки. Кестрел успокоилась и расслабилась, благодаря его теплу.

Однако, заснуть у неё всё равно не получилось. Как и у него. Она чувствовала, что он не спит. У девушки мелькнула мысль, что он не спит, потому что не спит она. Кестрел не знала, почему верила в то, что это было правдой. Трудно было примириться с единственным воспоминанием о нём: его лицо на рынке, он находится на расстоянии от неё. Губы врага, глаза врага.

Но он был здесь, он спас её и ничего от неё не ждёт — только бы она вспомнила, но уже перестал просить даже и об этом. Ей был знаком его запах. Знала, что он ей нравился. Он протянул руку, чтобы потрогать её пульс на шее. Он приложил пальцы к коже чуть твёрже, чтобы прикосновение могло показаться нежным, как будто сомневался, что она жива.

Разве они никогда не делили постель прежде? Нет. Она бы это запомнила. А запомнила ли?

Где-то вдали, в тундре, зазвучал мелодичный плач.

Волки. Их плач казался таким одиноким. И все же прекрасным, когда они взывали друг

к другу.

* * *

Утром она обнаружила, что ей все-таки удалось поспать. Пробуждение было тяжёлым. Арина в палатке не было.

У нее ёкнуло сердце. Должно быть, она довольно шумно двигалась, потому что тут же услышала его голос, раздавшийся снаружи:

— Я здесь.

И выйдя, она увидела его перед костром, запах которого она, должно быть, услышала и решила, что он, скорее всего, рядом с костром или неподалеку... вернее, она могла это предположить, если бы так не боялась, что он её бросил.

Она подошла к огню, ноги всё ещё дрожали. У Кестрел мелькнула удручающая мысль, что она никогда не была особенно грациозной, но, по крайней мере, была дееспособной и в своем уме. Когда-то.

Она села напротив него. Между ними прыгали бледные языки пламени. Потрескивали.

У него на руке больше не было того тяжелого кольца. Кестрел задумалась, что же он с ним сделал, а потом решила, что не станет спрашивать, пока он сам не расскажет о прошедшей ночи.

Они сидели и ели. Молча.

* * *

Он то и дело посматривал на раненую кобылу, на которую никто из них так и не сел верхом. Кестрел подловила его за этим занятием и знала, что он не хотел, чтобы она заметила, как он поглядывает на лошадь.

Когда позже в тот же день они остановились на привал, она посмотрела ему прямо в глаза, перед тем, как он вновь бросил взгляд на кобылу, и сказала:

— Не смей.

— Я и не хочу.

— И даже не подумываешь об этом?

Он пожал плечами, а она постепенно осознала, что кинжал у его бедра тот самый, что он забрал у одного из стражников. Кестрел вспомнила, что и у неё, похоже, когда-то был такой. Она внезапно ощутила, что между ними существует огромная пропасть, и что они разговаривают на его языке, но не на её.

Она представила, как он берёт нож и перерезает горло лошади. По-другому никак. Фонтан крови. Заколотое тело. Разъехавшиеся в стороны копыта.

— Она замедляет нас.

— Я сказала — нет.

Наконец он кивнул.

Его повиновение тоже показалось ей знакомым. Прежде она отдавала ему приказы. Но ей также подумалось, что он никогда не повиновался ей по-настоящему, даже на людях.

Они определенно не друзья. Здесь нечто большее.

* * *

Эта ночь была похожа на предыдущую. Он обнимал её, согревая. Её конечности расслабились. Казалось, только это и помогало ей уснуть.

Он сказал:

— Ты купила меня.

— Что?

Он пробормотал какие-то слова ей в затылок. А потом повторил их, только громче:

— Ты спросила, как мы познакомились. Это случилось на рынке. Меня продавали. Ты купила меня.

Инстинкт велел, чтобы она вырвалась из его объятий и взглянула ему в лицо, чтобы увидеть его выражение.

Она не доверяла своим инстинктам. Кестрел осталась лежать неподвижно.

— Почему я это сделала?

— Я не знаю.

— Я все еще владею тобой?

Ветер бился о ткань палатки.

— Да.

Она не нашла ничего умнее, как сказать:

— Никто не поверит в твои сказки. Считаешь, что если у меня не осталось воспоминаний, то я полная дура?

— Нет.

— Ты говоришь, что я была твоим шпионом, а это означает, что я работала на тебя. Говоришь, что был моей собственностью, что означает — ты работал на меня. Говоришь, что мы друзья. Но господа и рабы не дружат. И это означает... — она умолкла, не желая продолжать. Она очень остро осознавала его тепло рядом с ней. — Ты говоришь неправдоподобные вещи. Я тебе не верю.

Его рёбра расширились жесткими крыльями за её спиной.

— Если ты дашь мне объяснить...

— Прекрати говорить, прекрати. Я не хочу слышать твой голос.

Он умолк. Кестрел неподвижно лежала рядом с ним, жалея, что не может заставить себя отстраниться.

* * *

В какое-то мгновение ночью, она почувствовала, как он вздохнул. «Он собирался ещё раз попытаться объяснить», — подумала она. Кестрел окаменела от нахлынувшей паники. И вновь её охватило ощущение падения, словно она мчалась к тому, чего не знала. Череп раскалывался на части.

Она не хотела с ним разговаривать, хотя даже не знала наверняка, что он хотел сказать. Как ни странно, но ей пришло в голову, что он умеет петь.

— Не смей. — Ее голос прозвучал остро, как нож.

И он не посмел.

* * *

Позже она проснулась от того, что вся дрожит. Его рядом не было.

Всё ещё стояла ночь. Он не должен был уйти.

Кестрел вылезла из палатки и увидела, что он стоит под нереальным небом. Над тьмой раскинулось полотно, переливающееся от холодного розового до фиолетового оттенка с завитками зелени, и всё оно было истыкано звездами. Девушка была уверена, что никогда не видела ничего подобного.

Он повернулся, чтобы встретиться с ней взглядом, когда она оторвалась от созерцания неба. Кестрел не понимала, почему он не мерзнет. А потом заметила его сгорбленные плечи и поняла, что это не так. Он посмотрел на тончайшие цвета ночи.

— Что это? — спросила она.

— Боги.

— Их не существует. — Она не знала, откуда пришло понимание, но знала, что верила в это.

— Они существуют. Они пришли, чтобы наказать меня.

— Это был ты, — сказала она, озвучив свои подозрения. И увидев, как перекосилось его лицо, она поняла, что была права. — Из-за тебя я попала в заключение.

Он встретился с ней взглядом.

— Да.

Глава 10

Арин не знал, как им все-таки удалось добраться до дома.

Состояние Кестрел ухудшилось. Её тошнило весь день. Ночью тело девушки будто безмолвно рыдало. Арин бы обнял её, но переживал, что это будет неправильно, даже при том, что она, казалось, была рада этому. Когда он обнимал её, Кестрел словно смывало волной в сон. Он почувствовал, что она пришла в себя, и испытал мучительную благодарность, что то утешение, которое он мог предложить, на самом деле ей не очень-то было нужно.

Она отказывалась принимать его помощь у него в доме. Алеющий летний день едва её грел. Кестрел забилась в свое грязное пальто, а их продвижение по дорожке к дому было таким медленным, что к тому времени, как они добрались до парадного входа, там уже собрался весь дом, дабы поглазеть на них. Кестрел не отрывала глаз от своих неуверенно шагающих ног, но Арин знал, что ей известно о собравшейся толпе, — её губы сомкнулись в жесткую линию.

Рошар подошёл к ним первым, прохрустев подошвами по гравию. Он был нехарактерно молчалив. Потрясен. Ещё ничьё появление так не потрясло его.

— Мне нужна Сарсин, — сказал ему Арин, но Сарсин уже была здесь. Кестрел внимательно посмотрела на неё и с мгновение помедлила. А затем она приняла руку девушки, и Арин заставил себя скрыть, как был этим уязвлен. Это следствие ничего иного, как ревности, и он укорял себя за столь низменное чувство. Арин плелся вслед за ними, не зная, куда деть опустевшие руки. Он не был готов стать бесполезным. По крайней мере, в тундре в нём нуждались.

Арин последовал за ними вверх по лестнице в восточное крыло, где Сарсин открыла дверь в комнату, в которой когда-то Кестрел уже жила. Когда они вошли, Арин постарался заглянуть в лицо Кестрел в поисках признака того, что она узнала окружение. Она понимала, что её изучают и почему это делается, поэтому отвернулась.

Сарсин усадила Кестрел в ближайшее кресло и встала на колени перед ней, сняла потрепанные туфли, в которых теперь с трудом можно было признать изящные башмачки дамы из высшего общества.

Лицо Кестрел стало напряжённым, когда она внимательно изучала темноволосую, склоненную голову Сарсин. Голос Кестрел, которым она почти не пользовалась последние несколько дней, хрипло произнес:

— Ты моя служанка?

Его кузина дёрнулась. Он заметил: Кестрел поняла, что сказала что-то не то. Сарсин взглянула на брата. Он склонился и прошептал ей что-то на ухо.

Сарсин аккуратно поставила обувь в пару.

— Да, — наконец произнесла она. — Я побуду ею, если хочешь. — Она поднялась и

стала помогать Кестрел снимать верхнюю одежду.

Нечто, что Арин пытался задушить внутри себя, будучи ещё в тундре, начало проситься выплеснуться наружу. Он не представлял, что случится, если все-таки внутренне отпустит себя. Ему нужно было выговориться... если ему вообще было что сказать... он ощущал дрожь, очень похожую на ту, что охватывала в тундре Кестрел по ночам.

Сарсин перехватила его взгляд. Она вздернула брови и перестала раздевать Кестрел. Её послание было предельно ясным.

Он кивнул. Арин должен уйти, конечно, должен, но он не мог заставить себя двигаться.

— Арин. — Теперь голос Сарсин прозвучал сурово.

Он развернулся, но не успев сделать несколько шагов, услышал, как Сарсин охнула. Он оглянулся.

Его глаза широко распахнулись. И он тут уже был рядом с ними, прежде, чем осознал, что сделал шаг. Его рука схватилась за свободный край рубахи Кестрел на плече. Он увидел его: красный рубец, расчертивший лопатку. Она вырвалась из его хватки. Одежда порвалась. Не сильно. Но достаточно.

— Арин! — Возмутилась Сарсин.

Он увидел еще рубцы, похожие на его собственные. Они рассекали её кожу, но прятались под одеждой. Он знал, что они по всей её спине.

— Я же тебя спросил?! — Его голос прозвучал отчаянно. — Я же спрашивал тебя, не пострадала ли ты...

— Всё в порядке. Всё зажило.

— Но ведь ты пострадала.

— Я не помню.

Он ей не поверил.

— Как это случилось? Как ты могла не сказать мне? — Он поставил её на ноги. Арин держал её за плечи. В них не было плоти, только кожа да кости. Он был сам не свой. Это был не его мир. Не его вариант мироздания, где такое могло стать реальностью.

— Ты пугаешь её, — сказала Сарсин.

Никакого страха. Лицо Кестрел пылало вызовом: подбородок вздёрнут, плечи расправлены, рубаха разорвана на шее. Один из шрамов зиял на её ключице. Она одернула ткань.

Ком встал у Арина в горле.

— Ты должна была сказать мне.

— Я ничего тебе не должна.

— Кестрел, ты... сделала кое-что для меня. Для этой страны. Разве ты не помнишь? Попробайся. Или позволь рассказать мне, прошу тебя...

Она вlepила ему пощёчину.

Он забыл, как дышать. Его щека горела. Она попала и по губам. Её глаза были расплавленным золотом, полны злости и утраты. Ему было слишком стыдно, чтобы заговорить.

— Я понимаю, ты хочешь помочь, — нежно проговорила Сарсин.

— Ну конечно, хочу, — прошептал он.

— Тогда тебе нужно уйти.

Он держал себя в руках, пока не остался в одиночестве в коридоре. Осев возле стены, Арин прикоснулся к тому месту, куда она его ударила. Его пальцы стали влажными. Он

установился на слёзы. Они сверкали на подушечках его пальцев, словно кровь.

Глава 11

— Она умрёт?

Сарсин захлопнула дверь в комнату у себя за спиной, приложив больше силы, чем требовалось. Она уперлась кулаками в бедра и внимательно посмотрела на Арина, который сидел, прислонившись спиной к стене напротив двери в покои Кестрел. Он будто одеревенел. Он не знал, сколько просидел там.

— Боги, Арин. Соберись. Нет, она не умрёт.

— Эти шрамы. Ей могли занести инфекцию. У нее может быть лихорадка.

— Это не она.

— Со мной случилось именно это.

— Она не ты.

— Ей не справиться. Будет только хуже.

— Её накачивали наркотиком по два раза в день, каждый день в течение месяца. И поэтому она ведет себя так отчасти от того, что её тело требует наркотиков, которых она не получает.

Он уловил, что речь шла о множественном числе.

— Так было несколько видов наркотика?

Хотя он уже и сам начал подозревать это, прочувствовав на собственном опыте головокружительную мощь дурмана, что ему дали в шахте, и то, как Кестрел стремилась к чему-то, что помогло бы ей заснуть. Как порой она умоляла об этом.

— Да.

— Это она тебе сказала? — У него больно кольнуло сердце. Он отвёл взгляд, чтобы кузина не заметила, как ранило его то, с какой легкостью Кестрел открыла Сарсин то, о чем ему приходилось только гадать. Он вновь очутился в палатке в тундре, слушал, как ветер хлестал палаточную ткань. Холод сочился из земли, Кестрел в его объятиях, его сердце бешено стучит, её тело ужасно содрогается, изгиб шеи в тусклом тёмно-зелёном свете. А потом его охватывает чувство облегчения, когда он слышит её размеренное, спокойное дыхание. Хотя его собственное ещё долго после этого остается прерывистым.

— Как тебе удалось заставить её уснуть?

— Она не спит.

— Что?

— Сейчас она довольно спокойна.

— Ты оставила её одну, бодрствующую? — Ему вспомнилось, как Кестрел стояла в маленькой лодочке над чёрной водой в ночь Первозимнего восстания, готовая прыгнуть. Он так и слышал, как она просит вызывающее онемение кольцо Рошара. — Так нельзя. Сарсин, нельзя оставлять её одну.

Руки кузины соскользнули с бёдер. Она уже не казалась такой твердой, выражение её лица смягчилось. Она выглядела усталой.

— Кестрел слишком сильна, чтобы решиться на то, о чем ты думаешь.

— Взгляни на неё. — Арин говорил так, словно Кестрел находилась рядом с ними в коридоре. «Взгляни на дело рук моих», — чуть было не сказал он, но прикусил язык. Потому что Сарсин наверняка ответит, что здесь нет ничьей вины.

Но он знал правду.

Сарсин села на пол напротив него, спрятав колени под муслиновыми юбками.

— Я уже её видела. Я её помыла и передела, и уложила в постель. Она истощена и больна, но жива. Она борец. И если ты не считаешь, что она сильная, то ошибаешься.

— Я побуду с ней.

Сарсин медленно покачала головой.

— Она не хочет тебя видеть.

— Мне плевать.

— Она не причинит себе вреда.

— Откуда тебе знать.

— Арин, само собой, я о ней позабочусь, но мы не можем быть с ней постоянно.

— Я ещё как могу.

— Её это выведет из себя. Она больше не знает, кто она такая. И как ей это узнать, если она не будет оставаться наедине с собой?

Арин пропустил пальцы сквозь грязные волосы и прижал ладони к закрытым глазам, пока под веками не появились белые пятна.

— Я знаю, кто она. — Гордая девушка. С горячим, благородным сердцем. И лгунья, лгунья. — Я должен был знать. — На него нахлынули мгновения, что он провёл с ней в столице, и заморозили кровь в его жилах. Арин проглотил её ложь. Как она его провела. Прогнала прочь, сделала его ничтожным. И он легко в это поверил. В этом был смысл.

Он проклинал себя. Арин увидел столько возможностей, что были у него в течение многих месяцев до её ареста, чтобы понять правду. Но ничего из того, что он увидел в столице или о чем подозревал, не складывалось в осмысленную картину. Всё казалось бессмыслицей, что очевидно было не так. Он не захотел увидеть в её глазах тоску, когда нашёл её на берегу канала. Внизу клокотала вода. Она была одета в платье горничной. Бессмысленно: чтобы она рисковала жизнью, ради помощи чужим людям. Бессмысленно: чтобы она передавала информацию помощнику Арина. Предательница своей страны. В Валории наказание за измену — смерть.

И Арин обвинил её в эгоизме. В столице он думал о таких словах, как жажда власти, мелочность и жестокость. Он бросил ей их в лицо. Он винил её в смерти восточного народа, проживающего на равнинах.

Лицо Кестрел, терзаемое какой-то мукой, словно тусклый огонёк в той грязной таверне. Белая линия рта.

Он всё пропустил или неверно понял.

Он упустил всё, что было важно.

Сарсин схватила его за запястья и отняла руки от глаз. Он посмотрел на неё, но не увидел. Арин видел изможденное лицо Кестрел. Он видел себя ребенком в ночь вторжения, солдат в своем доме, и как он ничего не сделал.

«Позже», — сказал он Сарсин, когда она сообщила ему о посланнике, который пришел, чтобы увидеться с ним.

«Нет, я не стану этого делать», — пообещал он Рошару, когда принц перечислил причины, по которым не следует спасать безымянную шпионку из заключения в тундре.

— Я был не прав, — сказал Арин. — Мне следовало...

— Тебе нужно перестать казнить себя и гадать, что было бы, если... Оставь это богу потерь. Единственное, что я хочу знать — что ты намерен делать сейчас.

* * *

Он очень долго откладывал поездку на бывшую виллу генерала.

Слова Сарсин звенели у него в ушах. Арин оседлал Джавелина и выехал через открытые ворота.

С нижней ветви дерева запел желтогорлый дрозд. Нескошенная луговая трава дотягивалась коню до самых коленей. Арин вел Джавелина через перешептывающееся зелёное море прочь от виллы, которую он ещё не был готов увидеть, вверх на холм, через апельсиновую рощицу, где уже зрели маленькие плоды. Они были жесткими и сухими, когда он сорвал один и почистил. Ещё неспелые. Но их аромат так манил, что он не удержался.

Арин клацнул зубами и щёлкнул языком, понукая коня пятками. Джавелин повёл ухом и припустил быстрее, коротко дыша и раздувая ноздри. Он был рад быстрой скачке.

Арин держался подальше от крупных построек. Соломенного коттеджа, некогда принадлежавшего няне Кестрел, расположенного к западу от заросшего сада. Пустых конюшен. Пустых лачуг рабов. Строения без окон, подобного сараю с облупленной штукатуркой, шелушащейся на солнце. Арин держал путь на Джавелине в определенном направлении, но слегка повернулся в седле, чтобы бросить взгляд на последнее строение. Меч уперся ему в бедро.

Арин добрался до кузни и, развернувшись, вылетел из седла, ударив сапогами о землю. Он ослабил подпругу коня и отпустил его. Трава была высокой и густой. Лошадиный рай.

Сапоги Арина громко чеканили каменные плиты. В городе имелись и другие кузни, которыми он мог бы воспользоваться, но к этой, словно в насмешку, он чувствовал притяжение. Всё в ней было так, как Арин оставил прошлой зимой. Инструменты висели там, где должно. Наковальня, будто кожей, была покрыта слоем пыли. Очагом давно никто не пользовался. Ведро для угля полное.

Он развёл огонь в кузнице, работая кузнечными мехами и наблюдая, как он оживает. Когда пламя набрало силу, он оставил его гореть. Арин вернется к нему потом. Какое-то время огонь будет жечь то, что ему нужно. А Арину тем временем (он заставил себя подумать об этом)... следует навестить дом.

Вилла генерала... вилла Кестрел — так и стояла пустой с тех пор, как он убил Плути прошлой зимой. Будучи предводителем геранского восстания, тот утверждал, что этот дом принадлежит ему. Он считал, что ему будет лучше всего жить в нём, потому что когда-то этот дом принадлежал генералу. А может, даже потому, что это был дом Кестрел. Арин не знал, что задумал Плут в отношении Кестрел, пока всё не случилось. Вспомнив, он с трудом сглотнул.

Его рука крепко сжала эфес. Он посмотрел на свои стиснутые кулаки, снова взглянул на отцовский меч, вытащив тот на дюйм из ножен, чтобы увидеть блеск зернистой закаленной стали на солнце. Затем он бросил его обратно в ножны и прошёл в дом.

Уцелевшая крытая галерея и вход, ведущий к фонтану, были безмолвны и покрыты пылью. По зелёной водной глади разгуливали водомерки. Со стен на Арина взирали боги росписи. И другие творения: олени, скачущие косули, птицы. Он мельком увидел одну, украшавшую фреску, застывшую в полете, и вспомнил, что впервые заметил её через плечо Кестрел в тот самый день, когда она его купила.

Внутри дом был почти пуст. Он думал, что так будет, но никогда не предполагал, что дом будет выглядеть вот так.

После подписания Арином императорского договора, обещавшего свободу Герану, валорианские колонисты отдали свои дома, находящиеся на данной территории. Явились корабли, чтобы вывезти имущество из освобожденных домов. Возникали и споры из-за

притязаний на это имущество. Тогда Арину приходилось вмешиваться и выступать посредником в переговорах, но дом Кестрел оставался неприкосновенным. Геранская семья, владевшая им когда-то, давно умерла. Когда в порту появился валорианский корабль, чтобы вывезти имущество с виллы генерала, Арин просто сделал вид, что ни корабля, ни дома не существует. Он сделал вид, будто бы дом давно разорен, что там и брать-то нечего. Он оказался почти прав.

Арин не был здесь с Первозимнего восстания. Ему не хотелось оказаться поглощенным комнатами Кестрел или видеть кухню, где людей заставляли работать, или набрести на место, где приказчик обвинил его в том, что он коснулся того, на что ему и смотреть-то нельзя. Затем последовало наказание. Экзекуцию провели вдали от дома, чтобы не смущать домочадцев неприятными звуками. Арину не хотелось вспоминать и музыкальную комнату, где играла Кестрел, или смотреть на библиотеку, внутри которой он как-то заперся вместе с ней. Ему не хотелось ни видеть, ни слышать, ни вспоминать ничего, связанного с этим местом. Даже когда он приходил с людьми и повозкой, запряженной тягловыми лошадьми, чтобы перевезти пианино в свой дом, Арин не стал входить внутрь. Он ждал снаружи с грузоподъемной системой, чтобы помочь втащить инструмент на тележку, когда его выкатили из широких дверей музыкальной комнаты.

Поэтому он не был готов к грязи, которую увидел и почувствовал.

Плут был мстительным. От углов разило мочой. Стены и окна были измазаны краской. Некоторые стекла разбиты.

Ноги Арина сами понесли его в музыкальную комнату. Всё здесь было странным: нотные листы, разбросанные по полу, некоторые из них обгоревшие, но едва-едва, словно Плут начал своё чёрное дело, а потом ему пришла идея получше, наверное, та же мысль, что уберегла его от разрушения фортепиано. Может быть, Плут не знал, как заставить Кестрел делать то, что ему нужно, или как подкупить её...

У Арина свело желудок. Лёгкие горели. Он распахнул окно.

Он посмотрел в сад, вспоминая, как тот выглядел. Когда-то он наблюдал, как идут волной цветы на ветру, пока Кестрел играет мелодию, написанную для флейты. Когда-то его мама пела эту мелодию по вечерам для гостей.

Он задумался, неужели в этом и был смысл рождения в год бога смерти: видеть скверну во всем.

Но свежий воздух прояснил голову. Он отправился на кухню. Там Арин разжег еще один огонь, на этот раз, чтобы согреть воды. Он нашёл резко пахнувший брикет щёлока. Ветошь. Вёдра. Тунговое масло с эссенцией апельсина. Уксус для окон и стен. Арин принялся убирать дом сверху донизу.

Когда он отжал тряпку, то почувствовал, что его бог глумится над ним. Уборка? Ах, Арин. Не для этого я тебя создал. Мы так не договаривались.

Арину не было смысла соглашаться на всё, что угодно, только из-за притязаний на него или чтобы понравиться.

Он не мог обесчестить своего бога. Но он также не мог обесчестить себя. Он вытолкнул голос из головы и сосредоточился на своей задаче.

* * *

Когда он вернулся в кузницу, огонь давно погас. Он вновь разжёг его и подбросил пламени угля. Затем сунул меч отца в огонь, чтобы нагреть его до состояния гибкости, а после положил на наковальню. Арин наносил удар за ударом по клинку. Его разум затих,

потому что руки были заняты, создавая нечто новое. Он сгибал сталь и складывал, слой за слоем. Кузнечная сварка. Сталь становилась сильной и упругой. Он изменил эфес. Форму и вес клинка. Арин сделал всё, что мог, чтобы создать кинжал для Кестрел. Это была его лучшая работа.

Глава 12

Она выплыла из мрака.

У неё болело всё: плечи, рёбра, особенно живот. Но спазмы, ломавшие тело, исчезли. Всё окружавшее её было невероятно мягким. Пуховая перина. Тонкая сорочка. Чистая кожа. Невероятно мягкая подушка под щекой. Кестрел моргнула, услышав короткий взмах ресниц, соприкоснувшихся с тканью подушки. Её волосы лежали свободно. Они были гладкими и чистыми. Когда она только сюда прибыла, они были омерзительными. Она вспомнила, как Сарсин распутывала их пальцами, смазанными маслом.

— Отрежь их, — сказала тогда Кестрел.

Но стоило только этим словам слететь с её сухих губ, как она почувствовала, словно разваливается на части, и её одолел суеверный страх, будто это не она произнесла, а эхом повторила уже когда-то сказанное ею же.

— О нет, — сказала тогда Сарсин. — Не в этот раз.

Отрежь их. Да. Это было в другой раз. А потом она вспомнила о мириадах косичек под пальцами, и то, как она ненавидела их... из-за призрака неожиданного приятного ощущения... и ещё чего-то приятного, но почему всё это куда-то делось, её разум отказывался говорить.

«Такая светская барышня, как ты, может потом пожалеть о том, что отрезала волосы», — сказала тогда Сарсин.

«Пожалуйста, я не могу это выносить».

Сарсин распутывала тугие колтуны — напоминание о трудовом лагере. Движение пальцев в её волосах кружило Кестрел голову. Она снова и снова стискивала зубы, чтобы не кричать от боли.

И теперь Кестрел в замешательстве коснулась ленты в волосах на подушке. В тюрьме она забыла, что такое цвет.

Ей знаком этот цвет. Тёмно-русый. Чуть рыжеватый. Когда она была маленькой, волосы были рыжее. Воинственно рыжий, говорил отец, крутя в руках её косу. Она подозревала, он был разочарован, что они со временем потемнели.

Кестрел села... слишком резко. Перед глазами потемнело. Голова закружилась.

— Ой, — раздался голос.

Её зрение прояснилось. Сарсин поднялась из кресла (сизовато-серого дерева, обивка цвета матового жемчуга; это тоже было знакомо) и подошла к столику, на котором стояла супница. Сарсин взяла чашу с дымящимся отваром и поднесла её Кестрел:

— Голодна?

Желудок Кестрел заурчал.

— Да, — сказала она, удивляясь такой простой вещи, как обычный голод. Она выпила отвар и сразу же почувствовал себя опустошенной. Чаша повисла у неё в руках. — Сколько? — только и удалось сказать ей.

— Сколько времени ты здесь провела? Два дня.

Окна были зашторены, но сквозь ткань проникал дневной свет.

— Тебя била дрожь, — сказала Сарсин, — и ты была очень больна. Но, похоже, —

женщина коснулась щеки Кестрел, — кризис миновал.

Женщина была доброй, подумала Кестрел. Преисполненная бодрой уверенности. Надежная, обстоятельная, неподдельно заботливая. Морщинки озабоченности вокруг глаз. Непритворные. Наверное.

— Тебе нужен крепкий сон, — сказала Сарсин. — Попробуешь поспать?

Кестрел и это понравилось: Сарсин знала, что нечто, должное быть очень простым, на деле оказывалось сложным. Это правда, что бодрствование и сон в последние дни (два дня, напомнила она себе) сместились и стали сумбурными. Она посмотрела Сарсин в глаза. Глаза девушки округлились от удивления. Теперь она увидела то, чего раньше не замечала. Её сердце бешено забилося.

Они были того же цвета. Серого, как морозящий дождь. Густые черные ресницы. Как у него.

И губы тоже. Не совсем такой же формы. Но линия нижней губы и то, как приподнимаются уголки рта при улыбке, совпадали...

— Ну что? — ласково спросила Сарсин, забирая чашу у неё из рук, которая внезапно стала тяжелее камня.

Кестрел потянулась к свободной руке Сарсин и сжала её, да так и осталась лежать под непоколебимым взглядом серых глаз. Неправильно это, настаивала часть её. Неправильно искать его в лице этой женщины. Вообще искать его. Но Кестрел искала и ничего не могла с этим поделать, и когда сон уже раскрыл объятия, чтобы принять её, она больше не боялась в него провалиться.

* * *

Когда она проснулась, за окном стояла ночь. Лампа тускло горела. В кресле притаилась большая тень. Длинные, одетые в штаны вытянутые ноги в зашнурованных сапогах. Тёмная голова неудобно запрокинута на резную спинку кресла.

Чистый, спящий. Суровые черты лица сейчас были мягче. Лицо выбрито. Шрам.

Он был слишком чист. И находился достаточно близко, чтобы она могла слышать его запах. Он странно пах: уксусом и апельсином, и... щелоком?

Он разлепил веки. Один неопределенный, долгий вздох. Настороженность в свете лампы. Он смотрел, как она наблюдает за ним, но не шевелился.

Её кроличье сердечко затрепетало. Кестрел разрывало на части между недоверием и доверием, и еще каким-то чувством, которому было сложно подобрать название.

— Спи, — прошептал он.

Она закрыла глаза. Кроличье сердечко успокоилось, свернувшись калачиком в собственном силке, и, казалось, теперь это существо больше стало напоминать себя прежнего: теплый мех, мягкий животик. В темноте вновь воцарился только звук дыхания.

* * *

Когда она снова проснулась, шторы были раздвинуты. Полдень. Жёлтый свет. Жемчужного цвета кресло оказалось пустым.

Неприятное ощущение стрелой пронзило её. Она не знала, что именно это означает, но это заставляло её чувствовать себя маленькой.

Кестрел резко села. На соседнем столике стояло зеркало. Девушка сползла с кровати. Она все еще была очень худой и неуверенно держалась на ногах. Да и туалетный столик с креслом стояли не рядом с кроватью. Для неё расстояние между ней и ними представляло собой настоящую пропасть. Когда она добралась до кресла, то просто рухнула в него.

Девушка в зеркале выглядела такой потрясенной, что первым инстинктивным желанием Кестрел было коснуться её. Чтобы успокоить. Кончики их пальцев встретились. Зеркало источало холод.

— Собираешься его разбить? — спросил голос.

Рука Кестрел упала. Она перевела взгляд и увидела Сарсин, стоящую в дверях у неё за спиной. Как бы то ни было, она не одинока. У женщины было такое выражение лица, как у человека, который наблюдает за кем-то уже какое-то время. В руках она держала тканевый сверток.

— Это не я, — произнесла Кестрел.

Сарсин повесила ткань, платье, на жемчужно-серую спинку кресла. Она подошла ближе и положила руку на плечо Кестрел — теплую, но всё так же не касающуюся отметин, которые она, возможно, видела на спине через тонкую ткань её сорочки.

Кестрел вновь взглянула на очень худую девушку с запавшими глазами. Растрескавшимися губами. На выпирающие ключицы.

— Вот, — сказала Сарсин и собрала волосы Кестрел. Она быстро заплела их в удобную косу.

— Он так делал, — неожиданно сказала Кестрел. Он когда-то заплел ей волосы. У этого (этого?) не было названия, у утраченного удовольствия, которое она пыталась вспомнить. Он не торопился. Чувственная медлительность. Его большой палец проводит по коже на тыльной стороне шеи. Завораживающе. А потом, на следующее утро, все те маленькие косички превратились в ужасные колтуны.

— Что? — Сарсин перевязала косу лентой.

— Ничего.

Сарсин встретила с её взглядом в зеркале, но лишь произнесла:

— Что ж, давай оденемся.

— Для чего?

— Для того, чтобы больше походить на себя. — Сарсин потянула её и помогла встать на ноги.

Платье оказалось слишком свободным. Но оно прекрасно сидело на плечах и было идеальной длины. Ткань, цветочный узор...

— Оно моё.

— Да.

— Но этот дом не мой.

Пальцы Сарсин замерли на пуговицах.

— Нет.

— Тогда что я здесь делаю? Где вы это взяли?

Сарсин застегнула последнюю пуговицу.

— Как много ты помнишь?

— Я не знаю. — Кестрел расстроилась. — Откуда мне знать, много или нет? Для этого я должна знать, сколько я забыла. Ты расскажи мне.

— Будет лучше, если ты спросишь кого-нибудь другого.

Кестрел знала, о ком шла речь. И вновь это ощущение его пальцев, скользящих по её волосам. Это правда? Её подозрения, возникшие еще в тундре, были правдой? Возлюбленный? Возможно. В любом случае, что-то нежное. Но нежное, как ушиб.

— Нет, — ответила Кестрел Сарсин. — Я доверяю тебе.

Сарсин присела, чтобы надеть ей на ноги туфли.

— Почему?

— Тебе ничего от меня не нужно.

— Кто это сказал? Горничная может захотеть вещи своей госпожи.

— Ты не горничная.

Сарсин подняла взгляд.

— Почему ты нянчишься со мной? — спросила Кестрел. — Почему так добра ко мне?

Сарсин уронила руки на колени, покрытые юбкой. Она обеспокоенно поводила большим пальцем по противоположной ладони. Затем поднялась и помогла Кестрел подойти к зеркалу, стоявшему на полу, что отражало её в полный рост. Выбившаяся из сил Кестрел, раздираемая внутренними противоречиями, позволила женщине подвести себя к нему.

— Ну вот, — сказала Сарсин, когда Кестрел взглянула на своё отражение. — Теперь ты почти похожа на истинно валорианскую даму. А ты именно она и есть. Когда я впервые тебя увидела, то сразу же возненавидела.

Кестрел внимательно оглядела себя. Она не увидела того, что стоило ненавидеть. Ничего. Только тень девушки в красивом платье.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я гадкая? — шёпотом спросила она.

Улыбка Сарсин вышла печальной.

— Нет.

Наступила тишина, которую Кестрел не хотелось нарушать, потому как на миг показалось, что она находится в вакууме безопасности, где нет места незаслуженной ненависти. Может, ей и не нужно ничего другого. Может быть, это было всё, что человеку необходимо.

— Почти одиннадцать лет назад ваш народ завоевал эту страну. Они поработили нас. Ты была богата, Кестрел. У тебя было всё, что пожелаешь. Вы были счастливы.

Кестрел нахмурилась. Слова Сарсин ей показались знакомыми, ей что-то вспомнилось, отдаленно. Но...

Это было желанием, поняла она. И счастьем.

— Всех деталей я не знаю, — сказала Сарсин. — Но мне известно, что прошлым летом ты купила Арина на рынке.

— Значит, это правда.

— Ты выиграла торги и привела его в свой дом. Но организатор торгов, мужчина по имени Плут...

Кестрел почувствовала мерзкий укол.

— ...хотел, чтобы ты выиграла. Арин тоже. Твой отец — самый высокопоставленный генерал в армии Валории. Арин шпионил ради геранского восстания. У него была ключевая роль. Ничего бы не вышло, если бы не он. Или ты. Ты, не понимая того, давала ему важную информацию. Да ты бы и не рассказала ему ничего, узнай, кто Арин на самом деле, и как он поступает с тем, что ты ему сообщаем. По всему городу произошли нападения на валорианцев, они были захвачены врасплох и убиты. И твои друзья в том числе.

Слёзы на мёртвой коже. Девушка в зелёном платье. Яд на фиолетовых губах. Кестрел сглотнула.

— После восстания, — продолжала рассказ Сарсин, — тебя поселили здесь.

— В качестве пленницы, — раздался приглушенный голос Кестрел.

Сарсин поджала губы, но отрицать не стала.

— Ты сбежала. Не знаю как. Следующее, что мы узнали, сюда явилась армия валорианцев и нас взяли в осаду. Но появилась ты и подарила Арину договор.

Тяжелый свиток бумаги под большим пальцем. Снег хлещет щёки. Белая бумага, белый снег, белое сердце.

— Договор провозглашал нашу независимость, мы становились самоуправляемой территорией, но при этом подчиненной императору. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Так оно и оказалось. Спустя несколько месяцев, местные начали заболеть. И я в том числе. Нас планомерно травили зараженной водой из акведуков. Император хотел убить нас, не рискуя жизнями своих солдат. Нам это известно наверняка, и мы это остановили, благодаря тебе. Ты снабжала информацией Тенсена, опытного куратора шпионов, оставшегося в столице. Арин не знал, кто был источником Тенсена. Тот отказался назвать имя, только кодовое: Моль.

Тебя схватили. Спустя какое-то время к нам с гор спустился геранский конюх, он принёс новости о том, что видел женщину в тюремной повозке, которая держала путь в тундру. Женщина отдала ему моль и попросила передать насекомое Арину. Арин отправился за тобой. И вот ты здесь.

Зубы Кестрел сжались, плечи одеревенели. Она не помнила большую часть из того, что Сарсин рассказала, и не была уверена, что делать с образами, пульсирующими в сознании. Она боролась с усталостью.

— Это безумие.

— Невероятно, я понимаю.

— Сказка. — Кестрел нащупала нужное слово. — Такое только в книжках бывает. Зачем бы мне делать подобное?

«Это был ты, — сказала она ему в тундре. — Из-за тебя я оказалась в заключении».

«Да».

— Похоже, я вела себя как полная дура, — резко сказала Кестрел.

— Ты вела себя как человек, спасший мне жизнь. — Сарсин коснулась тремя пальцами тыльной стороны ладони Кестрел.

Кестрел вспомнила значение этого жеста. Знание само открылось ей. Это был геранский жест. Он означал благодарность или извинение, или одновременно и то и другое.

Она собрала в две горсти ткань свободного платья. Мысли завертелись. Веки отяжелели и сами собой начали закрываться. Она пыталась представить себя прежнюю. Врага. Заключённую. Друга? Дочь? Шпионку. Снова заключённую.

— Кто я теперь?

Сарсин взяла обе руки Кестрел в свои ладони.

— Кто захочешь.

Сейчас Кестрел хотела оказаться спящей. Она, пошатываясь, дошла до ближайшего предмета мебели — дивана, но темнота накрыла её слишком быстро, чтобы успеть рассмотреть, что именно это было. Какой-то предмет, разве что не пол. Она сдалась ему на милость и быстро погрузилась в сон. Откуда-то взялась подушка, а потом и одеяло. Платье, которое принадлежало ей.

Кто-то перенес её на кровать. Не Сарсин.

Было темно, но тускло горела лампа. Кресло пустовало.

Она лежала, свернувшись на боку. Спина ныла от тупой боли. Неприятно жалили несколько глубоких отметин. В тундре она не особо обращала внимание на боль, потому что всё ещё находилась под воздействием наркотиков. Теперь их не осталось в организме, и тошнота вместе с тягой к яду были просто ужасными.

Боль вгрызалась в неё до самого сердца. Кестрел бросила взгляд на пустое кресло.

Ей пришло в голову, что после последнего раза, когда она проснулась ночью, он решил, что лучше будет держать дистанцию.

Ей пришло в голову, что холодок, который она ощущала, был ни чем иным, как чувством брошенности.

Она злилась на саму себя, на свое замешательство. Да кто она такая, чтобы позволить себе бойкотировать человека, спасшего ей жизнь, а потом еще и чувствовать себя обделенной из-за его отсутствия?

На самом деле она была не единой личностью, а двумя разными людьми. Кестрел прежняя и нынешняя, две половинки расколотой кости, которую теперь пытаются соединить.

Она повернулась на бок, лицом к стене, и протянула руку, чтобы коснуться, впервые, рубцов на спине. Сморщившейся плоти. Длинных зарубцевавшихся шрамов. Коснувшись, она отдернула руку и прижала её к груди.

«Засыпай», — приказала она себе.

Ей больше не нужна доза ночного наркотика. Не то чтобы... Мысли об этом ещё вызывали в теле тоску. Если бы кто-нибудь сейчас предложил ей порцию, то она залпом выпила бы её.

* * *

На следующий день (по крайней мере, Кестрел думала, что это было на следующий день, хотя казалось вполне возможным, что она могла проспать несколько ночей подряд), Сарсин помогла ей дойти до столовой. На столе лежали плоды илеа, хлеб, чай, молоко, связка железных ключей, и еще какой-то предмет, завернутый в муслин. Большой. Несуразный на вид кулёк. Он лежал рядом с ключами во главе тарелки.

— Это тебе, — сказала Сарсин.

— Сейчас Нинаррит? — Иноземное слово само пришло к ней на ум и сорвалось с губ. Древний геранский язык, вспомнила она, который был таким же древним, как их собственный. Никто давно на нем не говорил, но несколько слов сохранилось. До войны геранцы обычно дарили друг другу подарки на Нинаррит. Это был праздник.

— Нет. — Сарсин внимательно посмотрела на девушку.

— Что?

— Странно, что ты это помнишь.

— Кое-что я помню.

— Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мы праздновали Нинаррит.

— Что это слово означает?

— Оно состоит из соединения двух слов: «сотня» и «свечи». Этот праздник знаменует последний день, когда боги жили среди нас. Мы празднуем надежду, уповая на их возвращение.

Кестрел надавила на свою память и медленно вытаскала из её тягучих недр воспоминание.

— Моя няня. Она была геранкой. Я праздновала с ней тайно. — Кестрел задумалась, что

бы с ней стало, будь они пойманы. Страх закрался к ней в сердце. Но больше некого было ловить врасплох, некому было её наказывать. — Я любила её. — Но вспомнить имя женщины она так и не смогла. Страх Кестрел сменился чувством утраты. Она попыталась улыбнуться, ощутив её неуверенную поступь.

— Чай остынет. — Сарсин засуетилась возле крынки, и Кестрел была благодарна геранке за то мгновение, когда на ее лице не осталось бремени чьего бы то ни было взгляда.

Она сказала Сарсин.

— Я бы хотела отпраздновать Нинаррит с тобой.

— Если мы вообще до него доживём, — мрачно ответила женщина, но покачала головой, когда Кестрел посмотрела на неё. — Давай, бери.

Ключи оказались тяжелыми.

— Они от дома, — сказала Сарсин, — от всех дверей.

Ключи отягощали ладонь. Она должна была это помнить, подумалось ей.

Кестрел отложила ключи в сторону.

— А это? — Она пробежала пальцами по муслину, служившему оберткой.

Сарсин приподняла брови (в слегка язвительной манере, как показалось Кестрел, хотя что-то в выражении лица женщины говорило о том, что это меньше имеет отношение к самой Кестрел, а скорее касается того, что Сарсин знала, а Кестрел нет). Чёрные брови, обуздавшие цинизм, далекие от забав... и вновь Кестрел узнала в ней его. Он так же смотрел на Кестрел прежде. Она гадала: отчего ей так уютно с Сарсин и неудобно в его присутствии, и почему эта непринужденность возникла, несмотря на их похожесть или благодаря ей.

— Посмотри сама, — сказала Сарсин.

Это был кинжал, ярко сияющий в развёрнутой ткани муслина. Убранный в ножны, перевязанный тонким пояском. Кожаный ремень был крепким, но гибким, в нём отсутствовала какая-то особенная элегантность, ведь его целью были долговечность и удобство. В нём имелось всего несколько отверстий под язычок пряжки, что говорило об уверенности создателя в правильности размера. Модель ножен, как и пояса, была проста и строга, никакой вычурности, однако наконечник был больше выгнут, чем Кестрел доводилось раньше видеть (о да, осознала девушка, она очень хорошо разбиралась в кинжалах). Не столь острый, чтобы ранить носителя сего дара, но достаточно, чтобы нанести ущерб, будучи загнанной в угол противником с зажатыми ножнами в руке. И ножны были не столь просты, как показалось на первый взгляд. Чуть ниже у горловины: два кольца, одно внутри другого, различие которых заключалось лишь в гравировке. Символ повторялся и на эфесе, идя по кругу рукояти, тяжелой настолько, чтобы убить, если ударить ею по определенной части черепа. Рукоять (Кестрел обвила пальцы вокруг неё) — идеально легла в руку, изогнутый щиток гарды надежно защищал пальцы.

Она высвободила клинок. Он был очень валорианским. За исключением прямого кончика и неизвестного символа, каждый элемент демонстрировал принадлежность к валорианскому стилю, от изогнутой гарды до двойной кромки на скошенном лезвии. Сталь сияла голубоватым оттенком, демонстрируя своё качество, но Кестрел в любом случае поняла бы это. Кинжал был лёгким и проворным в её руке. Прекрасно скован. Сбалансирован. С замечательными пропорциями. Создан мастером кузнечного дела.

Кестрел коснулась края клинка большим пальцем. На коже выступила кровь.

— Боги, — воскликнула девушка и сунула палец в рот.

Сарсин рассмеялась.

— Да ты теперь новообращенная, не так ли?

Кестрел вздрогнула. Она совсем забыла про Сарсин. Девушка нахмурилась, не понимая, к чему она это сказала. Это был просто инстинкт. Или инстинкт кого-то другого, давно пустившего корни у неё в душе, обитающего где-то в скрытом пространстве, ставшем естественным для неё, чтобы призывать богов, в которых она не верила. Кестрел убрала лезвие обратно и со стуком вернула подарок на стол.

— Почему ты даешь его мне? — С ключами все было ясно. Они означали, что она здесь не пленница, а гостя. Даже больше, чем гостя, если она правильно поняла дар. У гостей нет доступа ко всем комнатам хозяев.

Но кинжал...

— Я могу им убить тебя, — сказала она, — прямо сейчас.

— О, не думаю. — Сарсин все еще выглядела удивленной, но веселой. — Ты пока не боец.

— Это неважно. — Кинжал и ключи почему-то начали её немного расстраивать, хотя оба подарка (каждый по-своему) демонстрировали абсолютное доверие.

— Подумали, — осторожно произнесла Сарсин, — ты не должна чувствовать себя беззащитной.

Кестрел открыла рот, а потом закрыла, не осознавая до сего момента, как она себя чувствовала, и что первая эмоция, которая овладела ею, после попадания под визуальные чары кинжала, была чувством безопасности.

Сарсин произнесла:

— Мы...

Кестрел обожгла женщину взглядом.

— Я не переживаю, что ты кое-кому сделаешь больно, — сказала Сарсин. И по тому, как она построила фразу, можно было понять что её беспокоило... или всё ещё беспокоит.

— Понятно. — Губы Кестрел сжались в тонкую линию. — Мне не нужен кинжал, чтобы совершить самоубийство. Но я не буду этого делать. Я не из трусливых.

— Никто не считает тебя трусихой, — заверила её Сарсин.

Кестрел положила вложенный в ножны кинжал к себе на колени и взяла его в обе руки. Она чувствовала, что он принадлежал только ей. И если ей придется его отдать, то она испытает настоящую боль. И по тому, как Сарсин посмотрела на девушку, Кестрел решила, что женщина поняла её. Кестрел расслабила руки. Кинжал был её, и это было правильно. Ей доверили оружие, и это тоже было правильно.

Сарсин допила своё молоко.

— Этот кинжал, как и платье? — спросила Кестрел.

— Я не очень понимаю, о чём ты говоришь.

— Он был создан специально для меня. А у тебя остались мои прежние вещи, как платье, например? Как кинжал?

Сарсин замялась, словно она хотела рассказать, но слова застряли в горле.

— Твоё фортепиано, — наконец выдавила она.

Перед мысленным взором Кестрел сразу же появился инструмент: чёрный, большой, слишком большой для её сердца, неожиданно зародивший в ней острое желание.

— Где оно? — с трудом произнесла она.

— Внизу, в салоне.

Нахлынули воспоминания о музыке. Изгиб пальцев. Поражающие красотой ноты.

— Я хочу его увидеть, — сказала Кестрел. — Сейчас же.

— Честно говоря, я не уверена, что ты сможешь спуститься по ступенькам.

— Но...

— Тебя можно было бы отнести туда. Но мне не справиться.

— О...

— Ты не такая уж и лёгкая.

Кестрел молчала.

— Так мне попросить, чтобы тебя спустили вниз?

Она знала, о ком спрашивала Сарсин.

— Нет.

— Тогда ешь свой завтрак.

И она без возражений занялась своим завтраком.

* * *

Иногда она ступала осторожно по своей памяти, и та скрипела и раскачивалась под ней, как мост, который едва мог вынести её вес. Кестрел хотелось отступить к тому, что она знала лучше всего: тюрьме. Там она научилась любить землю под щекой. Сухую и прохладную. С запахом того, чего никогда не касалось солнце. Она знаменовала собой сон. Она пила дозу ночного наркотика. Глоток за глотком. А потом она медленно плыла по течению бездействия и вновь проникалась любовью к стражнице, которая вела её, и любила мгновение перед сном, потому что это был всего лишь миг в череде мгновений, когда она не думала о том, как сдалась... и сдавалась на милость наркотику. У неё никогда не было другой жизни. Только эта.

Потом приходил сон. Он прижимал её к земле. Давил на лёгкие. Наркотик нежными пальцами раздвигал губы в блаженную улыбку.

Никто больше не оставался с ней на ночь. Ни Сарсин, ни он. И ей не нужна была компания, она не ребёнок. Её не пугали ночные кошмары, да она и не могла их вспомнить, когда просыпалась, как сейчас.

Пальцы Кестрел дрожали, когда она дотянулась до тускло горящей лампы на прикроватном столике. Она взяла лампу. Ключи. Натянула халат и прошла через свои покои, лоджию и вышла в сад на крыше. Она ступала босыми ногами по округлым камушкам. Темнота была такой приятной и тёплой, что Кестрел знала, она не замёрзнет.

Она должна знать различие между теплом и холодом.

Она должна знать, что нервничать — это нормально. Ускорялся бы её пульс, будь она прежней?

Кестрел перебирала ключи в связке, пока не нашла подходящий к двери в противоположной стене сада. Открыв её, она вновь увидела сад, совсем как тот, что простирался у неё за окнами. Она попыталась ступить по гравию, не производя ни единого шума. Тщетно. Кестрел пришло в голову, что камни там лежали как раз для того, чтобы производить шум. Она поразмыслила над тем, зачем кому-то понадобилось слышать другого человека, и это отвлекло её от забытого кошмара, который, казалось, разорвал её пополам.

Кестрел будто одновременно была и плотью, и тенью, словно она стала призраком себя.

Она делала это раньше: отпирала дверь, пересекала оба сада.

Его лоджия была темна.

Но она все равно открыла дверь. Прошла мимо горшечных растений. Подняла лампу, которую нашла возле двери в его покои. Коридор. Теперь, когда она ступала по плюшевому

ковру, её шаги были беззвучны. Комнаты хранили безмолвие. Оглядев мебель, она почему-то решила, что он никогда бы для себя не выбрал столь мужественный стиль, но она ему подходила. Хотя, что она знала о нём.

Крайне мало.

Она опустила лампу. Кестрел не знала, что именно здесь делает. Может, она хотела напугать его, чтобы он проснулся, лишить его сна. Заставить его чувствовать то, что чувствовала она, когда проснулась несколькими минутами ранее. Она представила, как кричит ему спящему в ухо.

И что было бы, разбуди она его? Кестрел словно увидела себя со стороны, — девушку из сказки на картинке, похищенную чудовищем, которое представало в своём истинном облике лишь ночью. Девушка держала лампу над кроватью. Она подкралась очень близко. Капля горячего масла упала на его обнаженное плечо, и он проснулся...

Может, Кестрел пришла за ответами. А они у него... или он только притворялся, что у него они были.

Может, это была плохая идея.

Она вошла в комнату, которая должна быть его спальней.

В комнате никого не было. Большая кровать аккуратно застелена.

Теперь она поняла, что все окна заперты. Воздух в помещении застоялся. В этих покоях никого не было уже несколько дней.

У неё устала рука. И всё тело. Кестрел поставила лампу, положила ключи.

Она коснулась подушки. Это была простая подушка. Она притронулась к одеялу. Всего лишь одеяло. Кровать — обыкновенная кровать. Ни больше, ни меньше, только то, что ей и самой сейчас было необходимо. Она опустилась на кровать. Она сказала себе, что ей неважно, что означает то, что она сейчас делает.

Кестрел легла на живот, потому что больше не спала на спине. Она прижалась лицом к подушке. Ткань пропиталась его запахом. Она поступила глупо, что пришла, но все же была не в силах встать и уйти.

Его призрак притаился между простыней. А тень её прежней притаилась в его тени.

* * *

Кестрел проснулась с рассветом, потому что привыкла просыпаться так рано в тюрьме. Она увидела, где находилась. И почувствовала, что проснулась в плохом настроении. Свет был розовым и прелестным. Обидно.

Это всего лишь привычка, сказала она себе. Вот почему она пришла сюда прошлой ночью. Не было никакой тайны, не существовало никакого клубка причин, который требовалось распутать. Всё было очень просто. Она привыкла спать рядом с ним в тундре. Она мерзла, а он согревал. От привычек избавиться не так-то просто. Вот и всё.

Она почувствовала себя униженной, когда соскользнула с его кровати. На этот раз она помнила, что ей приснилось.

Она поправила простыни, вернула всё как было. А потом убедилась, что не осталось ни единого следа её пребывания здесь.

* * *

— Значит, ты его сестра, — сказала Кестрел несколько дней спустя.

Сарсин пришлось поугovarивать её, чтобы они вышли на лоджию покоев Кестрел. В солнечном свете кожа Кестрел приобретала янтарный оттенок. Когда тепло проникло внутрь, напитав её, она поняла, что больше не больна, разве что саднили самые чудовищные

шрамы. И теперь при ней всегда был кинжал. Он покоился возле бедра.

— Нет. — Сарсин рассмеялась. — И не возлюбленная.

Кестрел нахмурилась. Она была в смятении. Не понимала ни смеха Сарсин, ни смены темы, которую даже не предполагалось обсуждать.

— Об этом ты спросила при нашей первой встрече, — объяснила Сарсин. Она подула, чтобы остудить свой чай. — «Сестра или возлюбленная?» Я его кузина.

— Где он?

Сарсин ничего не ответила... нет, подумала Кестрел, это не потому, что она не собиралась отвечать, а из-за того, что пыталась подобрать нужные слова. И в эту паузу Кестрел вспомнила его пустые комнаты, и ей больше был не интересен ответ на заданный вопрос. Она решила задать другой.

— Почему ты не стала его возлюбленной?

Сарсин поперхнулась чаем.

— Кузены иногда женятся между собой, — сказала Кестрел.

— Арин? Боги, нет. — Она всё ещё кашляла.

Кестрел не нравился собственный порыв то открывать, то закрывать, то вновь открывать тему разговора о нём.

— Я люблю его, — сказала Сарсин, — но не в этом смысле. Я осталась сиротой. Брат матери забрал меня к себе в дом. Родители Арина были добры ко мне. Но не его сестра. А Арин... — Она стряхнула капли пролитого чая с пальцев, потом остановилась и подумал. — Будучи ребенком, он был немного не от мира сего. Несколько замкнутым. Читатель. Фантазер. Худой, как щепка. Всякий раз, когда мне удавалось убедить его выйти на улицу, он шурился так, словно никогда не видел солнца. Но он выходил, чтобы порадовать меня.

Я была за городом вместе с няней, когда валорианцы завоевали его. У моих родителей имелось поместье к югу отсюда. Мне разрешили забрать некоторые вещи, перед тем как дом будет закрыт. Валорианский генерал... твой отец, сначала напал на город, а уж потом на сельские районы. Мы с няней пытались укрыться в доме, спрятаться внутри. Но не смогли. В дом вломились.

Не знаю, что стало с няней. Я её больше никогда не видела. А меня заставили работать на ферме моих родителей. Всегда есть работа, которую может выполнять и десятилетний ребёнок. Потом меня продали в другую страну, как вещь. Покидать родной край было больно, но и оставаться здесь тоже было невыносимо.

Я могу заставить себя делать то, что от меня хотят. Не каждый это может. Арин вот не мог. Во всяком случае, у него никогда не получалось подчиняться слишком долго. Но я и не была привязана к позорному столбу. Я была добра и мила и делала вещи, которые, возможно, в конечном итоге, были куда хуже наказания. Один из моих хозяев, в конце концов, решил привезти меня в город.

Перед войной, за день до отъезда в деревню, перед тем как я покинула этот дом, Арин вручил мне высушенный цветок. Он был розового цвета и напоминал веер. Я убрала цветок в свой медальон. Села в карету. Позже я потеряла медальон, потеряла цветок. Но я его до сих пор помню.

— Почему ты мне всё это рассказываешь?

Сарсин посмотрела на девушку, греющуюся в ярком свете солнца.

— Потому что ты меня поймешь. — А потом добавила: — И его. — Она снова умолкла. — Ты спросила, где он.

— Мне плевать, где он.

— Он был в отъезде. Только что вернулся.

После этих слов Сарсин резко встала и вышла.

Очевидность намека Сарсин, чтобы она сходила и повидалась с ним, настолько вывела Кестрел из себя, что она почти предалась ничегонеделанию. Раздражение нарастало и заполонило всё. Если Сарсин вложит в руку Кестрел цветок, то она раздавит его в кулаке, и с радостью увидит осколки розовых лепестков. Она почувствовала себя точно так же, сродни этим осколкам, когда проснулась в пустой постели.

В конечном счёте, раздражение обернулось гневом, который поднял её на ноги и заставил выйти за дверь.

* * *

Когда девушка шагала по коридору, что вёл из его лоджии в другую комнату, она слышала приглушенные удары, доносившиеся из глубины его покоев. Короткий металлический стук. Тихие звуки.

Тишина.

А потом тишина изменилась. Эта перемена была похожа на то, что происходит с мыслью — когда ненавязчивая идея-изыскание превращается в твердое решение.

Шаги. Они приближались.

Пульс Кестрел зачастил. Она замерла на месте. Девушка держалась за свой гнев... и каким-то образом растеряла его, когда он появился на пороге комнаты, в которую она уже вошла. Арин выглядел не так, как она ожидала. Без ботинок, куртка наполовину расстегнута. Чумазый. Небритый. Шрам полосой белел на темной коже.

Вздвогнув, он замер. А потом чуть улыбнулся. Улыбка была приятной. Это настолько отличалось от её чувств, что удивляло, как два человека, находящиеся в одном и том же помещении, могут испытывать настолько разные эмоции. Пока она думала об этом различии, для неё стало очевидно, что она уже и сама не знала, что именно чувствует.

Кестрел узнала ржавые пятна на его коже. Проще было сосредоточиться на этом. Это легче интерпретировать. Она вспомнила металлическое клацанье. Он вернулся с войны.

— Ты победил? — спросила она.

Арин рассмеялся.

— Нет.

— Что смешного в проигрыше?

— Не в этом дело. Просто... то, как ты задала вопрос, так похоже на тебя.

Она вздернула подбородок, почувствовав, как напряглось все её тело.

— Я не она. Больше не она. Я не тот человек, которого ты... — Она осеклась.

— Которого я люблю? — спросил он тихо.

Она ничего не ответила. Арин посмотрел вниз на грязные руки и потер их друг о друга.

— Извини, — сказал он. Арин сдвинулся с места, собираясь выйти из комнаты, но потом помедлил, положив палец на древесину дверного проема. — Я вернусь. — Тон его голоса, заставил Кестрел осознать, что его возвращение было очевидным для него, но не для неё, и что эта пауза возникла из-за понимания: что было очевидным для него, вовсе не столь очевидно для неё. — Через мгновение. Пожалуйста, не уходи.

— Хорошо, — ответила Кестрел, неожиданно для самой себя.

Он ушёл. Её сковала нервозность.

Кестрел не собиралась поддаваться нервозности. Этот решительный отказ помог

продержаться чуть дольше. А потом: осознание — несмотря на то, как он выглядел, в нём чувствовалась своего рода доброта. Это успокаивало, и даже если Арин надеялся именно на это, Кестрел поняла, что трудно обижаться на того, кто добр.

Она все еще раздумывала над этим, когда он вернулся. Арин сменил куртку на свежую рубашку. И обулся в мягкие туфли. Лицо и руки чисто вымыл. В одной руке он держал свиток. Арин развернул его на небольшом восьмиугольном столе (изящном, с передвижными ножками; на двоих; столик для завтрака).

Свиток оказался картой.

— Мы потеряли остров Итрия, — сказал он, указывая на юг. — Он необитаем, но... — Арин прижал ладонь к столу в том месте, где бумага заворачивалась, и посмотрел на девушку. — Ты хочешь узнать об этом?

— А мне лучше не знать?

— Нет. Но тебе это может не понравиться. Мой народ воюет с твоим.

Её народ заточил её в плен. Они причинили ей боль. Она скрестила руки на груди.

— И что?

— Твой отец...

— Не говори о нём.

Её пульс вновь зачастил, застучав в ушах. Его тёмные брови приподнялись... и руки тоже. Ладони приподнялись над картой, но кончики пальцев продолжали придерживать бумагу. Кожа Арина была чистой, но ногти были обведены чёрным. Странно. Она сосредоточилась на этом. Как только Кестрел это сделала, она сразу же успокоилась. Её успокаивала сосредоточенность, чернота его ногтей показалась знакомой. По крайней мере, она могла распознать, что ей знакомо, а что нет, даже несмотря на то, что пока ещё не понимала, как это интерпретировать.

— Ты не очень тщательно вымыл руки, — сказала она.

Арин опустил взгляд на свои пальцы. Он убрал руки с карты. Бумага свернулась.

— О. — Он потёр большим пальцем ногти. — Это. На это нужно время, чтобы отмыть. — Его взгляд опустился, как ни странно, к кинжалу на её бедре, а потом Арин резко отвел его прочь, и это навело её на мысль, что он думал о сражении, в котором только что участвовал.

— Означает ли, что, проиграв эту битву, ты проиграешь всю войну? — спросила она.

— Возможно.

— Скольких людей ты убил?

Он пожал плечами. Он не знал.

— Это беспокоит тебя?

Он посмотрел ей в глаза, а потом медленно покачал головой.

— Почему? Тебе нравится убивать?

— Они хотят отобрать у меня страну.

— Значит, все-таки нравится.

— В последнее время, иногда.

— Почему?

— По многим причинам.

— Это не ответ.

— Но ты одна из этих причин, Кестрел. Вряд ли ты захочешь об этом услышать. Я боюсь, что ты вынудишь меня сказать то, что потом заставит тебя уйти.

Это дало ей время подумать. Кестрел вспомнила, как тщательно расправляла простыни, чтобы стереть своё присутствие в его комнате.

— Я не... — Слова застряли у неё в горле. Она присела на столик и уставилась на символ, вырезанный на его поверхности. Символ изображал бога. Вероятнее всего. У геранцев их много. — Я не понимаю, почему столько всего забыла.

— Ты была под воздействием наркотиков. — В его голосе осталось нечто невысказанное.

— Но ты считаешь, что дело не только в них.

Арин взял другой стул, но сел поодаль, отвернувшись от неё в сторону восточного окна, позволив девушке любоваться профилем без шрама. Пока он говорил, ей пришло в голову, что, может, и он ощущал себя двумя разными людьми, как бывает со многими, и дело не в том, насколько сильно человек пострадал, а насколько это повреждение видно.

Она изучала его. Похититель, спаситель, преступник.

Арин продолжал говорить. Кестрел стала прислушиваться. Это была, мягко сказано, страшная, нескончаемая история. Он едва делал паузу для того, чтобы перевести дыхание. Когда он описал ночь валорианского вторжения и себя ребёнком, Кестрел начала понимать, каким естественным для него стал рефлекс самобичевания. Укоренившегося. Вероломного.

«Ты причина моего попадания в заключение».

«Да».

Ей пришло в голову, что он мог незаслуженно взять на себя вину.

Ей пришло в голову, что она уже об этом догадывалась, ещё до того, как он начал рассказывать свою откровенно ужасную историю.

И что, возможно, она была жестока.

Но эти размышления — это не то же самое, что доверие. Однако Кестрел продолжала слушать. После того как он закончил рассказывать, она слушала его молчание.

Арин заговорил снова:

— Может, для тебя дело не только в наркотиках. Может быть... есть вещи, которые ты не можешь помнить. — Он посмотрел ей в глаза, а потом отвёл взгляд, и Кестрел поняла, что это было не оттого, что он боялся позволить ей увидеть, насколько ему было тяжело или нет справляться с его воспоминаниями, все потому, что он боялся её утраченных воспоминаний, и не хотел показывать ей этот страх, боясь напугать её.

— Я не выбирала забытьё, — сказала она.

Уголок его губ приподнялся. Это была не фальшивая улыбка, но самая что ни на есть настоящая, насколько она могла таковой быть. Арин говорил непринужденно, словно произносил шутку, понятную им обоим.

— А я не выбирал помнить. — Он полностью повернулся к ней лицом. — Я могу спросить?

Кестрел обдумала его просьбу. Она не знала.

— Мне не нужна информация, — спешно добавил он. — Мне ничего не нужно. Вернее, правильнее будет сказать, что мне на самом деле кое-что нужно, но лишь для понимания. Это другое, не так ли, просить об одолжении, или... эмоции? — Он остановился, будучи заложником честности и попыткой облечения её в неподходящие слова. — А может быть, и не другое. Ты не обязана отвечать.

— Просто спроси.

— Ты не хотела, чтобы я рассказывал о том, что не можешь вспомнить сама. И не

спрашивала. Не говорила. Ты... — Он не произнёс этих слов вслух. Но Кестрел все равно поняла, что он имел в виду. Злость. Ужас. — Это потому, что ты и правда не хочешь ничего слышать, или... не хочешь, чтобы именно я тебе об этом рассказал?

— Сначала спрошу я.

Это застало его врасплох.

— Разумеется.

— В тундре ты сказал, что это по твоей вине я оказалась в лагере.

— Да.

— Каким образом?

— Каким образом?..

— Ты кому-то рассказал, что я шпионила для Герана?

Он отпрянул.

— Нет. Я не знаю. Я бы не стал этого делать.

— Тогда в чём именно твоя вина? Что ты сделал?

— Я...

— Я имею право знать.

— Ты солгала, — выпалил он. — Ты солгала мне, а я тебе поверил. Я не просил тебя рисковать собой. Я никогда не хотел, чтобы ты этим занималась. Я никогда бы подобного не пожелал. — Его губы плотно сжались, глаза расширились, залившись чем-то обжигающим, насыщенным и причинявшим боль. — У меня было столько возможностей, чтобы понять, чем ты занимаешься. А я так и не понял. Я не остановил тебя. Не помог тебе. Я презирал тебя.

— Я солгала, — повторила она.

— Да.

— Расскажи мне, что это была за ложь.

— Боги. — Арин провел рукой по волосам. — Ты солгала про договор. Ты согласилась выйти замуж за другого, чтобы у меня была бумага о мире. Ты пыталась помочь восточному народу равнин, но позволила мне думать, что виновата в их смерти. Вот как ты действовала. Эгоистично. Ужасно. Ты работала на моего куратора шпионов и солгала мне об этом, а он солгал мне, и из-за этого я теперь ненавижу его. Я ненавижу себя за то, что ничего этого не понял. Он знал. Он позволил тебе. Кестрел, ты совершила государственную измену. Как ты могла так поступить? Ты должна была умереть. — Его голос стал тише. — И самое худшее... я не знаю... самым худшим было то, что ты лгала о... — Он умолк и нервно вздохнул. — Ты лгала так долго.

На какое-то время воцарилась тишина, а потом Кестрел медленно проговорила:

— Я всё это сделала ради тебя.

Он покраснел.

— Возможно, у тебя были другие причины.

— Но тебя волнует именно эта.

— Да.

Она боролась с собой, не зная, что сказать. Было странно говорить о безрассудном выборе, которого она не помнила. Это помогло увидеть его гнев, пузырящийся на поверхности всего остального. Было облегчением узнать, что она не одинока в своём гневе. То, что сделала она прежняя, было глупостью, но и храбростью. Она это понимала. Но она понимала, как это видел он, и насколько для него всё стало хуже.

Тем не менее, ей стало легче: узнать, что не всегда она была оболочкой исчезнувшей личности. Но и стало труднее получить представление о том, кем она была. Кестрел видела огромное различие между тем человеком и этой девушкой, сидящей на стуле, потому что была слишком слаба, чтобы подняться. Эмоции клокотали в ней.

— Твой вопрос.

— Не бери в голову.

— Я тебе отвечу.

Он покачал головой:

— В этом нет необходимости.

— Дело в тебе. Это правда, я не хотела, чтобы ты рассказывал о том, чего я не могу вспомнить. Только не ты. — Кестрел заметила, как он вздрогнул, но постарался скрыть это. Слезы хлынули у неё из глаз. — Кто ты такой, что знаешь обо мне так много, даже то, чего я сама о себе не знаю? Кто тебе дал право объяснять мне, кто я такая? Кто разрешил? Я тебе такого права не давала. Это несправедливо. Ты несправедлив. — Ее голос надломился. — Я несправедлива.

Выражение лица Арина изменилось.

— Кестрел.

Кестрел затаила дыхание и не дышала, пока лёгкие не заболели. Она не могла говорить. Вот она, правда, открыта, как на ладони: она сама причина своего попадания в тюрьму. Она совершила какую-то роковую, неизвестную ей ошибку. Арин выглядел как настоящий преступник, но это был вовсе не он.

Это она. Виновата была она и только она.

Арин потянулся к ней через стол. Его теплая рука накрыла её руки. Кестрел увидела ногти с черным ободком сквозь пелену слез. Ногти...

Кузнец.

Внезапное понимание парализовало девушку. Она начала осознавать тяжесть кинжала на своем бедре. Её видение прояснилось. Она посмотрела на Арина. Он выглядел молодо. И был слишком внимательным, и обеспокоенным, и неуверенным, и... возникало нечто новое. Это изменило выражение его лица, как свет меняет вещи, падая на них. Искра надежды.

— Может, — произнес он, — мы попробуем быть честны друг с другом.

Кестрел задумалась, что же он увидел в её выражении лица, что взрастило в нём надежду. Что же он увидел, гадала она.

— Арин, мне понравился кинжал.

Он улыбнулся.

Глава 13

— Они обосновались на юге, — сказал Рошар.

— Знаю, — ответил Арин.

— А я вот сомневаюсь, что ты знаешь что-то, не связанное со твоей тщедушной барышней.

— Перестань.

Они проговорили некоторое время. Шутливый настрой Рошара сменился настоящим разочарованием. Арин же напротив, только укоренился в методичном отстаивании своих взглядов. Они сидели в кабинете, примыкающем к библиотеке, стол между ними усеяли бумаги и карты. Эта комната была намеренно выбрана для аудиенций, чтобы их никто не мог подслушать за закрытыми дверями. А даже если из коридора первого этажа северной

части дома и доносились какие-то голоса, слов разобрать не представлялось возможным. Несмотря на жаркий день, окна с ромбовидными стеклянными панелями были заперты, потому что Рошар жаловался на холод. На самом деле, ему просто не хотелось переносить их разговор в сад. Но эта встреча, которая, как предполагалось, была посвящена продумыванию тактики, позволяющей сдерживать валорианского генерала у берегов полуострова, испортилась до такой степени, что Арин бы не удивился, если бы Рошар сломал что-нибудь, возможно, одно из окон, потому как именно это произвело бы больше всего шума.

— Мы потеряли остров, а ты... а что ты?! — Рошар распростер руки. — Ты вообще здесь? Нет, тебя здесь нет. Ты наверху, таскаешься по её комнатам, лезешь ей в голову. Арин, этому нужно положить конец.

Но Арин ничего не ответил.

Рошар ругался на него на дакранском, осыпая такими замысловатыми и красочными проклятиями, что Арин даже не пытался разобраться в столь витиеватой грамматике.

В последовавшей после этого тишине Арин раздумывал о том, что бог смерти бросил его. Он напрягся, чтобы услышать своего бога. Он также вознёс молитву и богу войны — союзнику смерти, любителю крови, — но молитвы не возымели успеха. Остров Итрия был потерян. Теперь он, юг Герана, служил валорианцам опорным пунктом. Пройдёт совсем немного времени, и армия генерала вновь попытается высадиться на полуостров... хотя пока не ясно, где именно.

— У моей сестры есть к тебе несколько непростых вопросов, — сказал Рошар.

Арин не мог не вспомнить последний поцелуй королевы, который она подарила ему весной. Он прижал её к закрытой двери. Она хотела его. Кестрел тогда сказала, что он ей не нужен. Тогда и она была ему не нужна. Или он так думал. У Арина скрутило живот от стыда.

— Арин, будь любезен, отвечай, когда с тобой разговаривают.

— Твоя сестра не моя забота.

Принц прижал ладони к лицу так, что они создали подобие маски, которая открывала только недоумевающие глаза. А потом его пальцы поползли вверх, поверх зажмурившихся век.

Но что мог сказать Арин? Он не мог объяснить, что чувствовал после стольких дней, когда Кестрел пришла к нему сказать, что ей понравился кинжал, когда услышал раскатистые переливы фортепианной игры в дальней комнате, как он задержал дыхание, когда услышал захлебнувшиеся ноты, а потом отработку ошибок. И мелодия полилась плавно. Это чувство для него было внове, свежее и ярче. Оно кружило внутри него, согревая, обволакивая летом.

— Мы использовали этот город в качестве базы. — Рошар опустил руки. Он перешел на язык Арина. Мужчина говорил, срываясь на крик, как это делают порой дети. — Это было удобное место перевала. Мы здесь сейчас только потому, что залив — хорошее место для нападения и защиты вдоль всего восточного побережья между нами и Итрией. И город, будучи главным трофеем генерала, должен быть защищен. Но генерал, скорее всего, не клюнет на это. Пока. Особенно, когда мы засыпали горный перевал, который он использовал для первого вторжения. Когда наш флот стоит в бухте. Ему ничего не стоит взять все, что попадется под руку, включая свежий урожай, и двинуться на север, вглубь страны, к городу, где он сможет пробить брешь в стене, и захватить вожделенное.

Арин был не согласен.

— Вскоре я собираюсь на юг, малыш-геранец. Я не вернусь в твой прелестный домик с

моим новым очаровательным гостем. Ты предпочтешь присоединиться ко мне, чтобы отстоять интересы собственной страны, или останешься чахнуть здесь со своей валорианской девой-призраком, пока её народ будет ломиться в твои двери, чтобы убить вас обоих?

— Я пойду с тобой, — сказал Арин... но не сразу и с ноткой сомнения, что появляется, когда обвинение бьёт прямо в цель.

— Мой принц. «Я пойду с тобой, мой принц».

Но Арин этого не сказал, даже в такой же издевательской манере, как прозвучал тон Рошара. Он сглотнул ком, застрявший в горле. У Арина во рту появился тот же привкус, что и много лет назад, когда валорианцы засунули ему в рот сбрую.

— Я очень надеюсь, — сказал Рошар, — что то отсутствие благоговения и самосохранения, которого тебе не хватает, возместится сторицей возвращением твоей обычной жестокости и феноменального таланта бойца. Я хочу перебить их всех. Ты можешь сделать это для меня?

— Да.

— А как дела с твоим оружием?

Определение Рошара оказалось как нельзя более точным для изобретения Арина, поскольку этот термин давно использовался для обозначения пушек любой формы и назначения.

— Теперь мы можем предложить больше, — ответил Арин, — но меня беспокоит точность устройства. — Он перебрал документы на столе, чтобы найти схемы и чертежи оружия. Арин выбрал конкретную страницу и внимательно просмотрел ствол и фитиль. — Если останется как есть, то мы рискуем при поджоге ударить по собственным солдатам. Эффект неожиданности для валорианцев случится лишь единожды...

Между ними за чертежом протянулась рука.

Рошар развернулся, Арин не шелохнулся.

Кестрел рассматривала чертеж и не обращала никакого внимания на шумно втягивающего носом воздух Рошара, лицо которого, и без того страшное, перекосило от злости. Она только единожды подняла глаза и бросила холодный взгляд на принца, а потом вновь углубилась в изучение чертежа. Арина она вообще не удостоила взглядом. Её обутые в мягкие туфли ноги проваливались в воздушный ковер с ярким рисунком, когда девушка тихо отошла поближе к окну. Луч света упал ей на щеку, бумага словно засветилась, а волосы загорелись. У Арина свело живот, в горле встал ком. Под девичьими глазами по-прежнему лежали тени, но она набрала вес и больше не казалась сильно истощенной. И в очередной раз в Арине возродилась надежда.

Он и забыл, на что Кестрел смотрела, пока она не заговорила:

— В этом артиллерийском орудии изъян.

— Что?! — Рошару едва удавалось сохранить самообладание.

— Оно круглое. Вы собираетесь стрелять ядром, как из пушки. Но это не пушка. Пушки не предназначены для прицельной пальбы. Они созданы, чтобы нанести наибольший урон определенному пространству. Это... орудие, так вы сказали?

Только теперь Арин задумался, сколько она успела слышать, когда вошла в комнату. Он не думал, что ей понятен восточный язык, но они с Рошаром какое-то время говорили на геранском.

— Оно, похоже, предназначено для нанесения определенного типа вреда человеку или

его частям тела, — продолжила Кестрел. — В каком-то смысле, оружие напоминает лук и стрелы. Но кончик стрелы не круглый. Он заострен. И благодаря этому стрела летит точно в цель. И она погружается в плоть. Если вам нужна большая точность, то пушечное ядро не должно быть шаром. Оно должно иметь коническую форму. Заострите его.

Она вернула чертёж Арину, а затем так же бесшумно выскользнула из комнаты, как и пришла, закрыв за собой дверь.

— Арин, — голос Рошара прозвучал угрожающе, — та дверь была заперта.

— Я отдал ей ключи.

Рошар разразился гневной тирадой.

* * *

Кестрел стояла на окраине сада, возле фруктовых плантаций, когда он нашел её. Восточный принц держался на расстоянии, но он определенно явился сюда, чтобы поговорить с Кестрел. Спелые илеа тяжело свисали с деревьев. Некоторые из пурпурных плодов упали на траву.

По ним ползали осы. Они не докучали ей, но солнце её утомило.

— Что тебе нужно? — спросила Кестрел, когда принц подошёл.

— Мне хотелось бы узнать, сколько ты знаешь. — Рошар увидел её выражение лица. И благодаря увиденному, изменилось и его собственное. Поэтому он добавил уже мягче: — Это вопрос безопасности.

— Моей или твоей?

— Личная безопасность меня волнует настолько, насколько тебя волнует собственная.

— Значит, и его.

— Идёт война. Безопасность многих людей под угрозой.

— Если ты ведёшь безопасную войну, то проигрываешь, — сказала она, а затем смутилась. Очевидно, что эти слова принадлежали не ей. Они принадлежали человеку, который очень хорошо знал, что такое война и с радостью делился с ней своими наблюдениями.

Кестрел покачала головой. Она не хотела думать об этом. У неё кружилась голова, кололи невидимые иглы. Она сосредоточилась на принце: его увечьях, подведённых тонкой линией глаз.

— Откуда ты так хорошо знаешь мой язык?

Рошар приподнял брови.

— Я хотела сказать, его. — Она понимала, что геранский не был ей родным языком. Однако она почему-то чувствовала, что это не совсем так.

— Я был поработан твоим народом. А потом меня продали в эту страну.

Она вновь посмотрела на его отсутствующий нос, на срезанные, как у рептилии, ноздри.

— Это они с тобой сделали?

Он улыбнулся во все зубы.

— Я знаю, что так поступали с беглецами, — заговорила Кестрел, пытаюсь разобраться, правдивы ли её воспоминания. — Но не помню, чтобы видела, как это происходит.

— Тебе вряд ли бы это удалось. Ты же леди. Это часть привилегий — не приходится смотреть на уродство.

— Ты не урод.

— Ну что за прелестная лгунья.

— Пока не улыбаешься. Тогда ты похож на ухмыляющийся череп. Ты делаешь это

намеренно.

— А, значит, не так уж я и мил.

— А я не лгунья.

— Но ты была ею. И из того, что я слышал, очень хорошей. Кто сказал, что ты не лжешь о потере памяти?

Она наградила его взглядом такой лютой ненависти, что он отпрянул. Зажужжали осы.

— Должен признать, — сказал он, — порой я обижаю, но не нарочно. Это как моя улыбка.

— Это не извинение.

— Принцы не извиняются.

В мгновение ока, одним быстрым движением, кинжал в её руке оказался у его горла. Рошар, ощерясь, запрокинул голову.

— Извинись, — сказала она.

— Не думаю, что дать тебе кинжал, было мудрым решением. Ты какая-то нервная.

Кестрел прижала кинжал сильнее. Рошар отступил назад. Она сделала шаг вперед.

— Все говорят, что я совершала чудовищные поступки. Предала свою страну ради высшего блага. Я была такой благородной. — Её рот скривился в иронической усмешке. — Бедняжка. Бедная Кестрел, ах, эти её никчемное слабое тело и пустой разум. Зачем мне сейчас лгать?

— Чтобы мучить его.

Вздрагнув, она опустила клинок.

— Ты его мучаешь, — повторил Рошар.

— Вот для чего ты здесь. Чтобы защитить своего друга от меня?

На этот раз улыбка Рошара была простым изгибом губ.

— Мне ничего от него не нужно.

— В этом и состоит часть проблемы.

— Мне плевать на вашу войну, — сказала она, будто не слышала его.

— Плевать, говоришь... Поэтому ты просто так даешь совет, как улучшить оружие, созданное изрешетить твой народ? Оружие, которое, если нам повезёт, уничтожит твоего отца.

— Моего отца. — Голубое небо почернело. Осы жужжали у неё в голове. Кестрел открыла рот, чтобы заговорить. Но ничего не вышло.

— Именно так, — сказал Рошар. — Он возглавляет валорианскую армию. Разве тебе никто не сказал?

Рука, державшая кинжал, обмякла. Она подумала о своем разговоре с Арином в его покоях. Он пытался сказать ей.

Рошар прикоснулся к её плечу. Взгляд Кестрел прояснился, пульс ускорился.

— Я прошу прощения. Извини за то, что сказал ранее.

Она чувствовала себя одновременно легко и будто ей на плечи давил тяжкий груз, словно её сердце вырвалось из тела на свободу и пропало, и она больше не знала, чем она была — сердцем или телом.

— Кестрел?

С одной стороны, совершенное оружие, созданное убивать её народ, а с другой — осознание, что она вообще не приняла во внимание своего отца, ни разу даже не задумалась о его роли в этой войне, хотя у неё имелось достаточно информации, чтобы догадаться без

подсказок.

Кестрел осознала, что не сожалеет о том, что усовершенствовала оружие. Часть её хотела, чтобы целью стал отец. Её собственный отец. Да что же она за человек?!

— Я не помню, как выглядел в прошлом, — внезапно сказал Рошар.

Кестрел потребовалось некоторое время, чтобы понять значение его слов.

— Когда я смотрюсь в зеркало — это всё, что я вижу, — продолжил он. — Нет никаких воспоминаний о том, каким я был прежде.

Аромат плода илеа пьянил. Она забыла своего отца. И не хотела его вспоминать. Переведя взгляд на лицо Рошара, Кестрел встретила взглядом с его прекрасными, нетронутыми клинком, глазами. И обратила внимание на атласную тёмную кожу его щёк.

— Ты скучаешь по тому, каким был? — спросила она.

Сначала она думала, что он ответит в своей привычной саркастичной манере, но он просто пожал плечами. А когда Рошар заговорил, его голос прозвучал непринужденно, но бесцветно.

— А какой прок в сожалениях? — Он прищурил глаз и, видимо понимая, насколько настроение между ними изменилось, добавил: — Ты хорошо обращаешься с клинком.

— Нет.

— Да.

Кестрел покачала головой.

— И никогда особо не умела.

— Я сказал «хорошо», а не «божественно талантливо». Ты обладаешь лёгкостью, которая приобретается после многочисленных тренировок.

— Это то, что ты видишь, или знаешь из моего прошлого?

— Вижу. Прежде я не был с тобой знаком.

Он вновь улыбнулся Кестрел, но на этот раз приветливее. Девушка вздохнула с огромным облегчением от того, что наконец-то появился хоть кто-то, не знавший её прежнюю.

* * *

Обладание фортепиано и конём не причиняло Кестрел никаких неудобств.

Они помогали уже одним тем, что не разговаривали. Не то чтобы они ничего не ждали от неё. Даже фортепиано, казалось, томилось в ожидании, и каждая клавиша только и ждала, когда же её нажмут. Джавелин жевал ткань рукавов Кестрел и пускал слюни, бессовестно выпрашивая ласку. И фортепиано, и конь знали её, и им было всё равно, насколько она изменилась по сравнению с собою прежней. Они принадлежали ей, а она им. Без вопросов.

Кестрел оседлала Джавелина. Это далось ей непросто. Но если она будет поднимать седло ему на спину каждый день, то придет время, когда её руки окрепнут. Кестрел подтянула подпругу. Через открытые двери стойла влетела птичка ирриэль и принялась ковыряться в грязи. Потом она вздёрнула головку и посмотрела на девушку зелёными глазками-бусинками, трясая при этом длинным узким хвостиком. Кестрел взяла мостик для посадки на лошадь, которым, наверное, не пользовалась с тех пор, как перестала быть ребёнком, и поставила ногу в стремя. Жеребец был очень высоким. Даже громадным. Боевой конь. Такой не должен был бы ей подойти, но подходил.

Кестрел неумело усадила себя на коня, но животное, похоже, совершенно ничего не смутило. Птичка вновь упорхнула в безоблачное небо, петляя то вверх, то вниз. Ирриэли не летают по прямой.

Кестрел взяла в руки поводья и прищепила коня, чтобы он следовал за птицей.

Она выехала из поместья, выбирая тропинку, которая приводила к другой дорожке. Она не узнала её. Прошло совсем немного времени, прежде чем Кестрел оказалась в окружении деревьев, унизанных листвой. Дорожка вела в зелёный туннель. Девушка ехала верхом какое-то время, а потом увидела дневную сову с совятами. Поднялся слабый ветерок. Было не слишком жарко. Хорошая погода для войны.

Несколькими днями ранее она услышала достаточно из разговора между Арином и Рошаром. Они выжидали. Если бы она была ими, то не стала бы затягивать ожидание.

В животе Кестрел эхом отдавались колебания в такт движению коня. Она ослабила поводья, предоставляя Джавелину возможность идти своим темпом.

Но обнаружила, что он скачет все дальше и дальше вперед. Дом Арина уже остался далеко позади. Они доскакали до развилки. Конь выбрал левую тропку. Он скакал уверенно, поскольку уже бывал здесь, поняла Кестрел, и скакал в известное ему и неизвестное ей место.

Она натянула поводья и заставила его резко остановиться. Джавелин фыркнул, перебрал копытами.

Кестрел вспотела. Платье прилипло к коже. Она заставила Джавелина повернуть туда, откуда они пришли... они скакали быстро, а потом еще быстрее, его копыта отбивали ритм в такт её перепуганному сердцу.

* * *

Она почему-то не удивилась, застав Арина у ручья, протекающего рядом с домом, но удивилась своей радости при виде него. Её сердце всё ещё бешено билось в груди.

Арин был без коня, хотя к подошве его обуви прилипла солома. Он сидел на корточках, опустив пальцы к воде, как бы поглаживая поверхность ручья. Только чтобы почувствовать неспешное течение воды, подумала она. Он не оглянулся. И всё-таки знал, что это была она. Он слушал, как замедляется топот копыт Джавелина. Волосы Арина свисали ему на глаза.

Ей хотелось убрать их. Кестрел вспомнила. Точно такие же чувства она испытала и в первый день. Когда купила его. Ей хотелось хорошо разглядеть его.

Она остановила коня.

Арин выпрямился, вода капала с его пальцев. Он подошел поближе, запустил пальцы в гриву Джавелина и встретился взглядом с девушкой. И память подсказала: любопытство, неуверенность, ощущение неправильности, насилие. И всё же необъяснимое желание увидеть и понять. Этого человека. Она вспомнила его упрямые плечи, жесткий рот. Как он отводил взгляд. Всё его тело: безмолвный рык.

Сейчас он не был таким. Он поднял взгляд на неё, на лице читалась незащитность, обеспокоенность.

— Что случилось?

— Ничего. — Джавелин переступил с ноги на ногу.

Арин нахмурился.

— Я напугал тебя?

— Нет.

— Ты такая бледная. — Он коснулся её руки. Кестрел заметила, как непроизвольно стиснула поводья, но потом ослабила их.

— Это не из-за тебя, — сказала она. Но потом, решив быть честной, добавила: — Да, из-за тебя, отчасти. — Она осеклась, растерявшись, не зная, как объяснить ему или себе

разницу между страхом, который заставил её гнать коня во весь опор, и вспышками нервозности, которые она испытывала прямо сейчас, глядя на него сверху вниз. — В лесу Джавелин хотел ехать по тропе. А я не смогла. Это меня расстроило.

Его глаза остекленели.

— Где это было?

— Лес чем-то опасен?

Он схватился за луку седла и вскочил на лошадь позади нее.

— Покажи.

Кестрел держала поводья. Арин обнажил меч. Это был другой меч, не тот, с которым он был в тундре. Она думала об этом, что помогало ей не заикливаться на том, как страшно ехать верхом, и как вновь ускорилось её дыхание. Чертово вымокшее от пота платье продолжало прилипать к телу, даже когда Кестрел выпрямилась, чтобы быть начеку, чтобы всё, окружавшее их, каждая былинка в лесу, также не могли не заметить Арина.

Но никакого предательского треска ветки. Ни единой вражеской тени между деревьями. Кестрел почти хотела, чтобы она была там. Это бы объяснило страх, охвативший её... и тот, что вновь парализовал, когда они остановились на развилке. Конь забил копытами.

Арин приготовил меч к бою.

— В чём дело? — спросила она.

— Эта дорога ведет к твоему дому. — Она почувствовала, как его голос поднялся вверх по её спине. Потом последовала долгая пауза. — Мы могли бы туда съездить.

— Нет.

— Там ничего нет. Никого не осталось. Я буду с тобой.

— Я не хочу.

Он забрал поводья из её застывших рук и развернул Джавелина. Конь повиновался, но неохотно на этот раз. Арин пустил коня медленным, прогулочным шагом.

Они ехали молча. А потом Кестрел, неожиданно для себя, промолвила тихим голосом:

— Я чувствую себя такой дурой.

— Нет, Кестрел, ты не дура.

— Нет причины бояться.

— Может быть, мы просто не знаем, в чём причина.

Джавелин капризно дернул ушами, потому что ему уже дважды нарушили планы, не дав выбрать тропинку, зафыркал и тряхнул головой.

— Тише, — сказал Арин коню, и промурлыкал что-то успокаивающее. Затем он замер и помолчал некоторое время, прежде чем произнести: — Даже если нет причин, бояться не глупо. Я тоже боюсь.

Кестрел вспомнила, как он выхватил меч.

— Ты подумал, что валорианцы в лесу. Значит, ты их не боишься.

— Не очень...

— Тогда чего ты боишься?

— Пауков, — ответил он серьезно.

Она толкнула его локтем.

— Ой.

— Пауков, — фыркнула она.

— Или всего того, у чего тысячи ног. — Он вздрогнул. — Богов.

Кестрел рассмеялась.

— Я испугался, когда пришёл в конюшню и не увидел Джавелина в стойле, — добавил он тихо.

Вздвогнув, Кестрел повернула голову, мельком увидев линию его челюсти и тень на горле. Она вновь перевела взгляд на дорогу.

— Сильнее, чем пауков? — непринужденным тоном спросила она.

— Да, гораздо сильнее.

— Если бы я решилась сбежать, то недалеко ушла бы.

— Из моего опыта скажу, что это очень плохая идея — недооценивать тебя.

— Значит, ты даже не пытался вернуть меня.

— Нет.

— Но хотел?

— Да.

— Что тебя остановило?

— Страх, — сказал он, — который означал бы, что я не доверяю тебе. Я оседлал коня. Я был готов уже выехать... но подумал, что если сделаю это, то буду не более, чем просто стражем, держащим тебя в тюрьме, только чуть иного рода.

Его слова заставили её почувствовать себя странно.

Он сменил тон.

— К тому же ты немного пугающая, — шутливо произнес он.

— Я не такая.

— О, ты такая. Не думаю, что тебе бы понравилось узнать, что за тобой следят. Я видел, что случалось с людьми, которые оказывались с тобой по разные стороны. И вот теперь ты знаешь о моей слабости, поэтому, перейди я тебе дорогу, мне за воротник немедленно упадут пауки, и я познаю по-настоящему тяжкую жизнь.

— Хм, — сказала она. Но почувствовала себя спокойнее. Кости уже не так сильно сотрясались и грохотали друг о друга в напряженном ожидании неминуемого падения. Стоял погожий день, пиршество зелени, голубизны и золота. Под ними был могучий конь. Он шёл уверенно. Деревья перешептывались. Веточки с прутиками. По обе стороны от неё — две сильные руки. Корни вздымались над землей и убегали вновь в её недра.

Слова застряли в горле. Но какое-то приятное чувство, возникшее в груди, придало ей смелости, и она отважилась заговорить:

— Ты сказал, не знаешь причин, почему я остановила Джавелина по пути ко мне домой. Но, как ты думаешь, в чем всё-таки причина?

Арин замялся, но потом все же произнес:

— Мне нечего сказать.

— Тебе всегда есть что сказать.

Кестрел почувствовала толику удивления в нём. Его удивила фамильярность её тона.

— Выкладывай, — потребовала она.

— Думаю, я не хочу строить никаких предположений. Это... — Он прервал мысль. — Опасно для меня. Когда речь идет о тебе.

Когда они приблизились к его дому, их ритмичные движения в седле уже были легки. Теперь он правил одной рукой. Ей было немного жаль Джавелина, которому пришлось везти их обоих. Ей хотелось его поблагодарить. Она знала, где хранится морковь.

Но в конечном итоге, её мысленный список гостинцев и то, как можно угодить животному, иссякли. И она осталась один на один с мысленными картинками, которые

никак не хотели уходить.

Развилка на дороге. Арин у ручья. Отрывочное воспоминание того, как она впервые увидела его. Его нежелание поднимать глаза. Лицо в синяках, броня из ненависти.

— Я была груба с тобой, когда ты работал на меня? — спросила она.

— Нет.

— Я тебя била?

— Кестрел, нет! Почему ты спрашиваешь?

— Я помню твои синяки.

— Это не ты. Ты бы не смогла.

— Вообще-то, насколько мне помнится, совсем недавно я тебе влепила пощечину, — заметила она.

— Это другое.

Ей вспомнилось, какой беспомощной она себя почувствовала, когда ударила его, и подумала, что поняла, что он имел в виду.

— Какой я была, когда владела тобой?

Никакого ответа, только звук шелеста листьев да шлепанье копыт Джавелина по грязи. Деревья поредели. Им открылся вид на дом Арина.

— Ты ненавидел меня, — сказала Кестрел.

Он остановил коня.

— Пожалуйста, взгляни на меня.

Она развернулась в седле и, как он и просил, посмотрела ему в глаза.

— Сначала я ненавидел тебя, — сказал он. — Потому что ты выдавала себя не за ту, кем являлась. Я не знал, кем ты была. А потом узнал, немного. Ты казалась доброй. Доброта — не очень верное чувство для хозяина. Не для меня. Это ещё один способ заставить тебя умолять. Становишься благодарным за вещи, за которые не должен благодарить. Когда я был ребёнком, то был так благодарен за доброту. А потом я вырос и почти предпочел жестокость, потому что она была ближе к истине, и никто не прятался за ложью, будто он хороший. Я нарушил правила. Особенно с тобой. Я давил на тебя, чтобы ты наказала меня. Я пытался воздействовать на твою руку. Я хотел, чтобы ты явила свою истинную сущность.

Выражение его лица было трудно прочитать. В горле саднило. Она опустила взгляд на гриву Джавелина.

— Но это и была твоя истинная сущность, — сказал он. — Ты умная, смелая, умеющая манипулировать людьми. Добрая. Ты даже не прикладывала усилий, чтобы скрыть, кто ты есть. А затем я обнаружил, что сам хочу скрыть это. Ведь в этом была привилегия твоего положения, не так ли? Ты вовсе не должна была скрывать, кто ты? С моим же характером — я был обречен. И это правда. Порой, правда сжимает тебя так крепко, что ты не в силах вздохнуть. Я испытывал очень похожее ощущение. Но дело не только в этом, существовала и другая причина, из-за которой мне было больно смотреть на тебя. Ты была слишком привлекательной. Для меня.

Она не знала, что сказать.

— Я пытаюсь быть честным, — сказал он.

— Я верю тебе. Но трудно поверить, что ты хорошо знал меня. Кое-что из сказанного тобой просто не имеет смысла.

— Что именно?

— Получается, что у меня противоречивый характер.

— С чего ты взяла?

— Не думаю, что можно быть манипулятором и добрым человеком одновременно.

Он рассмеялся.

— О, ты это можешь.

Повисла тишина. Джавелин переминался с ноги на ногу.

Арин коснулся её затылка кончиками пальцев. Он обнаружил под платьем на её плече заживший шрам, тонкий и длинный. Кожа, куда попал хлыст, омертвела, но кожа, граничащая со шрамом, была живой и покрыта мурашками. Она была рада тому, что ей больше не приходилось смотреть ему в лицо.

— Ты изменилась, — пробормотал Арин, — и осталась прежней. Благородная и чистая. Я восхищаюсь тобой.

Та дрожь растворилась в страхе. В страхе на развилке пути — пути, маячившем в лесу у них за спиной. Из-за того, что это означало — Арин знал её прежнюю и знал её нынешнюю, и восхищался ею.

Она не просила, чтобы он ею восхищался. Она с подозрением относилась к восхищению.

Кестрел уперлась коленями в бока Джавелина. Арин больше не касался её. Конь направился в стойло.

В тот день Арин больше ничего ей не сказал, за исключением предложения самому вычистить Джавелина. Она согласилась. Ей хотелось побыть одной. Даже когда Кестрел вернулась в дом, она чувствовала себя живой. Пробужденной, непокорной. И эти чувства вовсе не щадили её. Они словно требовали от неё действий. Всё из-за прикосновения, которое, казалось, должно было бы успокоить.

Но не успокаивало.

Хоть день она и провела в тревоге, Кестрел продолжала мысленно прокручивать последнее сильнодействующее мгновение. Она решила, что Арин был полной противоположностью спокойствия.

Глава 14

Арин снова исчез. Он оставил Кестрел записку, в которой сообщалось о его отъезде, но не было сказано ни о причинах, ни о том, сколько он будет отсутствовать. Она предположила, что это как-то связано с войной, и что он не решился что-то объяснить в записке, чем вызвал вопрос — почему он не поговорил с ней, что в свою очередь напомнило, как она вздрогнула от его прикосновения.

Она поняла записку. Но та ей не понравилась.

Она спросила Рошара, где Арин и зачем уехал.

— Любопытство, любопытство, — сказал принц. Тон его голоса был игривым. Но довольно дружелюбным. Однако он чётко и жёстко дал понять, что Кестрел попусту тратит время, пытаясь выудить из него информацию.

Они играли в «Пограничные Земли» в салоне. Окна были распахнуты, приближалась ненастьё, но дождь еще не начался. Тучи заполонили горизонт. Ветер всколыхнул занавески, повеяло сыростью. Рошар поворчал, а потом ещё раз, глядя на игровые фишки.

Арин не взял Джавелина. Все лошади остались стоять в стойлах. Она их пересчитала.

Рошар взглянул на темнеющее небо.

— Он в море? — спросила Кестрел.

— Дорогуша, тебе-то какая разница?

— Ты нервничаешь.

— Я нервничаю из-за тебя. Ты меня выводишь из равновесия.

— Я думала, вы воюете. Лучше тебе заняться делами поважнее, нежели здесь со мной играть в «Пограничные Земли».

Он приподнял бровь, но ответил лишь:

— Ходи.

Кестрел сделала свой ход. Было приятно обнаружить, что она помнит, как играть. Что это не составляло для нее никакого труда. Она знала как: играть в игры, играть на фортепиано, ездить верхом, говорить на другом языке. Если и осталось что-то, чего она не знала как делать, — она не осознавала этого.

Вопрос заключался в значениях предметов. Её память была коробкой с игрой, в которой она могла разглядеть доску и знала правила игры, но пока не могла узнать все фишки.

— Кто командует Дакрано-Геранским альянсом? — спросила она.

— Неужели не ясно? Разве я не излучаю бесспорный авторитет?

— Какова роль Арина?

— А вот это, — сказал он ей, — хороший вопрос.

Ветер надул парусом занавеску. Она передвинула инженера, не отрывая взгляда от доски.

— Удивлена, что твой народ поддержал альянс.

Он пожал плечами, раздражительно пробормотав что-то короткое на своем языке.

— Обычно в войне никто не стремится умереть за чужой народ, — сказала Кестрел. — Что именно хочет получить ваша королева от Герана?

— Смертельное небольшое изобретение Арина для начала.

— Оно у вас уже есть. Он отдал вам чертежи.

— Империю нужно держать в страхе. Если они оккупируют полуостров, то это только вопрос времени, когда они возьмут восток.

— Твоя сестра умна?

Он одарил её раздраженным взглядом. Кестрел увидела ответ.

— Значит, она должна желать чего-то большего, — сказала Кестрел. — Арину известно, чего она хочет?

Зеленовато-жёлтые глаза Рошара сузились.

— Арин понимает толк в хорошей сделке. Мы лучшее, что могло с ним случиться.

— О да, определенно. Ты — величайший благодетель. Если ты так переживаешь за его благополучие, то зачем отправил его в море посреди бури?

— Арин сам себя отправил.

Она погрузилась в молчание. Рошар сделал ход.

— Скажи мне, привиденье: тебе нравится моя компания?

— Да, — неожиданно для себя самой ответила Кестрел.

— И мне твоя. Я понимаю, почему так нравлюсь тебе: я умен, обаятелен, не говоря уже о том, что я ещё и чертовски хорош собой.

— И не будем забывать о твоём умении наводить лоск.

— Ложь, всё ложь. — Он встретился с ней взглядом. — Причина, по которой тебе нравится моя компания, состоит в том, что ты чувствуешь себя так, как я выгляжу.

— Это не так, — сказала она. Однако, стоило ей вновь взглянуть на его обезображенное лицо, как она поняла, что он прав. Хотя это было правдой только отчасти, Кестрел не знала,

как обличить в слова другие элементы того, как она себя чувствует.

— Арин мой друг, — сказал Рошар. — Я доверю ему свою жизнь, а он мне свою. Такое редко встретишь. Я не хочу, чтобы его допрашивал тот, кто, по моему мнению, совсем не испытывает к нему любви. — Он опрокинул своего генерала: жест капитуляции. Мраморная фигурка покатила по доске. — Уходи, привиденьеце. Преследуй кого-нибудь другого. — Но больше никого не осталось, кроме него.

Дождь застучал по стеклу. Кестрел встала, чтобы закрыть окна, но остановилась на полпути, увидев, как погнулись деревья от ветра, дувшего с моря. Запахло открытыми устрицами.

Дорогуша, тебе-то какая разница?

В глубине её души голову подняла змейка беспокойства и раздула свой капюшон.

* * *

Дождь хлестал Арину в глаза. Палуба ходила ходуном. Это был не зелёный шторм, но тоже ничего хорошего. Видимость нулевая. Всех предупредили, чтобы они не выходили в море с геранским капитаном, который взял Арина на восток прошлой зимой.

— Мы должны, — сказал Арин Рошару. — Генерал удерживает Итрию. Он будет использовать её, чтобы перебросить припасы на материк и дать отпор нападению, если сможет снабдить всем необходимым свою армию. Он использует Итрию как склад. Мы должны разрушить его планы. Я поплыву к Имперским островам, между нашими западными берегами и Валорией.

— Ты не матрос.

— Геранский корабль, с геранской командой, — проговорил Арин, будто ничего не слышал.

— Я пошлю Хаша.

Арин покачал головой.

— Мои люди выздоровели. Они хотят сражаться. Твои солдаты и без того гадают, когда же мы проявим себя.

Таким образом, корабль Арина вышел в море.

Теперь судно тряслось при каждом ударе чудовищной волны. Море представляло собой то появляющиеся, то исчезающие пурпурные холмы и равнину. Паруса были убраны, дабы избежать трепки ветра. Капитан сбросил на воду плавучий якорь, чтобы замедлить корабль и придать ему устойчивости, но нос прокалывал волну за волной. Палуба давно стала скользкой. Арин изо всех сил пытался сохранить равновесие. Он поскользнулся, ударился о перила и вцепился в них. Его стошнило.

— Бог безумия. — Капитан схватил Арина за предплечье и дернул его, поставив прямо. Капитан был втрое старше Арина. В рокоте его голоса слышались такие переливы, которые у геранских моряков имелись лишь до войны. — Спускайся в трюм, мальчик. На палубе нет ничего хорошего. Ты ничего не знаешь о море. — Затем внимание капитана переключилось на что-то другое, и он исчез.

Капитан был прав. Арин направился в сторону безопасного убежища, его лицо жгло от соли и дождя, глаза горели, и ему подумалось, что его слишком укачало, чтобы испытывать страх. Это заставило его вспомнить свой разговор с Кестрел, когда они ехали на коне, и как он прикасался к ней. Ему следовало знать, где можно её касаться, чтобы не причинить боль, даже если он хотел что-то высказать, не произнося слов, он должен был понимать, насколько это может её ранить.

Его обувь скользила. Мир вокруг превратился в размытое мокрое пятно. Корабль дёргался и кренился на бок. И Арин вновь упал на перила. На этот раз он перевалился через них и погрузился в бурлящие воды под кораблем.

Глава 15

Он вытолкнул себя к поверхности воды. Вынырнул. Сделал вдох. А потом его вновь поглотила волна. Лёгкие Арина горели.

На этот раз, когда он вновь вынырнул из тишины в ревущий воздух, то повел себя умнее. Он разорвал шнурки на своей обуви, резко и яростно, и скинул тяжесть с ног. Арин плотнул воздуха, поплыл прямо через следующую волну навстречу кораблю, оказавшемуся во власти стихий. Вода была тёплой, как кровь. Она замедляла его, цеплялась за него и тащила прочь. Его плечи ныли от боли. Арин проплыл очередную волну. Он молился. Он уже был ближе.

Верёвка? Кто-то опустил с палубы веревку?

Может быть... кто-нибудь видел, как он свалился за борт?

Арин активнее заработал руками. «Не бросай меня, — вновь и вновь молился он своему богу. — Только не так».

Но он не услышал ничего, кроме бушующего моря.

«Я буду служить тебе», — пообещал Арин.

Его бог не ответил. Арин был достаточно близко, чтобы увидеть ракушки на корпусе корабля. Он посмотрел вверх. Никто не смотрел вниз. Юноша толкал себя вперед.

«Разве я смогу послужить тебе, если утону?»

Пришел страх. Навалилась усталость. У него появилось ощущение, будто он барахтается в вязкой жиже. Горло першило от соли. Легкие горели. Но он просто не мог умереть вот так.

«От меча. Пожалуйста».

«Только не так».

«Не в одиночестве».

«Мое время еще не пришло».

Течение унесло его от корабля.

Арин почти сдался. Нельзя противиться воле богов, тем более такому богу.

Он чувствовала себя истерзанным, мало-помалу им завладевало опустошение. Ещё раз: Только не в одиночестве, только не теперь. Но он был один. Он уже давно был один.

«Как бы мне хотелось, — мысленно говорил он, — вновь услышать твой голос». Может быть, ему и доведется услышать его в конце.

Течение не отпускало. Но оно развернулось и выбросило Арина вперед, протащив по воде, пока не ударило его о корпус корабля.

Арин почти отключился. В голове стоял звон, появились странные видения, Арин то появлялся на поверхности, то его затягивало под воду. Его тащило вдоль корпуса. Он пытался ухватиться руками за что-нибудь, за что угодно.

И у него получилось. Он уцепился за что-то изо всех сил.

Лестница.

Арин поднял голову и увидел ряд изъеденных коррозией ступеней, ведущих вверх по корпусу. С мгновение он не мог пошевелиться, был парализован от удивления.

«Во имя тебя, — поклялся Арин. — Я вновь прославлю тебя».

Трясущийся, но благодарный, он поднялся наверх.

* * *

Следующий день выдался ясным, словно его разлили и отполировали до блеска.

Чёрный порох, хранившийся в недрах корабля, остался сухим. Однако несколько мешков с порохом держали на палубе. Вот они вымокли насквозь. Море затопило все бойницы, прежде чем моряки отбуксировали пушки на место и закрепили.

Арин с несколькими матросами открыли мешки и рассыпали порошок по нескольким пустым противням и расставили их на четвердеке. Солнце палило, жаря голые плечи. Арин сгорбился под весом тяжелого мешка. Порох был сырым и вязким, когда он доставал его из мешка и просеивал тонким слоем по противню. Его ладони почернели. Знакомый вид. Теперь его руки не сильно отличались от того, как они выглядели после дня, проведенного за работой в кузне. Обычный день.

Но сегодняшний день не был обычным. Арин был сосредоточен на своей задаче. На чёрном порошке, изготовленном из серы, добытой на северном плато Дакры. Порошок был на вес золота. Восточный запас был ограничен, поэтому было важно, чтобы бесполезный порошок, будучи мокрым, хорошо просох. Было очень важно, чтобы Арин об этом позаботился. И было очень важно не смотреть на других моряков, которые всё время тайком поглядывали на него.

Потому что Арин не был обычным. Никто не падал вот так за борт и не выживал после этого.

Он чувствовал взгляд девушки, соскабливавшей чешую со свежепойманной рыбы, длина которой составляла половину роста чистильщицы. И другие моряки смотрели на него. Те, кто чинил паруса и смолил такелаж. Те, кто находился ближе всего к нему, опустошая свои мешки.

Пот стекал со лба и исчезал в порошке, рассыпанном по лотку рядом с его босыми ногами. Арин подумал о том (когда порошок будет готов к использованию), какой урон он сможет нанести, и если сможет, то когда порошок взорвется, толика его сущности сгорит вместе с порошком.

Он задавался вопросом, а в порядке ли вещей так думать.

Теперь все мешки опорожнили. Арин отряхнул чёрные ладони. Их нужно было срочно помыть. Он представлял собой ходячую пожароопасность. Ведро с морской водой держали возле грот-мачты. Юноша подошел к ведру, опустил руки в него по локти и плеснул немного воды на плечи, чувствуя, как она заструилась вдоль позвоночника. Как только вода высохнет, кожа зачесется от соли.

— Для утопленника ты неплохо выглядишь.

Арин выпрямился, чтобы посмотреть на капитана, облокотившегося рядом на ванты и наблюдавшего за ним. Арин вспомнил выражение лица этого мужчины во время бури, когда он перелез через перила и уронил себя на палубу, а потом его стошнило морской водой.

— Сколько еще плыть до Пустынных островов? — спросил Арин.

— До Итрии рукой подать, но нам придётся обойти её на большом расстоянии. Значит, дня два-три плыть на юг, обогнув Итрию, и мы у островов. Если ветра будут нам благоволить.

— Думаешь, будут?

— А почему бы тебе их не попросить, вот и посмотрим, облагодетельствуют ли они тебя?

Солнце било капитану в лицо, и Арин не мог понять его выражения. Серьезность его голоса можно было отнести и к сарказму. Арин откашлялся.

— Порох должен высохнуть к концу дня. Курить нельзя. Одна искра и...

— Мальчик, мы пока ещё в своем уме.

Арин потер затылок, кивнул и решил, что разговор окончен. Он посмотрел на море. Зелёное и ослепительное, словно изумруд его матери. Он вспомнил день, когда обменял его, и пожалел, что не смог сохранить. Арин считал, что у каждого должна быть дорогая сердцу вещь, чтобы знать, что ты полностью принадлежишь себе. Он сохранил изумруд в памяти, чувствовал его прохладные грани. Представлял, как держит его на ладони, которую хорошо знал, и задумался, будет ли это правильно, и какие чувства он будет испытывать, когда кто-то другой заберёт то, к чему он привязан всей душой.

Он моргнул, отвел взгляд от горизонта. Арин всегда грезил о море. Представляя то, что спустя какое-то время причинит ему боль.

Даже сейчас.

— О тебе ходили легенды. — Капитан сощурился, глядя на Арина. — Ещё до бури.

Арина смущало то, как люди смотрели на него. Они были преисполнены такой надежды. А он не знал, что на самом деле нужно сделать. Может, когда людям нечего терять, свято место занимает идея. Арин не был готов к такой идее. Это пустые истории, хотел сказать Арин, но слова, не успев родиться, умерли у него на губах. Ему лучше всего было известно, что будет, если начнешь отрицать своего бога.

— Поцелованный богом, да, — сказал капитан, словно прочел мысли Арина.

Арин ничего не сказал, но под его застенчивостью скрывалось неоспоримое удовольствие.

* * *

Корабль проскользнул между Пустынными островами и бросил якорь к востоку от одного из них, достаточно большого, чтобы спрятать судно от глаз любого другого корабля, который может быть послан из валорианской столицы. Команда ждала.

Арин всё ещё был без обуви. Его ноги оказались слишком большими для нескольких пар запасных сапог на борту. Он изрезал их на лоскуты, обвязал вокруг ног и ходил очень осторожно.

Он попытался пройтись по плану с капитаном, который прервал его пренебрежительным взмахом руки.

— Это не план, а простое пиратство. Не нужно обучать меня этому ремеслу.

Арин опешил.

— До войны геранцы были лучшими на море. Мы разбогатели, благодаря торговле. Мы не были пиратами.

Капитан зашелся неистовым смехом.

* * *

Появился корабль. Он приплыл с запада. Большое судно с двойной батарейной палубой.

С вышки корабля Арина раздался крик. Команда пришла в движение, корабль сняли с якоря, паруса натянули и пустили навстречу валорианскому судну.

Корабль Арина был легче, что делало его более быстрым. Но он был легче ещё и потому, что имел всего одну батарейную палубу. Догнать валорианское судно труда не составило. Абордаж без взрыва не потопит их корабль. Если валорианцы и удивятся, увидев геранское судно, появившееся из-за острова и вставшее на их маршрут, то их удивление не продлится долго. Уже скоро они будут готовы к нападению.

Арин спустился на батарейную палубу. Теперь орудийные порты были открыты, пасти пушек, стоящих в ряд, зияли широко распахнутыми стволами. Арин с командой готовили их

к бою. Чёрный порох насыпали в пушечное дуло, потом запихивали туго свернутый кусок ткани до самого конца по стволу досылателем. Следом шло пушечное ядро. Арин сжал его между ладонями, гладкое и тяжелое, а потом протолкнул в пушку. По всем орудиям еще раз прошлись досылателем. Арин зарядил пушку. Оружие развернули и поставили в пушечную таль. Матросы протасили каждую пушку вперед, пока их стволы не высунулись из бойницы и не уперлись в фальшборт.

Арин украдкой выглянул из бойницы. Но корабль ещё не появился на горизонте. Но он, вероятно, ничего и не увидит, пока капитан не выведет их судно борт о борт с кораблем противника, когда их бойницы станут зеркальным отражением друг друга.

Арин отвернулся и увидел серое лицо ближайшего к нему матроса. У него на лбу выступил пот, и сам он дрожал. Матрос выглядел очень плохо. Он не выглядел так, как Арин себя чувствовал. Арину хотелось бы, что матрос мог разделить с ним его чувство: мрачную ненасытность.

Корабль замедлился. Должно быть, они легли на курс валорианцев.

Нервы Арина были напряжены и звенели как струны. Мир был прост. Арин, может быть, и не очень умело с чем-то обращался, может быть, и не раз подвергался суждениям, был недооценен и не понят, сейчас же он находился на своём месте. Возможно, это был его бог, а может, это была обычная человеческая решительность, но его желание сражаться было преисполнено решимости, он словно был сталью, которая жаждала вырваться наружу.

Он подбадривающе улыбнулся матросу.

На фальшборте раздался взрыв. Матроса разорвало на кровавые куски. В воздухе просвистели древесные осколки, врезавшись в поднятую руку Арина.

— Огонь, — взревел Арин. Он поджёг свою пушку и отошел с дороги её отката. Она вздрогнула и загудела. Матросы занимались тем же, а потом вторили Арину: возвращали орудие на место, наполняли его, опять волокли к фальшборту. Это продолжалось некоторое время. Невозможно было понять, какой урон нанесли геранцы. Ещё один взрыв пробил отверстие в фальшборте. Они оказались достаточно высоко над ватерлинией, чтобы не набрать воды, и валорианцы захотят захватить их корабль так же сильно, как он хочет захватить их, но еще они хотели потопить его корабль. Арин перезарядил пушку и вновь крикнул «пли».

А потом он остутился. Острый предмет пронзил лоскуты, обернутые вокруг его ноги. Арин взглянул на свою правую ногу. По тряпицам расплылось кровавое пятно. Он замер, по какой-то причине он не мог полностью осмыслить произошедшее, но Арину приходилось полностью полагаться на подобные мгновения, когда какая-то часть его понимала что-то раньше разума. Он протянул руку и вытащил окровавленный кусок металла (погнутый гвоздь?) и кратко, но хорошенько осмотрел его. У него зародилась идея. Злобная, вроде кривой улыбки.

Он схватил ближайшего матроса.

— Ты! Спустись ниже, раздобудь тряпки. Сделай из них мешочки. Начини их порохом и чем-нибудь мелким и острым. Гвоздями. Завяжи и в каждый узел засунь фитиль, а потом принеси все это наверх. У тебя десять минут. Подожди их, один за другим, и выкидывай через бойницы. Попытайся ими попасть в их бойницы, когда они откатят свои пушки, чтобы перезарядить их. Понятно? Пошёл!

А потом Арин нашел матроса с таким же решительным настроением, что и у него, объяснил, что нужно делать, передавая ему командование, а сам отправился на абордаж

валорианского судна.

Палуба утопала в иссиня-чёрном дыму. Меч в правой руке, кинжал в левой. Валорианцы уже высадились на его корабль. Их корабль находился достаточно близко к борту второго судна. Арин нырнул в бой. Его меч наносил удары. Пока он отбивался мечом, кинжал нашел чей-то мягкий живот. По запястью до самого локтя полилась жидкость.

Арин пробился к бортовому лееру. Он услышал прищёлкивание арбалетов. В него не попали. Его бог восстал в нём: тихо, утверждаясь. Арин перепрыгнул на вражеский корабль. Его встретил клинок. Но Арин успел перехватить его собственным, парировал атаку, ударил по руке неприятеля в кожаном доспехе и вколол другой рукой кинжал ему в шею. Оба оружия, вырвавшись из плоти, были покрыты маслянистой краснотой. Тело рухнуло к ногам.

Он увидел, как из корабельной пушки геранцев вырвался снаряд. А потом ещё один. От взрыва сотряслись даже каюты.

А потом случилось невероятное, сквозь грохот пушечных залпов и крики до него донесся тихий звук. Он развернулся и встретился лицом к лицу с валорианкой. Женщина... Светлые волосы, тёмные глаза.

Он опустил меч.

Она нацелилась на его шею. Арин успел отскочить в последний момент, поранившись левым плечом о меч. И сразу же руку пронзила боль.

— Нет, — сказал он на её языке. — Остановись.

Она вновь напала на него.

На этот раз он отбил удар, его меч инстинктивно поднялся, здоровой рукой давя на её клинок, заставляя его уступить, даже не особо сильно напрягаясь. Часть его с ужасом наблюдала за происходящим, насколько легко сгибалась рука этой женщины. Она была ровесницей ему. Её лицо не очень напоминало Кестрел, но не сказать, что и разительно отличалось.словно она была её сестрой.

Не то чтобы он никогда не видел женщин в сражении. Просто он никогда их не убивал.

Он выбил меч у неё из руки.

Арин увидел труп сестры на улице. Мать в крови. Его рука ринулась вперед. Он закричал, чтобы она остановилась. А потом он не видел ничего, пока не понял, что рука выронила меч. Его кинжал? Тоже пропал.

У валорианки был свой кинжал. Мелькнул недоверчивый, злобный оскал. А потом она ударила каблуком своей обуви по его ноге, обернутой лоскутами, и нацелилась поразить его сердце.

Ногу Арина пронзила невероятная боль. Он пошатнулся, но вслед за тем ему каким-то образом удалось уклониться от её кинжала. Он схватил её за запястье и надавил на руку, чтобы она разжала пальцы.

Свободной рукой она ударила его в горло.

«Арин».

Затуманенным взором, задыхаясь, он все же заметил приближение яркой дуги её кинжала.

«Ты собираешься позволить себя прикончить».

Он вновь уклонился. У него в руке вновь появилось оружие. Неизвестно откуда взявшиеся.

«Ты сказал, во имя меня».

«Ты поклялся служить».

Арин пригнулся.

«Разве ты не мой? Разве я не твой?»

Его рука дёрнулась вперед.

«Кому ещё ты принадлежишь?»

«Слушай, дитя мое».

«Любимый».

«Слушай».

В его ушах звенела тишина. Он увидел.

Широко распахнутые глаза. Стройное тело, нависшее над мечом.

Который он держал в руке.

Окровавленный кинжал выпал из её руки.

Когда все закончилось, капитан отправился мародерствовать на корабль противника, пополнив тем самым свои запасы продовольствием, и, что самое важное, чёрным порохом.

Капитан был доволен. Он назвал взрывчатые мешочки Арина божьей смекалкой. Они преподнесли сюрприз валорианским пушкарям, тела которых начинили гвозди, а дым мешал обзору.

— Грязный ход — отличный ход.

Арин ничего не ответил.

Капитан внимательно осмотрел его, задержавшись на окровавленных частях тела.

— С тобой всё будет в порядке, — сказал он и покосился на ноги Арина. — Тебе нужна обувь.

Арин пожал плечами. Он понял, что не смеет заговорить. Он чувствовал себя опустошённым, в ужасе от того, что сделал, хотя не убей он, был бы убит сам, и неважно, что за валорианец пытался его убить — мужчина или женщина. Если бы его спросили до этого, равные ли права на войну у мужчин и женщин, но бы ответил: Да. Если бы его спросили, равны ли мужчины и женщины, он бы ответил: Да. Нужно ли к ним относиться одинаково? Да. По этой логике, если не предполагается никакой пощады для мужчин, то нет её и для женщин. Но Арина не казалось это логичным. Он был противен сам себе.

Она была жестокой. Определенно. Кестрел такой не была.

Его нутро заполонил страх, вытеснив всё остальное.

Её отец хотел для нее судьбы солдата. И она почти согласилась. Он представлял, как она будет воевать. У него сжалось горло.

— Вот. — Вернулся капитан. Арин и не заметил, что тот куда-то отлучался. Мужчина протягивал ему пару сапог. — Примерь.

Не было необходимости спрашивать, где он их взял. По всему кораблю валялись тела. Капитан оглядел место баталии.

— Хорошая работа. Если так продолжим и дальше, то у их генерала не получится лёгкой прогулки, когда он решит напасть на материк. Солдаты не могут воевать с пустыми желудками.

Что произошло бы, высадись валорианцы на полуострове? Если бы они двинулись на город? Там была его сестра. Друзья.

А как же Кестрел? Сбежавшая заключённая. Предатель своего народа. Пощадит ли её отец? Арин даже не мог задать себе этот вопрос. Этот вопрос приводил к другим вопросам, да и подсознательное понимание того, что генерал даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти свою дочь от тюрьмы, означало, что он не знал о её пребывании в городе, а если и

знал, то ему было все равно или...

Нет. Арин поклялся себе, что не будет гадать о том, чего Кестрел не могла вспомнить.

Но ему было плохо, ему было тяжело.

Он был уверен, что генерал не будет милосердным.

Поэтому и в Арине не было места для милосердия.

Арин натянул сапоги.

* * *

Они захватили еще один корабль и встали на якорь возле восточного берега острова, как они сделали и первый раз, когда прибыл Хаш. Он подплыл вплотную к кораблю Арина и взошёл на борт.

— Я беру операцию под свое командование, — сказал он Арину. — Возвращайся в город.

Это было неожиданно. У Арина немедленно возникло несколько мыслей и ни одна из них ему не понравилась.

— Моя королева прибыла в твой город, — отрапортовал Хаш. — И она жаждет тебя видеть.

Глава 16

Теперь стало понятно, почему Рошар остался в городе. Он ждал сестру.

Кестрел представляла себе королеву иначе. Она ожидала увидеть женщину в возрасте, но оказалось, что та выглядит не старше Рошара.

Кестрел, к своему удивлению, спустилась в гавань с другими домочадцами, терзаемая любопытством, как и остальные. Люди не сводили с неё глаз, стоило ей только оказаться среди них. Она не знала, какие слухи ходили о ней, но какими бы они ни были, из-за них геранцы и дакранцы смотрели на неё с восхищением, но при этом не приставали с вопросами.

Проезжая мимо неё в город, Рошар перехватил её взгляд. Кестрел не поняла, что означало его выражение лица. Ей показалось, что она заметила, как ему неуютно, но он быстро взял себя в руки и проехал дальше.

Теперь на пристани, рядом со своей сестрой, он был сама непринужденность. Кестрел наблюдала за тем, как он сыпал любезностями, которые она не могла слышать и не смогла бы понять, если бы даже услышала. Она никогда не учила восточный язык.

Её отец хотел, чтобы она училась. Она вспомнила это. И ей не понравилось то ощущение тошноты, которое принесло с собой это воспоминание.

Он давил на неё. Она сопротивлялась.

«Опасно не знать язык своего врага, — говорил он. — Когда ты отправишься воевать...»

«Я не собираюсь воевать».

Слова пульсировали у неё в голове.

Кестрел ощущала отсутствие Арина. Она задумалась, а как бы он себя повёл, встретившись с этой женщиной на пирсе. Но потом девушка напомнила себе, что они уже знакомы, и что он, должно быть, неплохо её знает, даже достаточно хорошо, раз смог уговорить её принять их сторону в войне.

Королева (её звали Инишанавэй, как Кестрел удалось выяснить из шепотков рядом стоящих людей) внимательно слушала своего брата. Лицо девушки было столь неподвижным, что не оставляло никакого труда рассмотреть её. Насыщенный цвет губ, уши настолько маленькие, что больше напоминали витиеватый рисунок, небольшой нос. Да,

решила Кестрел, она красавица, однако, девушка не поняла, почему эта мысль ее уязвляла.

Кестрел остро понадобился её конь. Как бы ей хотелось оставить Джавелина где-то на рынке, а не отправляться в гавань пешком. Ей захотелось сбежать отсюда. Немедленно.

Вздор. Если она чувствует себя мелкой замарашкой по сравнению с ней, когда и речи не может быть ни о каких сравнениях, то сама виновата. Она же видела себя в зеркале.

Пока Кестрел пыталась разобраться в этом (навязчивое желание сравнения), она начала медленно осознавать, что ей знакомы черты королевского лица. И это не потому, что они напоминали ей Рошара, хотя и это тоже.

Младшая сестра. Кестрел познакомилась с ней при дворе. Риша, восточная принцесса, самая младшая из троих детей, принадлежавшая наследному принцу Валории... который был помолвлен с Кестрел.

Кестрел почувствовала головокружение под лимонно-жёлтым солнцем. Во рту появился кислый привкус. Её отец был бы доволен, что воспоминания потихоньку восстанавливаются. Он надеялся, что Кестрел выйдет замуж за принца Верекса, он мечтал об этом с самого их детства. Его дочь — императрица.

Она твердила себе, что теперь понятен её интерес к королеве. Из-за близкого знакомства, которое Кестрел водила во дворце. А может быть, это из-за ощущения собственной беспомощности рядом с могущественной персоной.

Возможно. Но она всё равно не могла объяснить нарывающую рану у себя в сердце.

Кестрел заметила, как взгляд Рошара скользнул по ней. Он сказал что-то, предназначенное только для ушей королевы. Женщина перевела взгляд на Кестрел.

Рошар прошептала что-то на ухо сестре, его улыбка была бликом, острым ножом.

Существовала очевидная причина, по которой королева смотрела на неё: Кестрел была валорианкой. Ей нельзя доверять, всякое её действие или слово должно быть поставлено под сомнение, препарировано. Кестрел чувствовала этот дотошный взгляд на себе. Она вдруг представила саму себя, но в качестве своей тезки: маленького охотничьего ястреба, с пощипанными перьями, обмякшими, истерзанными крыльями.

Кестрел скрестила руки на груди. Солнце пекло. Её мучила жажда, в горле першило. Она в ответ посмотрела на женщину и поняла, что королева так смотрела на неё не из-за того, что Кестрел была валорианкой, или из-за того, кем являлся её отец. А из-за тайны, которой Кестрел не знала и вряд ли хотела бы узнать.

* * *

— А, Кестрел. Я надеялся найти тебя здесь.

Она оторвалась от расчесывания Джавелина и бросила взгляд через плечо Рошара, но никого не обнаружила позади. Они были с ним одни в конюшне. Кестрел сдула прядь, упавшую ей на глаза, и вернулась к своему занятию.

— Прошу оказать мне одолжение, — сказал он.

— Не нужно изъясняться столько велеречиво, князек.

— Моя сестра...

Кестрел вновь это почувствовала: тягостную настороженность. Что-то произойдет. И это наверняка причинит боль.

— ... Я подумал, что она поселится в доме бывшего губернатора. Однако, похоже, тот дом не в полной мере соответствует её стандартам.

— Это самый лучший дом в городе.

— Ей нравится этот дом.

Кестрел перестала чистить шкуру Джавелина.

— Какое это имеет отношение ко мне?

Рошар откашлялся. Ему явно было неудобно.

— Твои покои.

— Вот как.

— Это единственные покои, состоящие из нескольких комнат.

— Понятно.

— Ты не возражаешь?

— Это дом Арина, — неожиданно вспыхнув, сказала она.

Рошар что-то пробормотал на своем языке.

— Что ты сказал?

Он посмотрел ей в глаза:

— Я сказал: Да, совершенно верно.

Джавелин ткнулся носом ей в плечо. Кестрел стиснула щётку, которой чистила коня, сильнее. Нет, не верно. Существовал какой-то неявный смысл этой ситуации, что заставило Кестрел испытывать чувства, которым она не могла дать определения. Она заставила себя пожать плечами.

— Я перенесу свои вещи.

И в сознании непрошено возникло воспоминание о том дне, когда она скакала верхом и оказалась на развилке. Вилла генерала. Она почти смогла мысленно увидеть дом. Её дом. А потом нахлынул страх, и Кестрел поняла, что не сможет пойти туда, никогда не сможет, даже если здесь для неё больше не будет места.

— Я поговорю с Сарсин.

— Хорошо. — Рошар с облегчением вздохнул. — Спасибо. — Он собрался уходить.

— Это Арин попросил тебя поговорить со мной?

Рошар резко развернулся.

— Ну, разумеется, нет, — сказал он удивленно.

У неё сразу же возникло множество вопросов, но гордость не позволила задать их.

— Арин, — добавил Рошар, — скорее всего, убьёт меня, когда вернется. Но мне не будет покоя, если моя сестра не получит желаемого. Так что смерть может оказаться весьма кстати. Будь мне хорошим другом и скрась эти несколько дней, ибо они станут для меня последними.

— Значит, он вернется уже скоро?

— Сестра приказала ему явиться.

Кестрел уставилась на шкуру Джавелина и потерла тёмное пятнышко на плече коня.

— Арин пиратствует пока, но это ради благих дел, — сказал Рошар. — Теперь, когда королева взяла правление города под своё крыло, я здесь не задержусь. Как и он. Мы оба отправимся на юг. После королевской аудиенции, разумеется.

Кестрел обожгла принца взглядом. Она провела большим пальцем по щётке и посмотрела на пыль, оставшуюся после поездки через весь город, а потом подняла взгляд и обнаружила, что Рошар изучает её, выражение его лица было участливым, но в то же время он определенно пытался что-то прочесть в её лице, и когда она поняла, что он пытался понять, какое решение она приняла, девушка сделала всё для того, чтобы он этого не увидел. Её взгляд прояснился. Она вынула из кармана своих брюк для верховой езды ключи от дома и от восточного крыла и вручила их Рошару. Когда она отдала их принцу, то уже прекрасно

понимала, как ей будет больно видеть королеву.

Ключ от двери в сад на крыше она ему так и не отдала.

* * *

— Ты будешь жить со мной, — решила Сарсин.

— Хорошо.

— Нельзя её обижать.

— Я знаю.

Сарсин внимательно посмотрела на девушку.

— Арин бы не раздумывая обидел её. Будь он здесь, то ни за что не согласился бы с таким положением вещей.

Кестрел не была в этом так уверена. Она считала, что Рошару известна тайна о королеве и Арине, а вот Сарсин — нет. Но вслух лишь произнесла:

— Мне всё равно.

Но это было не так.

* * *

Четыре дня спустя, Кестрел была в огороде возле кухни. Она полола грядки. Ей это нравилось. Девушка наслаждалась своей работой, прекрасно разбираясь в том, что нужно оставить, а что убрать. Поначалу она допустила несколько ошибок с травами, но сейчас была уверена в своих действиях. Ей нравилось срывать стручки гороха и складывать их себе в корзинку. Кестрел нравился горьковатый, землянистый запах растений, который источал полосатый эрасти, фрукт, росший только на этом полуострове и только в этом месяце. Из него обычно готовили несладкие блюда. Кестрел осторожно сорвала их. Повар, поощрявший занятие Кестрел садоводством и прощавший ей ошибки, с удовольствием вдохнул запах этого фрукта, когда Кестрел принесла эрасти на кухню. Фрукты оказались недозрелыми.

— Придется подождать, — сказал он настолько осуждающе, насколько был способен. — Оставь их на стебле, пока они не будут выглядеть так, словно вот-вот взорвутся, если к ним притронешься.

В первый же день своего увлечения садоводством, прополкой и лущением гороха, она сожгла кожу. Загорела. Поначалу Кестрел пользовалась маленьким ножом, чтобы вычистить грязь под ногтями. Теперь же ей было всё равно.

Ветер этим днем дул сильно. Земля была сухой. И Кестрел не слышала приближения Арина.

— Я тебя повсюду искал.

Девушка подняла на него взгляд. Ветер задувал волосы ей в лицо. Она не могла видеть выражение его лица и хотела спрятать собственное. Ей не нравились чувства, которые она испытывала в его присутствии. Облегчение, что он был жив, здоров и в безопасности. И еще другие эмоции: бурлящие и ужасающие.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал он.

По тону его голоса Кестрел догадалась, о чём он хочет поговорить. Она знала, что права. Она вернулась к своему занятию.

— Я занята, — ответила девушка.

Зелёный сок потек по её запястьям. Плод отправился в корзину.

Арин присел рядом с ней между растениями. Он аккуратно убрал беспорядочно разметавшиеся по её лицу локоны. Его большой палец коснулся щеки Кестрел. И тогда она посмотрела на него. Его лицо было грязным, волосы спутаны, одежда заиндевела от морской

соли, а челюсть переливалась желто-зелёным цветом из-за старого синяка. Он был обут в валорианские сапоги: высокие, со шнуровкой на крючках.

Ей не хотелось смотреть, как солнце превратило его глаза в драгоценные камни или чувствовать, как её кожа неожиданно откликнулась на его прикосновение. Кестрел не хотела, чтобы Арин смотрел на неё так, словно внутри у неё имелась дверца, которую он мог открыть и войти по своему желанию.

— Тебе нужно жениться на королеве, — сказала она.

Он уронил руку.

— Нет.

— Значит, ты дурак.

— Я попросил Инишу переехать в губернаторский дворец.

— Дважды дурак. Теперь придется умолять её вернуться.

— Выслушай, пожалуйста. Когда я был на востоке, то все про тебя думал неверно. Ты была помолвлена. Ты была тверда в своем решении. Я просил тебя... — Арин умолк.

Она услышала в памяти его голос: «Выходи за него, но втайне будь моей».

Это воспоминание причинило ей боль, Кестрел увидела, как её боль отразилась в его глазах, словно ему тоже вспомнились эти слова, увидела отголосок выражения его лица прошлой зимой в таверне. Когда он молил об обедах. И ненавидел себя за это. Но всё равно просил.

— Это был поцелуй, — сказала Арин. — Ничего больше. Никаких обещаний, данных мной королеве, или наоборот.

— У тебя отсутствует чувство самосохранения. — Её сердце оглушительно стучало. — Если ты ещё не дал никаких обещаний, то сейчас для них самое время. Почему, как ты думаешь, она заключила с тобой союз?

— Не имеет значения, почему.

— Ну, разумеется, имеет. — Кестрел вскочила на ноги. Он последовал её примеру, схватил руку, которая держала корзину. — Увиливаешь? — требовательно спросила она. Теперь её сердце мчалась с удвоенной скоростью. Страх и гнев, страх и гнев. — Ты поцеловал её, чтобы она поверила в постоянство и крепость вашего союза?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что мне этого хотелось! — Слова сами сорвались с его губ. — Потому что она желала меня, а это так приятно знать, что ты кому-то нужен.

Кестрел прерывисто вздохнула. Как это возможно, что тебя ранит человек, которого ты даже не любишь? Ветер подул сильнее. Он опять разметал волосы по её лицу, закрыв ими рот девушки. Она подождала, пока сможет говорить.

— Мне кажется, ты не понимаешь политический подтекст данной ситуации. Ты знал, что королева прибудет в Геран?

— Нет.

— А Рошар? — Но она знала ответ.

— Да.

— Разве твой друг тебе не сообщил?

Он помолчал.

— Нет.

— Зачем она здесь?

— Чтобы править городом.

— Арин. Зачем она здесь?

Он молчал, и она поняла по его выражению лица, что он гадает, какими будут её следующие слова.

— Она здесь, — сказала Кестрел, — чтобы продемонстрировать своим солдатам, что эта земля так же хороша, как и её. Дакранцы не любят альянсы. Они не видят в них для себя никакой выгоды. Но стоит им только обосноваться в этом городе, как они сразу же поймут пользу союза. Она согласилась помочь твоей маленькой стране с ослабшим населением не просто ради нового оружия или устрашения империи. А из-за того, что победы ты в войне, она сможет присоединить Геран к восточным землям, сделав твою страну их частью.

Он ничего не отрицал.

— Я ей для этого не нужен, — произнёс он, наконец. — Она может взять страну силой. Используя меня, она вряд ли добьется чего-то большего.

Она понимала, что он имел в виду. Это было правдой: народ любил Арина, она лично в этом убедилась, это была любовь простого люда, такая же простая, но глубокая, и она разгоралась всё сильнее, стоило ему только улыбнуться кому-то, перекинуться несколькими словами, но он не был ни губернатором, ни воскресшим членом вырезанной королевской семьи. Его политическое влияние было сомнительным. Кестрел считала, что не ошибалась в замыслах королевы в отношении этой страны, но когда она поняла всю неизбежность и очевидность того, что королева хотела заполучить самого Арина, у неё засосало под ложечкой.

— Значит, ты, должно быть, её забавляешь. Может быть, она хочет от тебя не совсем брака. Однако ты должен дать то, что она хочет. Тогда, возможно, ты получишь неплохое будущее. По крайней мере, тебе следует спросить.

Он поморщился. В выражении его лица появилась напряженность.

— Я не стану этого делать.

Кестрел повесила корзину на согнутую в локте руку.

— Я должна идти. Повару нужны продукты. — Девушка была в ужасе. Она услышала, как её голос надломился.

Арин изменился в лице.

— Кестрел, прости меня.

— Здесь нечего прощать.

— Мне очень жаль.

— Мне всё равно.

Он покачал головой, продолжая смотреть ей прямо в глаза. Теперь Арин выглядел очень взволнованным, притихшим от удивления, пораженным какой-то новой идеей. Он дотронулся кончиками пальцев до щеки девушки и провел по дорожке, оставленной слезой.

— Тебе не всё равно, — произнес он удивленно.

Она развернулась.

— Постой.

Кестрел продолжала торопливо шагать прочь, корзина билась о бедро.

— Не ходи за мной. — Она вытерла лицо грязным запястьем, слыша, как дыхание сбилось на всхлипывание. — Я больше не заговорю с тобой, если ты пойдешь за мной.

И он остался там, где стоял.

* * *

Кестрел задула лампу и забралась в высокую кровать Сарсин. Она была согласна спать и на диване в другой комнате этих покоев, но Сарсин и слышать об этом не хотела. Кестрел, несмотря на застенчивость, была тронута этим.

Сарсин повернулась под лёгким одеялом к девушке и внимательно посмотрела ей в лицо. Её распущенные волосы, ресницы и брови казались очень чёрными на фоне белой подушки. Кестрел было трудно сказать, что было во взгляде Сарсин, которым она смотрела на девушку; хотя, возможно, это случилось лишь потому, что у Кестрел самой внутри бушевали эмоции. Сарсин слишком походила на Арина.

— Когда-то я делила постель со своей подругой, Джесс, — сказала Кестрел неожиданно, словно меняя тему разговора.

— Я помню её. Ты спасла ей жизнь.

— Нет, это не так.

— Я была там. Она отравилась и умерла бы, если бы не ты.

Но всё, что Кестрел могла вспомнить, это обвинение Джесс в предательстве. Она пыталась объяснить это Сарсин, но получалась какая-то бессмыслица, из-за её провалов в памяти. Сарсин выслушала её, а потом сказала:

— Может, вы обе слишком сильно изменились. А может, когда ты увидишься с ней в следующий раз, вы лучше поймете друг друга. Но я видела, что ты для неё сделала. Как ты её любила. — Сарсин натянула одеяло на плечи Кестрел.

Заботливо. Вот какое слово сорвалось с нежных губ серьезной Сарсин.

— Тебя что-то еще беспокоит? — спросила она. — Ты можешь мне сказать. Я умею хранить секреты.

Кестрел почувствовала, что у неё заблестели глаза. Она было собралась что-то сказать, но остановилась, а потом всё-таки произнесла:

— Не знаю, как выразить словами, что не так. Я ничего не знаю.

— Я твой друг. Вот это ты должна знать наверняка. — Сарсин коснулась щеки Кестрел, позволяя тишине успокоить истерзанный дух девушки. А потом она задула свет.

* * *

Но Кестрел не спалось. Сарсин ужасно тихо спала. Кестрел когда-то, давным-давно, спала с Джесс и помнила, как та пиналась во сне, а ещё её подруга при этом разговаривала. Кестрел её не хватало, она вспоминала её и скучала по ней, что заставляло её задуматься о том, что у неё всегда будет не хватать каких-то фрагментов памяти. Подушка под её щекой была горячей и влажной.

Кестрел представила себе мелодию. С чётким ритмом, каждая нота чиста и свежа. Она представила, как играет её. Управляет ею. Всплески звука. Она сосредоточилась на этом, потому что если бы она этого не сделала, то прекрасно понимала, куда могли завести её мысли... однако, как только перед её мысленным взором промелькнуло то, чего она пыталась избежать, это заполонило весь её разум.

Отказ Джесс. Это случилось в доме Джесс, в столице Валории. Бежевые шторы. Кестрел не могла вспомнить всех слов, но знала, почему их дружбе пришел конец. Она услышала, как сама тихо проговаривает те же слова, и поняла, что Джесс никогда ее не простит, увидела свой прежний выбор в отношении собственного народа, своих друзей, своего отца.

Он изменил тебя, обвиняла её Джесс.

«Никто не заставлял меня меняться».

«Но ты изменилась».

Кестрел повернулась на другой бок. Значит, он побывал в городе у королевы. Теперь она это знала.

Она села, отбросив простыню в сторону.

Это было неестественно. Ненормально стольким жертвовать и ради чего?

Она была готова поверить в чары. Чем ещё можно объяснить притяжение к Арину, которое испытывало её тело, знавшее его, казалось, лучше разума. Именно тело заставило её улечься в его пустую кровать, завернуться в его простыни, волноваться из-за того, где он, рискует ли жизнью, и что он делал и с кем?

Она потянулась за своей связкой ключей.

Глава 17

Она быстро шла по тёмному дому, её ноги, шагавшие по плитке, ковру или лестнице, были босы и бесшумны. Вверх на один пролёт, рука скользит по балюстраде. Лестничная площадка, ладонь провела по столбу. Девушка свернула налево. Дом Арина был ей хорошо знаком.

Кестрел хорошо знала его сейчас, хорошо знала тогда. Она почувствовала, как время расслоилось. Настоящее над прошлым.

Она никогда не ходила этой дорогой. Но подумывала об этом.

Кестрел перебрала ключи и нашла нужный, вставила его в замочную скважину и отперла дверь.

Она вышла на свет. Он испугал её. Девушке показалось, что у неё начались галлюцинации, словно она упала в серебряный пруд. Но потом Кестрел подняла глаза и увидела просвет над входом. Луна была большой и висела низко. Несмотря на то, что масляные лампы не горели, в коридоре было почти так же светло, как днём. Но вот в конце коридора её ждала тьма.

Из комнаты донесся тихий перезвон.

Она подошла ближе к затенённому коридору, прошла через тёмную приемную. Кестрел больно ударилась бедром о стол и выругалась себе под нос.

Еще один коридор, поворот. А потом... приглушенный свет. Лампа.

Звук льющейся жидкости. Приглушенный стук. Стекло по дереву?

Девушка вошла в освещенную комнату.

Арин поднял взгляд. Его пальцы крепче сжали бокал. Юноша был удивлен.

Кестрел покраснела, осознав, что забыла накинуть халат поверх тонкой ночной сорочки.

А забыла ли? Может, всё-таки в глубине души она именно этого и желала? Она опустила взгляд на подол, который едва прикрывал колени. Ткань была прозрачной, как топленое масло. Кестрел покраснела еще сильнее. Она увидела выражение лица Арина.

Он отвел взгляд.

— Боги, — произнес Арин и сделал глоток.

— Вот именно.

Эти слова заставили его вновь поднять на неё глаза. Арин сглотнул, поморщился, а потом сказал:

— Вполне возможно я не могу в данный момент претендовать на связность мыслей, но мне совершенно невдомёк, о чём ты говоришь.

— О твоих богах.

Его тёмные брови взметнулись вверх. Глаза округлились. Бокал с тёмно-зеленой жидкостью, налитой примерно на большой палец, дрогнул в руке молодого человека. Цвет

напитка очень напоминал кровь листьев. Арин прочистил горло и все равно хрипло произнес:

— И?

— Ты им молился?

— Кестрел, я молюсь им прямо сейчас. Отчаянно, если честно.

Она покачала головой.

— Ты молился своему... — она покопалась в памяти, — богу душ?

Она была готова поверить во что-то сверхъестественное. Это объяснило бы его власть над ней.

Арин кашлянул, потом издал короткий, скрипучий смешок.

— Тот бог меня не слышит. — Он поставил бокал рядом с графином на столе. Помолчал, раздумывая. И другим голосом медленно произнес: — Разве что сейчас. — Арин уронил голову на ладонь и потер пальцами закрытые глаза. А потом кивнул на стул через стол от него. — Не хочешь присесть?

Очутившись здесь, Кестрел уже не была уверена, что хочет по-настоящему быть ближе к нему. Пульс девушки скакал галопом.

— Мне и здесь хорошо.

— А мне вот не очень.

— Если я тебя смущаю, почему бы тебе не уйти?

Арин вновь рассмеялся.

— Ох, нет. Благодарю. Держи. — Он толкнул к ней бокал через стол. Оставшаяся жидкость заплескалась, но не пролилась. Кестрел присела. Ей было любопытно, какова кровь листьев на вкус? — Возможно, тебе захочется только пригубить.

— Это не вино.

— Определенно нет.

— Что это?

— Восточный ликёр. Рошар угостил. Он сказал, что если я выпью его достаточно, то по вкусу он начнет напоминать сахар. Подозреваю, что он меня разыграл.

— Но ты много не пьешь.

Кестрел не столько увидела, а скорее почувствовала, как Арин удивился.

— Из всех вещей ты помнишь именно это.

Она вспомнила не только это, когда пыталась уснуть. И пришла, чтобы расспросить его о воспоминаниях, но слова застряли в горле. Поэтому Кестрел окинула его оценивающим взглядом и произнесла:

— По-моему, ты довольно ясно мыслишь.

— Рано говорить. Однако, не знаю. Этот разговор очень похож на наваждение.

Кестрел повертела бокал.

— Я хочу кое в чём разобраться.

— Спроси.

Она ещё была не готова поделиться тем, что вспомнила. Девушка поставила бокал на стол.

— Что ты сказал королеве?

— Я рассказал Инише о тебе.

— Что именно?

Он помедлил.

— Мне страшно признаться.

— Я хочу знать.

— Ты можешь уйти.

— Я не уйду.

Он помолчал.

— Даю слово, — пообещала она.

— Я сказал ей, что принадлежу тебе и никому другому. И извинился.

Сама того не желая, Кестрел испытала удовольствие... и ревность. Его слова пробудили в ней желание уйти. Она чувствовала свою принадлежность ему. Это вызывало такое недоумение, потому что Кестрел не знала его, по-настоящему, а он был знаком с обеими её половинками, которые она никак не могла собрать воедино.

Арин ждал, что она скажет. Он был таким неподвижным. Она поняла, что он задержал дыхание.

— Это политическое самоубийство, — вымолвила она.

Арин чуть улыбнулся.

— И что она ответила?

— Она сказала: «Ты переоцениваешь свою значимость».

— И поэтому ты пьешь?

— Кестрел, ты знаешь, почему я пью.

Она посмотрела в тёмные углы комнаты. Когда девушка разговаривала с ним, у неё в груди будто расцветали бутоны, а потом вдруг наглухо закрывались. И пытались вновь распухнуть. И в этих попытках уничтожали себя.

— Почему ты зовешь её Иниша? — произнесла она тихим голосом. — Её не так зовут.

— Это... сокращенное имя. — Повисшая пауза навела Кестрел на мысль о том, что он про себя перевел дакранское имя, прежде чем произнести его вслух, но он также (по тому, как он интерпретировал её вопрос) признал, что тем самым выставил напоказ близость между ним и королевой. — Если бы я знал правду о тебе, то между нами никогда ничего бы не было. Я должен был знать. До сих пор не могу себе простить, что ничего не знал. Словно... вчера в саду ты спросила меня, использовал ли я её в политических целях. Нет. Я использовал её, чтобы забыть тебя. Тебе, наверное, не нужно этого знать. Это отвратительно. Но я должен рассказать, сколько можно скрывать. Ещё немного и я сломаюсь.

Кестрел посмотрела на ликер в бокале. Он был зелёным. Жидким. В стекле. Если бы Арин продолжал что-то скрывать от неё, это бы его сломало. Простые вещи, такие понятные, которые являлись ничем иным, как тем, что являли собой. Она окунула палец в ликер и коснулась им языка. Ликер обжигал.

Арин шумно вздохнул.

Кестрел подняла взгляд. Она не знала, куда подевался её голос. Она нервничала. Тело пребывало в противоречии с пониманием того, что она хотела понять, и что она хотела узнать, придя сюда. Это было намного рискованнее, чем то, что она уже спросила. Кестрел поднялась.

Он наблюдал за тем, как она приближалась к нему.

Девушка остановилась возле его стула, склонилась и посмотрела на Арину сверху вниз. Её распущенные волосы упали ему на плечо.

— Я что-то помню. Но я не знаю, что было на самом деле. Ты мне скажешь?

— Да, — прошептал он.

— Я помню, как лежала с тобой на лужайке весеннего сада императорского дворца.

Арин поёрзал. Свет от лампы пульсировал на его лице. Молодой человек покачал головой.

— Я помню, как нашла тебя в твоей комнате. — Это воспоминание пришло к ней прямо сейчас. Оно было сродни предыдущему. — Я обещала рассказать тебе свои тайны. Ты держал книгу. Или розжиг? Ты учил меня разводить огонь.

— Этого не было.

— Я поцеловала тебя. — Она дотронулась до ложбинки у его основания шеи. У Арина застучало в ушах.

— Не тогда, это было в другой раз, — вымолвил он наконец.

— Но было. — Перед глазами Кестрел быстрыми вспышками менялись картинки. Как будто мелодию, которую она, лежа в темноте, проигрывала в уме, полностью окунули в зеленый ликёр. И все холодные барьеры были растоплены палящим жаром и слились воедино. Стало легко вспоминать Арина, особенно в эту минуту. Рука Кестрел скользнула ему на грудь. Хлопок рубашки отдавал жаром. — Твоя кухня. Стол. Мёд и мука.

Его сердце ударилось о её ладонь.

— Да.

— В карете.

— Да.

— На балконе.

Дыхание ускользнуло от него следом за смехом.

— Почти.

— Я помню, как заснула в твоей постели, когда тебя там не было.

Он слегка отстранился и внимательно посмотрел ей в лицо.

— Этого не было.

— Нет, было.

Губы Арина приоткрылись, но он ничего не ответил. Его тёмные глаза блестели. Кестрел раздумывала, а что будет, если дать телу то, что оно хочет. Оно знала то, чего не знала она. Её сердцебиение участилось, кровь забурлила в венах.

— Первый день, — сказала она. — Прошлого лета. Твои волосы были спутанными. Мне хотелось убрать их назад и заставить тебя посмотреть мне в глаза. Я хотела тебя рассмотреть.

Его грудь вздымалась и опадала под её рукой.

— Я не знаю. Я не... Я не знаю, чего ты хотела.

— Я никогда этого не говорила?

— Нет.

Она склонила губы к его губам. И поцеловала, и ощутила обжигающий вкус ликёра на его языке. Она почувствовала, как Арин сглотнул.

Юноша притянул её к себе, запутался руками в её волосах, пил дыхание с её губ. Хотя уже невозможно было понять, где начиналось её дыхание и заканчивалось его. Арин целовал её в ответ, водил пальцами по лицу. А потом его руки куда-то исчезли. И Кестрел почувствовала лёгкое прикосновение к изгибу своего бедра, едва ощутимое. Как камень, брошенный в воду. Только он был и сразу же исчез.

— Странно, — пробормотал он ей в губы.

Кестрел уже не слушала. Она была рябью, кругами, расходящимися всё шире и шире.

Мгновение соприкосновения камня с водой, маленькая воронка от воздействия на поверхность. Мгновение ожидания для камня перед тем, как наконец упасть вниз.

Внезапно она поняла (или решила, что поняла), что именно он нашёл странным. Он провёл рукой по тому месту, где должен был висеть кинжал. И понял, что эта часть её отсутствует. Кестрел и сама начала ощущать, будто у неё не цельное тело, что в нём есть пустоты. Ею завладела мысль (пронзив остро и неожиданно), что она стала прозрачной, что прикоснись он к ней вновь, его рука пройдет насквозь по воздуху, мимо пустого пространства, которым она сейчас была.

Кестрел не хотела быть пустотой, не хотела исчезнуть. Она хотела быть цельной.

— Я хочу вспомнить тебя, — сказала она.

Лицо Арина вспыхнуло эмоциями, бёдра напряглись, он притянул её ближе. Его веки отяжелели, глаза потемнели. Рот влажно блестел. Кестрел не поняла выражения его лица. Оно было новым. Девушка наклонилась и отведала этой новизны.

Их поцелуй получился ожесточенным. Это она его сделала таковым. Она почувствовала его зубы, упивалась твердой уверенностью, какой никогда прежде не было между ними. Но в то же время она чувствовала каждый поцелуй, который они разделили в другой жизни, чувствовала, что они сейчас существуют внутри этого. Губы Арина заскользили по девичьей шее. Он зарылся лицом в её кожу.

Кестрел нашла его губы и обнаружила, что теперь у них другой вкус. Она отведала вкус своей кожи, оставшийся на его губах. Медный. Она вновь проникла языком в его рот.

— Кестрел.

Она ему не ответила.

— Это плохая идея.

— Нет, — сказала она, — хорошая.

Арин отстранился, закрыл глаза и опустил голову, прижав её к животу девушки. Кестрел чувствовала, как он шептал что-то, уткнувшись лицом в её ночную сорочку. Его рот обжигал даже через ткань.

Стул Арина отъехал назад. Он больше не прикасался к ней.

— Не так.

— Да. Именно так. — Кестрел пыталась подобрать слова, чтобы выразить, насколько это помогло, что каким-то образом ей удалось выстроить карту себя, обозначить хребты, возвышенности и долины её настоящей.

— Кестрел, мне кажется, ты меня... немного используешь.

Это неприятно поразило её. Кестрел замерла. Ей пришло в голову, что сказанное им, было ещё одной версией того, что она пыталась сказать.

— Только не так. Ох, это мучение. — Арин печально улыбнулся. — Это не значит, что я не хочу... — Она никогда не слышала, чтобы он говорил так неуверенно. Даже несмотря на провалы в памяти, она знала, что это ему не присуще. Это легко узнать, хотелось сказать ей. Воспоминания о нём вернулись довольно быстро. Это не больно, не так сильно, как она боялась раньше, в тундре, или в его пустой кровати. По крайней мере, это больше не причиняет боль. Уже лучше. По сравнению с... другими вещами.

Безликий ужас. Монстр. Внутри неё. Он разросся, превратился в бесформенную массу. Она не будет её трогать. Ей с этим призраком не по пути.

Арин был прав тогда, предположив, что она пережила нечто настолько ужасное, что не стоило и вспоминать.

— Этого недостаточно, — сказал он. Ей потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что он продолжает настаивать на отказе и не отвечает на её мысли, которые звучали так громко, что у неё возникло такое чувство, будто она кричала о них вслух.

— А чего будет достаточно? — спросила она.

Арин покраснел.

— Ты можешь мне сказать.

— Ох, — ответил он. — Хорошо. Меня.

— Я не понимаю.

— Я хочу... чтобы ты хотела меня.

— Я хочу.

Он провел рукой по взъерошенным волосам.

— Я не это имел в виду. — Он взмахнул рукой сначала в её сторону, а потом в свою. — Я... — Он изо всех сил прижал кулаки к глазам и позволил наконец словам сорваться с губ: — Я хочу, чтобы ты была моей, всецело, чтобы ты принадлежала мне и телом, и душой. Я хочу, чтобы ты разделяла мои чувства.

У нее свело желудок. Кестрел поклялась себе не лгать ему.

Он прочел ответ в её глазах. Арин помрачнел и ничего не сказал. Но убрал волосы с её лица, те пряди, что упали на ресницы и прилипли к губам. Подушечка его пальца медленно очертила линию вдоль нижней губы Кестрел. Ощущение отдалось мурашками на спине и бабочками в животе. А потом его рука опустилась, и она почувствовала себя одинокой.

— Завтра я уезжаю с Рошаром, — сказал Арин. — Меня не будет некоторое время.

Уголёк обиды. Старое чувство, оно было того же возраста, что и вся её жизнь. Кестрел всегда бросали. Война постоянно одерживала победу. Она увидела себя маленькой девочкой, сжимающей меч длиною в её рост. Как руки ныли под его тяжестью. Его нельзя ронять. Скоро его возьмет человек на лошади. Он смотрит вниз, а она гадает, может, ему просто интересно, сколько она сможет продержат клинок прямо. Он улыбается, и её сердце наполняется чувствами той девочки. Кестрел одновременно девочка и женщина, прошлое и настоящее. Её переполняют гордость и сожаление, а ещё гнев.

— Возьми меня с собой, — попросила она Арина.

Его лицо омрачила тень.

— Нет. Это невозможно.

— Я могу помочь. Я знаю, как работает система шпионов моего отца, его тактику, шифры, войсковые соединения...

— Нет.

— У тебя нет права решать за меня.

— Этого не будет. — Арин понял, что разозлился не меньше Кестрел, поэтому добавил мягче: — Это слишком опасно.

— Я могу о себе позаботиться.

— Я не могу потерять тебя. — Горе окрасило его голос. — Ещё и тебя.

Она увидела в глазах Арина отражение истории, что он рассказал ей о вторжении. Его взгляд помрачнел.

Это отец Кестрел сделал это с ним. Она вспомнила отца, почувствовала, как память сдавила тело — до скрипа, хруста костей — и, казалось, она почувствовала, что Арин догадался, куда устремился её разум. Она ощутила, что сделало с ним направление её мыслей.

Кестрел умоляла отца взять её с собой на войну. Он пообещал, что однажды обязательно так и поступит, но потом она выросла и больше не разделяла его желаний; она хотела, чтобы он остался вместе с ней, но он не уступил.

Их с Арином истории переплелись в единый узор, который она пока не могла разгадать. А их молчание всё длилось и длилось.

— Я останусь, — наконец тихо произнес Арин.

Её взгляд взметнулся к нему. Это было так неожиданно, что у Кестрел все мысли вылетели из головы.

— Если ты хочешь. Я могу остаться. Мы будем вместе.

— Если ты останешься здесь, в то время как дакранцы идут на юг, чтобы сражаться, альянс разрушится.

Арин уставился на свои руки.

— Если только ты не сделаешь это ради королевы.

Он укоризненно посмотрел на Кестрел.

— А значит, ты не можешь остаться.

— Ты хочешь, чтобы я остался?

Кестрел задумалась, может, каждый вопрос — это просто попытка сдать на милость другому.

— Это слишком дорого тебе обойдётся.

— Подумай об этом. Ты подумаешь? Мы уходим на рассвете. Встретимся у ручья, рядом с вьючной тропинкой, и ты скажешь мне, что решила.

Её ответ должен быть «нет», но Кестрел не смогла заставить себя сказать это.

— Приходи, что бы не решила, — сказал он, — чтобы попрощаться. Пожелаешь мне удачи?

Кестрел представила вырванную с землей траву на поле боя, окропленную кровью. Его: израненного и окровавленного. С опаленной кожей. Взгляд его тёмных глаз, сосредоточенный на чём-то, что она не видит. Свет в них померк.

Останься, почти произнесла она. А потом невидимая рука закрыла ей ладонью рот, ещё раз напомнив тем самым о неминуемых политических последствиях подобного решения. Как бы то ни было, Кестрел видела его гибель. Смерть в бою или медленная гибель альянса и победа императора.

На глаза навернулись слёзы. Она отвернулась, чтобы он не увидел их.

— Разве ты не пожелаешь мне удачи? — спросил Арин.

— Пожелаю. Я желаю тебе удачи.

Но он, казалось, был не уверен в этом.

— Если я не увижу тебя на рассвете, то это будет означать — ты хочешь, чтобы я уехал.

— Я буду там, — ответила она. — Обещаю.

Глава 18

Кестрел не спалось. Она бродила по спящему дому, смотрела на медные тазы, поблескивающие в темноте кухни, словно вереница подвешенных лун. Её поступь была не громче постукивания мышиных лапок о ступеньки. Она нашла библиотеку, вспомнила, как касалась корешков книг, когда жила здесь в прошлой жизни. Кестрел вновь дотронулась до них. Она вспоминала и трогала книги, трогала и вспоминала. Её пианино представляло собой самую большую тень в комнате. Арин перевёз его сюда из отеческого дома. Это было до тюрьмы, до императорского дворца. Он просил её остаться и разделить с ним жизнь. Она

ушла от него, ушла в гавань, к украденной рыбацкой лодке. В бушующее море. К императору. Сделав выбор.

Столица: чопорное кружево, сахар, снег. Густая кровь, ободранные пальцы. Белые костяшки суставов.

Выбирай, велел император, когда она оказалась впервые перед ним и увидела, как он холоден и хитер. Она выбрала брак с его сыном. Её отец безмерно гордился дочерью.

Воспоминания мурашками рассыпались по её коже.

Через посеребренное окно Кестрел увидела гавань. Залив был залит светом. Ей не было холодно, но она всё равно потерла ладонями обнаженные плечи, привычка, оставшаяся с того времени, когда она все время мёрзла. Но поняв, что она делает, Кестрел остановилась. И вновь задумалась: почему у тела и разума так различаются воспоминания, которые порой вступают друг с другом в противоречия.

Ей не было холодно, и всё же она ощущала холод. В её сердце притаилась глыба льда.

Кестрел не знала, что ответит Арину на рассвете. Предложенный им выбор стал таким большим, что она не могла ясно понять — остаться или ехать. Она видела сам выбор и только.

Выбор её страшил. Она и так за него уже слишком дорого заплатила.

Кестрел посмотрела на гавань и вспомнила, как стояла там прошлой зимой, как её дыхание превращалось в облачка пара... и Арина тоже. Её рука на зазубренном осколке керамики, остром, как нож. Рыбацкая лодка, покачивающаяся на волнах у пристани. Он позволил ей сбежать, выбрал для неё свободу и вероятную гибель для себя просто потому, что ему была невыносима мысль, что он удерживал её насильно.

Не Арин был льдом в её сердце. Не он причина страха, удерживающего её от воспоминаний о себе прежней и того, что она сделала и чем это для неё обернулось.

Кем была Кестрел? Она мысленно перечислила всё, что знала, изучила каждый осколок прежней себя. Благородная, по словам Арина. Храбрая, думала она прежде. Она представила эту Кестрел — создание, сотканное из этих рассказов, и захотела, чтобы именно такой она и была.

Девушка не стояла на месте. Ноги несли её в покои Сарсин. Она крадучись прошла по половицам, открыв двери, затем шкаф, чтобы переодеться. А потом и обуться.

На рассвете солдаты отправятся на юг. У неё есть несколько часов в запасе. Луна светила ярко. Этого света было достаточно.

Кестрел покинула дом, выйдя через дверь для прислуги. Она спешно прошла через сад к конюшням.

Высокая тёмная трава, окружавшая виллу, мерно колыхалась на теплом ветерке. Она пустила Джавелина прямо к дому. Где-то неподалеку должен быть пруд или ручей, ей было не видно. Но Кестрел слышала лягушачье пение. Над головой светила полная луна, приглушая сияние звёзд.

Дом был величественен в своем безмолвии. Окна наглухо закрыты. Кестрел вздрогнула и намного лучше поняла природу своего страха, чем прежде. У него была форма. Четко обозначенная. Это был страх перед болью.

Она перекинула ногу через спину Джавелина и прыгнула в траву. Трава кололась. Кестрел начала пробираться сквозь неё, позволяя досаждать и щекотать. «Посмотри на траву. Это просто трава. Этот дом — просто дом. Эта луна, просто луна. Они именно то, что есть, и не более».

Кестрел нащупала ногами мощёную плитку, скрытую в траве. Девушка пошла вперед, держа в руке незажженную лампу, что сняла с седельной сумки. Она хотела её зажечь, но побоялась, что может обнаружить себя. Этот дом — дом, окна второго этажа, вон карнизы, там открытая галерея, всё так четко и до тошноты знакомо — содержит секрет, который она должна разгадать.

Стоило ей выйти из травы, как она почувствовала себя обнаженной. Кестрел бросила взгляд через плечо и увидела чёрный изгиб шеи Джавелина. А потом она встретилась с чёрными, пустыми глазницами окон виллы.

Там ничего не осталось, как сказал Арин. Дом пуст.

Нет, это было не так.

Что-то всё же там есть. Она чувствовала, как стены кишат этим.

Я буду с тобой, сказал Арин тогда, на лошадиной тропе. Она знала, что может сейчас же вернуться и разбудить его. Он ни о чём не спросит. Не попросит подождать.

Она скажет ему, как ей страшно, а потом умолкнет, не в силах что-либо добавить ещё.

И он ответит: «Я пойду с тобой. Ты не будешь одна».

Дверь отворилась, едва она коснулась её.

В воздухе висел запах насилия. Стоило ему ударить девушке в нос, как она закрыла рот ладонью. Запах был ей знаком. Пьянящий. Масло апельсинового дерева. Окна, вымытые с уксусом. Чистый дом, её чистый дом, чистота изо дня в день, почти всю её жизнь. Запах детства, который она не осознавала, пока не забыла и вновь с ним не столкнулась.

Он забрал все силы, что у неё были. Кестрел чуть не споткнулась у входа и не упала в ночь.

А потом панику будто смыло из сознания. Это случилось ненавязчиво и дало ей возможность перевести дух. Этот запах показался ей знакомым не только потому, что был родом из детства. Кестрел не так давно уже сталкивалась с этим запахом (апельсин, уксус и щёлочь). Но не смогла вспомнить, где и когда.

Она зажгла свет. Дом ожил.

Он был пуст. Неровные тени. Сверкающие плитки.

Кестрел прошла в гостиную. Её будто тянуло туда. Она едва слышала отголоски того, чем она здесь когда-то занималась. В этой комнате был настелен деревянный пол, покрытый блестящим лаком, светлее там, где когда-то стояла мебель.

Дом, несмотря на то, что стоял несколько месяцев заброшенным (травы выросла почти до бедра), был вычищен. Кестрел бродила из комнаты в комнату.

Она остановилась внутри балконного проема с двумя дверьми, что выходил в сад. Внутри проема были сделаны углубления с узкими перегородками, специально для тонких нотных тетрадей. Тетради были аккуратно расставлены. Однако, когда она подошла ближе, провела рукой по корешкам нот и почувствовала, как музыка эхом отозвалась во всем её теле, то поняла, что расставлены они были не ею.

Геранцы расставляли ноты по композиторам (она увидела себя прежнюю, того изящного призрака, расставлявшего ноты по своим отделениям). Валорианская музыка (то немного, что существовало) была расставлена в таком же порядке. Но это было неправильно. Она не могла классифицировать музыку по такому же принципу. Валорианцы заказывали книги по цвету переплета, который символизировал тему. Они каталогизировали музыку по темам.

Кестрел вновь провела рукой по нотным тетрадям, вспоминая, сколько она не играла,

будучи в столице. Но она не спрашивала о музыке, это было бы равносильно признанию того, что девушке её не хватает и она скучает по вещам, оставленным дома. К тому же было слишком тяжело думать обо всем том, чего ей не хватало. Да и слишком опасно скучать вообще по чему бы то ни было.

Кто-то другой проделал кропотливую работу, расставляя эти буклеты. Не она. Не валорианец.

В памяти возник голос Арина: «Меня не интересует музыкальная комната».

Это не было правдой тогда. Не было правдой и сейчас.

Теперь она понимала, что не давало ей покинуть виллу. Это было на уровне чувств, лёгкая, как перышко, но ещё не до конца сформировавшаяся мысль, которая все еще плавала по морю её разума. «Ты знаешь, где слышала этот запах чистоты. Запах апельсина, уксуса и щёлочи».

Арин. Она тогда была еще очень больна, и в перерывах между провалами забытья, Кестрел видела его спящим в кресле рядом с кроватью в покоях, когда-то принадлежавших его матери. Он просыпался, шептал ей, чтобы она вновь засыпала. И от него странно пахло. Острый запах щелочи. Ещё тогда она подумала, что пахнет чистотой. Чистотой, не подлежащей сомнению.

Мягкий золотой свет. Его голос, низкий тембр. Блеск глаз. Неторопливый приход тишины. Потом сон.

Кестрел подняла лампу повыше, хотя стоило ей войти в дом, как она поняла, что не нуждается в свете. Но так было проще. Это была просто пустая комната, где когда-то обитали вещи, и девушку больше не переполнял страх перед этими вещами, потому что она уже не чувствовала себя одинокой.

Она исследовала дом.

Ночь сдавала свои позиции. Тени расползались по углам. Кестрел этого не заметила, а если даже и заметила, то решила, что разум видел лучше глаз.

Она продиралась сквозь память. Мама. Няня Инэй. Любовь к ней была такой сильной, что стало тяжело дышать.

А вот и её комнаты. Выкрашенные стены. В опочивальне, где висели шторы, — имя. Процарапанные чёрточки имени. Джесс. Они проделали это булавкой, когда были маленькими. Буквы получились не плавными, а резко очерченными. Кестрел прикоснулась к имени. Она знала, что её имя было написано на стене в комнате у Джесс. Девушка вспомнила, как царапала булавкой краску. Глаза начали жечь слёзы.

Лампа светила тускло. Она источала жаркий запах керамики. Кестрел смутно чувствовала, что время поджимало, но она уже и без того потеряла столько времени, поэтому не до конца понимала, что на самом деле означало это ощущение.

Теперь она шагала быстро. Словно кто-то дёргал за свободный конец веревки, другой край которой был привязан к её сердцу. И вновь: страх боли. Уверенность в его неминувости. Страх влёт вперед, а потом неожиданно сковал ей ноги и вынудил остановиться.

Сквозь оконные стёкла заструился серый свет.

Она вспомнила об обещании, данном Арину. Волнение в его голосе: «Разве ты не пожелаешь мне удачи?» Она подумала о человеке, прибравшемся в её доме просто потому, что это был её дом, и он не хотел, чтобы тот оставался стоять грязным. Она подумала о том, каково ему будет покидать город, не получив ответа на свой вопрос. Кестрел не только не

ответила на его предложение, но даже не пожелала счастливого пути и возвращения.

Её прошиб холодный пот ужаса.

Если она уйдет сейчас, то успеет встретиться с ним на рассвете.

Она шла по коридору, чеканя шаг. Подошла к лестнице, чтобы сбежать вниз и выйти из дома в траву.

Но веревка в груди, привязанная к сердцу, сильно натянулась и больно разрезала грудь изнутри. И, не осознавая, что она делает, девушка пересекла лестничную площадку и вошла в узкую зеркальную галерею. Её тень смиренно порхала рядом. В конце галереи имелась дверь. За дверью ждали покои. Стены, обшитые тёмной тканью, и она вспомнила шёлковые шторы, когда-то висевшие теперь уже на голых прутьях. «Их выбирала мама», — сказал отец, глядя на шторы так, словно не мог определить, какого цвета они были.

Кестрел зашла в комнаты отца.

Она отступила в сторону лестницы. Девушка потеряла лампу. Она наткнулась на небольшой танцзал. Обеденный зал. Гостиную. Кестрел сжала ручку двери: библиотека.

Воспоминания об отце были больше связаны с библиотекой, нежели с его комнатой, куда её редко приглашали. Отец не выносил внезапных вторжений. Библиотека оказалась до боли знакомой, даже несмотря на нехватку книг. Здесь не было никаких признаков насилия. Однако в воздухе витало ощущение, что книги были сорваны с полок с особой жестокостью. Раньше здесь на столике стояло прозрачное красное пресс-папье из дутого стекла. Она вспомнила закорючки под своими пальцами. Генерал использовал пресс-папье, чтобы держать карты развернутыми. Она не знала, куда оно подевалось.

Кестрел уселась на пол, где когда-то стояло кресло. Когда рассвет, со всей силой своих излюбленных оттенков оранжевого, розового и жёлтого обрушился на её влажные глаза, девушка поняла, зачем пришла в этот дом. Настоящая причина была только одна. Она пришла сюда в поисках отца.

Память, наконец, пусть вся израненная, но всё же вернулась к ней. Она приползла к ней на коленях. Кестрел вспомнила не всё, но достаточно.

Глава 19

Арин приехал к ручью рано, в серый час перед рассветом. Сел на траву. Его обуревали самые разные мысли. Нервы шалили. Он прижался ладонями к земле. Арин слишком сильно нервничал.

Она не пришла.

Он смотрел на блеск воды в лучах восходящего солнца. Ручей плавно изгибался по пути своего следования. Пели птицы. Негромко и приятно взывала ирриэль. Она вторила себе. Но ответа так и не последовало. Она продолжала звать, словно заклинала. Другие птицы будто подпали под её чары.

Арин прождал столько, сколько мог. В конце концов, его молчаливая часть признала то, в чём он сомневался все это время. Он не надеялся, что Кестрел придёт. Эти ли сомнения не дали ему заснуть после того, как она покинула его покои? Не изнуряющее удовольствие от её присутствия или ощущение её отсутствия. Не ожидание войны, не вероятность её притязаний на его сердце.

Пришла пора быть честным.

Он был с собой честным. Предельно. Признал своё поражение. Да, удовольствие, препятствия, отсутствие любимой и ожидание — в совокупности не дали ему заснуть прошлой ночью. Однако сомнение, шипящее кислотой, стало частью этого эмоционального

напитка.

А теперь им завладела некая давящая эмоция. Похожая на снаряд, размером с ладонь. Эта эмоция, казалось, лежала в каком-то невидимом кармане, и вот теперь дала о себе знать, чтобы показаться полностью.

«Это всего лишь сожаление», — сказал он себе. Едва осязаемое, потому что ожидаемое. А чего еще он ждал?

Арин вырвал несколько травинок, случайно попавших между пальцами, и вдохнул аромат свежей зелени. А потом (понимал, что ведёт себя странно, но ему нужна была эта странность, чтобы отвлечься или сделать хоть что-нибудь перед тем, как уйти, потому что на это потребуется мгновение, и может быть, как раз в это мгновение она и появится, если он еще подождет, но всего лишь мгновение) он сунул травинки в рот и разжевал их. Они напомнили ему по вкусу мыло. Чистоту.

Она не пришла. Скорее всего, она вообще не собиралась приходить.

Он направился снаряжать коня.

* * *

Арин остановился в нескольких шагах от конюшни. Солдаты (несколько сотен крепких мужчин на лошадях и пешие) собрались на холме. Утро гудело фырканием и топотом лошадиных копыт, перебранками мешавших друг другу людей, трением металла о кожу, шлепками всадников о сёдла. Ничего из увиденного не удивило Арина. Рошар стоял рядом с двумя оседланными лошадьми и улыбался ему.

— Ты опоздал. Проспал, что ли? — сказал Рошар, подойдя к Арину и ведя за собой лошадей.

Арин ничего не ответил.

— Держи. — Рошар протянул ему вожжи. — Я заметил, что ты иногда на нем ездешь. Он хорош. Не так хорош, как мой, конечно, но тоже ничего. Я подумал, что ты решишь оставить того боевого коня. Он ведь её, я прав?

— Джавелин остается.

— Как скажешь, — легко согласился Рошар. — В общем, это разумно, не так ли? — Он убрал руку с оседланной для Арина лошади.

— Да... хотя это не похоже на тебя.

— Никогда так не говори. Я очень вдумчивый и душевный.

Арин понял, что улыбается в ответ. Он вскочил на коня.

Всем был отдан приказ следовать за ним и принцем. Им придётся пройти через весь город, собрав ещё солдат по дороге, в конце концов, добраться до гавани, где их поджидала восточная армия, чтобы вместе с ними отправиться на юг.

Но сначала они прошли по тропинке к дому. Несколько человек, узнавшие или догадавшиеся об уходе солдат, выстроились вдоль дорожки.

Кестрел среди них не было. Вышли Сарсин и королева. Иниша приподняла одну бровь и произнесла иронично:

— Будь осторожнее.

Но Сарсин. Она смотрела на него иначе, не так, как прежде, словно не была уверена, вернётся ли он на этот раз. Арин подумал, что обещание, данное богу, может стать всепоглощающим. Сарсин плакала. Она протянула ему букет, собранный из крошечных цветов, росших у подножья деревьев, в их тени. Чтобы их увидеть, приходилось встать на четвереньки. Он очень любил их, ещё с давних пор.

Он взял цветы. Арин склонился, не слезая с коня, и смахнул слёзы сестры.

— Не надо, — сказал он, но этот жест вызвал лишь новый поток.

— Я люблю тебя, — сказала она. Он ответил, что тоже её любит.

Лошадь двинулась вперед. Его рука опала. Расстояние между Арином и Сарсин увеличивалось.

«Не беспокойся, — прошептал голос внутри него. — Я обо всем позабочусь». Но голос бога смерти звучал зловеще.

«Я тебя слышал, — добавил бог. — Прошлой ночью. Пообещал остаться? И пропустить всё? Арин, ты дал мне обещание. Во имя славы. Во имя меня. Или я что-то не так запомнил?»

Арин ничего не ответил.

«Ах, Арин. Тебе повезло, что ты мне понравился».

«Чем?» — спросил Арин, но бог в ответ только ухмыльнулся ему.

* * *

Корабли остались в бухте. Королева будет защищать город. Арин попытался отмахнуться от мысли, что теперь она сможет легко претендовать на него. Решить, что город отныне принадлежит ей. Но у него не было выбора, кроме как довериться ей.

Несколько тысяч человек выдвинулись на юг. Они продвигались с пешей скоростью солдат, да темпа повозок с припасами. Дороги были хорошими. Их построили валорианцы после вторжения. Руками рабов. Их вымостили для войны.

— Ты так и не спросил меня об Арине, — сказал Рошар.

— Что?

— Тигр. А не угрюмый мужчина. Я решил, что лучше будет оставить его в компании моей сестры. Раз уж тебя нельзя.

Арин окинул друга сердитым взглядом.

— Разве я говорю, что хочу превратить тебя в любимую зверушку моей сестры? И в мыслях не было. Кто бы мог подумать, что у тебя такая ранимая душа. Я предпочитаю, чтобы ты был здесь.

— Почему?

— Остаться было бы ошибкой. Только не говори, что ты раздумывал над этим. Она...

— Ты имеешь в виду Кестрел.

— Обеих. Я ничего не рассказал о твоём привиденьице. Тебе придется скинуть меня с лошади, а мне в отместку тебя убить за несоблюдение субординации, чем я немало порадую служивых, но это будет грязно и неприятно.

— Поясни.

— Будь осторожен, особенно рядом с моей сестрой, — серьёзным тоном сказал Рошар.

Арин посмотрел на принца. Вряд ли Инише придется по душе предупреждение брата, подумал он.

— Ты не предан сестре?

Улыбка Рошара говорила о том, что принц находил очаровательным желание получить от Арина прямой ответ на свой прямой вопрос.

— И никогда не был.

* * *

Звуки, производимые армией (скрип повозок, стук копыт, ботинок, разговоры на разных языках) не давал ему думать. Но при нём всё ещё оставалась та эмоция, что он обнаружил у

ручья. Она была прямо по груди: маленьким, но тяжелым камнем.

Вдоль обочин дорог цвели жёлтые колючие кусты. По дороге Арину даже попала лиса со своим выводком, выбежавшая из-за кустов на дорогу. Он остановил коня (чувствуя себя полным дураком, но затем, к своему облегчению, увидел, что его примеру последовало несколько тележек), чтобы животные спокойно перебрались на другую сторону.

— Валорианский генерал может попытаться вновь высадиться на пляже Лерален, — сказал Рошар.

— Ему это будет дорого стоить.

— Верно, но пляж пока ещё остается удобным местом для масштабного вторжения. Теперь у него есть подкрепление. Если отчёты верны, его силы значительно превосходят наши. Однако у нас лучше расположение, что является весомым преимуществом.

— Мне кажется, что ему важна не только победа. — Арин вспомнил игровой стол Кестрел. — Он любит изящные и остроумные победы. Выставить противника, который решил, что может тягаться с ним, дураком. Он может отправить все войска на пляж и те победят, неважно, какой ценой. А потом он отправится на север, чтобы взять город. Победа грубой силой. Очень грязная победа, с огромными потерями. Совершенно незатейливая. Он предпочитает действовать с хитростью. Он уже попытался схитрить, отправив своих людей на скалы. Если у него припасен ещё один трюк в рукаве для пляжа, я бы не стал сосредотачивать все наши силы там.

— Если мы никого не оставим на пляже, то он возьмет полуостров без сопротивления.

— Пошлём дивизию.

— Две трети?

— Плюс большее количество припасов и пехоты. Обоснуемся там. Оставшаяся часть армии продолжит свой путь на юг. Она будет лёгкой, а потому быстрой. Состоящей преимущественно из кавалерии. Они возьмут с собой немного пушек и орудий.

— Куда ты поставишь своих людей?

— Куда скажешь.

Рошар нарочито округлил глаза.

— Как любезно с твоей стороны.

— Пока они будут оставаться под моим командованием.

— Почему нет, — любезно ответил Рошар, — пока ты будешь оставаться под моим?

* * *

Наступила ночь. Арин с Рошаром без лишних разговоров раскинули палатки рядом друг с другом. Потрескивал небольшой костерок. Потянуло холодом, погода начала меняться.

Рошар лежал на спине, подложив под шею валик, свернутый из спального мешка. Он дымил.

— Я вот тут думаю...

— О боги.

— Мне пришло на ум, что у тебя нет официального статуса, и я, твой принц, могу тебе его дать. — И он произнёс незнакомое Арину слово на восточном языке. — Ну? Что скажешь? Подходяще?

— Это зависит...

— От?

— Настоящее ли это воинское звание или какое-то ужасное ругательство, которое ты выдаешь за звание.

— Арин! Ну откуда это недоверие?! Я выучил тебя всем ругательствам, что знаю.

— Нисколько не сомневаюсь, что ты приберег одно-два как раз для такого случая.

Рошар пробормотал что-то про свиней и любовь Арина к уточнениям.

Арин рассмеялся.

— Я, вообще-то, серьезно, — сказал Рошар. — Я не знаю, как перевести это слово, обозначающее твой статус. Оно сделает тебя третьим по важности, после Хаша. — Флотоводец испросил королевского разрешения покинуть корабли, находящиеся под его командованием, уступив флот своему помощнику. Он захотел стать частью сухопутной армии. — У него есть опыт. Он воевал с генералом в горах четыре года назад. Он хорош. Но он убьёт меня, если я дам тебе звание выше, чем у него.

Арин сдвинул полено и какое-то время наблюдал за вылетающими из костра искрами.

— Спасибо.

Рошар сощурился, вновь сделав затяжку. Чаша его трубки заискрилась красным.

— Ты вроде бы и не очень рад. — Дым окружил его лицо. — В чём дело? Чем тебя не радует перспектива быть третьим? Тебе не по душе Хаш? Так и мне тоже. И что? Ты не можешь быть вторым и уж точно, черт возьми, не будешь первым. — Он пристально посмотрел на Арина. — Ээ-э нет, ты переживаешь не из-за неутолённого честолюбия и это не уязвленное самолюбие, за которое, как правило, принимают твою озабоченность. Но не в этот раз. Арин, ты нервничаешь, да? Не стоит, ты идеально подходишь для этой должности. Ты же хочешь её занять. Только сегодня утром ты утверждал, что хочешь командовать Гераном.

— Потому что должен. Я несу ответственность за свой народ.

— И он тебя любят. Они считают тебя святым даром богов. Должен признать, ты хорошо потрудился на этом поприще.

— Я не нарочно.

— И это даже лучше. Вышло очень достоверно. Это, знаешь ли, очень удобно, когда отправляешь людей на смерть.

Арин опустил взгляд на украденную валорианскую обувь и почувствовал, как вспыхнули его щёки.

— Слишком поздно сомневаться в смерти, гибели и убийствах, — заметил Рошар. — Ты уже по уши в этом. Некоторые рождены для подобной судьбы.

Арину подумалось, а что если Кестрел не пришла, потому что услышала запах смерти на нём.

— Ты отлично справишься, — сказал Рошар.

— Я знаю.

Рошар скрестил ноги, сложив на согнутое колено одной другую, слегка приподнялся и постучал чашей трубки по ботинку, затем вновь улегся на валик.

— Чувствую, будет дождь.

— Гм-м-м.

— Листья на деревьях уже приняли форму чаши.

— Это невозможно разглядеть в темноте.

— Я вижу это мысленно. — Дым из трубки повис в воздухе. Рошар сложил руки на груди. Он готовился ко сну. — Арин.

Арин, сидевший рядом, оперев локти в согнутые колени, и совсем не хотевший спать, откликнулся:

— Да?

— Ну и как я выгляжу в темноте?

Ошарашенный Арин посмотрел на Рошара. У ответа на этот вопрос не существовало границ. Но задан он в тоже время был аккуратно, изящно. Мягкая и неуверенная его формулировка говорила о том, что Рошару это было действительно важно знать. В красных отблесках огня его тело казалось вялым, а изуродованное лицо открытым. Тяжесть, что лежала у Арина на сердце (а именно характерная грусть, устроившаяся чуть ниже его ключицы, наподобие кулона), уменьшилась.

— Как мой друг, — произнес Арин.

Рошар не улыбнулся. Когда он заговорил, его голос соответствовал выражению лица, что было для него редкостью. Но ещё реже можно было услышать подобный тон его голоса. Тихий и правдивый.

— Ты тоже.

Оставшись в своей палатке один, Арин, должно быть, всё-таки уснул. Он проснулся, думая обнаружить Кестрел рядом с собой. Её присутствие казалось осязаемым и таким же настоящим, как тогда, когда она стояла перед ним у него в покоях. Тонкий силуэт. Шепот разгоряченной кожи. «Я хочу вспомнить тебя».

Спи, велел он себе. Нельзя её удерживать какими бы то ни было обещаниями.

Арин повернулся на бок. Раздался удар грома. Небо разверзлось. Дождь застучал по ткани палатки. Все громче и громче.

* * *

Дождь не унимался. Вода лилась с лошадей ручьем. День ничем не отличался от утра, ночь от вечера. Все окрасилось в серые размытые тона. Арин промок до нитки. Дождь капал с его носа.

Они продвигались медленно. Арин вернулся в середину колонны и остановился, чтобы помочь подтолкнуть повозку, застрявшую в колее между камнями брусчатки. А потом вновь взобрался на лошадь, когда понял, что кто-то объявил привал. Все должны остаться на своих местах.

Он поскакал к Рошару.

— В чём дело? — спросил он принца.

— Дорога разветвляется. — Рошар кивнул на дорогу, простирающуюся впереди, и вытащил вощёную карту из тубуса, торчавшего из его седельной сумки. Арин достал из своей сумки жёсткое одеяло и накрыл им себя и принца, чтобы уберечь карту от дождя.

Вскоре дорога должна будет разделиться. Лерален простирался на запад.

— Думаю, последовать твоему совету, — сказал Рошар. — Мы разделимся. Большая часть армии двинется на запад. Оставшаяся — на юг. На что ставишь, Арин? Это твоя страна. Где развернется бой?

Арин всмотрелся в карту, прикусив нижнюю губу.

«Мм-м, — подала голос смерть. — Вон те поместья такие аппетитные».

Неподалеку от них стояло несколько неогороженных поместий. Они находились достаточно близко к югу, чтобы стать перевалочным пунктом для поставок генерала с Итрии на материк.

— Вот здесь, — сказал Арин. Дождь стекал по его губам, создавая ложное впечатление, будто он плевался. — Если генерал сумеет там обосноваться, то в итоге сможет укрепить свои позиции, взяв почти всё, что требуется из близлежащих усадеб, кроме чёрного пороха.

У него появится возможность незаметно подобраться и рассредоточиться, встав как на востоке, так и на западе. Он возьмет нас в тиски и вытеснит в город.

Рошар свернул и убрал карту. Арин опустил одеяло, которое промокло насквозь. Ему предстояла та ещё ночь.

Рошар посмотрел вверх и моргнул.

— Прямо как дома. — Он прищурившись посмотрел на Арина. — Хочешь с Хашем на пляж?

Арин покачал головой.

— Я так и подумал.

Армия разделилась. Арин отправился с Рошаром на юг.

* * *

К сумеркам дождь прекратился, но он шёл так долго, что Арину казалось, будто вода все ещё льется, мешая ему ясно видеть.

Уменьшенная армия разбила лагерь на ночь, кляня грязь на чём свет стоит. Настроение у всех было скверное. Палатка Арина почти не вымокла, благодаря брезентовому мешку. Сменная одежда, лежавшая на дне седельной сумки, тоже не пострадала. Остальное промокло насквозь. Арин расстегнул кожаные доспехи, набухшие от воды и пахнувшие шкурой мокрой коровы, и стянул их с туники. Арин не нашел ничего лучше низко растущих ветвей соседнего дерева, чтобы повесить их сушиться. Но легкий ветерок сдул бисеринки дождя с листьев и Арин осознал тщетность своих усилий.

Всем хотелось огня, но деревья вдоль дороги вымокли. Жечь было нечего. Арин смирился с влажностью. Он раскинул палатку, счистил толстую кору с дерева (ее внутренняя сторона осталась сухой) и уселся на нее, чтобы вытереть сухой рубахой весь металл, что взял с собой, дабы убереечь меч, кинжал, щит и прочие металлические пряжки и хомуты от ржавчины.

Лета не чувствовалось вовсе. Арин продрог, кожа на спине неприятно стянулась. Прядь мокрых волос шлепнула по щеке и прилипла к ней. Он вздрогнул, смахнул её и продолжил протирать рубахой пряжки на уздечке и подпруге. От этих движений он немного согрелся.

— Ну и ну, посмотрите-ка вы на него. — Прямо перед ним стоял Рошар, уперев руки в бедра. Он расстегнул доспехи, но не снял. — Какое трудолюбие. Готов поклясться, что и у тебя зуб на зуб не попадает.

Арин проигнорировал его.

— Раз уж ты занялся этим, — продолжил говорить Рошар, — может, и мои вещи высушишь?

Арин остановился, посмотрел вверх, и сделал жест, которому обучился на востоке.

Рошар расхохотался, а потом развернулся и пошлепал к своему шатру-палатке. Арин услышал, как он подозвал кого-то из рядовых. А потом он перестал обращать внимание на то, что происходило вокруг.

Однако некоторое время спустя, у него по шее побежали мурашки. Сначала Арин подумал, что всему виной холод. Но он ещё не закончил с поставленной перед собой задачей, поэтому не мог натянуть всё ещё преимущественно сухую рубаху, хотя ему уже очень давно хотелось это сделать. Он сосредоточился на своем занятии.

Мало-помалу он начал осознавать, что в лагере удивительно тихо. Он расслышал стук приближающихся копыт. А потом какой-то дакронец сказал:

— Стой, где стоишь! — Арин услышал щелчок арбалета.

Он поднял взгляд и увидел остановившегося всадника.

На жеребце, промокшая до нитки, с выражением мрачной решимости на лице восседала Кестрел.

Глава 20

Он подошёл к девушке, по дороге сняв мокрую тунику с дерева и надев её на себя.

Руки Кестрел сжимали поводья, тело одеревенело. Она долго ехала без остановок. У неё был ошеломленный взгляд, который очень напоминал тот, что он видел в тундре. Всё в ней было жестким и неправильным.

Арин обнял её за талию и спустил вниз. Не скрывая смятения и беспокойства, он произнес:

— Что ты здесь делаешь?

— Прости, я не сдержала обещания.

— Это неважно.

— Я дала слово. Для валорианцев — это дело чести. — Кестрел слегка покачнулась.

Арин открыл седельную сумку Джавелина. Никакой еды. И одежды. Ни спичек, ни ветоши для растопки. Даже фляги с водой не взяла. Только давно потухшая лампа.

— Кестрел, ты меня пугаешь.

— Прости.

Он повел её к своей палатке, не обращая внимания на любопытные взгляды, и был благодарен (не совсем понимая почему), что Рошара нигде не было видно. Арин подобрал с земли свою сухую рубаху в том месте, где её бросил и вытащил из сумки чистые брюки. Флягу. И немного вымокших сухарей.

— Вот. — Он вложил все это ей в руки. — Переоденься, поешь. Я подожду снаружи.

Кестрел кивнула. Арин вздохнул почти с облегчением, получив простой и обыденный ответ. Потом она исчезла в его палатке, а он вновь пришёл в беспокойство.

Потекли мгновения. Из палатки доносились шорохи. Потом и они затихли. Арин спросил, все ли у неё в порядке. Ответа не последовало. В итоге он слишком сильно разволновался, чтобы оставаться снаружи.

Кестрел сидела, уткнувшись в колени и держа в руке всё ещё закрытую флягу. Девушка переделась в его рубаху, а потом, казалось, она исчерпала себя. На ней до сих пор были собственные мокрые штаны, сапоги для верховой езды и кинжал. Сухари лежали в стороне нетронутые.

Арин опустил на колени и взял её за ледяные руки.

— Прошу тебя, расскажи мне, что случилось.

Она открыла было рот, но подавилась словами. Кестрел выглядела такой хрупкой, что Арин почувствовал, что становится таким же. Он попытался задать другой вопрос:

— Откуда ты узнала, где мы будем?

— Догадалась.

Арин непонимающе уставился на девушку.

— Я подумала... может, Лерален... но отец, он... Я знаю его. Поэтому я решила... — Она умолкла. Ему не понравилось, как её голос надломился, когда она упомянула генерала. — Усадьба Эрилит. Домашний скот, луга, деревья. Вода. В этом был смысл. Для него. Я заволновалась, а вдруг ты не подумаешь об Эрилит. Или подумаешь, но проигнорируешь. Но я надеялась.

Он ощутил вспышку неистового страха. Отправиться по наитию на юг... без припасов, в

одинокую, практически невооруженной... рискнуть. Чистая авантюра. Это потрясло его.

— У тебя даже не было карты. — Он постарался не сказать ничего лишнего. Он побоялся, что она поймет, как остро он воспринял её появление, и её это отпугнет.

— Я видела карты прежде. Я вспомнила. Я... — Её лицо скривилось.

— Ты не должна объяснять.

— Позволь всё-таки. Мне хочется. Я отправилась на виллу. В мой дом. После того, как ушла от тебя. Я не собиралась так долго там задерживаться. Мне жаль.

— Тебе не за что извиняться.

— Есть за что. Я была такой категоричной. Там, в тундре, я обвинила тебя. Я считала тебя виноватым, и это жгло меня изнутри. Но когда я вернулась к себе домой, то вспомнила. Я попала в тюрьму не по твоей вине. Это была моя вина. И его.

Арина пробил озноб. Его подозрения приняли конкретные очертания.

— Твоего отца.

— Да.

— Отец предал тебя.

— Будучи в столице, я написала тебе письмо. Какая глупость, описать содеянное мной на бумаге. Информацию, которую я передавала Тенсену. Мою работу против империи. Я написала о своих чувствах. А мой отец прочёл это. Он передал письмо императору. — Кестрел всхлипнула. — И я знаю, знаю, как это ранило его. И в нём сломалось что-то, и я была тому виной. Может, я больше не была для него той дочерью. Ты понимаешь? Его дочерью. Он больше не знал меня. Я для него стала незнакомкой, лгуньей. И все же, как он мог? Почему он не смог любить меня больше? Или достаточно. Почему он не смог любить меня достаточно, чтобы выбрать меня, а не свои принципы?

Арин притянул её к себе и усадил на колени. Он обнял дрожащее тело, уткнувшись лицом в холодную шею девушки, которая, не переставая, всхлипывала. Он прошептал, что не существует слов, чтобы описать, как он её любит, и пообещал, что всегда будет выбирать только её.

* * *

Она была истощена, поэтому быстро уснула. Арин ещё какое-то время просидел возле неё. Его сердце жаждало убийства.

Но генерал пока находился вне поля досягаемости. А вот кое-кто был неподалеку.

Он вышел из палатки. Идти было близко. Рошар уже поджидал его.

— Я слышал, к нам нагрянул неожиданный гость, — сказал принц.

Арин сжал руку на его плече и подтолкнул мужчину в сторону деревьев.

Рошар, как ни странно, не издал ни звука, пока они не отошли на достаточно большое расстояние от армии. Когда их уже никто не смог бы подслушать, он осторожно спросил:

— Арин, почему ты решил... избить меня?

— Ты знал.

— А можно поконкретнее?

— В то утро, когда мы уехали, ты знал, что её коня не было в стойле. Вот почему ты оседлал другого коня и привел его мне, чтобы я не заметил её отсутствия. Ты солгал мне.

— Это не ложь.

Молчание.

— Арин, ты меня убиваешь. Хорошо, да, ладно. Возможно, я чуть схитрил, но я сделал это во имя твоего счастья. И разве это ложь? А если и так, она же совсем крошечная. — Он

поднял руку и продемонстрировал указательным и большим пальцами ничтожность лжи.

— Ты не знаешь, что может сделать меня счастливым.

— Я знаю, что ты сам этого не знаешь. Я знаю, что тебя совершенно не волнует, что ей нужно. Может, я и правда заметил, что Джавелина не было в стойле тем утром. Может, я знал, как все будет разворачиваться дальше: стоило бы тебе только заметить, что конь отсутствует, как ты бы ринулся, сломя голову, за ней, и моя сестра непременно бы обо всем догадалась. Что бы подумали мои солдаты, если бы я остался тебя ждать? Или если бы мы ушли на юг без тебя? Все наши усилия пошли бы прахом. Так что, да, я соврал. И если нужно, сделаю это снова. Неужели ты думал, что я бы просто стоял и смотрел, как ты бросаешь все ради женщины, которая тебя даже не любит.

Арин отпустил его. Он почувствовал себя совершенно опустошенным.

— Ты хотел правды, — сказал принц.

Арин подумал о Плуте, Тенсене, Кестрел. Какая же часть его была так податлива лжи, гадал он. Почему его всегда так легко обмануть?

— Ох, Арин. И не надо на меня так смотреть. Прошу покорнейше простить меня.

Он смотрел во все глаза на своего друга, который всё ещё был ему другом. Его осенило, что Рошар так спокойно отправился с ним в лес, потому что, в противном случае, его армия просто убила бы Арина.

Арин тоже извинился, а потом сказал:

— Я не на тебя злюсь.

— Да неужели?

— Ты просто подвернулся под руку.

— Я польщен.

— Кестрел отправил в тюрьму собственный отец. Ему в руки попало доказательство её шпионской деятельности в пользу Герана, и он передал эти сведения императору.

Рошар с мгновение обдумал сказанное.

— Новое воспоминание? — спросил он сдержанно.

— Да.

— Что ещё она помнит про генерала?

— Точно не знаю.

— Нужно спросить.

— Нет.

— Арин, это не праздное любопытство. Это обыденная процедура сбора информации, потенциально имеющей отношение к нашей текущей операции. Я с удовольствием поговорю с ней сам, раз ты отказываешься.

— Оставь её в покое.

— Ты недооцениваешь силу моего обаяния. Согласен, один раз у нас случилось недопонимание, и она приставила кинжал к моему горлу, но мы оставили это в прошлом. Я ей нравлюсь. Что естественно, я же безумно симпатичный.

Арину не хотелось ему рассказывать о её выплаканых глазах или надломленном голосе. Как она рыдала до полного изнеможения. И насколько она казалась одинокой, какие бы слова он ни говорил ей.

— Она не в состоянии разговаривать с тобой, — вымолвил он наконец. — Она ехала верхом два дня и ночь без еды и питья, питаясь только тем, что ей могло попасться по дороге... если вообще питалась. Она даже не знала наверняка, сумеет ли найти нас. У неё

была лишь догадка.

Принц приподнял брови.

— Впечатляет.

Его тон заставил Арина насторожиться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она умеет выживать.

Арина вдруг осенило, что Рошар ради получения информации мог надавить на Кестрел ещё там, в городе, и если этого не сделал, то вовсе не из-за плохого самочувствия девушки, или потому, что воспоминания Кестрел были так скудны. Рошар просто не верил её словам... тогда. И поверить теперь он решил ей только из-за того, что их враг — это её враг. Который замотивировал её (Арин заметил, как загорелись глаза Рошара) стать полезной в их деле.

— Мне не нравится ход твоих мыслей, — сказал Арин.

— Она может быть полезной.

— Ты не будешь её использовать.

— Дочь генерала? Да мы будем дураками, если не сделаем этого. Ты говоришь о ней так, словно она сделана из тонкого стекла. Хочешь знать, что вижу я? Сталь.

— Ты не заставишь её стать частью войны. Я отвезу её обратно в город.

— Нет, — раздался голос Кестрел у него за спиной. — Не отвезешь.

Арин развернулся.

И увидел её. Кестрел произвела впечатление своим появлением. Она не то чтобы выглядела потерянной в его слишком большой рубаше, благодаря ещё и синякам под уставшими глазами. Дело было во вздернутом подбородке. Он уже видел это. Уже не один корабль разбился об утёс её решительности. Кестрел сломает и себя, если придется, чтобы получить вожаделенное.

«Заприте этого раба». Её слова, произнесенные в день дуэли, на которой она дралась ради него, все еще отдавались болью в сердце. Потом его тисками сдавило ощущение полной беспомощности. Он был превзойден численностью частной охраной её отца. Первый удар — она даже не оглянулась, прежде чем позволить дверям захлопнуться у неё за спиной. Унижение. Своего рода страх и трепет. Признательность, когда он увидел её прихрамывающую, шагающую по газону виллы. Он у неё в долгу.

Это изменило его. Открыло что-то, заструившееся золотом по его венам. Мало-помалу появилось притяжение. Оно возрастало, несмотря ни на что. Ему хотелось заботиться о ней... и даже больше.

Тот инцидент прошлой осени, когда она обманула его и посадила под замок, а сама отправилась на дуэль, по-прежнему был жив в его сознании, словно маленький рассказ, не переставая напоминаящий о том, что она пострадала, а он остался в целости и сохранности, и как его это сломало.

И вот она смотрела на него. Арин посмотрел на её, в сумерках непонятного цвета, косу, перекинутую через плечо. Он вспомнил тело валорианки, повисшее на его клинке. Свою сестру, которую увели в гардеробную.

— Ты не можешь остаться, — сказал он.

— Это не тебе решать.

— Это небезопасно.

— Неважно.

— Я не позволю.

— Не ты командуешь этой армией.

Рошар расплылся в улыбке.

— Нет, — согласился Арин. — Не я.

— Что вы предлагаете, миледи?

— Мой принц, я хочу записаться в армию. Я клянусь служить и громить вашего врага, омыть свой клинок его кровью.

— Какие вы, валорианцы, жестокие. Это традиционная воинская присяга? Мне нравится. Я принимаю её.

Кестрел слегка кивнула и бросила на Арина непроницаемый взгляд: что-то вроде сожаления, хотя сложно было сказать, что именно повлияло на неё. Может быть, его выражение лица, а, возможно, воспоминания, незримой дымкой проплывающие в летнем вечернем воздухе, которые видела только она.

Она оставила их.

— Если ты отправишь Кестрел в бой, — сказал Арин Рошару, — то её смоем первой же волной.

— С чего ты это взял? Только потому, что она в два раза меньше тебя? Держу пари, она прошла подготовку не хуже среднего пехотинца.

— У неё нет таланта для этого, и весьма скудный опыт.

— Арин, она сама этого хочет. И я не могу винить её за это желание, и, откровенно говоря, думаю, что её помощь может иметь решающее значение.

— Её совет. Пусть тогда она дает советы. Завербуй её, дай звание, если это необходимо. Но не давай участвовать в сражении.

— Хорошо, — сказал Рошар. — Ради тебя.

Арин развернулся, чтобы уйти. Он был на пределе. Голова гудела, а сердце болело.

Рошар удивительно нежно коснулся его плеча.

— Я знаю, что ты хочешь навечно убереечь её от опасностей, но это просто не тот мир.

* * *

Арин уговорил пару геранских офицеров переночевать в одной палатке. Он нашел женщину примерно такого же роста, как Кестрел, и выменял маленький нож, помещающийся в сапоге, на приличный комплект одежды. Он перебрал припасы в телегах и уже уставшим взором просмотрел все доспехи. Слишком большие. Мечи — слишком тяжёлые. Он обдумывал и вариант с огнестрельным оружием, припрятанным в двойном дне под тюками корма для лошадей. Он даже не помнил, убрал ли на место оружие. Наконец, ему попался восточный арбалет. Даже если Рошар сдержит слово и попытается удержать Кестрел подальше от настоящих военных действий, всегда существует вероятность внезапного нападения.

Арин принёс все вещи Кестрел. Стояла глубокая ночь. Свет от костра мерцал на лице девушки. Он старался не смотреть на неё. Арин нагнулся и начал собирать каркас палатки. Он вогнал колышек в землю. Теперь сухую.

После того, как он вбил первый колышек, Арин остановился. Выпрямился.

— Я подумала... — Голос Кестрел затих в темноте. Она не сказала, о чём подумала. Девушка коснулась его запястья. Легко, как мотылек.

Арин дёрнулся. Он не хотел. Ему очень хотелось бы отменить этот жест, но в памяти один за другим замелькали изображения маскировочной моли, то, как Кестрел подписывала

тот злосчастный договор, валорианка, которую он убил на море. Окровавленные тёмные волосы его матери.

Кестрел вернулась. Казалось, он почувствовал её эхо от его же боли.

— У меня получится. — Она взяла камень у него из рук. — Отец научил меня, как разбивать палатку. Я помню.

«Что ещё ты помнишь?» — хотелось спросить ему. Но он остановил себя. Арин понимал, что обилие воспоминаний может навредить ей. Он не думал, что можно ненавидеть генерала еще больше, чем сейчас: ненависть жгла его изнутри.

— Я не пощажу твоего отца, — сказал он.

Между ними пролегла чёрная тень. Он не мог прочесть выражение её лица.

— Я и не хочу обратного, — ответила она.

Глава 21

Они продолжали двигаться на юг. Арин держался от Кестрел на расстоянии. Один или два раза её Джавелин оказывался бок о бок с его конём. Это было ужасно. Он не знал, как прийти в себя. Как принять случившееся.

В первый раз, когда их кони поравнялись, он выпалил:

— Да богов ради, у тебя даже нет доспехов.

— Я знаю, что ты переживаешь, — тихо произнесла она.

— Твой отец хотел призвать тебя на военную службу. Но ты всячески сопротивлялась.

Музыка. Ты больше любила музыку. Однажды ты сказала мне, что не желаешь идти на войну, потому что не хочешь убивать.

— Это важно для меня.

— Ты никогда этого не делала.

— Я знаю. Я изменилась.

Он знал правду, просто она не была озвучена. Кестрел не раз говорила, даже настаивала: женщина, которую он любил, исчезла. Он вновь услышал свое обещание, данное ей в палатке. Арин остро почувствовал её отсутствие.

И всё же это было неправильным, чувствовать боль перед лицом её огромной беды, и эта неправильность заставляла его чувствовать себя ребёнком. Он посмотрел на солнце в её волосах, увидел, с какой лёгкостью она держалась в седле. Вокруг неё: кавалерия, вымпелы востока, развевающиеся на ветру синими и зелёными полотнищами. Его душил страх. Ему было трудно расслышать, что она сказала дальше. Обещание быть осторожной, не рисковать. Совершенно невозможное и абсурдное обещание во время войны, на которое просто нечего ответить.

В конце концов, она погрузилась в молчание.

В следующий раз, так же на дороге, Арин заметил, как её Джавелин пробирается через ряды вояк по направлению к нему. Он дернул своего коня влево и нашёл повод быть где-то ещё. Ближе к ночи он дождался, когда она поставит свою палатку, чтобы его ни в коем случае не оказалось рядом.

* * *

Кестрел продолжала мелькать на краю его видения. Когда на рассвете разбили лагерь, Арин краем глаза заметил её светлые волосы и обратил внимание, как она непринужденно разговаривала с геранцем и попыталась выучить несколько слов на дакранском у восточных жителей. Он наблюдал за тем, как настороженность солдат отступила. Они начали улыбаться ей, она нравилась им, несмотря на внешность и принадлежность к иному народу:

образ настоящей девушки — валорианской воительницы.

Она придерживалась компании Рошара. Арин видел издали, как принц дразнил её. Слышал её смех. И всё внутри у него сжималось. К сумеркам эти двое сели играть в карты. Когда Рошар проиграл, то разразился тирадой восточных проклятий.

* * *

Вечером, когда они уже были примерно в десяти лигах от усадьбы Эрилит, Арин зашёл в шатёр к Рошару, который был достаточно большим, чтобы вместить стол, несколько стульев и складную кровать, как у кочевников с восточных равнин, у которых перины были набиты перьями, а не соломой. Стол ломился от жареного мяса, красных ягод и пиал восточного риса, сдобренного оранжевой приправой, которую Арину уже довелось пробовать. Она была острой, сладкой и горьковатой на вкус. На столе также лежал бурдюк вина, а рядом стояли два кубка. И две тарелки.

— И вот, — сказал Рошар, который сидел, развалившись в кресле из тика, обитого зелёной тканью. — Дожди низверглись, и незнакомец перестал быть оным.

Арин посмотрел на него.

— Поэзия, — объяснил Рошар, — хотя на твоём языке она звучит не так хорошо.

— Ты кого-то ждёшь.

— Возможно. Но и ты сгодишься пока. Посиди со мной.

— Кестрел?

— Пардон?

— Ты ждёшь Кестрел. — Вопрос превратился в утверждение.

Рошар закашлялся.

— Не-е-ет, — протяжно сказал он, и Арину не понравилась весёлость его голоса. Но он всё равно присел и смотрел, как Рошар готовит для него тарелку, чего в принципе нельзя было ожидать от восточного принца по отношению к его гостю, но Рошар любил то играть в принца, то нет.

— Кестрел подняла вопрос о валорианских разведчиках. Глупо думать, что наше приближение по главной южной дороге останется незамеченным.

— Но пока на нас никто не напал. — Что было бы естественным, подумал Арин, узнай валорианцы об их приближении.

— Она бьётся об заклад, что генерал заметил сосредоточение наших сил на пляже Лерален. И потом неважно, знает он о той армии или нет, он может воздержаться от нападения на нас, потому что не хочет собирать силы на севере поместья Эрилит, когда его линия снабжения пролегает к югу от нее. Или возможно, он думает, что мы примем решение защищать не то поместье, и тогда он возьмёт свой трофей. Зачем тогда тратить на нас силы и проливать кровь, если мы попусту тратим энергию, когда можно просто взять то, что он хочет? Разумеется, Эрилит может оказаться не тем поместьем.

— Если Кестрел так считает, то небезосновательно.

— Согласен. — Рошар отпил вина.

Арин попытался поесть.

— Ты когда-нибудь выигрывал у неё в карты? А в «Пограничные Земли»? Хоть раз? Она убивает меня, — пожаловался Рошар.

— Ты проводишь с ней слишком много времени.

Бокал Рошара застыл в воздухе.

— Арин.

Укол ревности. Тиски чувства обиды.

— Меня... скажем так... не интересуется Кестрел. — Выражение лица принца незначительно изменилось, и во время наступившей паузы, последовавшей за признанием Рошара, до Арина медленно дошло, что есть иное объяснение, почему солдаты ничего не сделали Арину, когда тот повел принца в тёмный лес. — Меня вообще не интересуют женщины, — сказал Рошар.

Похоже, Арин уже давно понял это, но неосознанно. Он заметил выражение лица Рошара, которое, не знаящий принца человек, принял бы за робость, но лучше всего его можно было бы описать словом «любопытство». Его тёмные глаза были спокойны. Арин почувствовал, что узор их отношений стал ещё больше витиеват.

— Я знаю, — ответил Арин.

— Да неужели? — Опасная усмешка. — Хочешь убедиться наверняка?

Арин покраснел.

— Рошар... — Он судорожно подбирает слова.

Принц рассмеялся. Он наполнил кубок Арина.

— Пей быстро, геранец. Как ты правильно подметил, ко мне скоро наведается гость, и хотя я всегда рад твоей компании, его компанией я хочу насладиться в одиночку.

* * *

Кестрел поджидала Арина возле своей палатки. Стояла одна из тех одурманивающих ночей, когда было слишком тепло для костра. Лагерь представлял собой поле темноты. Он смог разглядеть лишь очертания фигуры девушки.

— Я принесла тебе кое-что. — Она подняла руку и бросила в него чем-то круглым.

Арин мгновенно понял что это. Он провел пальцами по его твёрдой, слегка шершавой поверхности.

— Апельсин.

— Я нашла дерево недалеко от лагеря и взяла столько, сколько смогла унести. Большую часть я раздала. Но решила, что этот мы разделим с тобой.

Арин перекидывал апельсин из руки в руку, разглядывая его.

— Я не знала, любишь ли ты их, — сказала она.

— Люблю.

— А ты говорил мне об этом? Может, я забыла?

— Вообще-то, я никогда тебе об этом не говорил... — Он покатавал апельсин на ладони. — Я их обожаю.

Он был готов поклясться, что она улыбнулась.

— Тогда чего ты ждёшь?

Арин погрузился большим пальцем в кожуру и содрал её. Апельсиновый аромат брызгами распространился по воздуху. Юноша разделил цитрус напополам и протянул Кестрел её часть.

Они сидели на траве перед его палаткой. Их отряд расположился на поляне неподалеку от дороги. Арин коснулся шелковой травы. Он наслаждался фруктом, его ярким вкусом. Как давно он ел нечто подобное.

— Спасибо.

Ему показалось, что он увидел изгиб её губ. Его нервозность как рукой сняло. Он выплюнул на ладонь косточку, гадая, а какие семена уже лежат в земле этой поляны. А потом приказал себе перестать думать. Апельсин. Редкое наслаждение. Просто ешь и

радуйся.

Спустя мгновение он спросил:

— Как ты?

— Лучше. Прежде... я как будто пыталась сориентироваться в новой стране, где нет такого понятия, как земля. По крайней мере, теперь я знаю, на чём стою. — Он услышал, как она отряхивает руки. Потом послышался отзвук невысказанных вещей, взвешенных слов и ожидания. Печаль, что она излучала. Её тихая пульсация.

— Тебе правда лучше? — с нежностью переспросил Арин.

Он услышал, как она задержала дыхание.

— Ты не обязана чувствовать себя лучше.

Тишина разрасталась в своих размерах.

— Я бы не хотел так, — сказал он.

— А как бы ты хотел? — её голос был тоньше ниточки.

Арин думал о неправильности потерь, о том, как в детстве ему хотелось шагнуть навстречу им и рухнуть с головой, чтобы после винить себя не только за то, что он не смог сделать, когда солдаты вторглись к ним в дом, но и за свое бездонное горе. Он должен видеть зияние дыр в своей жизни. Чтобы избегать их. Ступай осторожно, Арин, почему у тебя не получается быть аккуратным? Мама, папа, сестра. Что можно сказать о том, кто ежедневно погружается в своё горе и живёт на самом его дне и не хочет выходить на свет?

Он вспомнил, как начал ненавидеть себя. Формирование своего гнева. Арин думал о том, что определенные слова могут одновременно иметь значение собственное и противоположное. Торопиться не спеша, громкая тишина. Он думал о том, как печаль находит места, где ты всё ещё един. Твоё прошлое и настоящее. Любовь и ненависть. Она вставляет в трещину долото и с любопытством ждёт, что будет дальше. Ему хотелось высказаться, но он не решался. Он боялся сказать что-то не так. Он боялся, что его гнев к её отцу сможет исказить то, что он хотел выразить. И к тому же, ни с того ни с сего, он больше не был уверен, стоит ли отвечать на её вопрос... а вдруг он своим ответом, навеянным потерями, толкнет девушку к воспоминаниям о ее собственных потерях, и она станет похожей на него.

Арин уставился на тёмный контур её лица. Вопрос Кестрел завладел всем его существом.

И не отпускал, пока он не смог видеть в темноте. Или ему так показалось. Он знал, почему она сжимает челюсти, почему впивается ногтями в ладони. Арин знал её.

— Мне кажется, ты отчаянно стараешься быть сильной. Но ты не обязана.

— Он бы хотел, чтобы я была сильной.

Её слова так разозлили Арина, что ему пришлось прикусить язык из опасения наговорить лишнего.

— Я пытаюсь сказать тебе кое-что, с тех самых пор, как догнала вас, — сказала Кестрел.

А он избегал её, давая всевозможными способами понять, что ей нужно уехать. Ему стало стыдно. Апельсиновые корки выпали у него из рук в грязь.

— Мне очень жаль. Я был невыносим.

— Всего лишь напуган. И это без участия пауков.

Это было так похоже на неё: привнести лёгкость, даже когда невыносимо тяжело.

— Пожалуйста, расскажи мне, — попросил он.

— Я помню гораздо больше о последнем дне в императорском дворце, чем озвучила ранее, когда присоединилась к твоей армии. Мне казалось, что Расскажи я больше, это ранило бы тебя.

— Всё равно Расскажи.

— Ты пришёл ко мне в музыкальную комнату.

— Да. — Он помнил: как его ладонь легла на дверь музыкальной комнаты. Дверь открылась, она увидела его, и вся побелела.

— Отец слышал весь наш разговор. Он подслушивал из тайной комнаты, специально построенной для шпионажа. Она скрыта за полками.

До него начало доходить. Перед его мысленным взором пронеслись события того дня. Ему стало дурно. Жест её тонкой руки, дрожь тела, настоятельная просьба держаться от неё подальше, когда он появился на пороге музыкальной комнаты. Но он бросился сломя голову вперед. А она просила его уйти. Но он лишь подходил ближе.

— Я пыталась предупредить тебя, сказать, что он там, — сказала Кестрел, — но ничего не вышло.

Она потянулась за ручкой и бумагой. Записка... теперь он понял. Она хотела написать то, что не могла сказать вслух. Он вырвал перо из её рук и бросил на пол.

«Так вот, значит, как себя чувствуют те, кому живот вспарывают ножом», — подумал он.

Кестрел заговорила быстрее, голос её дрожал.

— Он не собирался за мной шпионить, только хотел послушать, как я играю. Нам было сложно разговаривать друг с другом. Нам проще было разделить секрет. Он приходил и слушал, притворяясь, что его на самом деле там нет. Но я была счастлива, что он меня слышит. А потом дверь открылась. Я почувствовала... Я помню, что почувствовала. Я не имела в виду того, что наговорила тебе. Я обидела тебя. Прости.

— Не говори так. Не извиняйся. Это я тебя подвел.

— Я никогда не доверяла тебе настолько, чтобы предоставить тебе возможность подвести меня или наоборот. Прости меня. Я была жестокой. Не только, чтобы защитить тебя от моего отца. Я хотела защитить и себя. Мне невыносима была мысль, что он всё узнает. Но, что было бы, Расскажи я обо всем откровенно, попытайся признаться, что он скрывается в потайной комнате? Я могла бы просто рассказать тебе. Я бы призналась в содеянном и позволила ему об этом услышать. Да, я согласилась выйти замуж за принца, чтобы ты получил независимость. Да, я шпионила для Тенсена. Да, я любила тебя. — Наступила тишина. В отдалении мельтешили светлячки. — Почему я не призналась тогда? Как бы всё сложилось, если бы я всё рассказала?

«А сейчас? — сгорал от желания спросить он. — Сейчас ты любишь меня?» Он почувствовал её неуверенность. Арин почувствовал разрушительную силу вопроса, словно он уже задал его и получил ответ.

Кестрел продолжала говорить, будто не слышала его.

— Ты важен мне, — сказала она и коснулась его лица.

Важен. Слово надулось, словно мыльный пузырь и лопнуло. Больше, чем он думал. Но меньше, чем ему хотелось.

Но это: её прикосновение к нему. Как заклокотала его кровь. Он замер.

Никаких больше ошибок. Он не мог позволить себе ни одной. Он ничего не сделает.

А может?..

Нет.

Она обнаружила, что веки Арина сомкнуты, провела по его носу, вдоль губ, щекоча подушечки пальцев щетиной. Его кожа начала грезить. Потом пульс. И плоть. Его пробрало до самых костей.

Кестрел сместилась на траву. В воздухе стояли запахи зелени и апельсина. Этот аромат был и на её коже. Он почувствовал его, когда её губы легко коснулись его губ, а их носы столкнулись из-за неловкости их движений. Ему так захотелось увидеть её, когда Кестрел в ответ на это выдохнула смешок, поэтому, несмотря на данные себе обещания, о том, чего с него хватит, а чего нет (вкус цитруса на её языке), и забылся окончательно и бесповоротно. Он накрыл тело Кестрел своим. Их тела примяли траву.

Тяжёлый воздух разбавил лёгкий ветерок, омыв ему спину свежестью. Она потянула вверх его рубашу, и он упал на локти. Рукоять кинжала Кестрел впиалась ему в живот. Арин оставался на месте, ладони девушки теплой водой текли по его коже. Он боялся издать малейший звук. Ему хотелось заглушить даже бурление крови, которая от поцелуев неистово стучала в висках.

Кто-то развел костерок. Арин, вздрогнув, отстранился.

Теперь он мог лучше разглядеть её лицо. Медленно открывающиеся и закрывающиеся веки, припухшие губы, и немой вопрос. Он когда-то воображал, как это будет, или нечто подобное.

Достаточно близко, решил он, но потом внезапно испугался: если раньше она приходила к нему в покои, потому что хотела вспомнить, может быть, на этот раз, зная все, что знает она, он для нее был просто способом забыть.

Арин заставил себя подняться.

Он услышал шорох. Девушка села, подтянула в груди колени и обняла их. Он упорно не смотрел в её сторону. Арин натянул на себя рубашу, но при этом очень странно себя почувствовал — будто та была не его размера. Воздух между ними стал прохладным и липким. Он убрал влажные волосы со лба. Его руки, такие уверенные в своих действиях еще несколько мгновений назад, теперь не находили себе места.

— Ты расскажешь мне о том дне, когда мы встретились? — спросила Кестрел.

Это было неожиданно.

— Не лучший день.

— Я хочу знать всё, с тех пор и до сих.

— Но раньше ты не хотела, — сказал Арин, чувствуя себя все еще неуверенно.

— Я тебе доверяю. Ты не солжешь мне.

И он начал рассказ, поначалу нерешительно, но чем дольше Арин говорил, тем увереннее себя чувствовал. Вскоре костерок в отдалении погас, и ночь полностью отдалась своим же созданиям: пению насекомых, едва слышному взмаху крыльев летучих мышей, ветерку, гуляющему по цветочным полям прохладной земли. Пока Арин рассказывал, ему казалось, что только эту историю ему и хотелось бы рассказывать всегда.

Он ничего не утаил от неё.

Каким-то образом они вновь оказались в лежачем положении, бок о бок. Густая трава служила им подстилкой. Они всё говорили и говорили. Луна над ними была очень большой, но такой уютной. В этой темноте на все вопросы нашлись ответы. Порой, Кестрел сама вспоминала описания Арина и тогда казалось, будто он смотрит в зеркало и видит вместо своего отражения её.

Они проговорили очень долго.

Глава 22

Когда они приблизились к первой деревне на окраине поместья Эрилит, Кестрел размышляла над вопросом: почему она не знает, что чувствует к нему?

Разве в этом так сложно разобраться. Она уже достаточно знала, вспомнила из своего прошлого, чтобы понять силу эмоции, которую прятала. И всё же у нее было такое чувство, будто связь между ней и прошлым может оборваться.

Ей не давало покоя одно воспоминание: как отец оттолкнул её, и как она ползала по полу, умоляя его.

Конь Арина запнулся и запрокинул голову. Юноша что-то пробормотал животному, почти напевно; даже в этой его грубости ясно была слышна музыкальность, а потом искоса сквозь солнечный свет бросил взгляд на Кестрел. Каштановые волосы рассыпались по рассечённому шрамом лбу Арина.

Прошлой ночью они почти не спали. Но Кестрел совершенно не чувствовала сонливости, особенно теперь, когда Арин смотрел на неё.

Выражение его лица было непроницаемым. В его движениях присутствовала какая-то медлительность и Кестрел всё больше и больше нервничала, гадая, отчего такая перемена — от сожаления? И сожаление ли это, а если это и оно, то о чём он сожалеет? О том, чего они не сделали прошлой ночью или о том, что поведали друг другу не все тайны?

Кое-что из сказанного им всё ещё смущало её. Например, его роль в пожаре на восточных землях, который убил её друга Ронана. Но если Арин и не желал смерти другу Кестрел, даже узнав о случившемся, она почувствовала, что ему не было жаль его — он переживал за неё. Ему было жаль, что он ей причинил страдания.

Это сбивало с толку. Мешало вспоминать. Она даже толком не знала, что забыла. Друг, настоящий человек, Ронан, воспоминание о котором появилось только для того, чтобы тут же исчезнуть. Но она вспомнила, как оплакивала его. И она оплакала его вновь.

Кестрел неотрывно смотрела в глаза Арину. Она не отвела взгляда, когда он слегка расслабился в седле. Его тело чуть раскачивалось из стороны в сторону в такт шагам лошади. Она толком не знала, что хотела ему сейчас сказать. Его голос обладал даром призывать её воспоминания из небытия. Даже, когда он безмолвствовал, она чувствовала себя как никогда ясно мыслящей, благодаря его грубоватому, размеренному, приятному баритону. Даже удивительно, как это у него получалось водить её за нос в те первые месяцы в доме отца. С таким-то голосом. Казалось, это просто невозможно.

Он изучал её. И это казалось невозможным: в выражение его лица закралось нечто, похожее на интерес. Удивление. С оттенком веселья.

Арин протянул руку, преодолев узкое пространство между ними. Он коротко коснулся носа девушки своим пыльным пальцем:

— У тебя веснушки на солнце, — сказал он и улыбнулся.

И она неожиданно ощутила свет и радость, словно это мгновение было заключено в золотой кубок.

А может быть, любить — это легко и просто, подумалось ей.

Может быть, её прошлое было не таким уж важным, как ей представлялось, размышляла девушка.

Но потом ей вспомнились слова отца, что она разбила ему сердце, и она сочла свои мысли полной ерундой.

Арин возражал против въезда в деревню. Кестрел слышала, как они спорили с принцем. Вперёд были высланы разведчики, чтобы узнать, где на данный момент находится армия генерала. Они выяснили, что на поместье к югу от Эрилит никто не посягал. Валорианцы в ближайшее время собирались двигаться на север, чтобы напасть на близлежащие фермы Эрилит. Они забивали овец, захватывали запасы зерна, чтобы добавить еще одно звено в цепочку своих поставок с острова Итрия. Они укрепляли свои силы, продолжая продвигаться на север, в сторону города.

— Нам нужно обосноваться в горах за поместьем, — сказал Арин. — Немедленно.

— Что? — воскликнул Рошар. — Хочешь оставить деревню без защиты?

— Ну конечно, нет. Поставим гарнизон. Там на улицах не нужен парад целой армии.

— Целую армию? Отнюдь. Может, ты забыл, три четверти наших сил стоят на пляже. Между жаждущим крови доминионом и теми сельчанами стоим только мы — несколько смельчаков. — Голос Рошара неожиданно прозвучал очень весело.

— Это тебе не игра, — процедил Арин сквозь зубы.

Кестрел не понимала от чего Арину так неуютно, пока принц не произнес:

— Пусть они на тебя посмотрят.

И даже тогда, Кестрел до конца не поняла, пока не увидела все своими глазами.

Несмотря на то, что восточная и геранская армии обычно шли отдельно, Рошар отдал приказ, чтобы они смешались. На дороге, недалеко от деревни, он лично занялся перестроением, которое, как он выразился, соответствовало «дружбе народов перед лицом невзгод». Когда Арин это услышал, его передёрнуло.

Самого Арина Рошар силком заставил возглавить с ним первые ряды. Принц не преминул перехватить взгляд Кестрел, и та заметила странный блеск в его глазах, но уловила смысл его тактики, поэтому отодвинула Джавелина назад. Они вошли в деревню с Рошаром и Арином впереди.

Жители деревни выстроились вдоль дороги. Дети сидели на плечах у взрослых. Яблоку негде было упасть. Когда деревенские увидели Арина, их глаза расширились от волнения. Поднялся ропот. Люди подались вперед. Всем хотелось его коснуться.

Коню Арина это не нравилось. Он разбушевался и забил копытами. Арин яростно шипел Рошару на восточном языке что-то, очень напоминающее ругательство.

— Прекрати психовать, иначе ты их затопчешь, — сказал Рошар, а потом протяжно добавил на геранском, — слезай с коня и поприветствуй свой народ.

Арин в безмолвной мольбе бросил взгляд через плечо на Кестрел. Затем он спешился, и она потеряла его из виду в море людей.

Девушка пришпорила Джавелина, чтобы оказаться рядом с Рошаром.

— Что ты делаешь?

— А тебе не кажется, что наш мальчик заслуживает немного любви?

— Мне кажется, что ты используешь его, чтобы выглядеть хорошо в их глазах самому и своим людям. Потому что тебя будут ассоциировать с ним.

Принц улыбнулся, беспомощно разводя руками.

Кестрел спешила и начала прокладывать себе дорогу сквозь толпу. Ей пришлось активно работать локтями, вдобавок несколько резких словечек сделали своё дело — удивление во взглядах быстро сменялось шоком. Девушка понимала, что люди заметили её валорианское происхождение.

Их лица преисполнились ненависти. Они с подозрением смотрели на девушку. Они не обращали на неё никакого внимания, пока она ехала верхом вместе с армией. Их взгляды были сосредоточены на Арине. Но сейчас они её заметили.

— Прошу, дайте пройти, — сказала она.

Натиск тел всё усиливался. Это был не город, где её все знали. Но местные, видя её овал лица, цвет глаз и волос, немедленно вспоминали своё недавнее прошлое. Убийства и угнетение, замешанные на цвете её кожи.

— Ты, — произнёс кто-то твердо и резко.

Берегись. Она попятилась. Люди обступили её со всех сторон.

Кто-то сзади схватил Кестрел за руку. Она дёрнулась и высвободилась. Сердце бешено стучало, её трясло. Она попыталась развернуться, но тут услышала:

— Кестрел.

Арин вновь оттолкнул кого-то в сторону и протянул ей руку, на этот раз крепко сжав. Кестрел накрыло волной облегчения, и тут же совершенно неожиданно она ощутила себя очень глупо из-за спонтанного желания помочь Арину, при этом превратившись в человека, которому самому понадобилась помощь. Но гнев толпы не угасал. Наоборот, он только усилился.

— Что она здесь делает? — Кестрел не поняла, кто это сказал.

— Она мой друг, — ответил Арин. — Выделите ей комнату.

Они подчинились.

Так странно было наблюдать за Арином лично и видеть его глазами простого люда, видеть его настоящего и придуманного, и знать, что ими придуманный образ есть правда, даже если это не вся правда. Твердость слышалась в его голосе, чувствовалась в его осанке. Он светился необычным ореолом, который как бы говорил, что Арин отличается от прочих, что он несколько больше, чем простой человек. Но ещё девушка остро чувствовала его тревожность, которая передавалась ей, перетекая, как по мосту, по их переплетенным пальцам, и она видела это в его выражении лица — затравленного зверя. Он скривил рот. Но ей показалось, что никто кроме неё этого не заметил.

— Останешься со мной? — прошептал он ей на ухо.

— Да.

И вот, рука об руку с ней, он ходил меж деревенских жителей. А они продолжали касаться его. Каждый раз она чувствовала, как он вздрагивал, но быстро успокаивался. Он пытался вести себя непринужденно, что, впрочем, ему не слишком удавалось. Но вряд ли это кто-нибудь заметил, кроме неё. Они улыбались, задавали вопросы, перекрикивая друг друга. Арин крепко держал Кестрел за руку.

По крайней мере, так было, пока какая-то женщина не прижала к его груди запелёнатого младенца. Арин неуклюже резко поднял руки, чтобы подхватить малыша, уткнувшегося в его кожаные доспехи. Он уставился на мать, словно пытаясь удостовериться в её вменяемости.

— Благослови его, — сказала женщина.

— Что?

— Благослови его своим богом.

Арин посмотрел на мальчика, которого качал на руках. Нежные веки, щёчки, пышущие здоровьем. Крошечный цветок жизни, выглядывающий из пелёнок.

— Своим богом? — хрипло переспросил Арин.

— Пожалуйста.

— Но ты же не знаешь... Кто мой бог. Мой бог...

— Это неважно. Если твой бог позаботится о моём сыне, как о тебе, то мне большего и не нужно.

Взгляд Арина метнулся к Кестрел.

— В этом есть какой-то вред? — спросила Кестрел, однако, он по-прежнему стоял неподвижно.

Тогда мать сурово выговорила Арина:

— Ты оскорбишь своего бога, если не разделишь его благословение со всеми страждущими.

Арин понадежнее взял ребенка. Осторожными пальцами он коснулся лба младенца. Мальчик вздохнул. Арин изменился в лице. Он смягчился. По его лицу струился свет, который бывает только в определённые ранние часы и только в определённые дни — искрящийся жемчужинами, мирный и такой редкий. Кестрел казалось, что она и сама чувствует кожу младенца через руку Арина.

Малыш открыл глаза. Они были, как у всех геранцев, серыми.

Арин пробормотал что-то слишком тихо, чтобы Кестрел расслышала. Затем он передал ребёнка в руки матери, которая была явно удовлетворена его действиями. Она жестом выразила благодарность, как это было принято у геранцев, и Арин ответил ей тем же. Но то, как он это сделал, напомнило Кестрел, что этот жест может означать также и извинение.

Рука Арина вновь нашла её ладонь. Но ощущения показались ему не совсем привычными. Что-то между ними переменилось.

Она знала причину этой перемены. Когда девушка увидела Арина с младенцем на руках, она поняла, что в глубине её души давно притаился вопрос, к которому она пока не была готова. Она не думала над этим. Её сердце переполнили эмоции слишком сложные, чтобы отнести их к страху или радости.

Она выпустила руку Арина.

— Готов вернуться? — Голос девушки не отражал её истинных чувств. Он прозвучал холодно, скорее беспечно. Она поняла, что этот конкретный голос был, пожалуй, её самой заветной броней.

По выражению лица Арина она поняла, что он замкнулся в себе.

— Да.

Толпа расступилась перед ними. Они вернулись к своим лошадям и уселись в сёдла.

— Убедился? — спросил Рошар. — Ну, разве было не весело?

Арин же готов был сбросить принца с коня.

* * *

Армия ушла с дороги, обосновавшись на лугу, перетекавшем в холмы. Он находился совсем близко, к счастью для несчастных лошадей, которые были навьючены пушками и повозками с припасами, но Рошар хотел забраться повыше. Кестрел хотела остаться под прикрытием кромки леса на вершине холмов, а еще с этой позиции было прекрасно видно крепостные стены усадьбы Эрилит, хоть они находились на расстоянии дня езды. Арин не рассказал, чего хочется ему. Он вообще мало говорил.

Через луг протекал ручей, очерчивающий чёткую границу с высокой травой. Воздух пульсировал стрекотом цикад. Рошар скомандовал привал.

Кестрел отпустила Джавелина и сама упала на колени рядом с ним, чтобы напиться и

омыть шею, черпая воду ладонями. Вкусную, прохладную.

— Вода, — произнесла она, ни к кому не обращаясь. Её отец хотел бы заполучить это имение из-за обилия пресной воды, даже несмотря на её запасы за стенами поместья, а также отар овец, пасущихся на холмах. Столько воды далеко на юг — настоящее сокровище.

Лошадь Арина прошла мимо, чтобы добраться до ручья. Девушка подняла голову, чтобы посмотреть на всадника, но Арина там не было.

Она нашла его, сидящим вдали на холме с видом на склоны, убегающие вниз. Деревня простиралась внизу, напоминая серую гальку.

Когда Кестрел приблизилась, Арин поднял взгляд. На холм легла тень от дерева лоран, у которого были глянцевые, широкие листья. На лице Арина отобразился рисунок игры солнца и теней. Выражение его лица было сложно прочесть. Она впервые заметила, как он старается сделать так, чтобы его шрам как можно меньше попадался ей на глаза. Или скорее, она заметила, что это уже вошло у него в привычку в её присутствии... и поняла, что это значит.

Кестрел намеренно обошла его и села так, чтобы ему пришлось либо полностью повернуться к ней лицом, либо неловко вытянуть шею, чтобы смотреть в сторону.

Арин посмотрел девушке в лицо. Он приподнял брови, не столько забавляясь ситуацией, сколько обозначив понимание того, что она его раскусила.

— Всего лишь привычка, — сказал Арин, понимая, что она заметила.

— У тебя эта привычка проявляется только в моем присутствии.

Он не стал отрицать.

— Арин, твой шрам не имеет для меня никакого значения.

Несмотря на язвительность, отобразившуюся на его лице, она разглядела и его настоящего, словно он слышал доступный только ему голос.

Кестрел нащупывала правильные слова, боясь ляпнуть что-то не то. Ей вспомнилось, как она обращалась с ним в музыкальной комнате императорского дворца (Неужели ты веришь, что я ради тебя столько преодолела? И все это благодаря твоему обаянию? Хорошим манерам? И уж точно не твоей внешности).

— Только ты придаешь ему значение, потому что его наличие ранит тебя, — сказала она. — Но для меня он ничего не меняет, я вижу тебя таким, каков ты есть. Ты красивый. И всегда был таким для меня. — Даже когда она этого не осознавала, даже на рынке, почти год назад. И потом, позже, когда она поняла, что он по-настоящему красив. И после, когда она увидела его лицо порезанным, залатанным, с воспалённым швом. И в тундре, когда его красота ужасала её. И сейчас. Сейчас тоже. У неё перехватило дыхание.

Арин сжал челюсти. Он ей не поверил.

— Арин...

— Прости за случившееся в деревне.

Кестрел уронила руки на колени. Она неосознанно их подняла.

— Этого не должно было произойти, — сказал Арин.

Гнев толпы направленный на неё нервировал, но не удивлял. Но его беспокоило не только это.

— Но что же на самом деле произошло? Ты говоришь о матери и ребёнке?

Он расчесал пятерней волосы и потёр основанием ладони лоб.

— Недоразумение.

— Что ты помазанник божий? — До Кестрел доходили слухи.

— Нет. Это правда.

Она уставилась на него во все глаза.

— Но мне кажется, та мать бы не обрадовалась, узнай, о каком боге идёт речь. — Он взглянул на девушку, на её лице отобразилось удивление. — Мои двадцатые именины пришлись на зимнее солнцестояние. — Начало нового геранского года. — Но я старше. Валорианцы по-другому ведут отсчёт времени. Я родился почти два полных сезона назад. Мама ждала, чтобы дать мне имя. Это было её право, жрецы не возражали. Именины означают не только праздник для ребенка, но и восстановление матери. Женщины восстанавливаются по-разному, поэтому мать решает, когда это произойдет. Но в тот год, каждая новоиспеченная мать нашла повод, чтобы не давать имя своим детям, пока тем не исполнится год. Тебе же известно, не так ли, как мы умеем выжидать? Каждый год принадлежит одному богу, а их в пантеоне сотня, сотня лет отмеряет эпоху. Раз в сотню лет год проходит под правлением определенного бога. Мой год (год моего рождения) принадлежит богу смерти.

— Арин, — проговорила она медленно, видя его обеспокоенность, — ты думаешь, что проклят?

Он покачал головой.

— Твоя мама нарекла тебя в следующем после рождения году. Значит, это и есть твой год, не так ли? Геранцы празднуют именины, а не день рождения. А значит, и не важно, когда ты родился.

— Важно.

— Почему?

— Из всей семьи выжил только я. И на то есть причина.

— Арин...

— Я тогда не знал, что был отмечен.

— Арин, единственная причина всего пережитого тобой — это мой отец-монстр и его жажда покорить эту страну.

— Всё не так просто. Я мысленно слышу бога смерти. Он даёт мне советы, утешает.

Кестрел не знала, во что верить.

— Я не знаю, что означает его благословение, — сказал Арин. — Понимаешь? Когда я вспоминаю обо всем случившемся со мной, о том, что содеял... Что делаю... Его благосклонность — тяжёлая ноша.

— Может быть, ты принимаешь его голос за собственный? — мягко спросила она. — Просто ты его не узнал.

Он не ответил.

Ей не понравилась его уверенность, что смерть пометила его. Его страх... и его радость по этому поводу тревожили её. В глубине его глаз притаилась неведомая ей удовлетворенность.

— Не исключено, что ты даже не осознаешь этого.

— Я принадлежу ему. Я это знаю.

— И младенец в деревне?

Арин поморщился.

— Грешно было отказывать матери. Я бы не смог. Ты понимаешь, да? Я должен был рассказать ей, но если бы я это сделал, и она отступилась со своей просьбой, это могло бы привлечь внимание бога, и что бы он сделал тогда? Если бы она знала, что это бог смерти, то

никогда бы не попросила благословения.

Кестрел попыталась отодвинуть в сторону его глубинное понимание причин и следствий. Эта тонкая материя находилось вне её понимания. Как и опасность, действующая на капризы непредсказуемого божества.

— Мать знала, чьё благословение она просит, — сказала она. — Не так уж сложно угадать твой возраст, плюс-минус год. Что за бог заправляет годом твоих именин?

— Портной.

Она посмотрела на него искоса, а потом рассмеялась.

Он чуть улыбнулся и произнес:

— Не стоит смеяться.

Кестрел рассмеялась сильнее.

— Вообще-то, я неплохо шью.

— Возможно. Но по твоему внешнему виду не скажешь, что тебя выбрал бог шитья. Мать того мальчика знала, о чём просит.

Ветер перебирал листьями. Вокруг них двигались и складывались в причудливые узоры тени.

У Кестрел ком встал в горле ещё до того, как она поняла, что хотела сказать.

— А ты смог бы поступить так же, как твоя мама? Смог бы отложить наречение своего ребёнка в пользу одного или другого бога?

Какое-то время было тихо.

— Моего ребёнка. — Арин пробовал слова на вкус, исследовал их. Она услышала в его голосе то, что видела на его лице в деревне, когда он держал малыша.

Кестрел взглянула на дерево. Просто дерево. Лист, просто лист. Некоторые вещи такие, какие есть, никакого второго смысла. Не то что бог, оказывающий своё влияние на все и вся, или разговор, у которого довольно часто бывает подтекст, невысказанный вслух.

Её сердце вновь забилося часто-часто.

— Это не мне решать, — вымолвил он, наконец. — Это будет решать жена.

Они встретились взглядами. Он прикоснулся к её горячей щеке.

Дерево было не деревом. Листок не листком. Она поняла то, что он не произнес вслух.

Она поднялась.

— Пойдём, здесь такой удивительный ручей. Не хочешь испить? У твоей лошади куда больше здравого смысла. — Улыбка. Поддразнивание... робость, вновь обретенное чувство безопасности проявлялось в робости. Она протянула руку.

Он принял её.

* * *

Армия расположилась в лесу, на вершине холма, перед поместьем Эрилит. Между деревьями стремительно неся ещё один ручей, широкий и напористый. Он прыгал по камням, устремляясь в гущу леса. Ручей оказался настолько глубоким, что Кестрел с женщинами-солдатами смогли искупаться. Она вспомнила о Сарсин. Как бы ей хотелось быть такой рассудительной женщиной, твёрдо стоящей на ногах, видящей все ясно. Кестрел ощутила укол вины — Сарсин ведь совершенно не представляла, как и почему она исчезла из дома Арина. Кестрел не оставила даже намека на то, куда она собиралась пойти, а теперь было слишком поздно. Любая весточка, как бы тщательно та ни была зашифрована, может быть перехвачена и разгадана. Девушка представила, как отец узнает, где именно она находится. У неё свело желудок.

Так что вместо этого, она задумалась над тем, что скажет Сарсин, когда вернётся в город. Я соскучилась, скажет она. Я тебя так и не поблагодарила за все то, что ты сделала для меня.

Она сбросила одежду на траву. Ей необходимо было почувствовать воду всей кожей.

Ручей был холодным. Кестрел погрузилась в воду с головой, открыла глаза и посмотрела сквозь колеблющуюся воду на сине-жёлтые небеса. Холод напомнил ей, что и отец держал её когда-то так же, как Арин того малыша. Она задержала дыхание и попыталась удержать своё тело под водой.

Было холодно, но свет так красиво струился: преломлялся и размывался шёлковой рябью на воде, словно небеса были не просто небесами, а целым миром. Возможно, это было волшебство. Доступная магия.

Она постирала свою одежду и, не став дожидаться, когда та полностью высохнет, надела её. Кестрел отжала волосы и заплела их в косу.

Идя между деревьев, она ступала только на мох или в грязь, обходя листья и веточки, чтобы не шуметь.

— Правильно ступаешь, — сказал ей однажды отец.

— Умение быть тихой, едва ли подходящий навык для боя, отец.

— Ты могла бы стать Всадником, — настаивал он, после того, как понаблюдал за её очередной тренировкой-фиаско. Как она держала меч. Как капитан из личной охраны отца орал на неё. Она знала, что отец и сам не верил в то, на что надеялся.

Его голос всё ещё стоял у неё в ушах. У девушки сжалось сердце. У неё возникло такое чувство, будто она вновь под водой, и кто-то насильно её удерживает.

Кестрел прогнала воспоминания прочь. Было столько всего, что можно и нужно вспомнить.

Игра. Преврати это в игру. Сколько удастся прошагать бесшумно? Давайте-ка, узнаем.

Носочки, не ступня. Корень дерева. Этот клочок земли темнее и, следовательно, мягче. Солнце пронзает своими лучами-копьями листву. Влажные волосы Кестрел свисают между лопатками.

Но поблизости не было никого, кто бы мог засвидетельствовать её бесшумность. Никого, кто мог бы сказать: «Правильно ступаешь». Хотя Кестрел и познала удовольствие в том, чтобы делать что-то для себя, играя часами на пианино только для себя и чувствовать, как её пальцы становятся более ловкими, руки удлиняются, но также она знала, каково это — играть для кого-то. Это совершенно другое. Очень трудно подавить в себе желание быть услышанным, увиденным, разделить чувства и эмоции.

На её пути лежал пруттик. Она остановилась, а потом намеренно наступила на него. Тот разломился.

— Какая жалость. — Голос разнёсся эхом по поляне. — У тебя очень неплохо получалось.

Рошар. Девушка обнаружила его всего в нескольких шагах от себя. Он стоял, прислонившись к дереву, и наблюдал за ней. Она подошла к нему. Принц был в крови.

— Порой, маленькое привиденьице, ты напоминаешь мне сестру, — сказал он.

Её брови взметнулись вверх.

Он рассмеялся.

— Другую.

Кестрел не поняла, какую связь он увидел между ней и Ришей. Возможно, его посетила

подобная мысль из-за того, что и его младшая сестра была заложницей у императорского двора? Все может быть.

— Чья это кровь? — Кестрел дёрнула подбородком в сторону его забрызганного предплечья.

— Валорианской шпионки. Примерно твоего телосложения. Я искал тебя, решил, что ты захочешь примерить её доспехи. Очень стильные. Лёгкие. Такие валорианские. В отличном состоянии. Ни единой царапины на коже.

— А что стало со шпионкой?

— Трудно было поймать, подчинить и того сложнее.

Она выразительно на него посмотрела.

Рошар дёрнул обрезанным ухом.

— Жива она.

— Если шпионка не вернётся с докладом, то генерал поймет, что мы здесь.

— Тем больше оснований выяснить, что ей известно.

— Не... дави на неё.

— Кестрел, — сказал он вкрадчиво, — кровь появилась во время борьбы, когда мы хватили её, а не из-за пытки.

— Значит, ты не собираешься её пытать?

— Было бы здорово, если бы информация падала манной с небес. Но это не так. Учитывая сей прискорбный факт, остаётся радоваться тому, что есть определённые люди, которые приходят на помощь и творят вместо тебя ужасные вещи. Мы должны быть благодарны таким людям. Или, по крайней мере, не должны задавать вопросы, на которые страшимся услышать ответ.

— Она не может нам помочь. Валорианские шпионы работают посменно. Она передает сообщения не напрямую в лагерь генерала, а на перевалочный пункт. Там её ждет офицер и с ястребом отправляет зашифрованное сообщение в лагерь. Такая система не позволяет разведчикам владеть всей информацией. Поэтому она, скорее всего, не знает дислокацию армии генерала или какие у них там условия. Она просто не знает шифров.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Рошар склонил голову, внимательно изучая её.

— А ты знаешь?

Кестрел покопалась в памяти.

— По-моему, я знала, — медленно проговорила она, — когда-то.

— Уверен, что шпионке известно нечто полезное для нас.

— Нет никакого смысла пытать её ради получения информации, которой она не обладает. Оставь её в покое.

Выражение его лица сложно было прочесть.

— Я сделаю так, как ты хочешь, — вымолвил он, наконец. — Во всяком случае, на этот раз.

— Спасибо.

Он сторбился, стоя у дерева.

— Извини за ту выходку.

— Ты о том представлении в деревне? Это не у меня тебе нужно просить прощения.

— Это во благо Арина.

— И во имя твоего блага тоже, разумеется.

Взгляд его чѳрных глаз встретился с её взглядом.

— Ты хочешь победить?

— Да.

— А как, по-твоему, если Арином восхищаются, а моим людям не доверяют, это поможет или навредит?

— Поможет, — признала она.

— Сходи, примерь доспехи. Мне кажется, они будут тебе впору.

Арин показался в шатре Рошара как раз тогда, когда принц застегивал последнюю пряжку на доспехах Кестрел. Арин побрился, его волосы были влажными. Что бы он ни собирался сказать, это мгновенно забылось.

— Разве ты не рад? — спросил Рошар.

И Арин немедля вышел, отшвырнув в сторону штору, служившую дверью в шатѳр.

* * *

Кестрел нашла его костерок на окраине лагеря. Было уже поздно. Он раскинул свою палатку на самых задворках стоянки. Она поняла, что в конце каждого дня он ставит свою палатку как можно дальше от остальных.

Арин подбрасывал хворост в огонь. Она присела рядом с ним, кожаный доспех скрипнул. Парень вздрогнул от неожиданности.

— Извини, — произнес он наконец. — Тяжело тебя видеть такой.

— Это всё ещё я, — сказала девушка, удивляясь самой себе. Она пыталась убедить его, что, несмотря на кажущиеся перемены, она по-прежнему оставалась всё тем же человеком. И в ход шли вовсе не привычные аргументы. Стоило ей подумать о валорианской броне и о том, похожа ли она в ней на себя или нет, как в ней начал прорастать зародыш ещё не сформировавшейся идеи.

— Пообещай, что будешь держаться подальше от боевых действий, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты участвовала в сражениях.

— Нечестно просить о таком, когда сам не собираешься делать того же самого.

— Мы с тобой рискуем по-разному.

Кестрел начала злиться.

— Это почему? Только потому, что ты помазанник божий? Потому что ты лучше меня обращаешься с мечом?

— Отчасти.

— Это не так уж важно, как тебе кажется. И хорошо умеющие сражаться люди гибнут на войне, а те, у кого, казалось бы, не было ни единого шанса, побеждают. — Её идея — доспехи, валорианская шпионка, план — начала обретать очертания. Гнев Кестрел выточил детали и довел их до совершенства.

— Согласен, — сказал Арин, — и всё же мы рискуем в разной степени...

— Прекрати это талдычить.

— Но это так и есть. — Лицо его было несчастным. — Между нами есть разница. Умру я — ты выживешь. Умрешь ты — это меня уничтожит.

Его плечи поникли. Кестрел не могла вынести опустошенности в его выражении лица. Злость отступила.

— Пожалуйста, — сказал Арин. — Пообещай мне. Ты по-прежнему важна. Скажи нам с Рошаром, что делать, мы прислушаемся. Но не сражайся. Не рискуй.

Она медленно кивнула.

— Клянусь. Я не буду участвовать в битве. Даю слово.

Кестрел зашагала прочь. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как Арин преградил девушке путь.

— Опять обман.

Она подняла руки.

— Ты попросил — я поклялась. На этом всё.

— Твоя клятва избирательна. Мне необходимо твоё обещание, что ты будешь держаться подальше от сражений и не станешь рисковать жизнью. Произнеси это. Молю тебя.

— Я не стану давать обещаний, которых ты сам не сможешь дать мне.

Кестрел, слегка оттолкнув Арина, ушла.

Глава 23

Кестрел вошла в палатку Рошара.

— Мне нужна твоя помощь.

Он, моргая, приподнялся в кровати на локтях.

— Мне определённо нужна настоящая дверь, — произнёс он сонным голосом. — С замком.

— У меня есть идея.

— Я, конечно, тебя толком не знаю, и всё же этот твой эмоциональный всплеск очень и очень меня беспокоит.

— Выслушай.

— Хорошо, если я выслушаю, можно мне будет ещё поспать? Роль бесстрашного лидера очень выматывает.

— Речь идет о валорианской шпионке.

— Ты же сказала, что она бесполезна.

— В том смысле, что нам от неё ничего не добиться. Но если мы всё правильно разыграем, её захват может быть нам полезен.

Теперь Рошар окончательно проснулся.

— Продолжай.

— Генерал расквартировал своё войско по захваченным им территориям и поместьям. Перевалочный пункт разведчиков находится между ним и его целью. Офицер находится там неотлучно, вместе с ястребами, которые доставляют сообщения. В то время как шпионы мечутся между перевалочным пунктом и станом врага и обратно, чтобы доложить обстановку. Офицер отправляет зашифрованное сообщение вместе с ястребом генералу, поэтому, если шпиона ловят, то он почти ничего не расскажет врагу, в то время как другие шпионы будут подбираться к цели. Они не пошлют никакого ястреба. Ведь мы его заметим. Мы можем его сбить, а потом ещё и выследить шпионов. Валорианка, которую вы схватили, просто-напросто ничего не знает о численности армии генерала. Но ей известно расположение перевалочной базы и кому она подчиняется.

— Ты хочешь выследить и добыть информацию у офицера?

Она покачала головой.

— Ещё лучше.

— Умоляю, скажи, привиденьице.

— Отправь меня вместо неё.

Он непонимающе уставился на девушку.

— Я выдам себя за неё, — объяснила Кестрел.

— Прошу, пойми меня правильно. Когда я смотрю на тебя как на сумасшедшую, это не означает, будто я осуждаю тебя за это безумие.

— Её доспехи моего размера. Я с неё ростом. Я валорианка.

— Ты не похожа на неё. То, что ты валорианка, не означает, что офицер на перевалочном пункте не заметит подмены.

— Это будет ночью. И я буду держаться от него на расстоянии.

— Я ложусь спать. Разбуди меня, когда к тебе вернётся рассудок.

— Какого цвета у неё волосы? — нетерпеливо спросила Кестрел.

— Другого.

— Насколько другого?

— Более тёмного. Ну, ладно-ладно, может в темноте их и не отличить от твоего, но...

— Я заплету косы, как она, и переоденусь в её одежду. Ты обыскал её? У неё должен был обнаружиться какой-то опознавательный знак. Иногда генерал присылает смену на перевалочную базу. И тогда шпион показывает новому офицеру (ведь шпионов много, как и баз) свой знак, дабы подтвердить личность. Может, и нам так повезет. Может быть, её поджидает сменщик, который никогда её в глаза не видел и знает только по имени. Рошар, никто не ждёт, что в твоей армии может найтись человек, который сможет выдать себя за валорианского шпиона. При любых других обстоятельствах, это просто-напросто было бы невозможно. Восточный народ разительно отличается от валорианцев. Как и геранский.

— А что, если валорианцы узнают, что ты за нас? Что, если связной офицер тебя узнает?

— Если мой отец что-то узнает, то постарается скрыть это от как можно большего количества людей.

— Почему?

У неё в горле застрял ком.

— Он меня стыдит. Ему будет стыдно, если другие узнают.

Рошар сел в кровати, сложив руки на груди.

— И что мы выиграем от твоего притворства?

— Мы предоставим им дезинформацию. Предположим, что генерал в курсе о нашем присутствии. А если нет, то скоро будет. Вопрос не в том, нападёт он или нет. Вопрос в том — как я могу повлиять на это. Я сообщу им, что армия твоя малочисленна, что подтвердят все валорианские шпионы (если они нас обнаружили). Но я также сообщу, что сумела подслушать твои планы и узнала о твоём желании закрепиться в поместье Эрилит.

Рошар уже поднялся с кровати и листал карты, заполонившие стол, стоявший прямо посреди палатки.

— Следовательно, генерал воспользуется главной дорогой, — продолжила говорить Кестрел. — Он не будет ждать, что встретит сопротивление на своём пути... или самое большее, что он будет предполагать — это нападение небольшой кучки солдат. Ударят и разбегутся, подальше от него, как от горящих телег. Ничего серьезного. Ничего такого, с чем бы он не справился. Ничто не мешает ему взять такое доступное (и это самый очевидный вариант) поместье Эрилит.

— Вдоль главной дороги холмы. Можно расставить по ним солдат по обе стороны.

— Воспользуйся огнестрельным оружием. У них при себе, скорее всего, только арбалеты. Если твои стрелки будут выставлены довольно далеко от дороги, то валорианские стрелы не причинят им вреда.

— Извини, что назвал тебя чокнутой, привиденьице.

Кестрел вспомнилось, как она проигрывала отцу в «Клык и Жало» и в «Пограничные Земли» всё, что он выбирал в качестве ставок. Как была уязвлена её гордость. Как терпела крах её уверенность в попытках доказать ему, что она чего-то стоит. Как всякий раз было посрамлено её желание проявить себя.

Она вспомнила и как цеплялась за его мундир, как умоляла его.

Война — не игра, но ей ужасно хотелось заставить отца узнать, что такое чувство потери.

— Скажи, что тебе нужно, — сказал Рошар.

— Конь. Джавелина могут узнать. Хотя, может быть, и нет, вряд ли кто-то видел меня верхом на лошади, но лучше не рисковать, и я хочу добраться к ним до темноты. Шпионы путешествуют пешком, поэтому мне придется оставить его где-то на расстоянии от пункта связи. Что касается самого этого перевалочного пункта...

— Тебе нужно знать его местонахождение.

— И шпионское снаряжение.

Рошар лязгнул зубами: выразив тем самым нечто, похожее на проявление недовольства.

— Со снаряжением трудностей не возникнет. А вот если тебе нужно расположение их места связи, то нам придётся вернуться к вчерашнему разговору о допустимых и не очень средствах получения информации.

— Не делай этого.

— Мне и самому это не нравится. Но вряд ли девушка соизволит осчастливить нас только потому, что мы любезно попросим.

— Ты не можешь...

Он нетерпеливо втянул ноздрями воздух. Кестрел знала, что он скажет, знала аргументы, баланс издержек и выгоды. Она знала, что Рошар, как никто, знал, каково это — быть объектом боли. Она хотела сказать всё это с самого начала, найти убедительную причину, доказывающую, что он ошибался. Но у неё никак не получалось подобрать такие причины, которые бы он безоговорочно принял. Она никак не могла придумать другой вариант, вместо пытки.

И всё же она придумала.

— Не пытай её. Лучше обмани.

Рошар прищурился.

— Объясни.

— Валорианцы вербуются отчасти благодаря дружеским отношениям. У них в лагере зачастую есть возлюбленные. Но даже если никого нет, они испытывают чувство принадлежности общему делу. Они готовы умереть за свой народ и пойти на что угодно, лишь бы защитить его. У неё наверняка есть о ком позаботиться. Забери её опознавательный жетон. Потри его плесенью, воском, подплавь и отлей из металла точно такой же. Один знак верни ей, а другой покажи. Скажи, что нашёл ещё одного лазутчика, утверждающего, что он её друг. Пообещай, что будешь его пытаться, если она не выдаст местоположение пункта связи.

— А может, её скорее будет заботить безопасность офицера, нежели любимого.

— Ты всё же попробуй.

Рошар пожал плечами, но потом всё-таки кивнул.

— Надеюсь, что в твоём кисете с хитроумностями, найдется ещё одна, которая поможет договориться с Арином.

— Нет.

— Милейшее привиденьице, он нас обоих свяжет по рукам и ногам и засунет в самую глубокую яму ещё до того, как ты заикнешься о своём плане.

— Больше никаких испрашиваний разрешений, — ответила Кестрел, — и никакой лжи.

Глава 24

Арина разбудил крик.

Он вышел из палатки в ночь. Но в самом лагере, казалось, царил тишь да гладь... разве что солдаты, рассеявшиеся возле своих костров, умолкли на полуслове и не сводили глаз с той палатки, откуда раздался крик, а затем сдавленные рыдания.

Арин поинтересовался местонахождением принца и был отправлен к ближайшему дереву, возле которого Рошар склонился над связанной валорианской шпионкой и шипел той на ухо угрозы, которые Арин не мог расслышать. Валорианка — обычная девушка, моложе Кестрел — зажмурилась. Она стояла спиной к дереву, утопая голыми пятками в грязи и мхе. Она была одета в тунику и шаровары восточного народа. Веревки на руках уже пропитались кровью. А потом она открыла стеклянные от страха глаза и уставилась на Арину, застывшего от неожиданности. Её глаза были такими же широко распахнутыми и тёмными, как у той женщины, что он убил на корабле.

Ещё один крик пронзил ночь. Он вновь раздался из палатки.

Арин подошёл к принцу.

— Рошар, на два слова.

— А я всё гадал, когда ты присоединишься к веселью, — ответил принц на валорианском, а потом улыбнулся девушке: — Я скоро.

Когда они оказались вне пределов слышимости и видимости шпионки, Рошар перестал улыбаться.

— Для ясности, это была идея Кестрел.

— Что ты, чёрт тебя побери, делаешь?

— Изображаю пытки.

Арин вроде бы понял, что происходит, и чуть успокоился.

— И как? Есть эффект?

— Возможно, если ты больше не будешь меня прерывать.

— Дай мне знать, если что-то узнаешь.

— Ну, разумеется.

— А где Кестрел?

— Сейчас ей хочется побыть в одиночестве, — ответил Рошар, после короткой паузы. — Лучше её не беспокоить.

Но тон Рошара заставил молодого человека вспомнить, как принц ему улыбнулся, когда они были ещё у Арина дома, и принц привел под уздцы двух лошадей. Это же заставило подумать и об отказе Кестрел давать какие-либо обещания. С заходом солнца нервы Арина были в постоянном напряжении, даже несмотря на то, что он неустанно мысленно уговаривал себя отпустить ситуацию и вести себя как обычно, чтобы не перегнуть палку и не наговорить лишнего. «Отпусти её», — говорил он себе, прямо как сейчас Рошар. Но в отдалении раздался очередной крик, и хотя Арин знал, что это обман, этот обман принадлежал Кестрел. Её ложь напоминала гнездо — каждой соломинке, каждой веточке уготовано своё место, скрывающее опасное существо, которое Арину удавалось разглядеть только тогда, когда становилось слишком поздно.

Арин повторил свой вопрос:

— Где она?

Скрепя сердце, принц ответил:

— Она ещё не уехала.

— Что? Куда?

— Спроси её. Она тебе расскажет... однако добавлю, что я был против. — Рошар кивнул в сторону своей палатки-шатра.

Но стоило Арину немедленно двинуться в ту сторону, как ему на плечо жестко опустилась рука принца.

— Арин, она придумала хороший план.

Арин сбросил его руку и пошёл дальше.

Он нашёл её сидящей на кушетке Рошара. Девушка зашнуровывала высокие валорианские сапоги. На ней также были штаны — штаны шпионки. Кестрел туго перетянула грудь. Её живот, плечи и руки были голыми. В мерцании света лампы девичья кожа отливала тёмным золотом.

Она слышала, как он вошёл, но головы не подняла, коса свисала вниз тяжелой плетью, перекинутой через одно плечо. Коса слегка качнулась, когда Кестрел дёрнула за шнурки, обвитые вокруг крючков сапог, и затянула их. Когда она потянулась за валорианской туникой и курткой, лежавшей на кушетке рядом, Арин заметил линии, рассекавшие плечо и огибавшие девичью шею. Кестрел замерла... неужели она услышала боль в биение его сердца? Или то, как он сглотнул, вспомнив, как впервые увидел эти шрамы, словно родившиеся в кошмарах, и в его воображении промелькнула вереница вариантов их появления.

Кестрел встала и повернулась к нему спиной. Как раз перед тем, как она натянула тунику через голову, он успел разглядеть весь лабиринт шрамов — белых, заживших. Она надела куртку землистого цвета. Вся одежда принадлежала шпионке и предназначалась для того, чтобы можно было слиться с лесом.

— Кестрел. — Его голос прозвучал хрипло.

Она повернулась к нему лицом и поведала свой план. Когда он начал спорить с ней (он даже не слышал сам себя, сердце бешено колотилось, кровь отлила от лица), она просто ответила:

— Доверься мне.

Он ей доверял, он так и хотел сказать, а потом понял, почему не произнёс этого вслух: он просто не мог и не хотел, раз это означало отпустить её вот так.

— Нет.

Теперь и она разозлилась.

— Нельзя же держать меня в клетке.

— Я не... — Но он совсем не это хотел сказать. Даже несмотря на неправильность происходящего, он не мог представить, как вот так запросто её отпускает. — Это слишком опасно.

Кестрел пожала плечами.

— Почему ты так отчаянно хочешь рискнуть своей жизнью? Тебя уже схватили однажды. Ты тоже совершаешь ошибки. Ты пытаешься доказать, кто ты есть?

— Нет.

— Пытаешься таким образом наказать меня?

— Нет.

— Я знаю, что заслужил, но...

— Дело не в тебе.

— Тебя схватят!

— Я так не думаю.

— Тебя убьют или и того хуже. Я не смогу...

— Нет, ещё как сможешь. Иначе нельзя.

— Почему?

— Потому что это я. — Её глаза заблестели от слёз. — Вот какой я всегда была.

Ему хотелось возразить ей, что она ошибалась. Он мог бы сказать ей, что она вспомнила неверное, и на этот раз лжецом стал бы он.

— Я хочу быть похожей на прежнюю себя, — сказала Кестрел.

Нет, не хочешь, убеждал он себя, ему претила сама мысль, что она думает о себе, как о двух людях. И совсем себе не нравилась. У него засосало под ложечкой.

— Неужели только я должна переживать? — спросила она. — Как я переживала, когда ты ушёл в море. Как я буду переживать завтра. И каждый день после. Ты можешь волноваться за меня, как я волнуюсь за тебя.

Он посмотрел на свои руки — они дрожали.

— Доверься мне, — повторила она.

Она чувствовала страдание в его страхе, отчаянную уверенность, что он вновь её потеряет. Он был почти в этом уверен. Арин доверился своему страху. Он управлял им, как и бог.

— Арин.

Он посмотрел ей в глаза. Они были одновременно знакомыми и незнакомыми... яркими, такими, как он их помнил, знакомые до мельчайших деталей, и в то же время с тайной, притаившейся в сознании, которую он вряд ли когда-нибудь разгадает. Арин увидел (и это познание взломало его раковину страха), что смерть не единственный способ потерять её. Он потеряет её, если сейчас не отпустит. Он ей не доверял. Он ей не доверился. И все же он понимал, что существуют некоторые вещи на уровне чувств и иные, которые можно почувствовать, если сделать правильный выбор, и выбор их не обесценивает.

— Так ты доверишься мне? — спросила она.

Он сделал выбор.

— Да.

Кестрел шагнула в его объятия. Арин нежно взялся за веревочку, вплетённую ей в волосы. Он тонул. Он уже был довольно глубоко. Он забыл, как дышать.

А потом его лёгкие раскрылись, и его разум прояснился и успокоился.

— Вернись ко мне, — пробормотал он.

— Обязательно.

Глава 25

Ехать было тяжело. Пришлось пригнуться к самому седлу, пустить лошадь галопом и скакать по главной дороге прямо от поместья Эрилит на юг. Перед мысленным взором стояла карта. Кестрел вновь, будто воочию, видела неровную пометку, обозначающую лес в двух лигах от лагеря генерала. Рошар принес ей карту вместе с жетоном шпионки.

И вот теперь: топот копыт. Вся шея лошади взмылена. Тусклый лунный свет. Почти не видны трещины и ямы в земле. Если лошадь, скачущая в таком темпе, споткнется, то

раздробит себе кости. Сбросит всадника, и Кестрел сломает шею о булыжники на дороге.

Девушка ногами вцепилась в бока животного. У неё есть всего несколько часов до рассвета, и тогда уже ей ни за что не выдать себя за шпионку.

По обе стороны от дороги мелькали чёрные деревья. У Кестрел пересохло во рту. Губы от пота покрылись солью.

Она вспомнила, как рука Арина скользила вниз по её косе. Как он посмотрел на неё.

Деревья, которые, казалось, бесшумно рушились у неё за спиной, резко сменились травой, пока она мчалась вперед. Вот лошадь уже неслась вдоль луга. У девушки возникло такое ощущение, будто она едет по чёрному морю.

Пятно деревьев в отдалении. Запад.

Кестрел сошла с дороги. Темп замедлился. Девушка галопом промчалась по лугу в сторону западного леса. Потом она припустила лошадь прогулочным шагом, ощущая лодыжками, как вздымаются и опускаются лошадиные бока.

Ветви висели низко, приходилось нырять. Следить за коленями. Деревья росли близко друг к другу, ни одной хоженной дорожки. Зрение находилось в постоянном напряжении, чтобы отличить одну тень от другой. Кестрел выбрала путь через лес, пока имело смысл ехать верхом.

Стоило Кестрел спешиться и привязать лошадь (рядом не было слышно плеска воды и это было ужасно, ей совершенно не хотелось оставлять лошадь, вот так, со взмыленной шеей и пропотевшей шкурой), как она впервые ощутила это. Медленно подступал страх, тяжеловесный, как горе... заставивший её понять, что страх был тоже своего рода горем, потому что она не могла быть больше этого страха. Когда она стояла перед Арином, то верила, что может быть лучше, чем раньше, и настаивала, чтобы он ей доверился. Когда она, наконец, поняла, что он и правда ей доверяет, её конечности налились жаром, стали тяжёлыми.

Но вот чем это закончилось: она в одиночестве идет через лес и страшно боится.

Кестрел помедлила, запрокинула голову и посмотрела на остроконечные звезды.

«Увидишь, какие они храбрые», — всплыл в памяти шепот отца. Кестрел была очень юной, когда он сказал это. Но воспоминание до сих пор было таким чётким. А эти звезды — чем-то вроде солдат, которые встали и сражаются.

Порыв гнева.

Даже от звёзд.

«Не стой здесь, сказала она себе. Спеши».

Кестрел ступала между деревьями. Её дыхание царапало горло. Она перестала обращать внимание на чувства и сосредоточилась только на метке на карте, до которой нужно добраться, пока не рассвело.

Шёл час совы. Последний виток ночи, время для охоты перед началом нового дня.

Кестрел сбавила темп. Ноги подкашивались. Она отпила из фляги, ремень которой был перекинут через одно плечо и грудь. Прополоскала полость рта и сплюнула. Травмированное колено слегка пульсировало, но она осознала (что любопытно, как-то отстраненно) — тело её окрепло. Несколько дней верховой езды помогли стать ногам сильнее. Ей нравилось снова обрести возможность бегать.

Но её новообретенная сила также напомнила и о слабости, о том, как легко её тело сдалось в тундре. Незапертых тюремных воротах. Чувстве облегчения, счастья. А потом погоне. Падении, грязи, веревках. Разорванном на спине платье.

Кестрел закрыла флягу и закрутила крышку.

Она снова побежала.

Небо было ещё тёмно-синим, когда она увидела между деревьями мелькающий оранжевый огонек. Масляная лампа.

У Кестрел ёкнуло сердце, и она замедлила бег. Огонек определенно двигался в сторону поляны. Лампа качнулась. Её услышали.

— Приветствую, — попыталась крикнуть она, тяжело дыша, пока пробиралась через последнюю рошу. Пришлось откашляться и перевести дыхание, а потом вновь крикнуть: — Да здравствует император Лисьян, генерал волков, отец сотни тысяч чад. — Это было его как воинским званием, так и политическим. Хотя император и не участвовал в войне по завоеванию Герана, он сохранил за собой звание главнокомандующего. Единственный человек, перед которым её отец держал ответ, — это император.

— Элис? — раздался голос из-за поднятой лампы.

— Стойте, где стояли. Сэр.

— Ты какая-то странная.

Кестрел достала жетон.

— Держите. — Она запустила жетон в воздух и услышала, как мужчина поймал его... вернее не услышала удара жетона о землю.

Лампа приблизилась. Кестрел всё равно не видны были черты лица мужчины, только очертания его фигуры и то, что он был высоким.

Кестрел закашлялась.

— Нет, прошу, оставайтесь на месте. Я больна.

— Тогда зайди ко мне в палатку и расскажи обо всём. Отдохни.

— Эта болезнь... что-то восточное. Варвары — переносчики... Должно быть, заразили меня.

Офицерские сапоги замерли на полдороге.

— Что за болезнь?

— Она начинается с кашля. — Кестрел надеялась объяснить этим изменение голоса. — Потом появляются нарывы. Они зудят. Я не сразу поняла, что в одной из телег лежали тела. Я подобралась слишком близко к их лагерю и осмотрела телеги, чтобы понять, насколько хорошо они укомплектованы. — Было так странно вновь говорить на валорианском. — Повстанцы готовятся выдержать осаду. У них есть чумные тела, которые они хотя развесить по стенам особняка Эрилит. Стоит нам только напасть, как мы заразимся. А у них, похоже, иммунитет.

— Тебе нужен врач. — Его голос прозвучал очень обеспокоенно. — Мы можем устроить тебе карантин.

— Пожалуйста, позвольте мне продолжить работать во имя нашей победы. — Кестрел призвала свой призрак маленькой девочки. Она вспомнила ту девчужку, что так хотела быть храброй воительницей своего отца. Она говорила от имени той девочки. — До тех пор, пока я в силах стоять на ногах, я могу заниматься разведкой. Я хочу этого. Позвольте мне принести славу империи.

Он помедлил какое-то время, но потом произнес:

— Слава тебе, — традиционные слова, которые произносятся, когда солдат берётся за выполнение миссии, которая наверняка окончится смертью.

Валорианский офицер сместился в тень и затих. Небо, казалось, стало чуть светлее, но

Кестрел сказала себе, что это всего лишь игра воображения и не может посветлеть всего за каких-то два удара сердца. Она не позволила нервам захватить над ней власть.

— Тогда отчёт, — сказал офицер. — Их численность?

— Тысяча солдат. Может, полторы. — Неподалеку от поместья Эрилит находилось вполтину меньше.

— Укомплектованность?

— Кавалерии почти нет. В основном пехота. — Правда. — Судя по всему, собранная из юнцов. — Правда. — Неопытные. — Неправда. — Зажигательные пушки. Немного. — Правда, к сожалению. — Между дакранцами и геранцами чувствуется некоторая напряженность. — Меньше, чем она ожидала. — Трения по поводу того, кто должен командовать. — Неправда. Вернее, не совсем. Порой она замечала, какими глазами принц смотрел на Арина, задумчивого и решительного, словно он тайно верил, что Арин не человек, а иное существо, которое, придёт день, и скинет кожу Арина, чтобы явить себя миру.

На самом деле, большинство людей смотрело на него таким образом.

— Позиция? — спросил офицер.

— Сейчас они уже добрались до особняка.

— Расскажи мне о формировании их подразделений, расположении армии.

Кестрел, вздохнув с облегчением, ответила на поставленный вопрос. И, похоже, он поверил ей. Это было проще, чем ей казалось. Она перемешала ложь с правдой, как доски для пола, перемежая посредственные с довольно крепкими, чтобы пол в итоге получился устойчивым и сумел выдержать человека.

Но когда она перестала говорить, молчание продолжилось дольше, чем следовало бы.

— Элис, — произнес офицер, — откуда ты?

Она притворилась, что не понимает вопроса.

— Сэр, я пришла из лагеря повстанцев.

— Я не об этом спрашиваю. Откуда ты родом?

Уверенность Кестрел в успехе задуманного тут же исчезла. Он подозревал её. Она ничего не знала о жизни шпионки. Кестрел взяла жетон и карту и ушла, не теряя времени даром.

— Мне казалось, вам это давно известно, — осторожно произнесла Кестрел.

— Напомни-ка.

Лампа излучала достаточно света, чтобы он смог увидеть, как она потянется за кинжалом. Поэтому Кестрел стояла неподвижно.

— Я из колонии, — рискнула она. Шансы, что она окажется права, были очень высоки — почти вся Валория представляла собой колонии.

— Но откуда именно?

Она вновь закашлялась, стараясь изобразить его мокрым, и одновременно с этим думать.

— Отсюда. — Шпионы, действующие на территории Герана, должны знать местный язык. В идеале и местность. Шпионка — Элис — была юна, по словам Рошара. Настолько зелёная, что легко попалась. Если генерал и выбрал человека с маленьким опытом для сбора информации, то только потому, что неопытность перевешивало хорошее знание местности.

— Как и я, — тихо произнёс офицер.

— Да, сэр. — Сердце Кестрел бешено билось.

— Моя юность прошла на ферме, к западу отсюда. — Он подошёл на шаг ближе. Кестрел вросла в землю. Офицер ещё не подошёл настолько близко, чтобы ясно разглядеть её, как и она его, но девушка уже смогла чётко уловить акцент в его речи. И у неё был бы акцент, не прикажи отец её учителям строго следить за речью его дочери. В Валории она говорила на чистейшем валорианском.

— Я хочу вернуть свой дом, — сказал офицер.

— Как и я. — Она говорила низким голосом, якобы огрубевшим из-за кашля, добавив лишь тонкий нюанс — акцент, чтобы офицер решил, будто тот был всегда и поначалу, он его просто не расслышал. — Какие будут приказы? — спросила она, постаравшись, чтобы её голос прозвучал как можно тверже, но пульс был неумолим.

— Возвращайся на пост. Я донесу до генерала твою информацию.

— Есть, сэр, — поспешно слетели слова с её губ.

— Однако, не так быстро. — Офицер поставил лампу на землю и отпрянул. — Подними лампу.

У неё от страха пересохло во рту.

— Сэр?

— Подними лампу и покажи мне свое лицо.

— Но, — она сглотнула, — как же инфекция...

— Я хочу посмотреть. Я буду держаться на расстоянии.

— Вы рискуете...

— Солдат. Подними лампу. Покажи мне своё лицо.

«Поверь мне», — сказала она Арину. Кестрел помнила ту силу, прозвучавшую в её голосе, и попыталась вновь её призвать. У неё мельком пронеслось в голове, что вот, должно быть, для чего нужны воспоминания — собраться, когда чувствуешь, что теряешь себя.

Кестрел медленно пошла в сторону лампы. Она держала голову опущенной, однако ей казалось, что ему все равно пока не видно её лицо — она, в свою очередь, перестала видеть его, как только он поставил лампу на землю и отошел. Кестрел закрыла один глаз: старый трюк, которому её научил отец для ночных боев, когда есть факелы или лампы. Один глаз корректирует зрение при свете огня. А другой глаз как бы находится в резерве, чтобы видеть, когда свет исчезнет совсем.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел моё лицо, — сказала она офицеру. — Болезнь изувечила его.

— А ну показывай. Живо.

Кестрел схватила лампу и разбила её о валун.

Он выругался. Девушка выхватила кинжал и услышала, как он вытащил меч.

«Я не хочу убивать», — сказала она Арину давным-давно. Даже если бы она хотела, то не смогла. В памяти всплыло воспоминание, как отец наблюдал за ней, пока она давала отпор в спарринге, и как её руки уступали под натиском чужого меча.

— Кто ты такая? — Он осторожно, на ощупь, махнул своим мечом во тьме, но его глаза ещё не успели привыкнуть и приспособиться к темноте.

А должны были бы.

Офицер хотел схватить Кестрел и доставить в лагерь генерала.

Потом последовал бы допрос. Она бы отвечала. Они бы прижали её, поймав на слабых отговорках, чтобы расколоть. Девушке вспомнилась тюрьма, наркотик, выдаваемый на сон грядущий, грязь и агония. Она представила себе лицо отца, когда предстанет перед ним. Она

видела это в своём воспоминании. Своё будущее. Здесь и прямо сейчас.

Пульс бешено стучал в ушах, живот стянуло в узел. Кестрел присела на корточки, чтобы взять пригоршню земли, и притаилась. Он услышал её и повернулся. Она тут же бросила землю ему в лицо.

Грязный трюк, как сказал бы отец. Бесчестный.

Но она весьма преуспела по части грязных трюков.

Кестрел зашла к нему за спину и вонзила кинжал в спину, под ребра.

— Какой шифр ты используешь для общения с генералом? Говори!

— Ни за что.

Она погрузила кинжал еще глубже в его плоть.

— Я тебя убью.

Он завел ногу назад и сбил девушку с ног. Она упала. Ударилась о землю. Попыталась встать, но к её горлу уже был приставлен меч.

— Моя очередь задавать вопросы. — Офицер выбил кинжал из её руки.

Защebetали птицы. Утро наступало. Кестрел смутно осознавала происходящее и что её ждала привязанная лошадь, которую теперь никому будет отвязать. Она представила Арина, неспящего в этот ранний час. Он наверняка то и дело смотрит на небо и на дорогу. Она ощутила траву под его рукой, влажную от летней росы.

Полуприсев-полупригнувшись, она неуверенно отпрянула от меча.

Меч последовал за ней. Аксинакский меч. Она узнала его короткий клинок, предназначенный для схватки в лесу. Кестрел отшатнулась и почувствовала спиной острый камень, впившийся ей в кожу, и как ни странно, подумала о фортепиано. У неё в памяти возник весь проигрыш, который она не тренировала годами, но ей нравился его резкий переход от высоких регистров к низким. Ей нравилось следить за своей правой рукой, как та ведет звук во тьму. Ей не нужно было далеко тянуться. Хотя сама Кестрел была маленькой, но руки у неё были длинные. Расстояние вытянутой руки.

То, что нужно.

Кестрел завела руки за спину и нащупала острый камень, впившийся ей в спину. Она схватила его и со всей силой ударила им мужчину по руке, в которой он держал меч.

Офицер издал ужасный звук. Меч упал. Его острие прорезало штаны. Клинок поразил землю. Ногу Кестрел пронзила боль.

Но она сумела подняться и ударила, зажатым в кулак камнем мужчину в лицо. У девушки получилось проломить ему череп. Пальцы стали влажными и липкими. Кровь стража побежала дальше по её предплечьям.

Он начал оседать. Кестрел выбросила камень.

Птицы сошли с ума. Пел уже целый хор. Бедро Кестрел было горячим и липким. Кончики пальцев ощущали что-то мясистое. У неё на руке была перчатка из крови.

«Я не хочу убивать», — сказала она Арину. Кестрел пролистала свою память и увидела себя, сидящую в музыкальной комнате напротив Арина. Открытые ставни окна. Тёплый осенний воздух. Карты «Клык и Жало» все лежат лицевой стороной вверх.

У неё дрожали руки. Она вот-вот развалится на части.

А если все-таки развалится?

Её план почти пошёл прахом.

Значит нужно спасать ситуацию.

«Осмотри тело. Вперед. Убедись, что он мёртв».

Он был мёртв.

«Теперь займись собой. Осмотри себя».

Кестрел отогнула на бедре разорванный кусок ткани. Кровь сочилась из раны, было больно, но она подумала, что возможно, всё не так и плохо. Одна нога вполне выдержит её вес.

Кестрел вытерла свои окровавленные руки о землю.

«В палатку, — велела она себе, — вперед».

Кестрел, пошатываясь, подошла к палатке офицера и вошла внутрь.

Соломенный тюфяк. В клетке посыльный ястреб в кожаной шапочке, спит. Табурет стоит перед столом, на котором лежат бумаги, ручка, чернильница и счеты.

Бумаги.

Она пошла за ними и схватила первую попавшуюся страницу, а затем бросила. У неё свело желудок. Это было письмо, написанное уже мертвецом своей матери, которая ждала возвращения сына с войны.

«Ищи, — опять велела она себе, — забудь про его изуродованное лицо».

Кестрел просмотрела каждую страницу в маленькой бумажной кучке, в поисках любой зацепки закодированного сообщения из переписки офицера с её отцом. Поскольку военные использовали несколько разных кодов, она должна была найти признаки того, каким пользовался этот офицер. Может быть, она его узнает. Вспомнит, расшифрует.

Но ничего, только письмо сына к матери, да пустые листы.

Она, хромая, вышла наружу и увидела в лучах восходящего солнца изувеченного человека с желе вместо глаза. Девушка с трудом сглотнула, а потом обыскала мужчину и нашла печать.

Вздых облегчения. Печать может пригодиться. Но не было никакого зашифрованного послания. Она надеялась отправить отцу подделку.

Невероятная мысль.

Дурацкая.

Она не знала шифра, даже как звали этого человека. Ей хотелось спрятать лицо в ладонях.

Кестрел вернулась в палатку и опустилась на табурет. Кровь сочилась из пореза на ноге. Нужно его перевязать. Но у неё не было бинтов.

Ястреб размял когти, сжимая и разжимая их вокруг палочки-насеста, перенося свой вес с одной ноги на другую, шипя и царапаясь. Девушка посмотрела на птицу, чувствуя, что вот-вот рухнет в омут разочарования и отчаяния. А затем её взгляд упал на счеты. Деревянные бусины,двигающиеся по тонким стальным стержням в деревянной раме. Используемые для бухгалтерского счета.

Кестрел коснулась бусин. И к ней постепенно начали одно за другим возвращаться воспоминания.

Она открыла чернильницу и нашла чистый лист бумаги. Взглянув на письмо офицера к матери, Кестрел поняла, как имитировать почерк мужчины. Она расписала перо и написала первую строку шифра.

Глава 26

Лошадь плелась вверх по склону к лагерю, голова животного висела. Солнце почти подкатилось к зениту. День обещал быть жарким. И сердце Кестрел сжималось всякий раз, когда она слышала дыхание лошади. Девушка ее совсем загнала, но что поделать, нога...

Рана перестала кровоточить. Кусок ткани разрезанной штанины приклеился запекшейся кровью к коже. Сам порез жалил, и кожа вокруг него горела. Ей не терпелось убрать ткань и посмотреть, что там под ней.

Лошадь, тяжело вздыхая, замедлила темп. Кестрел не стала понукать её. Девушка спешила, поморщилась и замерла, когда от движения порез открылся.

Она испытывала жажду. Солнце жарило, её ещё и подташнивало. На перевалочной базе шпионов она выплеснула воду из фляги на рану. В лесу, когда Кестрел отвязала лошадь, то налила воду в ладошку, чтобы напоить животное, и делала это снова и снова, пока ничего не осталось.

И вот она уже увидела светлые вершины палаток вдоль подъема холмов. Она была близко. Немного осталось, бедная лошадка. Она вновь спешила, когда услышала своё имя.

Арин спешно спускался вниз по крутому склону, скользя по траве, старательно удерживая при этом равновесие. Ветер рьяно развивал его волосы и рвал рубашку. Он перешёл на опасный для жизни бег, а Кестрел, наблюдая за ним, задумалась, неужели и сейчас бог смерти приглядывает за ним, или может, всё-таки это бог милости и изящества или вершин, а может, горных коз, или тот из иных, кто позволяет Арину бежать вот так, не спотыкаться и не падать. В этом было что-то от лукавого.

Он подскочил к ней. Волосы Арина все вымокли от пота. Кожа, потемневшая во время их похода на юг, теперь казалась бледной, когда он посмотрел сверху-вниз на неё. Под глазами пролегли тени. Спать он так и не лег.

Сначала он обратил внимание на её руку. Левый бок девушки был скрыт от его взора. Кестрел тронуло, как его взгляд направился прямо к её окровавленной правой руке, его глаза вспыхнули теми же эмоциями, которые испытала бы она, если бы ранила себе пальцы, если бы не смогла больше играть, и ей приходилось бы слегка шевелить кончиками пальцев, когда хотелось порхать.

Он сорвал с её предплечья щит, ругая почему зря завязки.

— Это не моя кровь, — сказала она.

— Ты не пострадала?

— Только левая нога.

Он обошел лошадь, увидел кровь и притих.

— Так, ладно, — произнес он наконец. — Иди ко мне. — Он помог ей спуститься. — Я могу тебя понести.

Она услышала вопрос в его голосе.

— Нет. Рошар увидит. Он нас просто засмеёт потом. — Она улыбнулась, потому что хотела, чтобы улыбнулся Арин. Ей не нравилось, как он выглядел: вокруг рта пролегли складки, а глаза были преисполнены беспокойством.

Он не улыбнулся. Арин взял лицо девушки в свои ладони. Эмоции завладели его лицом, мрачное благоговение перед своего рода спасением от неистовой бури, рвущей небеса и только их, и не задевающей ничего из того, что дорого. То единственное, что позволяет чувствовать себя спасённым.

Она и сама начала испытывать нервозность. Это ощущение, что клокотало в ней, изматывало.

На то не было никакой причины. Она знала, что могла дотянуться пересохшими губами к его губам и почувствовать истину его любви на своем языке. Тем не менее, она не могла сказать с уверенностью, что же по отношению к нему испытывала сама.

Бедро пульсировало.

— Не нужно меня нести, — сказала Кестрел. — Но я позволю тебе помочь мне забраться на холм.

* * *

Ведя лошадь за собой, они медленно пробирались через лагерь. Арин обнимал Кестрел за плечи. Он привел девушку к своей палатке.

— Мне кажется... — нерешительно начал Арин. — Лучше зайти внутрь. Но... если хочешь, можно остаться и снаружи. — Он опустил взгляд на её окровавленное бедро. — Штаны придётся снять. Я могу позвать кого-нибудь...

— Нет. Только ты.

Он встретился с ней взглядом, но тут же отвел глаза.

Кестрел вошла в палатку. Пол ничем не был покрыт — только трава да спальник. Девушка опустилась на землю.

Арин обратил внимание на её пересохшие губы.

— Ты же хочешь пить, — сказал он и вышел.

Вернулся он с флягой, кувшином воды, кружкой и чистой марлей.

Кестрел попила. Вода, казалось, преодолевала очень долгий путь, чтобы попасть к ней в желудок. Она думала о воде и о том, как это здорово — её пить. Она думала об этом, но не о нём.

Арин встал на колени рядом с Кестрел. Она отставила флягу. Рана пульсировала тупой болью: почти в такт её сердцу из-за близости Арина. Снаружи запели цикады.

Он расстегнул её броню и аккуратно снял.

— Больше ничего?

— Только нога. — Поначалу было облегчением избавиться от брони, но потом она почувствовала себя незащищенной и мягкотелой.

Арин не двигался. Кестрел знала, что ей делать дальше. Она пошарила пальцами, пока не нашла застежку на штанах и не расстегнула её.

— Подожди, — сказал Арин. — Просто... — Он помолчал, а потом добавил, — оставь их.

Он протянул руки к разрыву на штанине левой ноги и осторожно начал рвать ткань вокруг бедра. Вскоре на ноге девушки не осталось материи, кроме лоскутка, прилипшего к ране. Арин смочил его водой, чтобы легче было оторвать.

— Будет больно.

— Действуй.

Он сорвал лоскут с раны. Кестрел с шумом втянула в себя воздух, одновременно с побежавшей из раны кровью. Теперь её левая нога была практически полностью обнажена.

Он промыл рану.

— О.

— Что?

Арин поднял свою тёмную голову и улыбнулся.

— Всё не так плохо.

Она взглянула на кровь.

— Я имел в виду, — он помедлил, прежде чем добавить, — что зашивать не придётся. И это хорошо. Это не означает, что от этого рана перестанет болеть...

Кестрел рассмеялась.

— Арин, я тоже рада, что всё не настолько плохо.

Он начал промывать рану. По ноге девушки стекала розоватая вода. Земля вокруг увлажнилась. Арин смыл кровь марлей, и это было больно, несмотря на то, что он старался прикасаться очень нежно и у него был опыт. А потом он открыл баночку с белёсой мазью и начал наносить её вокруг раны.

— Ты научился этому на войне?

— Чему-то там, другому из книг, — произнёс он, не поднимая головы и продолжая наносить мазь, — или... — Он внезапно умолк.

— Арин?

— Под гнетом валорианцев мы научились всему, чему можно, чтобы помогать, когда кого-то из нас ранили.

— Когда они намеренно вас калечили.

Он пожал плечами, потянувшись за рулоном марли.

— Я должна была знать. Я не должна была спрашивать.

— Ты можешь меня спрашивать о чём угодно.

Мазь был прохладной. Она покалывала кожу. Всё тело Кестрел расслабилось, потому что рана перестала болеть.

Арин положил марлю на рану и размотал рулон, обернув его вокруг бедра. Кестрел наблюдала, как порхают его руки. Его ладони касались её бедер, кожа юноши была грубой и тёплой. Оба молчали.

Арин добрался до конца марли, продел этот кончик под другие слои и завязал. Он закончил, но не шелохнулся. Ладони лежали на её колене, кожа обжигала кожу, кончики его пальцев соскользнули ниже границы марли.

— Лучше?

Она чувствовала себя одновременно слабой и живой. Ей не хотелось отвечать. Если она это сделает, то он уберёт руки.

— Кестрел?

— Да, — ответила она неохотно. — Так лучше.

Но Арин остался неподвижен. Снаружи жужжали и трещали цикады. Он встретился взглядом с Кестрел, его взор затуманила тень. Пальцы юноши вычерчивали узор, который не имел ничего общего с исцелением, и казалось, будто её тело покрывается светящимися линиями.

У Кестрел перехватило дыхание. Арин услышал и отпрянул, встав на пятки, а потом резко поднялся и отошел на другую сторону палатки, прежде чем девушка успела хоть что-то сказать. А потом уже и нечего было говорить.

Арин присел рядом со своим спальником.

— Что случилось на перевалочной базе шпионов?

Кестрел погрузила руки в остатки воды на дне чаши. Она стерла кровавую грязь с правой руки, полностью сосредоточившись на этом занятии. Благодаря этому нехитрому действию, ощущение светящейся кожи начало ослабевать («Как неловко, и сложно. И нужно было случиться этому прямо сейчас, как назло. Да что с тобой, почему ты просто не можешь уважать друга, попросившего не использовать его? Всякий раз, цепляясь за искры, в разгорающейся надежде на его искушение. Что, возможно, он увидит это и нырнёт в омут с головой, и они обретут в этом утешение. Но этого не будет, только не для него. Может быть, и не для тебя».) Она вымыла руки начисто.

Кестрел рассказала ему всё, ничего не упуская, с того момента, как она покинула лагерь, и до того момента, как размозжила камнем офицеру лицо.

— Я его убила, — и хотела было добавить что-то ещё, но запнулась.

Арин нахмурился.

— Ты чувствуешь себя виноватой?

— На нем не было брони.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Сам виноват.

— Я ему была небезразлична.

— В смысле?

— Я имею в виду Элис, шпионку. Он переживал за неё.

— Хочешь сказать, ты сожалеешь о том, что убила его, потому что он был хорошим человеком?

— Я говорю, что он был человеком, и теперь он мёртв, и это дело моих рук.

— А я рад, что ты его убила.

— А я нет. — Теперь и она злилась.

— Ты же понимаешь, — голос Арина звучал жёстко, — что бы он сделал с тобой?

— Если бы он попытался убить меня, то преуспел бы. Но он не хотел этого делать.

Единственная причина, по которой я всё ещё...

— Он не хотел убивать тебя, потому что собирался взять в плен.

— Знаю. Я прекрасно это понимаю, и всё же мне жаль.

— Не проси меня разделить с тобой эти чувства.

— Я и не прошу.

— Если бы он тебя схватил... — Арин умолк, а потом продолжил: — Они убийцы.

Работоторговцы. Воры. Мне не жаль. И никогда не будет жаль.

— То есть ты никогда не сомневался в правильности убийства.

Его глаза вспыхнули, но потом взгляд стал каким-то затравленным.

— И не буду.

Кестрел внимательно посмотрела на него. Её гнев начал постепенно угасать. Она вспомнила, что их трудности были совершенно разного характера, и раны Арина были куда глубже. И неважно, осознанно девушка это сделала или нет, но она, скорее всего, задела его за только-только начавшую затягиваться плоть.

— Я тебя расстроила.

— Да, я расстроен. Печально слышать, что ты чувствуешь вину за то, что защищалась от человека, пытавшегося тебя ранить.

— Дело не только в этом.

Он опустил взгляд на свои руки и заметил на них кровь.

— Ты можешь передумать. Никто не станет возражать. Тебе необязательно быть частью этой войны.

— Ещё как обязательно. Я не передумаю.

— Либо ты, либо он, — сказал он мягко. — Ты сделала выбор.

Её взгляд упал на мокрую траву, на ком бинтов. Кестрел подумала о своем прошлом, о всей жизни.

— Хотелось бы, чтобы вариантов для выбора было больше.

— Тогда нам нужно создать мир, в котором так оно и будет.

Когда Рошар увидел рядом со своей палаткой Кестрел с оторванной штаниной и Арина, стоявшего подле неё, его глаза сразу же заблестели искорками веселья, и Кестрел мгновенно догадалась, что принц собирается пошутить на тему того, что Арин не терял времени даром и всё-таки сорвал с неё одежду. А потом продолжит игриво комментировать неспособность Арина доводить дело до конца («Всего одна штанина? — представила девушка, как принц поучает Арина, — Какой же ты лентяй, Арин»), или начнет придирается к природной скромности Арина («Ну что за телок»). Нельзя исключать и того, что он просто принесёт свои соболезнования в связи с гибелью половины штанов Кестрел. Он мог спросить, неужели она позволила себя ранить, лишь чтобы добиться определенной цели.

Кестрел покраснела.

— Всё прошло не так, как задумывалось, — сказала она, чтобы сразу направить разговор в то русло, которое следует. Никаких намёков на то, что случилось или не случилось в палатке Арина.

— Её ранили, — сказал Арин, который, если и был так же, как и она, взволнован, то не подавал вида, выдав себя только лишь тем, что констатировал очевидное.

— Ерунда, — заметил Рошар, — всего лишь царапина, иначе она бы здесь не стояла.

— Ты мог бы предложить ей присесть, — сказал Арин.

— Так-то оно так, но у меня в палатке всего два стула, маленький геранец, а нас трое. Правда, мне кажется, что она всегда может присесть к тебе на колени.

Арин бросил на него испепеляющий взгляд, преисполненный раздражения, и решительно вошёл в палатку.

— Ну, вообще-то, я мог сморозить и что-нибудь похуже, — воскликнул Рошар.

— Лучше помолчи, — сказала ему Кестрел.

— Ну, это уж совсем не про меня.

Кестрел не стала ничего говорить в ответ. Когда все трое оказались внутри палатки принца (Арин предпочел остаться стоять), она в подробностях рассказала о том, что произошло.

— Я написала генералу письмо, — закончила она свой рассказ, — и отправила его с ястребом.

— Сколько разных шифров используют валорианские лазутчики? — спросил Рошар.

Кестрел впиалась ногтями в деревянную ручку стула.

— Много. Не скажу наверняка. Я не все помню из тех, которым отец обучал меня, да и то, он рассказал мне лишь о некоторых из них. С тех пор уже могли придумать и ввести новые.

— Поэтому шансы на то, что ты написала письмо, зашифровав его именно тем шифром, который ожидает увидеть генерал, весьма невелики.

— Да.

— А как ты выбрала, каким шифром воспользоваться? — спросил Арин.

— У офицера в палатке на столе лежали счёты, что было необычно, если он, конечно, не вел учёт армейского провианта и прочих запасов, но подобные вещи проводятся только в лагере, где это всё и хранится. Я вспомнила цифровой шифр. Он мог использовать счёты себе в помощь, чтобы писать сообщения.

— Или, — сказал Рошар, — твой отец прочтёт письмо, увидит твой шифр, вместо того, что он ожидает, и пошлёт кого-нибудь на перевалочную базу, где и обнаружат тело.

— Если так и случится, — заметил Арин, — то мы ничем не рискуем.

— О нет, ещё как рискуем. Генерал узнает, что письмо — уловка, и поведёт себя противоположно нашим ожиданиям. Он плюнет на главную дорогу и пойдёт лесом, где наше оружие будет неэффективным, и у нас не останется преимуществ в высоте. И тебе это известно.

Арин закрыл рот и смущенно взглянул на Кестрел. Да, ему это было известно, как и ей. И она почувствовала себя только хуже, благодаря его стараниям преуменьшить цену её ошибки. Он понимал истинный масштаб.

Рошар откинулся на спинку своего скрипучего стула. Его глаза соскользнули с Арина на Кестрел, чёрные, словно лак, подведенные свежими зелёными линиями.

— Может, у тебя есть в запасе нечто более жизнерадостное, нежели это?

— В моём письме ничего не говорится о плане использования чумных тел в качестве обороны во время осады. Мне пришлось сказать это офицеру, чтобы он держался подальше, но раз он мёртв, то необходимость во вранье отпала. Теперь поместье может показаться генералу ещё более привлекательной и доступной целью.

— Если твой отец клюнет.

— Она сделала всё, что смогла, — отозвался Арин.

Свойство мази, вызывающее онемение, начало терять свою силу, и порез на бедре потихоньку давал о себе знать. Кестрел потеряла повязку, изучая её, и попыталась проглотить чувство своей возможной неудачи, которое становилось только хуже, благодаря защите Арина.

— Знаю, — сказал Рошар, — но наших сил мало. Это факт. Мы не можем быть в двух местах одновременно. Он собирается наступать на Эрилит. Я не хочу вести оборонительный бой. Мы не можем себе этого позволить. Если же бой произойдет здесь, то у нас имеется преимущество в холмах, но у него довольно людей, чтобы рассредоточиться и окружить нас. Что мне понравилось в плане нападения на них на дороге — у нас есть шанс загнать их в угол, да так, что они не смогут сдвинуться с места.

— Тогда доверься ей.

Кестрел подняла взгляд на Арина.

— Отправка генералу зашифрованного письма была отчаянной авантюрой, — сказал Рошар.

— Это была её отчаянная авантюра, — заметил Арин, — вот почему я считаю, что всё может получиться.

* * *

Они должны были разбить лагерь на рассвете. Кестрел наблюдала за тем, как Арин исчез среди повозок с припасами. Она сходила к реке смыть с себя кровь и пот, а потом передела искромсанные штаны на те, что носила. Она старалась много не думать. Просто наблюдала под металлический скрежет цикад за листьями, колышущимися на ветру и то и дело являвшими свои бледные стороны, да за журчащей водой.

Потом Кестрел вернулась к центру лагеря.

У Арина в руке был точильный камень и, похоже, он решил проверить и заточить каждый клинок, что лежал в тележке. Он хмуро посмотрел на меч и под углом провёл по нему камнем, извлекая при этом резкий неприятный звук.

Затем его взгляд метнулся вверх, он увидел её и точильный камень замер в руке.

Кестрел приблизилась.

— В лагере есть дакранские кузницы. Этим могут заняться другие.

— Недостаточно хорошо. — Он нанес масло на лезвие и отшлифовал его. Его пальцы блестели. — Мне нравится заниматься этим. — Арин протянул руку, испачканную маслом. — Можно?

Какое-то мгновение она не понимала, чего он хочет, а потом вытащила кинжал, что он выковал для неё, и отдала ему.

Арин осмотрел его, а потом удивленный, но при этом довольный, сказал:

— А ты хорошо о нём заботишься.

Кестрел забрала кинжал.

— Ну конечно, я о нём забочусь. — Её голос прозвучал грубо и зло.

Арин внимательно посмотрел на неё, а потом произнес дружелюбно:

— Да, разумеется. Как там говорится у вас в поговорке? Валорианка неустанно точит своё лезвие. Кажется, так.

— Я о нём забочусь, — сказала Кестрел, ни с того ни с сего почувствовав себя одновременно злой и несчастной, — потому что ты его выковал для меня. — Ей не понравился его сюрприз. И она не нравилась себе за спутанный клубок своих чувств, за то, что ощутила себя маленькой девочкой, слыша, как Арин защищал её перед Рошаром, не просто из-за сильного ощущения своего провала, но также из-за того, что попросила Арина довериться ей, и он доверился, не колеблясь, но попросил её полюбить его, а она не предложила взамен ничего. Она колебалась между твёрдой уверенностью в притяжении к нему и опасением перед чем-то большим.

«Я люблю тебя», — сказала она тогда отцу. Мольба, извинение и просто признание, как оно есть: восемнадцать лет любви. Неужели это ничто? Это правда ничего не стоит?

Да, именно так, ничего. Она поняла это, когда отец поднял её, сжимая запястья дочери в своих руках, и оттолкнул. Она увидела это в грязном полу своей темницы. Услышала в звуке рвущегося вдоль спины грязного платья.

Кестрел подумала о ястребе, который сейчас, должно быть, как раз держит путь к её отцу. Она представила, как он огибает деревья, стремительно несётся вниз. Как его когти сжимаются вокруг поднятого кулака. Как отец разворачивает скрученное в трубочку послание. Ловушку, расставленную ею.

«Попадись в неё», — молила она.

«Ты мыслишь, как настоящий стратег», — сказал он однажды дочери.

«Так убедись же в этом».

«Узнай, что я могу сделать с тобой. Посмотри, что ты сделал со мной».

— Кестрел? — Голос Арина прозвучал неуверенно. Она поняла, что это связано с тем, как она выглядела. Рука сжалась вокруг эфеса кинжала, на лице бушует пламя. Но стоило ему продолжить говорить, как она прервала его:

— У тебя еще осталась целебная мазь?

— О. — Он пошарил под кожаным фартуком, надетым поверх его одежды, и вытащил из кармана маленькую баночку. — Следовало сразу тебе отдать. Я... отвлекся и забыл.

Кестрел взяла её и ушла.

* * *

Как правило, Кестрел наслаждалась своим одиночеством в палатке. Та принадлежала только ей, внутри девушка была скрыта от посторонних глаз, в отличие от той же тюрьмы, где за ней постоянно следили. Не говоря уж о столице. Даже в Геране, когда тот был

колонией. Уединение приносило покой и облегчение. Круг грубого холста, был словно коконом вокруг неё, светившимся солнечным светом в течение дня.

Однако теперь, когда до неё донёлся гомон лагеря (люди, разговаривающие на двух языках; лошади и птицы, насекомые и скрежет точильных камней), она почувствовала себя, как в тот первый день, когда Арин поставил её палатку, одной.

Кестрел сняла штаны и размотала повязку. Та была сырой и тяжелой из-за купания в реке.

Рана не кровоточила. И уже так сильно не болела. Но девушка все равно нанесла мазь на порез. Когда кожа онемела, ей вспомнились наркотики, что давали в тюрьме. Сердце болезненно сжалось. Кестрел скучала по вкусу той воды и по тому, как она влияла на неё.

Она нарисовала узор мазью, проведя вниз по бедру в том месте, где Арин касался её ноги. Кожа онемела.

Кестрел вновь перевязала ногу и попыталась представить утро, когда она соберёт свою палатку, когда весь лагерь снимется с места и отправится на юг, чтобы напасть на её отца.

Глава 27

Они ещё раз разделили армию. Одна часть была направлена в Эрилит, чтобы сделать вид, будто особняк готовится к осаде. Если отец Кестрел поверит зашифрованной записке, то пошлёт вперед шпионов для сбора информации по поместью.

Рошар отправил туда большую часть тележек с припасами. И все пушки. Это был риск.

— Быстрые и лёгкие. — Он произнёс это так, будто это был забавный эксперимент, в пользу которого они, развлечения ради, сделали выбор, а не опасная необходимость, вынуждающая оставить их артиллерию. Но им нельзя было привлекать к себе внимание — чем меньше армия, тем она менее заметна. И скорость была важна, и местность была пересечённой. А им нужно проложить путь через лес вверх по склонам, к главной дороге.

— Меня беспокоят деревья, — сказала Кестрел Рошару в конце их первого дня продвижения на юг. Над головами сновали, охотясь за насекомыми, птички ирриэль, казавшиеся чёрными отпечатками пальцев на фоне фиолетовых небес. Кестрел схватила игральную карту с травы. Рядом на костре, вертясь на вертеле, жарился кролик, кожа которого уже подрумянилась и потрескивала. Арин надрезал кроличью плоть, чтобы проверить на готовность. Слишком розовая. Он добавил в костер веточки смолистого дерева сиррин. Они мгновенно занялись синим пламенем.

— Беспокоят? В каком смысле? — Рошар заглянул в свои карты и застонал.

Но Арин, наблюдавший за игрой, не принимая в ней участия, уже догадался, о чём думала Кестрел.

— Нам нужны деревья для прикрытия, — сказал он, — но с ними сложно будет использовать пушки. Тяжело будет поразить цель на дороге внизу.

— Тогда их лучше срубить. — Пришёл черед ходить Рошару. — Может быть, нам и подлеска хватит для прикрытия, если мы пригнёмся.

Кестрел прищелкнула зубами на восточный манер, обозначив тем самым свое раздражение.

— Ты выучилась этому от меня, — радостно сообщил принц, — а теперь признавайся — карты краплёные?

— Я никогда не жульничаю, — невозмутимо парировала она.

— Нельзя срубить деревья, — сказал Арин.

— Сосредоточенность — моё кредо, — сказала Кестрел принцу, резко хватая карты, что

он сбросил на стол.

— Для ясности: это я позволяю тебе выигрывать. Я всё время позволяю тебе выигрывать.

— Очевидно, что деревья срубить нельзя, — сказала она, — мой отец заметит внезапное появление огромного количества пеньков. Проще всего тогда будет нарисовать указатель — мы здесь.

— Или... — сказал Арин.

Она подняла на него взгляд.

— О чём ты думаешь?

— Сколько в нашем распоряжении верёвок?

— Двести двенадцать в длину.

— Ты наизусть знаешь, что у нас есть и в каких количествах? — спросил Рошар.

— Да, — ответила Кестрел.

— Поди ещё и сможешь рассказать наизусть?

— Да.

— Сколько мешков зерна для лошадей?

— Шестьдесят два. Играй. Можешь считать, как тебе заблагорассудится, ты всё равно проиграешь.

— Попытки отвлечь её, как правило, оборачиваются полным крахом, — сказал Арин принцу.

— Ну, сыграй тогда ты с победительницей, — отозвался Рошар, — и я смогу понаблюдать за твоей манерой игры.

Арин вновь проверил кролика на готовность и снял его с огня.

— Нет.

Кестрел, к своему удивлению, ощутила, как сердце укололо разочарование.

— Почему это? — спросил Рошар.

Арин срезал мясо с костей на тарелку.

Кестрел, которая не была до конца уверена, хочется ли ей услышать ответ Арина, заговорила сама:

— Для чего тебе верёвка?

— Ну же, удиви нас, Арин, — сказал Рошар. — Вот как мы это проворачиваем — он придумывает нечто гениальное, а вся слава достаётся мне.

— Расскажи, — попросила Кестрел.

Арин поставил тарелку.

— Я не стану играть, потому что даже когда я выигрываю, — я одновременно и проигрываю. Для нас это никогда не было просто игрой.

Рошар, который лежал, растянувшись на боку на траве, согнув локоть, в качестве опоры, и уложив щёку на ладонь, приподнял брови, глядя на девушку.

— Я спрашивала о верёвке, — пробормотала она.

Рошар перевёл взгляд с неё на Арина.

— Ну да, верёвка. И почему мы не говорим о том, о чём на самом деле и должны?

* * *

Они заняли позиции. Кестрел выжидала с канонирами за тонким рядком деревьев, граничащих с холмом, с которого открывался хороший обзор на дорогу. Ветер терзал листья. Деревья скрипели. Канониры, в основном геранцы, нервно поглядывали на проект Арина.

Большая часть солдат почти весь день орудовала двуручными пилами, топорами да верёвками. Всем, что нашлось пригодного для подобной работы в тележках с припасами.

Арин обвязал каждый ствол и закрепил веревки далеко в лесу. Каждое дерево было уникальным, его длина, диаметр, наклон. Все стволы установили под разными углами. После того, как деревья были привязаны на уготованные им позиции, солдаты подпилили их у основания — но не до конца.

— Когда валорианцы подойдут, — сказал Арин, — режьте верёвки.

— Ты хочешь меня убить, — сказал Рошар. — Какая нелепость. Принц обычно встречает свой конец в сражении. Он не может быть раздавлен упавшим деревом. Держу пари, ты неправильно связал все эти стволы.

Улыбка дернула уголок губ Арина. В воздухе висели опилки вперемешку с песком.

— После всего случившегося, — сказал Арин Кестрел, — я не позволю, чтобы ты пострадала из-за дерева.

— Я, — многозначительно заявил Рошар, — ты имел в виду меня.

Но Арина уже и след простыл. А вскоре и Рошар ушёл в противоположном направлении.

* * *

План состоял в организации засады.

— Ну и как генерал выстроит своё войско, согласно имеющейся ширины дороги? — поинтересовался у Кестрел Рошар.

Кестрел перестала водить пальцами по истрепанной карте.

— Она не может знать наверняка, — сказал Арин.

— Будь я на его месте, то шла бы в первых рядах с кавалеристами — офицерами, — ответила девушка. — Новобранцы бы шли за повозками, которые я разместила бы посередине. Следом бы шла пехота с несколькими доверенными офицерами, на всякий случай. Я бы выбрала тех офицеров, которые не стали бы жаловаться, что придется идти в арьергарде с низшими чинами. Опытных. Достойных. Но пару-тройку. Лучников и арбалетчиков расставила бы по флангам полка, чтобы они были готовы в любое мгновение обрушиться на холмы. Он знает, что есть риск столкновения. Если мы готовимся в осаде поместья Эрилит, то есть смысл в том, чтобы отправить на север небольшую группу солдат, отслеживающих все их передвижения. Он готов к тому, что обоз станет мишенью. Если мы уничтожим обоз, то выьем у него почву из-под ног. Это не означает, что нападение станет полной неожиданностью. Но нам дает преимущество мощь нашего нападения и умение использовать оружие, с которым ему нечем тягаться.

— Значит, не будем обманывать его ожиданий, — сказал Арин. — Небольшая группа солдат может напасть с линии фронта, дабы привлечь внимание генерала, в то время как наши основные силы подготовятся в арьергарде. Генерал должен будет подтянуть свою оборону вперёд. Мы даже можем отделить их от центра. Их офицеры носят металлическую броню. Эффективнее будет обстреливать центр и тыл. Канонирам нужно будет как можно больше артиллеристов повалить вокруг телег... и, да помогут нам боги, пушек.

— Небольшая группа солдат нападает на первые ряды валорианцев, — вслух начал размышлять Рошар. — Какой восхитительный способ самоубийства. Идеально подходит для тебя, Арин.

— Но... — вмешалась Кестрел.

Они оба посмотрели на неё и по сжатой челюсти Арина, она поняла, что Рошар озвучил

ровно то, что Арин собирался непременно воплотить в жизнь. Взгляд Арина был хмурым. Он смотрел как-то отстраненно, в глазах читалась опасная напряжённость, от которой по телу девушки пробежали мурашки. И ей подумалось, а может, бог Арина всё-таки не плод суеверий. Может быть, прямо сейчас этот бог сидел в нем и что-то нашептывал.

— Ты командуешь этой армией, — сказала Кестрел Рошару. — Это должен быть ты. Арин нападет с арьергарда.

— Ну уж нет, это милое моему сердцу задание, моё. А ты, привиденьице, оставайся-ка с канонирами, — с ухмылкой возразил Рошар.

Руки Кестрел сжались в кулаки.

— Ты отправляешь меня на самый безопасный участок.

— Я отправляю тебя туда, где твой отец не сможет тебя увидеть.

Она размышляла о встрече с отцом. Она думала и о том, чтобы не встретиться с ним. И обе мысли парализовали её.

— Ты не очень-то отличаешься от тех пушек, — сказал Рошар. — Нашего секретного оружия. Должно быть, генералу уже доложили, что ты сбежала из трудового лагеря, может быть, он даже догадывается, куда ты направилась... если, конечно, выжила в тундре. Но разве ему придёт в голову, что ты здесь, с этой армией? Но, в конце концов, он, вполне возможно, догадается. Он может узнать твой почерк, почувствует это в деталях, и при этом неважно, увидит он тебя или нет. Но я бы предпочёл (а Арин и того больше), чтобы он остался в неведении, насчёт твоего присутствия.

Она начала протестовать.

— Ты дала клятву, — весело сказал Рошар. — А для валорианок — это дело чести.

Увидев, что его последние слова заставили её побледнеть от ярости, он улыбнулся и удалился.

— Ты тоже хочешь, чтобы я осталась рядом с пушками? — обратилась девушка к Арину.

— Рошар прав.

— Он делает выбор, согласно собственным интересам.

Он нахмурился.

— Ему нет никакой выгоды ставить тебя рядом с канонирами.

— А что насчёт твоей позиции?

— Порой Рошар играет роль эгоистичного принца, чтобы никто не ждал от него ничего хорошего. Но он не такой. Он сделал правильный выбор. Для меня он выбрал то, что я сам бы выбрал для себя. Я хочу быть на передовой.

Теперь, когда она среди деревьев ждала вместе с канонирами, поставленными под её командование, ей вспомнились слова Арина. Кестрел вспомнила, как хотела объяснить ему, что её преследовала навязчивая идея проникнуть в разум отца и с сожалением осознать, насколько похожи их мысли. Кестрел хотелось запрятать свой страх в белую шкатулку и отдать ее Арину.

«И ты, — хотела сказать она ему. — Я боюсь за тебя. Я боюсь за себя и того, что станет со мной, если я тебя потеряю».

«На войне нет места страху», — как-то сказал ей отец.

— Будь осторожнее, — сказала она Арину.

Он улыбнулся.

И вот теперь он был где-то внизу, ниже ее поля зрения, за излучиной пустой дороги.

Солнце щедро делилось своим светом. Пушкари заряжали оружие. Кестрел смотрела на

дорогу, держа кинжал наготове.

Цикады, размером с мелких птиц, перелетали с места на место.

Может, её отец догадался, что зашифрованное письмо было подделкой.

Может быть, он не клюнул на наживку.

Воздух дышал ветром. Часы тянулись так же медленно, как пот стекал по спине Кестрел.

Конечности затекли и болели от долгого пребывания в одном и том же положении. Кестрел испытывала странное ощущение, будто энергия покидала её, она чувствовала нервозность канониров, которые становились еще напряжённее от любого шороха, при этом их все больше и нещаднее морила жара.

Сон, ожидание, испуг, ожидание, сон.

Пушкари так же, как и она, сидели скрючившись среди папоротников и деревьев. Оружие было направлено под углом вниз. Небольшие восточные арбалеты наготове. С деревьев сиррин капал оранжевый сок, его низко растущие веретенообразные ветви были липкими.

Кестрел наблюдала за дорогой.

Отрывистое и скорое тук-тук-тук по стволу какой-то птички. Движение листьев. А потом... слабый, но с каждой секундой нарастающий ритм шагов тысячи сапог по мощёной дороге.

Глава 28

Арин слышал приближение валорианцев. Звук, вырывающийся из его груди, становился всё громче от возбуждения.

Валорианцы приблизились. Однако они были по-прежнему скрыты за поворотом дороги. Арин повернулся и встретился взглядом со своими солдатами. Не больше полусотни мужчин и женщин, геранцев и дакранцев. Все пешие, чтобы как можно бесшумнее приблизиться к линии фронта валорианцев. Кто-то из геранцев, на манер восточных воинов, подвёл глаза оранжевым и красным.

Звук, издаваемый валорианской армией, начал мало-помалу оглушать. Сапоги, копыта и скрип колёс повозок. Тяжёлая броня. Металл о металл.

Арин смотрел на своих солдат, они на него. Он поднял руку: ждать.

Арин выглянул из-за дерева, чтобы бросить взгляд на дорогу.

Валорианская кавалерия. Огромные боевые кони. Офицеры в чёрном и золотом.

Близко.

И один валорианец, особенный валорианец, тот, что вёл свою армию, выглядел всё таким же, что и одиннадцать лет назад. Он ничуть не изменился. Огромный, затянутый в броню, со знаками отличия на груди, с витой перевязью, перекинутой через плечо. На голове простой шлем, сделанный так, чтобы хорошо было видно лицо. Это лицо.

Хорошо, что между ними было некоторое расстояние, которое не позволяло разглядеть светло-карие глаза генерала, слишком похожие на глаза его дочери.

Отлично, что этот человек подъезжал на своём коне как раз к Арину. И уже был почти в пределах его досягаемости.

«Хочешь его?» — прошептал бог Арина.

«Желаешь раздавить его между ладонями?»

Арин посмотрел на свою армию.

— Товьсь, — прошептал он, а потом прошептал то же самое на дакранском. Он достал

меч. Кровь у Арина бурлила.

«Прелестное дитя».

«Весь мой».

«Вперёд».

* * *

Кестрел наблюдала за столкновением сверху. Через подзорную трубу она видела, как вставали на дыбы валорианские боевые кони. Но только не конь генерала. Тот стоял как вкопанный, застыв железной статуей. Лицо отца было далеко, черты лица размыты. У Кестрел засосало под ложечкой.

А что Арин?

Деревья загораживали ей вид. Она не могла найти его. Она не видела ничего из-за коней.

Пехота против конницы.

«Кестрел, какая же ты дура».

Она осознала, что, должно быть, поверила в бога Арина. Должно быть, она доверилась на уровне подсознания защите бога смерти. Только это могло объяснить, почему она отправила Арина выступить против авангарда валорианцев (и её отца) с толикой надежды, что он выстоит.

Страх сковал ей горло.

* * *

В начале сражения Арин потерял генерала из виду. Ближайшая к нему лошадь чуть не растоптала Арина, он едва успел увернуться от поднятых передних копыт. Он успел вовремя выставить меч в ответ на удар валорианца; край клинка офицера лишь царапнул по кожаному доспеху, закрывающему плечо Арина, не причинив вреда. Когда мужчина отдернул меч, Арин умудрился выхватить поводья из рук нападавшего и потащил лошадь вниз. Раздался крик. Валорианец пытался удержаться в седле. Арин воткнул острие меча мужчине в бок, над бедром, чуть ниже границы металлической кирасы. А потом надавил на меч.

Последовал душераздирающий вопль. Кровь потекла по клинку. Рука Арина стала тёплой и влажной.

Валорианец начал сползать с седла. Его нога застряла в стремях. Наколенник врезался коню в бок, и животное вновь встало на дыбы, едва не выдернув руку Арина из плеча. Он выпустил вожжи. Валорианец ударился о землю. Конь встал на все копыта и одичало побежал, увлекая солдата за собой.

Арин не мог думать. Он смутно осознавал, что лучники не станут стрелять по ним, скорее всего, из страха ударить по валорианскому авангарду. Он знал, что его солдаты падали один за другим. Валорианцы же, вместо того, чтобы продвигаться вперед, дабы встретить нападение, стояли на месте, разве что плотнее сгруппировавшись, превратившись в стену из металла и лошадей.

Эти жеребцы. Роскошный живой щит. Высокий и необъятный. Сила и стать.

Арин прокричал на дакранском, а потом и на своем языке: «За мной!»

Он выхватил кинжал. В каждой руке по клинку. Нырнул в узкое пространство между двумя валорианскими боевыми конями и полоснул лезвиями по их горлу.

* * *

Кестрел стиснула в руках подзорную трубу. Валорианские офицеры не продвигались,

они держались рядом со средними рядами, не подвергали опасности телеги с припасами.

Боевой конь запнулся. А потом ещё один.

Её отец размахивал мечом, рубя людей внизу. Меч покраснел. Она видела, как он закричал.

— Перерезать верёвки, — отдала приказ канонирам Кестрел. — Немедленно.

* * *

Арину хотелось закричать, когда он увидел, как восточная женщина проскользнула сквозь валорианскую оборону, ранила боевого коня и вот-вот должна была дотянуться до генерала. Арину хотелось выкрикнуть: «Нет!» Он хотел вопить: «Моё!»

Генерал, прочно сидевший на твёрдо стоявшем жеребце, взмахнул мечом и отрубил женщине голову. Кровь брызнула во все стороны.

— Держать строй! — прокричал мужчина.

Остальные приказы генерала эхом звенели у Арина в ушах, когда он блокировал лавину клинков валорианских наездников. Арьберггард, сомкнутые ряды.

Рука Арина, державшая меч, ныла от напряжения.

Лучники — взгляд на холмы. Пушки — наготове.

Он выронил кинжал из левой руки, подцепил пальцами броню на ноге валорианца и дёрнул её.

Нападающие, защищаются.

Валорианец повалился с коня.

Меч вонзился упавшему мужчине прямо в горло. Его крик быстро сменился булькающими звуками, а через мгновение мужчина и вовсе затих.

Генерал не дал себя одурачить. Он понял, что это была не какая-нибудь там потасовка. Он повёл свой отряд обратно и позволил Арину с сотоварищами проникнуть внутрь его строя, чтобы затем сомкнуть ряды и приготовиться к обороне.

Конь сдвинулся, открывая проход между Арином и генералом.

«О, да», — промурлыкал бог Арина.

А потом шум сражения перекрыл режущий слух треск. И Арин не сразу понял, что это было, пока треск не заполнил воздух.

* * *

Деревья застонали, подались вперед и ударились о землю. Большинство осталось лежать там, где упало, но некоторые покатались вниз по холму, к дороге. Они набирали скорость, врезались в валуны и стволы других деревьев. Иные летели подобно копьё, прорубая листовенные верхушки, ничем не сдерживаемые, или встречая препятствие, летели по диагонали, врезаясь в левый фланг валорианской армии. Стволы сокрушали мужчин и женщин, прорезая себе дорогу к средним рядам.

Воздух звенел от треска, ударов и людских криков. Но тишину Кестрел было слышать ещё страшнее, когда эхо звуков сходило на нет.

— Залп товсь, — скомандовала она пушкарям. — Цельтесь в средние ряды. Ваша цель — лучники. Удар по нападающим. Удар по всем, кто вблизи пушки. Пробейте прореху вокруг повозок.

Ни один мускул на лицах пушкарей не дрогнул от страха. Их позиция была преимущественно безопасна, вне досягаемости валорианских лучников. А вот пушки могли стать проблемой, но армия внизу всё ещё пыталась распрячь коней, везущих повозки с оружием, и выгрузить боеприпасы из телег. Кестрел собиралась им помешать.

— Спички, — сказала она.

Солдаты чиркнули спичками.

— Поджигай.

Короткие фитили загорелись.

— Цельсь.

* * *

Воздух разрезали пушечные ядра. Арин услышал то, что не смог видеть: песню металла, скользившего в пространстве. Железные ядра, каждое из которых было не больше среднего камня, градом полетели вниз. Они врезались в металл. Звенели при соприкосновении о камень. Врезались в плоть.

Гортанные крики. Арин увидел, как посерело лицо генерала. Между Арином и генералом лежали туши лошадей, бьющихся в агонии. Они пытались подняться, но тут же падали. Бедные животные старались поднять шею, но, терпя неудачу, сразу же плюхались головой о землю. Правда, два ряда обескураженных валорианцев, в чьих глазах читался страх, которого там не должно было быть, пытались удержать линию фронта.

Арин продирался вперед.

Ещё один залп.

Вдали за армией валорианцев послышался новый звук. Быстрый топот копыт. Звук ещё одного столкновения. На арьергард, должно быть, обрушился отряд Рошара.

Генерал прокричал что-то нечленораздельное. Валорианский отряд закачался из стороны в сторону, казалось, готовый отступить.

А потом из центральных рядов грянул пушечный выстрел, а следом ещё один.

Мир стал слишком громким для Арина, чтобы понять всё, что он слышал, и слишком быстрым, что успевать следить за действиями своего тела.

У него во рту была кровь. Руки были скользкими. Мышцы, по-прежнему полные сил, наконец-то ощутили свободу.

* * *

Пушечное ядро врезалось в холм неподалеку от пушкарей. Кестрел почувствовала, как земля под ногами содрогнулась, будто от землетрясения. Ветви дерева сиррин задрожали.

— Заряжай, — велела она пушкарям.

Но, несмотря на обстрел из пушек, невзирая на атаку с трех фронтов, валорианская армия не впала в панику и не сдалась. Арьергард противостоял атаке Рошара. Валорианская армия, бывшая в тысячи крат сильнее своего противника, разделилась на три части: передний участок фронта, средний и тыл. Но отряд Арина, и Кестрел это было прекрасно видно, не мог пробиться сквозь арьергард к центру. Оборона арьергарда оказалась лучше, чем она надеялась. И Рошар не добился значительных успехов.

Даже разделившись, валорианцы рано или поздно смогут их подавить. Единственный способ обезвредить врага на долгое время — уничтожить его боеприпасы. Но оружие Арина, хотя оно и было смертельно опасным, не было достаточно точным. Они не смогли открыть дорогу Арину или Рошару, чтобы те сумели добраться до повозок.

Мучительное беспокойство костлявой рукой вцепилось ей в сердце. Рошар, размышляла она, достаточно благоразумен, чтобы в случае необходимости отступить. Но вот в Арине она не была настолько уверена. Кестрел подумала, что если у неё не получится добыть победу в этом сражении, то он будет сражаться до конца, чего бы ему это не стоило.

«Есть простое решение», — раздался шепот отца у неё в голове. Кестрел не знала,

воспоминание ли это или только её воображение. «Если можешь — действуй».

Она бросила взгляд на деревья сиррин. Их сок так и сочился из стволов.

Кестрел слышала шлепок — железный шар упал в пушечный канал; сухой шелест — пушкари засыпали чёрный порох. Когда пушки были перезаряжены, Кестрел дрожащими руками убрала свою косу под кожаный шлем. Она ничего не могла поделать с очевидной принадлежностью своих доспехов валорианской армии. Она вспомнила, что сомневалась в том, хочет ли, чтобы отец её увидел. По телу девушки пробежала дрожь.

Нет. Он её не увидит. Ни за что. Что бы ни случилось, она не хотела быть узнанной. Девушка зачерпнула горсть лесной земли и натерла ею лицо.

Кестрел осознала, что негромкие звуки перезарядки орудий прекратились, уступив место глухому рокоту битвы внизу. Стрелки, подобно ей, присели на корточки и посмотрели на девушку.

Она выпрямилась:

— Есть среди вас настоящие храбрецы?

* * *

Передние ряды валорианцев изменили тактику. Теперь они наступали, оттесняя Арина с сотоварищами.

Чья-то рука схватила Арина за предплечье и оттащила с дороги копыт лошади. Он повернулся.

Никого.

Тела и кровь. Но помимо этого... пугающая энергия, клокочущая у него в жилах. Неожиданно раздался резкий протяжный звук, от которого у Арина все сжалось внутри, но он успел защититься, как раз вовремя, прежде чем крошечный кинжал смог пронзить его горло.

* * *

Когда пушкари отстрелялись, Кестрел срезала своим кинжалом оставшиеся веревки, привязанные к вбитым в землю кольшкам. Девушка собрала с земли сухие веточки. Обернув руки широкими листьями, она наломала молодые ветви дерева сиррин. Осторожно, чтобы кожа не соприкоснулась с огнеопасной смолой, она сложила их вместе вокруг сухих веточек и обмотала куском верёвки. Свободной рукой обвязала получившийся пучок другой верёвкой. Затем она поднесла самодельный факел к истекающему смолой стволу сиррин, давая пропитаться им кончику торчащей верёвки.

— Вот так, — объяснила она, что нужно делать, присоединившейся к ней четверке. Когда у каждого из них в руке было по факелу, и они забрали спички у пушкарей, Кестрел сказала: — Факел можно будет поднять в вертикальное положение перед самым поджогом, иначе древесный сок зальёт вам руки и ваша кожа загорится вместе с древесиной. — Девушка велела пушкарям произвести ещё два залпа, а потом прекратить огонь.

Она и ещё четыре солдата побежали вниз по склону.

* * *

Арин увернулся от маленького кинжала. Иглы. Ему было знакомо это оружие. Иглы представляли собой набор из шести ножей.

Следующий он поймал уже рукой, отшвырнув кинжал от своего лица. Игла ужалила нижнюю часть его предплечья, где броня застегивалась на пряжку.

Затем, то ли нападавшему надоело стрелять по цели издалека, то ли в игру вступил ещё один противник, и руку Арина пронзила боль. В него врезался чей-то меч, сумевший выбить

оружие из рук.

* * *

Кестрел бежала по шрамам, оставленным поваленными деревьями в лесу. Она скользила вниз по крутому склону, четвёрка солдат за ней. Раздался залп. Валорианские пушки ухнули в ответ. В деревья врезалось пушечное ядро, те надломились, раздался треск. Воздух наполнился свистом пролетающих мимо веток.

В Кестрел чуть не угодил обломок древесины. Не на шутку испугавшись, она споткнулась и облилась соком факела, попавшего ей на броню, закрывающую грудь. Но девушка прокричала, что есть сил: «Вперёд!» Они уже почти добежали до дороги.

Прогремел второй залп. Кестрел остановила четверых солдат на краю леса, прямо у самой дороги. Всмотриваясь сквозь листья, она увидела, что изобретение Арина убило достаточно солдат на этом фланге, и в рядах валорианцев появилось много брешей. Она заметила повозку, в которой, должно быть, держали черный порошок. Из неё вынырнул валорианец, неся в руках пушечное ядро.

— Не та повозка, — сказала она четверке. — Я возьму на себя повозку рядом. Каждый из вас тоже выберет себе по повозке. Готовы?

Пальцы Кестрел дрожали, когда она открыла спичечный коробок.

«Командир никогда не показывает своего страха», — наставлял её когда-то отец.

Кестрел удалось взять себя в руки, унять дрожь и поджечь спичку.

Они подожгли свои факелы.

* * *

Арин увернулся от очередного взмаха валорианского меча. Он вытащил Иглу из руки, тело обожгло болью. Арин мельком бросил взгляд на нападающего. Быстрый и худощавый.

Валорианец вновь бросился в бой.

* * *

«Просто брось его и беги, — велела себе Кестрел. — Брось и беги».

Она выскочила из леса. Её сапоги ударились о камень брусчатки.

Над головой Кестрел пролетел арбалетный болт. Другой врезался в геранского солдата, бежавшего рядом с ней. Тот обмяк и упал.

Одна из их четверки, дакранская женщина, подхватила его факел с земли и бросила в ближайшую повозку. Брезент мгновенно охватило пламя.

Кестрел продолжала бежать. Она не видела, что та женщина сделала со вторым факелом, но услышала оглушительный крик боли и визг восточного проклятья. Кестрел поняла только одно слово: огонь. Сок сиррин, мелькнула мысль у Кестрел. Может быть, он успел стечь женщине на руку. Может быть, дакранка сгорела заживо.

Кестрел заставила себя бежать быстрее. Валорианские солдаты теперь были рассредоточены, хаотично разбросаны, отрезаны от генерала.

Она слышала треск огня следующего подожженного брезента. Девушка бежала к своей цели зигзагообразно. «Никакого бега по прямой, если придется бежать, — наставлял когда-то её отец. — В противном случае, ты станешь слишком лёгкой мишенью».

И всё равно её подстрелили. Стрела ударила прямо в грудь.

* * *

Когда меч вновь обрушился на него, Арин уклонился от удара и схватил руку, держащую эфес. Сильно сжал её. Почувствовал, как захрустели костяшки пальцев. Звук ломающихся костей и крик боли затерялись на фоне остальных криков и других звуков сражения. Иглой в

левой руке Арин пронзил запястье валорианца и увидел, как лезвие, вышедшее с другой стороны, окрасилось красным. Арин вырвал меч у противника и зарезал им валорианца.

* * *

Кестрел пошатнулась, но не упала. Стрела не пробила броню.

Она почти достигла своей цели. Сердце бешено колотилось в груди, когда она взглянула на свой факел. Сок проложил себе дорогу тонкой струйкой голубого пламени к березовой ветке. Её пальцы были горячими. Кестрел бросила факел в брюхо повозки.

А потом она резко развернулась и побежала к деревьям. Ноги отяжелели и едва слушались. Она почувствовала, как рана на бедре открылась и начала кровоточить. Девушка что есть мочи выкрикивала имена четырех солдат, призывая их убежать. Она звала их на двух языках, а потом ещё и на третьем. Она кричала даже валорианцам, чтобы те убежали куда подальше, потому что повозка, что она подожгла, уже разгорелась, и она стояла рядом с той, в которой держали чёрный порох.

Ветерок обдувал её потную кожу. А потом порыв ветра и...

* * *

Взрыв сотряс землю. Каменная дорога заходила ходуном под подошвами сапог Арина. Языки пламени, разлившиеся в центральной части валорианской армии, переливались оттенками оранжевого и красного в воздухе, напоенном солнечным светом.

Протрубил валорианский рог. Звук протяжно затих... слишком прекрасный для войны, подумал Арин.

«Перестань думать, — велел бог. — Немедля отступай. В сторону. К деревьям».

Неожиданно пространство вокруг Арина засветилось.

— Рано, — пробормотал он.

«Они собираются наступать этой дорогой, двинутся прямо к тебе и к каждому солдату, за которого ты несёшь ответственность. Отступай. Сейчас же».

«Но генерал», — подумал Арин.

Бог пожал плечами.

«Это твоя жизнь».

«Неужели тебе и правда дорога моя жизнь?»

Смех.

Арин дал сигнал к отступлению.

* * *

Из-за деревьев на холме Арин и то, что осталось от его отряда, смотрели, как бегут валорианцы. Они стремглав уносили ноги (по крайней мере, те, кто мог) вверх по дороге. Арьергарду, зажатому между огнём и Рошаром, деваться было некуда.

Глава 29

Позже Арин узнал, что Рошар, в конечном итоге, и сам протрубил отбой. Да, валорианская армия оказалась в ловушке огня, но их количество всё-таки перевесило отряд Рошара. Отчаяние и отличная подготовка валорианцев сделали своё дело.

— У меня нет особого желания умирать, — сказал Рошар Арину, когда он перегруппировал свой отряд вместе с его солдатами на вершине холма, где стояли канониры. Вражеская армия бежала. Дорога догорала.

Когда Кестрел вышла из-за деревьев со сломанным древком стрелы в доспехе, с выпачканным лицом, но белым, вокруг широко распахнутых глаз, Арин схватил её в объятия и выдохнул с облегчением. От неё пахло дымом. Доспехи были липкими из-за сока сиррин.

Он догадался, что она сделала, и его тело пробила дрожь, несмотря на то, что сейчас она была в безопасности. Арин отстранился и увидел, что испачкал Кестрел кровью. Кровавые следы. Даже на щеке. Он увидел, как Кестрел его рассматривала. Ему не хотелось даже думать о том, как он выглядит.

— Твой отец жив, — сказал Арин, прекрасно понимая, что не то нужно было говорить, но в то же время уверенный, что именно это и нужно было сказать. Её глаза потемнели от волнения.

Позже, после того как огонь весь выгорел, и дорога превратилась в обугленные руины, заваленные трупами, солдаты Рошара начали выискивать всё, что осталось, а Арин помог поймать лошадей, оставшихся без наездников, Кестрел наконец заговорила:

— Он восполнит потери. — Её голос прозвучал бесстрастно. — Империи не хватает чёрного пороха. Он, скорее всего, вернется на Итрию, чтобы восполнить запасы, но в следующий раз его удар будет во сто крат сильнее.

Они погрузили чужое довольствие и своих раненых в телеги, и армия отправилась в дорогу, чтобы воссоединиться с остатками войск, ожидавших их в Эрилит.

* * *

Арин подошёл к Рошару, разводившему костёр рядом с поместьем Эрилит, на лугу, где они разбили лагерь в прошлый раз. Солнце только что село. Воздух был всё ещё тяжелым и тёплым, наполненным медовым светом.

Рошар закурил. Он был в дурном настроении с тех пор, как они оставили обуглившуюся дорогу. Арин напомнил ему, что битва завершилась их победой, на что Рошар желчно ответил:

— Знаю.

Арин подогрел себе лепешки над огнем. Мягкий хлеб во время военной кампании казался сродни чуду. Он оторвал маленький кусочек и медленно разжевал его. Рошар взглянул на Арину, фыркнул, но ничего не сказал, чем очень разочаровал друга. Арин надеялся спровоцировать принца, взяв его еду.

Мимо костра, почти рядом с ними, прошёл геранский солдат, однако Арин еще раньше обратил внимание, что глаза этого мужчины были подведены оранжевым, на манер дакранца.

— Как мило, — прокомментировал Арин поступок своих подчинённых.

Принц подавился дымом. Когда Рошар откашлялся, Арин спросил:

— Солдаты проявили этим неуважение?

— О нет, — сказал Рошар, не ехидно, но с укором, и Арин понял, что, похоже, он пока не уловил сути. — Это мило.

— Объясни.

— Я не милый.

Арин сдвинул брови.

— Верно, но мы и не о тебе говорим.

— А должны бы. Мы всегда должны говорить только обо мне.

Арину захотелось, чтобы Рошар не делал этого, не пошёл на поводу у ложной спеси, словно это была траурная одежда, напяленная в шутку. Он открыл было рот, чтобы сказать об этом, но обратив внимание, что Рошар выглядел искренне обеспокоенным, спросил:

— В чём дело?

Рошар в ответ спросил:

— Помнишь, как ты напал на меня в моём городе, на глазах у королевской стражи?

— Справедливости ради замечу, что ты меня опоил и связал.

— И помнишь, какое ты понёс за это наказание?

— Не понимаю, как это связано с подводкой глаз?

— Потому что ты не понимаешь, в чём состоит твоё наказание.

— Королева велела тебе выбрать мне наказание, но ты этого так и не сделал, — встревоженно заметил Арин.

— Тот разговор с моей сестрой проходил на дакранском, на котором ты тогда не говорил... ведь так?

— Не говорил.

— Я был твоим переводчиком. Я тебя предупредил, что тебе только и остается надеяться, что я не лгу.

— А ты лгал?

— Давай назовём это вольным переводом.

— Рошар.

— Тогда это не казалось важным. Разве тебя волновали тонкости дакранских законов?

Да и ты ничего не стоил.

— Что именно ты сказал королеве?

— Что твоя жизнь принадлежит мне.

Арин, чья жизнь уже успела попринадлежать разным людям, почувствовал, как его лёгкие сжались.

— Поэтому, — сказал Рошар, — у меня было... есть... право решать, как тебя наказать, и убить, если захочу. По нашим законам я даже могу забрать себе все, что принадлежит тебе.

— Мы не в Дакре. Твои законы здесь не имеют силы.

— Мои солдаты с тобой не согласились бы.

— Чего ты хочешь? — спросил Арин уже тоном выше. — Мой дом?

— Речь идёт не только о том, чего я хочу или не хочу. Но, если мы выиграем эту войну, тебе достанется стоящая награда, которую стоило ждать.

Арин понял, о чём говорил Рошар.

— Эта страна не будет моей.

— О, Арин. Да я тебя умоляю.

Арин погрузился в молчание. Костер постепенно затух. Вокруг них сгустились тени.

— Что ставит мою сестру в довольно интересное положение, — продолжил Рошар. — Это было публичное заявление. Которое она, очевидно, не продумала, хотя я буду честен и скажу, когда ты сошел на наш берег, то не стоил ни гроша. Для неё твоя жизнь не стоила ничего, поэтому она предложила её мне. Это было сделано только ради разнообразия подковёрных игр. И теперь всё, что твоё — моё. Несмотря на ужасно холодную погоду, Геран отличный трофей: богатая и плодородная страна. Хороший буфер между Дакрой и империей. У моей сестры есть несколько вариантов, в зависимости от того, как эта война закончится. Если победим империю, мы сможем захватить Геран силой, что не составит больших хлопот, если бы не тот факт, что она отберёт у меня страну, считающуюся по закону моей. Так уж вышло, что я популярен среди своего народа. Есть и другой вариант: она может попросить меня подарить ей Геран.

— Ты этого не сделаешь.

— Потому что мы с тобой друзья? Как трогательно. И наивно. Вот, собственно, что мне

в тебе нравится. Ты порой бываешь таким очаровашкой.

— Я никогда не позволю тебе это сделать. Тебе придётся убить меня.

— Да, маленький геранец, мне это известно. — Рошар отложил трубку в сторону. Он потёр, словно очищая их, а потом посмотрел на свои пустые ладони.

Арин больше не злился.

— Ты этого не сделаешь, — повторил он, — иначе ты бы не стал мне ничего рассказывать.

— Мне тоже хочется так думать, но мы говорим о том же самом человеке, который сознательно позволил своему врагу взять в заложники младшую сестру. Что ты на это скажешь? Что все мы делаем трудный выбор? Что нам всем есть о чём сожалеть? Предаем лучшее, что в нас есть? Да, всё именно так. Я не один месяц хотел сказать тебе и не сказал.

— А что, как ты думаешь, случится, проиграй мы?

— Как правило, я не думаю. Как правило, сестрёнка думает и говорит мне что делать. Меня вполне устраивает роль ведомого.

— Ты никогда не говоришь, что на самом деле думаешь.

Рошар посмотрел Арину прямо в глаза.

— Если мы проиграем, то я заберу тебя домой.

— В твой дом?

— В мой — твой.

— Невозможно.

Рошар вздохнул.

— Что ж, как и множество иных вещей.

— Твоя сестра... — Арин покраснел.

— Ах, ты об этом...

— Так речь об этом?

— Ну, это, как я понимаю, случилось ещё тогда, когда ты был всего лишь оборванным иноземцем, нарушившим наши границы и не имеющим никакой важности. Конечно, — Рошар бросил на него косой взгляд, — тебе присуще определенное очарование. Теперь ты уже почти положил конец этому... в общем, ну, я не знаю... мне кажется, будь я тобой, то не стал бы. Твоя страна всегда может быть возвращена тебе в качестве свадебного подарка.

Арин разочаровано вздохнул.

— Возможно, было бы лучше для тебя, чтобы ты не был таким принципиальным во всём. — Рошар набил еще табаком трубку. — А для меня, возможно, было бы лучше, как раз быть принципиальнее.

— Тебе известны мои чувства. Ты знаешь, за что я борюсь.

Рошар приподнял одну бровь.

— Не то слово.

Глава 30

Кестрел остановилась возле принца, который нежился на солнышке, лежа на траве посреди лагеря. Редко можно было увидеть его лицо таким расслабленным. Солнечные лучи открыто демонстрировали, как утолщалась рубцовая ткань шрама над верхней губой и на кончике носа.

Девушка знала, что он не спит.

— Ленишься, — обвинительным тоном сказала она.

— Именно так я всегда выгляжу, когда что-то замышляю.

— Ни один из валорианских командиров не позволил бы солдатам увидеть его таким.

— Это такая тактика.

Кестрел фыркнула.

— Точно тебе говорю. — Его глаза были всё ещё закрыты. — А разве ты не собираешься спросить, в чём именно она заключается?

Кестрел ткнула его носком ботинка. Рошар потянулся, как кот, и, казалось, собрался было встать, но его рука неожиданно схватила девушку за лодыжку и сильно дёрнула. Кестрел приземлилась на ягодицы.

— О да. — Чёрные глаза Рошара сверкнули, в то время как она чертыхнулась. — Virtuозный план. Просто божественный.

Кестрел пнула его.

— Ой. Прекрасная леди, не хочешь услышать мой план? Он неподражаем. Вот он: я жду.

— Пока весь покроешься загаром.

— Жду, когда ты расскажешь мне, что делать дальше.

И она сказала ему, что именно ему следует сделать.

— Каков слог. Ты этому у Арина набралась? Прекрати пинаться, привиденьице. Мы же на виду у всего лагеря. Разве не ты мне всю плешь проела про блюдение чести? Как я смогу заставить рядовых уважать себя, если ты пинаешь меня на глазах у всех? Вот. Ну правда. Взгляни на моё абсолютно серьёзное лицо. Что мне дальше делать? Но важнее всего, что будет делать твой отец?

Кестрел замерла.

— Мы должны действовать, — сказал принц.

* * *

Лерален. Кестрел знала, что валорианцы не смогли вторгнуться и пройти через пляж. Она знала, насколько гладким будет ландшафт от пляжа до геранской столицы.

Её отец сказал бы, что если победа достается медленно, то её всё труднее ухватить.

Должно быть, его покорило собственное поражение на южной дороге. Каким образом он сможет нанести наибольший урон им в отместку? Он мог бы выцарапать победу, перегруппировав свои силы на пляже Лерален с подавляющей численностью армии, с бесчисленным количеством пушек и солдат. Эта победа будет дорогого стоить. Но если он своё возьмёт, то это приведёт к быстрому захвату города.

Кестрел посоветовала Рошару расквартировать солдат в поместье Эрилит, чтобы удержать то, что у них получилось защитить, и переместить часть своей армии, чтобы усилить войско дакранцев, дислоцирующихся на пляже.

Когда она оседлала Джавелина и натянула подпруги, её живот предательски свело от беспокойства. Ей не о чем было беспокоиться.

И всё же, что такого мог предпринять генерал, чего не могла она? Она ведь изучала азы военной премудрости с младых ногтей, буквально сидя у отца на коленях. Разве не его голос преследовал её? Кестрел подумала о своих воспоминаниях (или воображении), которые подсказывали ей советы.

Ей не нравилась его правота. Как она прислушивалась к нему. И девушка задумалась, а есть ли разница между тем, как она прислушивается к голосу отца, и тем, как Арин внимает своему богу.

* * *

По мере того как войско продвигалось глубже на запад, холмистый рельеф местности

начал сглаживаться. Теперь под ногами лежал песчаник.

Кестрел заметила, как геранцы взяли Арина в кольцо и ехали с ним в самой середине отряда. Они засыпали его вопросами насчёт странного аллюра его коня. Или вдруг в воздухе повисал не до конца рассказанный анекдот и попутчики поддразнивали юношу: закончи его Арин, ну что же ты... не можешь, что ли? Иногда возникал вопрос: а точно ли Арин уверен, что не имеет никакого отношения к геранской королевской семье? Такие вопросы нервировали Арина. Цель этой уловки была так очевидна: втянуть его в разговор, вынудить опровергать любые домыслы, чтобы он подольше оставался в их компании.

Когда Арин позволил своему коню чуть отстать, чтобы ехать вместе с геранцами, Кестрел перехватила скользкий взгляд Рошара. Задумчивый. Мрачный. Странную комбинацию удовлетворённости и неудовольствия.

Кестрел сказала:

— Мне казалось, ты хотел, чтобы они полюбили его.

Рошар бросил взгляд через плечо на Арина, едущего в средних рядах.

Они ехали какое-то время в тишине, под суровым синим небом, а потом Кестрел произнесла:

— В тундре у Арина было кольцо с камнем. Ты его дал?

— Никогда ничего не одалживай этому мальчишке. Арин такой безалаберный. Он его потерял.

— Оно помогало людям уснуть.

— Да.

— А та белая жидкость, вызывающая онемение... она тоже с востока? Мазь и жидкость сделаны из одного и того же вещества?

— Только поглядите, ну что за наблюдательное привиденьице. Да, Кестрел. Жидкость в кольце и мазь содержат различное количество эссенции из ядовитых червей с наших равнин. Если совсем немного добавить эссенции и смешать с мазью, то она обезболит кожу. Чуть большее количество поможет уснуть. Еще большее? Ты увидишь богиню и останешься с ней жить навсегда.

— А почему ты не смочил арбалетные стрелы этим ядом? Я помню, как отец жаловался на отравленные стрелы, которые использовал восточный народ с равнин.

— Увы, мы далеко от равнин и мои запасы очень ограничены. — Он, прищурившись, посмотрел на солнце. — А почему ты спрашиваешь?

Кестрел промолчала.

Принц сказал:

— Не о стрелах ты думаешь.

— Иногда у меня проблемы со сном.

— На тот случай, если моя аллегория была недостаточно ясна: встреча с богиней — означает смерть. При очень большой концентрации можно умереть от простого прикосновения к яду, даже если тот высох.

— Я буду осторожна.

Рошар проехал вперед и преградил конем дорогу Кестрел. Джавелин фыркнул и остановился.

Принц сказал:

— Мой ответ — нет.

И добавил:

— Ты тут не единственная страдающая.

И ещё:

— Учись у нас — мы же как-то справляемся.

Рошар пришпорил коня и проехал вперед.

Кестрел посмотрела на свободную дорогу. Небо разрезала одинокая чёрная птица, подобно трещине на синей гладкой поверхности. Она подумала о белой мази в своей седельной сумке, о пропавшем кольце и о своем сильном желании выспаться, без сновидений. «Во сне ничто не может причинить тебе вред», — говорил отец. Это был ещё один способ сказать, что в жизни всё иначе. Но будучи ребёнком, она этого не поняла. Но Кестрел вспомнила, как ей тогда стало спокойнее от слов отца, и как она чувствовала себя.

Той ночью в своей палатке, в полном одиночестве, она думала о жестоком холоде тундры. Как сера крошилась в её руках. Вспоминала, как впадала в панику, когда обнаруживала в памяти белые пятна. О вечерней дозе наркотика: густой и приятной на вкус. О страхе умереть вдали от дома. О том, что некому будет её оплакивать. Тоска пробрала её до самых костей.

Это было на самом деле. Да и никуда не делось.

Но это не всё, кем она была.

Кестрел задула походную лампу. В темноте она вспоминала дорогу, своё путешествие в облаках пыли.

«Мы же как-то справляемся».

Она будет держаться.

Кестрел крепко спала той ночью. После, ей иногда еще хотелось принять на ночь тот наркотик, но у него уже не осталось над ней такой власти.

* * *

Край заполонила пшеница. Тёмно-золотое поле тихо шелестело колосьями на ветру. Стебли гнулись под тяжестью зерна.

Вдали геранцы собирали урожай. Они были слишком стары или слишком молоды, чтобы воевать. Другие поля стояли заброшенными. Кестрел заметила фермы с пустыми курятниками, пропахшими сгнившей соломой. Животных либо убили, либо увели подальше. Плетёная корзина за несколько месяцев превратилась в колючее гнездо. Когда кто-то попытался её взять, ручка оторвалась.

Фермы нервировали Кестрел. Она могла бы списать это на запустение строений; на то, что большое количество пшеницы останется гнить на стеблях, но дело было не в этом. Её нервировали сами строения. Редкие геранские виллы с колоннами и зубчатыми арками. С мерцающими стеклянными крышами атриумов. Наиболее распространенные: роскошные и новые валорианские дворцы, широко раскинутые, с плоскими торцами.

Жилища рабов выгорели на солнце. Краска облезла и скрутилась длинными кудрями, подобно яблочной кожуре. Кестрел заметила, что возле жилища рабов на каждой ферме стоял маленький домик. К горлу подступила дурнота. Сначала, когда девушка отправилась вместе с солдатами за продовольствием для армии, она не поняла что это за строение, для чего оно. У отца в их имении в Геране ничего подобного не было.

Как-то раз Кестрел заметила, как Арин смотрел на такой домик. Его взгляд был напряжённым, а выражение лица мрачным.

А потом она вспомнила, что эти дома были выстроены для детей. Неприятное воспоминание вернулось нехотя, медленно. Ей пришлось напрячься, чтобы выудить его из

недр памяти. Когда же ей это удалось, девушка поняла, что лучше бы она никогда этого не знала.

Это было обычной практикой, как только малыша отлучали от груди, его забирали у матери-рабыни и продавали на соседнюю ферму. Мудрость валорианцев гласила — в противном случае ребёнок будет отвлекать мать от работы. А тем временем её хозяин купит ещё детей с других ферм. Дети вскоре забывали своих родителей, и считалось, что только их хозяин имеет право претендовать на них. Малыши жили вот в таких маленьких домишках, где их растили пожилые рабы. Сейчас таким детям должно было быть в среднем около десяти лет.

Это было широко распространено в сельской местности. В городе такие случаи встречались далеко не часто. Некоторые феодалы гордились тем, что позволяют своим рабам самим растить собственных детей. Кестрел однажды довелось видеть, как валорианская дама сюсюкалась с геранским малышом. Девчушка дрожала, стоя посреди гостиной. Кестрел, пришедшая на чай, не сразу заметила мать малышки, а потом проследовала взглядом за ребёнком и увидела мать в форме, которая стояла и ждала в тени алькова.

Отец Кестрел ясно дал понять, что в его доме не будет детей-рабов. Если те и рождались, то их довольно быстро продавали. Но никогда не покупали.

Любой такой маленький домик на каждой ферме был ужасен. Прежде — в течение многих лет — она позволяла своему разуму спокойно отгораживаться от этого, Кестрел будто помещала в кокон эту несправедливость и прочие неправильности, что происходили ежедневно. Так была устроена жизнь. Но не её жизнь.

И её, порой не соглашался беспощадный внутренний голос.

Не её.

Её.

Слова немедленно отозвались эхом, вторя ритму копыт Джавелина.

Сейчас Кестрел могла сказать, что поняла — жизнь не существует сама по себе, это еще и жизни других людей. А зло нельзя поместить в кокон, запечатать и убрать подальше. Она поняла, что неправильно игнорировать неправильные вещи. Но ещё она поняла, правда состояла в том, что осознать это нужно было давным-давно.

* * *

Небо искрилось от звёзд. Кестрел нашла Арина рядом с костром. Он, щурясь, занимался переделкой чужого кожаного доспеха. Прилаживал отвалившуюся пряжку.

— Ты хорошо видишь в темноте? — Кестрел осталась стоять.

— Нет. — Арин проткнул шилом полоску кожи. — Но днём на это не было времени. — Армия что есть сил продвигалась на запад, хотя и не так быстро, как бы Кестрел того хотелось. Рошар возражал против марш-броска. «Уставший солдат — проигранная война», — любил говаривать её отец.

Кестрел запрокинула голову. Ночь сияла.

— Как сделать зеркало?

— Тебе нужно зеркало? — с удивлением спросил Арин.

— Нет. Меня интересует только процесс его изготовления.

— Тебе нужно покрыть серебром стекло, но я таким никогда не занимался.

Она повернулась, сделав полукруг, чтобы взглянуть на созвездия на западе. Из-под сапог заструился аромат смятых трав.

— Когда-то давно люди, должно быть, пользовались отполированным металлом.

— Наверное.

— Или мисками с водой. Небо похоже на зеркало, если бы зеркало было миской с чёрной водой.

Наступила тишина. Кестрел оторвалась от созерцания звёзд и посмотрела на Арина. Он отложил доспехи и вертел в руке шило. На его лице мелькали оранжевые и красные блики небольшого костерка.

— О чём ты думаешь? — тихо спросил он.

Кестрел не решалась сказать.

Он поднялся, чтобы встать рядом с девушкой.

— Арин, каково это было для тебя? Когда вас завоевали?

— Не уверен, что ты хочешь знать.

— Я хочу знать всё о тебе.

И он рассказал ей.

Казалось, даже звёзды прислушались к его рассказу.

* * *

Они оставили пашни далеко позади. Почва стала рыхлой. Пресная вода встречалась редко. Однако на пятый день своего путешествия из поместья Эрилит, им все же удалось найти ручей и наполнить бочки водой.

Кестрел заметила, как Рошар подошёл к Арину, когда тот чистил свою лошадь.

— Вот. — Принц что-то вручил ему. — Сделай нам всем одолжение. Ты ужасно грязный. — Рошар оглядел его с головы до пят. — По-моему, у тебя ещё даже осталась засохшая кровь за ушами.

Это был кусок мыла. Арин выглядел слегка ошарашенным, словно он жил в мире, где мыла ещё не изобрели. Парень разломил мыло пополам и предложил одну часть Кестрел.

Мыло немного раскрошилось у неё в руке. Его аромат был приятно сладковатым. Кестрел так и стояла, вдыхая дар этого подарка дольше, чем следовало бы. Ей пришло в голову, что если она воспользуется им, как и Арин, то её кожа будет пахнуть в точности, как его.

Девушка аккуратно убрала мыло в седельную сумку, сунув между одеждой, чтобы не сломать.

* * *

— Пойдем со мной. — Арин. Глаза блестят. — Я хочу тебе показать кое-что.

Кестрел последовала за ним, не задав ни единого вопроса, хотя полуденный отдых уже подходил к концу. Они взяли своих лошадей.

Она то и дело поглядывала на Арина, пока они ехали по холму, поросшему травой. Он заметил это и, улыбнувшись, сказал:

— Секрет.

Казалось, его улыбка стала её улыбкой. И его секрет тоже. День выдался погожим: небо было похоже на сатин; ветер гонял в воздухе жёлтые крапинки пуха, застревавшие в гриве Джавелина. Она постаралась запомнить все детали, чтобы сохранить эту жемчужину света у себя в душе.

Они спешили у подножия холма. Кестрел заметила каменные ступени, поросшие травой и убегавшие вверх по склону. Ей пришло в голову, что весь холм, редкий для этой местности, мог быть рукотворным.

— Что это? — спросила девушка. Лестница, насколько она могла судить, вела в никуда. На вершине холма, как ей показалось, ничего не было.

Арин вынул жёлтое перышко из гривы Джавелина и убрал его девушке за ухо.

— Храм. По крайней мере, был когда-то.

Кестрел коснулась щекощущего ухо опахала перышка и провела, едва касаясь пальцем, по стебельку до колкого кончика. Она исследовала новое украшение, стараясь игнорировать удовольствие, которое он ей доставил этим неожиданным жестом.

— Это и есть твой секрет?

— Ты бы не стала спрашивать, если бы не догадалась, что это не так. — Арин озорно улыбнулся. — Пойдем, сама всё увидишь.

Ступеньки под ногами Кестрел были разбиты и шатались. Когда молодые люди добрались до вершины холма, девушка увидела нагромождения мрамора, который некогда служил храму фундаментом. Возможно, он был разрушен после завоевания; валорианцы сносили храмы, построенные геранцами во славу своих богов. Но эти развалины выглядели древними. Мрамор был белее самой белой кости. Резьбу, рисунки и узоры теперь было не разобрать. Они стерлись, их размыло со временем, будто сон после пробуждения.

— Здесь зелени больше, не так ли? — голос Арина прозвучал глухо. — В отличие от остальной местности.

— Да.

В укромных уголках разбитого мрамора птицы свили гнезда. За поваленную колонну юркнула ящерица. Это место одновременно казалось призрачным и полным жизни. Когда Арин встал в центр разрушенного храма и опустился на колени, Кестрел было подумала, что он собрался помолиться, но он просто убрал с пола растительность.

— Кое-что мне знакомо. — Арин был очень возбужден; он говорил быстро, глотая слова. Казалось, юноша не знал, поймёт ли Кестрел, о чём он говорил. — Но другие фрагменты... Я думал, что знаком со всеми мифами.

Кестрел подошла и присела на колени рядом с ним. Из-под плюща выглядывало искрящееся блеском лицо. Пораженная увиденным, она убрала растение прочь.

Это была мозаика. Весь пол, затянутый растениями, был выложен мозаикой. Кестрел убрала ладонями грязь. Мозаичный лик вспыхнул на солнце, явив миру изразцовые черты лица — гладкие и холодные. Мужчина (женщина?) широко раскинул крылья павлиньей расцветки. У образа была чешуйчатая кожа и красно-коричневые когти.

Кестрел убрала ещё больше плюща, обнажив великолепных мифических существ. Эмалевую змею с шестью хвостами. Лошадь из воды. Женщину, чьи волосы оказались свитками бумаги, исписанными символами, очень напоминающими геранский язык, но с таким количеством незнакомых Кестрел букв, что она не смогла прочесть текст. Некоторые создания лишь отдаленно напоминали людей. У кого-то глаза венчала одна бровь. У иных была фиолетовая кожа, отсутствовали руки и ноги. Из уст бога змеилась золотая лента.

Все они были богами. Они не могли быть ничем иным.

— Может, нам лучше вернуться, — сказал Арин, хотя он не это имел в виду. Слова неохотно слетали с его губ. Он послунил палец и потер плитку мозаики, не отрывая глаз от пола. Солнечные лучи запутались в его растрепанных волосах. Широкий клинок света разрезал переносицу, согрел шею и плечи. Арин передвинулся, и солнце полностью завладело его лицом.

Руки и ноги Кестрел были легки, словно преисполненные благоговейного страха. Её

кровь, казалось, превратилась в быстро несущуюся реку. Девушка ответила:

— Ещё рано, — и увидела, что его окатила внезапная волна счастья.

Она помогла ему убрать растения и обнажить перед небом всю мозаику.

Все осколки заняли свои места, собрались в образ когда-то утраченного мира. Юноша открывает его ей. Девушка видит искры и блики и понимает сейчас, что она чувствует. Она понимает, что чувствовала это уже давно.

Лазурит, переплавленное стекло, оникс и золото, ракушки и слоновая кость. Нефрит. Аквамарин. Кестрел едва могла различить соприкосновение плиток мозаик. Так они плавно перетекали одна в другую. Плиточка к плиточке. Она прижала ладонь к полу и представила этот образ, запечатленным на своей коже.

Позже Кестрел пожалела об упущенном тогда времени. Девушка пожалела, что ей не хватило смелости в то мгновение сказать Арину, что она наконец узнала правду: что она любила его всем сердцем.

Глава 31

Оставшийся день пути до пляжа Лерален Кестрел была необычайно тиха. Поначалу Арин решил, что в храме между ними зародилось нечто тонкое, нежное. Но после посещения храма она держалась от него на расстоянии, и Арин не мог понять, в чём причина. Он перебирал воспоминания о храме, о ней, горячих от солнца зелёных листьях, гладких плитках, скрытой под растениями мозаике, и как Кестрел тоже захотела её увидеть. Но он не мог найти ничего плохого. Хотя ошибка непременно случилась. Наверняка. И все же, ему хотелось уместить на ладони каждое мгновение каждого воспоминания этого дня, чтобы надёжно сохранить их, спрятать. Убрать куда-нибудь подальше в карман. Оставить их только себе.

Его напугал этот порыв. Он подозревал, что его могли подловить на этом как ребёнка, коллекционирующего сокровища, которые на деле оказывались совершенно бесценными: пуговица, речной гольщ, кусок лески.

Или жёлтое в крапинку перо. Ему безумно хотелось сберечь его. Ему было интересно, сохранила ли Кестрел это перо. Скорее всего, оно просто выпало из её волос, когда они спускались с холма, чтобы присоединиться к армии.

Степная трава шла рябью от ветра. Воздух запах солью. Они уже почти добрались до моря.

Когда войско остановилось, чтобы напоить лошадей из бочек, что они везли с собой в телегах с провизией (за два дня пути им не встретился ни один источник пресной воды), Арин нашёл Кестрел, чистящей своего коня. Она взглянула на него, а потом отвела глаза, её взгляд остановился на чём-то другом. Арину хотелось разобраться — дело было в нём или... тогда в чём? Что привлекло её внимание? Синее небо, разрезанное перистыми облаками? Вон та чайка, летящая наперерез ветру?.. отчего она казалась ещё меньше.

С продвижением на юг волосы девушки порыжели ещё сильнее. Её кожа стала цвета поджаренного хлеба. Длинные пальцы невзначай начали перебирать гриву Джевалина.

Это было не небо. И не чайка.

Арин попытался задать их общению непринужденный тон:

— Итак, стратег, каковы наши шансы? Или же мы идем напрямиком к своей смерти?

Уголки рта Кестрел приподнялись — знак признательности его усилиям смягчить ощущение тревоги, а также благодарность за то, что он спросил её об этом, пусть непринужденно, и выглядело это несколько странно. Но сработало. Кестрел уже твёрже

стояла на земле. И шелковистость конской гривы успокаивала.

Значит, дело не в битве.

Не в коне, не в тихом похрустывании песка под ногами. Это не касалось ни мест, ни событий.

Только его.

— Существуют три сценария развития событий, — сказала Кестрел. — Мы опоздали, и мой отец уже захватил пляж. Или мы прибыли в качестве подкрепления к битве, которая уже началась. Или мы прибываем до появления моего отца и ждем. — А потом добавила: — Разумеется, существует и четвёртый: что я ошиблась, он вообще не собирается сюда, а мы непоправимо переместили большую часть своих сил туда, куда не следовало.

— Нет четвёртого варианта.

Она покачала головой.

— Я могу ошибаться.

— И это тебя беспокоит?

— Даже если я права, и мы явимся ещё до прибытия валорианцев, это та ещё удача. Его позднее прибытие будет означать, что он пришёл с подкреплением. Усиленный подкреплением. Больше людей и больше пушек занимает больше времени для мобилизации. Но и победить их труднее.

Джавелин ткнулся носом в девичье плечо. Арин заметил, как она улыбнулась. Его охватило смиренное, давно забытое чувство, подобное ощущению при погружении в сон, или чувство облегчения от прощения.

— Я сказала отцу, что люблю его. — Слова Кестрел прозвучали резко. — Это было последнее, что я ему сказала.

Арин не смотрел на неё. Он не хотел видеть её лицо таким.

— Когда мы проезжали пашни, я увидела корзину. Она полностью деформировалась и совершенно пришла в негодность.

— Кестрел, ты не корзина.

— Мне кажется... — она осеклась.

Арин задумался, может ли существовать нечто такое, настолько тяжёлое, чтобы об этом рассказать, что невозможно даже объяснить, насколько это сложно.

— Не можешь сказать, о чём думаешь?

— Нет.

— Почему?

Она прошептала:

— Я в ужасе.

— Из-за сражения.

— Нет.

— Из-за отца?

Её голос прозвучал бесцветно:

— Это ему нужно меня бояться.

Арин не хотел отпускать свою навязчивую потребность в смерти генерала. Она пульсировала в нём. Но что если... Ах, если бы он не совершил ту ошибку с храмом, если бы Арин не сделал того, в чём не было необходимости, и, похоже, тем самым вынудив её стараться не попадаться ему на глаза то ли из-за страха мести Арина, то ли из-за её собственной...

— Кестрел. — Он решил спросить прямо, без обиняков. Ему претило юлить. — Ты хочешь его смерти?

Глаза девушки вспыхнули.

— Я не стану этого делать, — сказал он, — если ты не хочешь.

— Убей его, если сможешь. Мне всё равно. Он послал меня на смерть. И даже хуже.

Ненависть Арина тугим узлом связала его.

— Если я это сделаю, ты простишь меня?

— Ты так говоришь, будто жить ему или умереть зависит только от тебя.

— Так было обещано.

Она прищурилась.

— Твоим богом?

— Слов определенно прозвучало меньше.

Кестрел покачала головой.

— Пожалуйста, ответь на вопрос.

— Может, это будет моя рука, — сказала она, — мой меч.

— Мне нужно знать, каков твой выбор.

— Делай. — У неё на глаза навернулись слёзы. — Поклянись, что сделаешь.

Узел ослаб.

— Да, разумеется.

— Он изменил нас обоих. — Казалось, Кестрел с трудом подбирала слова. — Я задумываюсь о том, какой ты; обо всём, что ты потерял; каким ты был, каким ты был вынужден стать и каким мог быть, и я... я превратилась в такого... такого человека, который не в состоянии...

— Кестрел, — произнёс он нежно, — я люблю этого человека.

Но линия её тонкого рта лишь натянулась ещё сильнее. А лицо вновь излучало ауру страха.

Арин запутался пальцами в гриве Джавелина.

— Это я тебя беспокою.

— Нет, Арин. — Но её ответ прозвучал нерешительно.

Он подумал о том, что это означает: у отца Кестрел была её любовь, а он отверг её. Ему хотелось рассказать о порыве осознания, охватившем его, когда он убрал плющ с лица своего бога, и как это было похоже на то, как Кестрел смотрелась в чёрную воду, служившую ей зеркалом, а потом описала его Арину, когда они оба смотрели на ясное звёздное небо. Ему хотелось описать свою горькую радость, облегчение чувства своей обреченности, и какое значение имел для него бог: он будто вновь почувствовал себя сыном или братом. Он хотел предупредить её, сказать о том, что она ещё не до конца осознавала: каково это, больше не быть чьим-то ребёнком.

Кестрел спросила:

— Тебя страшит битва?

Это, по крайней мере, было сказано непринужденно.

— Нет, — с улыбкой на устах ответил он.

* * *

Пляж безмолвствовал.

Хотя, конечно, это не могло быть правдой, когда целый дакранский полк давно занял свою диспозицию на песках. Но Арина успокаивало отсутствие валорианских кораблей,

вставших на якорь, и парусов на горизонте, и, несмотря на предупреждение Кестрел, что это может привести лишь к усилению мощи нападавших, ему было радостно видеть пустой клочок земли, потемневший от дождя, утыканный палатками, наблюдать за приливом и отливом волн, любоваться камнями, поросшими зеленой тиной, смотреть, как чайки дерутся за крабов, которых добыли из морской пучины. На воде стоял штиль. Небо было гладким, без единой облачной морщинки. Шторм случился здесь накануне. Солёный воздух пах сыростью.

Люди Рошара были так рады появлению своего принца, что Арин засомневался в искренности дакранца, позиционирующего себя человеком, лишённым политических амбиций. У королевы была верность народа, а у Рошара — его любовь.

— Это безопасное время дня, — сказала Кестрел, а потом ударила пятками в бока коня и направила его в сторону выгоревшей травы на возвышенности, за которой, как сказали, тек ручей, снабжавший водой людей и лошадей.

Арин последовал за девушкой, понукая свою лошадь, чтобы та ехала вровень с конем Кестрел.

— Да, валорианцы появятся с приливом, — сказал он.

Кестрел выглядела немного ошарашенной, не из-за того, что он сказал, а что он вообще произнёс именно это, поняв, что её слова не были началом разговора, а всего лишь мыслью, которую она ненароком озвучила, глубоко задумавшись. Девушка не стала утруждать себя расспросами о том, как он понял, что именно это имелось в виду, вероятно, от того (предположила она), что преимущества прилива для вторгающейся армии были очевидны.

«Море быстро принесет их к берегу, — пробормотала смерть. — Пена будет белой-белой, она вынесет на берег корабли, чернозубые от бесчисленных пушек».

Арин посмотрел на Кестрел. Этот бой будет сильно отличаться от засады вдоль южной дороги. Безопасных мест нет — только открытая арена пляжа.

«Не смотри на неё, Арин. Смотри на меня. Ты встретишь их. Твоё сердце воспарит высоко и радостно. Что есть враг? Это выпад, мёртвое тело и следующий взмах твоего меча. Это простая дорога, которую ты прорубишь между собой и своими желаниями. Это путь ко мне».

Над лагерем поднялось облако зловония немых человеческих тел. Кестрел и Арин отъехали подальше, туда, где был только болотистый отлив, обнаженное подбрюшье моря, которое хорошо пахло.

«Ты можешь думать о ней, сколько тебе заблагорассудится, — прошептала смерть. — Но я единственная, кто с тобой останется».

Кестрел проехала ещё немного вперёд. Она повернулась, ловя взгляд Арина. Ему на щеку упала дождевая капля. Затылок.

«Ты мой. Я твоя. Разве не это правда, Арин?»

На её лице ничего нельзя было прочесть. Арину пришла на ум шкатулка, закрытая настолько плотно, что и шва не было видно.

Это правда.

* * *

Той ночью Арин стоял вместе с Кестрел и Рошаром на утёсах. Лунный свет ласкал море. Вода искрилась чёрным и белым. Луна посеребрила песок.

— Красота, — отпустил комментарий Рошар, — хотя она наводит меня на мысли о яде червей, высохшем до глянцевого блеска. — Он обратился к Кестрел: — Как пойдет бой, есть

соображения?

Арин ответил вместо девушки:

— Для обеих сторон это будет бой, в котором генерал расставит своих солдат таким образом, что страх смерти и трудности отступления не оставят им иного выбора — только неистово сражаться.

Рошар хладнокровно приподнял одну бровь. Он был готов сказать, что Арин напрасно драматизирует.

Но Кестрел кивнула.

* * *

Боевая тревога протрубила в полдень. Моросил дождик. Солнце где-то пряталось за облаками. На востоке горизонт заполонила гряда серых туч. А на море появился белесый ряд парусов.

* * *

Пушкари защищали фланг. Дакрано-геранская армия ждала, выстроившись клином, кавалерия стояла во главе обозлённой массы людей.

Выражение лица Кестрел было напряжённым, руки сжали вожжи так сильно, что костяшки пальцев побелели. Джавелин поднял и опустил одно копыто. Раздался приглушенный стук.

Это были плоские открытые валорианские лодки на воде, и счёт им был легион. Под завязку нагруженные лошадьми и пушками. Лодки плыли вперед, снявшись с корабля, ставшего на якорь. Весла поднимались и окунались в дождь.

Арин не мог слышать валорианских команд, они тонули во всплесках морской воды, но увидел, как солдаты начали заряжать пушки. Он мог практически слышать запах чёрного пороха. Мгновение, и он уже не сидел на коне с мечом наголо, а стоял на качающейся лодке, засыпал порошок и утрамбовывал его в заряде.

Они открыли огонь, ещё не высадившись на берег.

В Арине выросла мольба, натужно вздымаясь, словно явилась нежданно-негаданно, хотя, если бы он был к себе повнимательней раньше, то узнал бы всё, о чём просил в последнее мгновение, несмотря на свое обещание довериться ей.

Арин коснулся плеча Кестерл. Она вздрогнула от неожиданности с тем движением, что так хорошо ему было знакомо.

— Передумай, — попросил он. — Пожалуйста, вернись к утёсам.

— Нет.

Наконец он почувствовал страх, которым уже были заражены все остальные.

— Тогда держись поближе ко мне.

Что бы она ни собиралась ответить, это потонуло в первом же раздавшемся взрыве, разорвавшем мир на части.

Глава 32

Он не видел, куда упал первый снаряд, но слышал жуткий стук, который немедленно отозвался дрожащей землей у него под ногами. Ржание лошадей, крики людей. Где-то внутри левого фланга. Армия Рошара, открывая ответный огонь, в основном промахивалась, потому что невероятно сложно поразить движущуюся цель, да ещё и колышущуюся на волнах. Там, где снаряды падали в воду, в небо выстреливали гейзеры. Одно, промчавшееся мимо него ядро, ударило по лодке и разбило её в щепки. В море попадали лошади и люди.

Чёрный дым растекся по пляжу.

Первые валорианские лодки вытолкнули на берег. Солдаты выпрыгнули в море, вода была им по колени. Лошадей повели по пандусу на пляж. Пушки ждали своей очереди.

— Разбить их, — отдал приказ Рошар.

Его пушкари изрешетили первую волну валорианцев. Но на смену ей пришла вторая, а потом и третья, а там уже валорианцы выставили на позиции свои пушки, чтобы превратить вражеских пушкарей в дымящуюся, кричащую от боли груды тел и крови.

Лошадь Арина встала на дыбы. Он заставил её встать на все копыта, навалившись телом ей на спину. Он крепко прижался коленями к её бокам, предпочтя немного побороться и отвлечься от оглушающих звуков вокруг. Но даже после того, как Арин успокоил лошадь, он больше не был уверен, что та будет подчиняться его командам. А потом последовал негромкий звук, который он не должен был бы расслышать, — кто-то сглотнул.

Арин бросил взгляд на Кестрел. Джавелин — великолепный боевой конь, несокрушимый зверь — стоял неподвижно. У него не дрогнул ни один мускул. Но только не у неё. Кожа девушки обтянула скулы. Её глаза были слишком большими и бледными.

«Пожалуйста, — взмолился Арин, — даруй ей свою милость».

Его бог развеселился. «Если она не верит в меня, разве я могу поверить в неё?»

На берег высадился генерал. Арин его видел. Он понял, что и Кестрел его видит. С берега вглубь пляжа ринулось несколько колонн валорианцев.

Рошар приказал своему авангарду наступать.

Смерть вцепилась в шею Арина, как кошка хватает за шкурку котёнка. «Может быть, — промурлыкала смерть, — я явлю ей ту же милость, что и продемонстрирую тебе».

Сердце Арина заколотилось как бешеное, кровь хлынула по венам. Он опустил руку на пульсирующую болью кожу и отдернул, ожидая увидеть кровь.

Ничего.

В спину дул сырой ветер. Лошадь под ним дрожала. Пушки ухнули. Лошадь заржала, снова встала на дыбы. Она бросилась вперед, через ряды авангарда, прямо навстречу валорианцам.

* * *

Кестрел не видела Арина. Она не могла его увидеть, и это было сродни ощущению, словно она вообще ничего не видела.

Пушки затаили дыхание. Две армии схлестнулись. Она увидела, как произошло столкновение между первыми рядами. Брызги крови. Отвратительные маски страха и ненависти. Рука, рубящая с плеча. Тела, соскальзывающие с лошадей на песок им под копыта. И жестокость, которую она не могла видеть.

Где он?

Джавелин не шевелился. Он был камнем и это заставило её осознать, что и она стала камнем, сжимавшим в одной руке меч, словно хотела сжать эфес в ничто. Меч. Она и меч. Она не умела им орудовать.

Внутри неё предательски зашевелился змеей ужас, скользкий, петляющий.

Валорианцы пока не проббили линию фронта. Артиллерия не могла вступить в бой из страха попасть по своим же. Всего несколько мгновений и враг уже добрался до неё.

И тут Кестрел поняла, чего боялась больше всего. Пустых глаз Арина. Увидеть, как он истекает кровью.

Она пришпорила Джавелина, и тот повёз её между рядами.

* * *

Арина едва не сбросили с лошади. В него врезался валорианец. Арин принял удар на грудь, закрытую броней. Резко втянул в себя ртом воздух. Почувствовал ушиб, возможно, перелом. «Крови нет», — подумал он. В течение каких-то мгновений ему было трудно сосредоточиться, даже понять, что делали руки, что он видел или с кем воевал. Он задал своему богу неопределенный вопрос. Если бы он мог облечь его в слова, то попросил бы о божьей милости, которая позволила бы ему жить как можно дольше. Двадцать лет лучше, чем девять. Или божья милость позволяла погибнуть вот так, а не как-нибудь поужаснее? Или чтобы просто вернуться домой, в божью гавань. Мать, отец, сестра. Воды одиночества, тоски, потакания. Да, возможно, так оно и должно было быть, возможно, именно это подразумевал бог. Под милостью. Обещание: что заключительное мгновение, прежде чем один мир сменит другой, будет таким же сладким, как любовь.

Но он не мог думать об этом или понять. Арин просто чувствовал это, этот вопрос, один из многих, сжатых в металлический шарик булавочной головки, крошечную сферу страха, надежды и освобождения.

Его лошадь. Его треклятая лошадь. Животное сопротивлялось воле Арина. Эта чертова животиная станет причиной его гибели. Арин попытался нащупать внутри себя беспокойство.

Меч вскрыл чье-то брюхо. Арин даже не понял, как это произошло. Его клинок не должен был проткнуть валорианскую броню. Но из нанесённой раны уже вываливались внутренности. Медленно разворачивались.

Арин завершил начатое.

«Возвращайся домой», — увещевал бог, в чьей власти было вынуть из сердца Арина железный шарик и превратить его в перо, высечь из древка шип за шипом. Бог пробежал пальцем по неестественно широкому опахалу пера. «Значит, ты думал, что я подразумеваю милость? Этого ты хочешь?»

«Как скажешь, Арин».

«Как скажешь».

* * *

Кестрел не понимала, почему на неё никто не нападал. А потом, когда поняла, почувствовала себя глупо и вместе с тем ощутила благодарность. Её броня. Она выглядит как настоящая валорианка. Армия Рошара знала её, знала её коня. Но и для валорианцев она выглядела своей. Выбравшей странную диспозицию, если вдруг они так думали, но всё же своей. Они издавали булькающие звуки, когда их глотки перерезали. Они погружали максимально глубоко клинки в тела, их кулаки исчезали в чужой плоти.

Она вела Джавелина меж ними: валорианцами, дакранцами, геранцами. Привиденьице. Именно так. Её не существовало. Даже если чья-то кровь случайно брызгала ей на щёку, это казалось не по-настоящему. Никто даже пальцем её не тронул.

Пока она не заметила Рошара, который выбил меч из чьих-то рук, врезал противнику по валорианскому носу и полоснул по шее. Принц натянул поводья, чтобы конь не помешал падению тела. Он поворотил животное и увидел Кестрел.

— Где Арин? — выкрикнул он.

Голос не слушался девушку, но она, в конце концов, сумела совладать с собой и хрипло прошептала:

— Не знаю.

Рошар не смог бы услышать её, даже если бы находился рядом, а не на расстоянии в

несколько метров.

Но услышал валорианец поблизости. Он перевёл взгляд с неё на принца, услышав, что они говорят по-дакрански. Кавалерийский офицер. Он направил коня прямо к ней, добрался до девушки и схватил её за горло.

— Шпионка? — Его карие глаза были сощурены, зубы оскалены. — В авангарде? Назови свой полк.

У Кестрел перехватило дыхание.

— Предательница. — Он выбил меч из её руки.

— Кестрел!

«Рошар».

Слишком далеко.

Девушка хватала ртом воздух. Она не отводила от него взгляд. Шепча что-то, что, она знала, он не мог слышать, Кестрел смотрела, как он наклоняется вперед. Хватка валорианца слегка ослабла. Кестрел дотянулась до своего кинжала и вогнала его мужчине в подмышку.

Тот захрипел и обмяк. Она выдернула кинжал из его тела и вонзила клинок в горло.

Его тело навалилось на девушку всем весом. Он дышал ей прямо в ухо, предсмертное дыхание было липким и влажным, кровь хлынула на неё, пока она старалась усидеть в седле и оттолкнуть офицера. Но его конь не давал этого сделать. Валорианец вцепился в неё, его карие глаза, жизнь в которых потихоньку угасала, всё ещё горели мстью. Мужчина из последних сил потянул девушку вниз. Ему удалось стащить её с коня.

* * *

Лошадь Арина была плоха, но не будь её, было бы хуже. Она вырезала пространство вокруг него. Граница между армиями исчезла. Кестрел должна быть где-то в нескольких отрядах позади него. Валорианцы ещё нескоро до неё доберутся. «Держись рядом», — сказал он ей перед наступлением. Тревога разрослась и ожесточила его. Часть Арина следила за тем, что делали руки и тело, но другая, большая часть, ширилась и брала своё — радость от происходящего. Его радовало убийство, и наряду с этим беспокоила радость от убийств. И красной нитью сквозь все эти чувства шел чистый поток страха. «Держись ближе»...

Он повернул свою лошадь назад.

А что, если он не сможет найти её?

Обратно, назад. Ещё дальше.

Валорианцы уже почти поглотили шеренгу, где были Кестрел и Джавелин.

У него сжались лёгкие. «Где?» — потребовал ответа он.

«Генерал? — игриво спросил его бог. — Позволь указать тебе путь»...

Нервы Арина вопили.

«Распахни глаза», — сказала смерть.

«Посмотри, любовь моя, и узри».

Он прислушался к совету и увидел. Джавелин недалеко, исполин на фоне kloкочущей войны. Наездник исчез.

* * *

Кестрел лежала щекой в песке. Её рот был забит им. Она закашлялась и сплюнула, спина и плечи утопали в песке. Девушку придавило мёртвым телом. Она попыталась его скинуть, но силы быстро иссякли. Кестрел уставилась в небо, которое заволокло облаками. Её конь стоял рядом. Она вновь толкнула офицера. Доспехи только утяжеляли его. Девушка оказалась пропитана его кровью. Она все еще слышала её биение, слышала хаос вокруг.

Паника сползла по её позвоночнику.

Кестрел толкнула. Тело не сдвинулось с места. Она попробовала сильнее, ощутила, как вес давит ей на грудь. Наконец, она закричала.

* * *

Что-то ударило Арина. Он остался сидеть, повертел головой, чтобы увидеть нападавшего, и заметил валорианский оскал... а потом, слишком поздно, зазубренную сталь по всей длине ступни сапога. Арин заметил его как раз перед тем, как валорианец воспользовался подошвой своего ботинка, как ножом, и полоснул ею по рёбрам лошади Арина.

У юноши заложило уши от пронзительного ржания животного. Он оказался на земле.

* * *

«На войне, — любил порой повторять её отец, — ты можешь выжить, а можешь и умереть. Но если ты поддалась панике, смерть — единственный исход».

Она ненавидела его за это хладнокровие. За правила.

Но.

Тело раздавило её.

Но... песок...

Девушка попыталась сообразить, получится ли у неё перевернуться на живот. Извиваясь, она сместилась под мёртвым телом. Попытавшись перевернуться, она всё ждала, что кто-нибудь её заметит и нападёт. Она ждала, что копыто лошади разможжит ей череп. Но Джавелин остался стоять как вкопанный там, где и стоял с того мгновения, как она упала на землю. Конница маневрировала вокруг безобидной лошади. Никто не смотрел на землю.

Утонув в песке, она разозлилась на себя и начала копать, отбрасывать песок в сторону, будто плыла по-лягушачьи. А потом Кестрел уперлась локтями в жёлоб, который вырыла, и потянула себя наверх.

Ей удалось высвободиться.

* * *

Арин поднялся на ноги. Увернулся — как раз вовремя — от удара зазубренной подошвы сапога в голову. Обеими руками (куда делся его меч?), он схватил валорианца за лодыжку и стащил с коня.

* * *

Кестрел трясущимися руками рылась в песке, чтобы найти свой кинжал. Её кинжал. Она должна его найти. Она не могла его потерять.

Когда она наконец увидела выступающее ребро кинжала под вуалью рыжего песка, глаза девушки ужалили слёзы облегчения. Она схватилась за эфес.

Джавелин стоял на месте, ждал её. Кестрел хотелось прислониться к нему, зарыться лицом в его шкуру. Она хотела превратиться в коня, чтобы выразить свою благодарность, которую он бы понял.

Кестрел хотела оседлать его... а потом увидела поверх седла Арина.

* * *

Арин подобрал с песка меч, взмахнул им — это его?.. неважно — и, что есть силы, опустил, чтобы добраться до шеи поваленного валорианца, успевшего подняться на ноги. Но тот встретил клинок Арина собственным, сумев приставить оба меча к Арину.

Арин ответил, услышал скрежет стали о сталь, почувствовал вибрацию, ощутил давление. Он чувствовал, что давление слабо. Клинок мужчины дрогнул на мгновение.

Но это была уловка. В это мгновение кажущейся слабости, другая рука валорианца потянулась за кинжалом, который он потом воткнул в щель, где соединялась броня Арина.

* * *

Кестрел, спотыкаясь, бросилась вперед по песку, ноги совершенно обессилили; она не могла двигаться достаточно быстро. Валорианец стоял к ней спиной. Она могла видеть лицо Арина, морщинку меж бровей — знак напряжённого раздумья. А потом что-то поменялось: вспышка, узнавание.

Валорианец нанес удар кинжалом. Арин вскрикнул.

* * *

Кинжал впился ему в рёбра. Боль поселилась в боку. Арин нанёс ответный удар, меч, не причинив никакого вреда, протанцевал по валорианской броне, единственное, что удалось Арину, это разрезать шнуровку на правом ботинке мужчины.

— Ты мой, — сообщил валорианец.

Именно эти слова любила повторять смерть. И Арину было удивительно слышать слова бога, раздавшиеся из человеческих уст. Потому он дрогнул. Почувствовал себя странно. Он подумал: «Ой». Он подумал: «Благодать». Арин возрадовался предупреждению бога, осознав, что всегда хотел знать, когда это случится. Ему бы не хотелось слишком скоропостижно оставлять эту жизнь.

Он любил эту жизнь. Любил эту девушку, ставшую частью этой жизни.

Сердце его ударилось о грудную клетку жёстко, возмущенно.

Слишком поздно. Основание валорианского клинка уже приближалось к его голове под углом к шее.

Арин попытался отклониться, но эфес ударил ему в висок.

Тьма смежила веки. Он не чувствовал ног. Арин попытался слышать бога, но взамен откликнулась лишь тишина, а потом он вообще больше ничего не слышал.

Глава 33

Кестрел увидела, как Арин начал оседать. Она взяла в песок, пока бежала к нему, в ушах стоял рёв. Разум наглухо закрылся. Тело дрожало от ужаса.

Оставалось всего несколько шагов. Кинжал крепко зажат в руке. Валорианская спина — бронированная стена. Мужчина вновь взмахнул мечом. Он не слышал, как она приближалась к нему.

Но куда, куда? У неё был кинжал, но некуда было его воткнуть — ни в затылок, куда она могла дотянуться, ни в торс, и даже в ноги нельзя. Он был в броне с головы до пят. Кинжалу нужна плоть, сказал бы отец. Так найди её.

Грудь Кестрел что-то сильно сдавило. Это было отчаяние, которое накатило на девушку как цунами, когда она подошла сзади к офицеру. Она не знала, что делать, не могла думать, а потом, будто кто-то другой, не она, заметил, как от ноги валорианца отошло голенище сапога, и девушка рухнула на колени в песок. Она схватилась за верхнюю часть голенища и дернула её на себя, а потом полоснула по натянутым сухожилиям лодыжки.

Он закричал. Казалось, она и сама прочувствовала эту мучительную боль, что пронзила его, то, как перерезанные сухожилия съезжились внутри живой плоти. Его недоумение. Пульсирующая агония. Как эта девушка умудрилась добраться до него... коварно, зверю подобно. Но: неужели девушка? Но: её волосы, кожа, глаза, броня. Это не враг. Или всё-таки враг?

А затем кинжал нашел его горло и совершенно ясно дал понять, кто она.

Её рука, её ладонь окрасились в ярко-красный. Кестрел не могла отпустить кинжал. Она стала его ножнами. Ей нужны были её руки, ей нужен был Арин.

Он неуклюже распластался. Кестрел расплакалась, скрючившись на песке, опустевшие пальцы судорожно потянулись к нему, обыскали его, нашли кинжал у него в боку, дотронулись до чёрных бровей, пурпурной щеки, шрама на коже. Прикасаясь к нему, она увидела, что его голова безвольно перекачивается из стороны в сторону. Пульс? А её пульс? Её тело вибрировало им, она не могла удержать свои пальцы на впадине под его челюстью.

Кестрел заставила себя вновь посмотреть на кинжал у него в боку и расстегнула броню, чтобы рассмотреть получше.

В плоть вошел лишь кончик лезвия. Он застрял между рёбер. И внезапно, зародившаяся надежда Кестрел разрослась в нечто большее.

Ей не хотелось вынимать кинжал — у неё не было под рукой ничего, чем можно было бы заткнуть рану, чтобы Арин не истек кровью — и она вновь обратила свое внимание на голову юноши. На этот раз, когда её пальцы нащупали наконец его пульс, она вновь разрыдалась.

Рана в боку была не очень серьезной. Но удар по голове мог обернуться какими угодно последствиями — он мог убить, парализовать, лишити чувств, разума. Он мог никогда больше не прийти в сознание.

— Арин, очнись.

Стоило словам сорваться с губ, как их поток уже не прекращался.

— Мы должны двигаться. Нельзя оставаться на месте.

— Пожалуйста.

— Пожалуйста, очнись.

— Я люблю тебя. Не покидай меня. Очнись.

— Слушай меня. Арин?

— Слушай.

* * *

Кто-то плакал. Её слёзы упали на его тёплый лоб, ресницы, рот.

«Не плачь», — попытался сказать он.

«Пожалуйста, слушай», — просила она.

«Но он не станет, конечно, не станет. С чего она решила, что он будет её слушать?»

Это казалось таким знакомым. Нереальным. У него возникло чувство, будто все это уже происходило раньше, или еще произойдет, либо это было эхо и того и другого. При попытке открыть глаза, мир раздваивался. Голова гудела. Глаза налились свинцом. Он весь был покрыт землей. Толстым, с примесью глины, рыхлым слоем. Уютно. Это облегчало тошнотворную боль.

Но не было никакой земли, никакого свинца. Часть его понимала это, та же часть, что цеплялась за женский голос.

Её голос то и дело срывался. Он слышал, как в нем появлялся ужас. Арин понял, что вскоре она разрыдается.

— Не нужно, — с трудом произнес он, и открыл глаза, и его замутило.

Он как-то отстраненно гадал, что означает её выражение лица: смесь муки и облегчения. Какое-то мгновение её руки были совершенно неподвижны, а потом немедленно засуетились: поднесли фляжку воды к его губам, попытались подползти под его тело и приподнять. Слишком тяжело.

— Мне жаль, — сказала она. — Арин, ты должен подняться.

— Не думаю, что смогу.

— Сможешь. Только до Джавелина. Ну же. — Она дёрнула его за плечи, предплечья. У него не хватило смелости, чтобы попросить остановиться, но голова раскалывалась от такой боли, что любой толчок причинял ещё большую. Он попытался сосредоточиться и увидел, что Джавелин стоял неподалеку, увидел волнообразные движения солдат и металла. Ему стало страшно. Этот маленький мирок, приютивший его и Кестрел, не мог продлиться долго. Удивительно, что они остались незамеченными, что никто еще не занёс свой меч, чтобы перерезать им шеи, пока она сидела на коленях рядом с ним, тащила его, умоляла.

— Уходи, — сказал он.

Она отшатнулась.

— Нет.

— Всё в порядке. — Он попытался коснуться её щеки, но в глазах двоилось, поэтому рука промахнулась. Арин провел по носу и губам девушки. — Я не против.

— Даже не произноси этого.

— Уезжай скорее, как можно дальше.

— Даже не проси. Ты так со мной не поступишь. Ты меня не оставишь. Ни за что.

Но это другое, попытался было сказать он, но потом потерял мысль, что именно он хотел объяснить, что это... её... что? печаль? неожиданно стала дорога его сердцу. Как же тяжело было выдавливать из себя слова. Арин осознал, что его рука безвольно упала.

На лице Кестрел обосновалось выражение, которое он не мог прочесть.

— Вставай, — сказала она сквозь зубы.

— Прошу, уходи.

Кестрел подцепила его за край кожаной кирасы и ухватила покрепче.

— Уже бегу, аж пыль столбом.

И на этот раз Арин узнал это выражение лица. Оно отражало решимость. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть. «Ты мне ничего не должна, — хотел сказать он, — ты не лишишься чести, если оставишь меня здесь». Арин задумался, может, она решила, что само её существование должно стать обетом.

На что он бы спросил: «Скажи, почему ты не можешь уйти?» Возможно, если бы он мыслил яснее, то знал бы это, и ему не нужно было бы спрашивать. Но сейчас он видел только её решимость и опасность этой решимости.

Вот так его бог представляет себе милость: чтобы она умерла вместе с ним здесь, на пляже?

Это было невыносимо.

Сквозь стук в голове, он обнаружил другую боль. Пульсирующую где-то ниже. У него в боку. В районе рёбер. Кинжал. Арин вытащил его. Кестрел возмущенно вскрикнула. Его бок стал неприятно липким. Он воткнул кинжал в песок и обхватил девушку за плечи другой рукой. Голова раскалывалась от боли. Арин вытолкнул себя вверх, опираясь на кинжал.

Он попытался дистанцироваться от того, что делал, от спазма, что мучил тело, когда его вновь замутило. Он на коленях, небеса темны... дождь? Плечо Кестрел, совсем хрупкое под его рукой. Разумеется, ей никак не под силу вынести его вес, и все же у неё получалось. Она потянулась вверх, чтобы поставить его на ноги. Малейшее движение причиняло боль, и ему было страшно представить, как он возьмется за уздечку Джавелина и поедет, но деваться было некуда.

Но Арин справился, и Кестрел была с ним. А спустя какое-то время ему и самому было уже непонятно, то ли небо и правда разразилось дождём и оттого потемнело, то ли это его рассудок шалил. Всё было чёрным и влажным. Пока конь двигался, сквозь боль продиралась тишина. Это ощущение одурманивало его, как шлейф аромата от духов. Казалось, будто он слышал позвякивание стеклянной пробки о крошечный флакончик. А вот и высвободился аромат. Откуда взялся запах цветов, которых там не было?

Арин начал осознавать, что ему тяжело удерживать мысли. Они исчезали в дыму. Это не имело значения. Он отпустил их. Дым, духи, дождь. Приятные, эфемерные. Возможно, сродни тому, что когда-то заставило Кестрел поклясться, что она его не оставит.

Он не знал наверняка, что же заставило её так поступить. Но это было нечто важное. Настоящее.

И он не откажется от этого. Он будет держаться за это и помнить.

Арин увидел руки Кестрел на уздечке. Он почувствовал, как его тело ослабло. Топот копыт отдавался ударами в висках.

* * *

Чей-то... глубокий голос разразился проклятиями.

— Ты привязала его к себе?

— Он едва не упал, — услышал он, как ответила Кестрел.

Арин открыл глаза. Рошар развязывал веревку, что связывала его с Кестрел, взгляд принца был прикован к узлам. Это было так не похоже на Рошара — ещё ни разу не было такого, чтобы он старался не смотреть на Арина.

— Глупость какая, — проворчал принц, — а тебе не пришло на ум, что если он начнет падать, то тяжесть его тела утянет и тебя за собой?

Она не ответила. Ну конечно, ей пришло это в голову. Арин мог сказать это по её молчанию.

Рука Рошара обхватила Арина за пояс.

— Иди сюда, — сказал он. Арину помогли соскользнуть с лошади и не упасть.

— Ты залил меня кровью, — пожаловался Рошар.

Да. Арин полагал, что он истекал кровью. Но его голова. Боль была просто невыносимой. Арин осел на Рошара, уткнувшись лбом в плечо мужчины. А затем вновь заставил себя открыть глаза.

Кестрел встала в стороне, крепко прижав руки к груди. У неё за спиной открывался вид на спешно разбитый лагерь. Меньший, чем прежний.

— Что произошло? — спросил Арин.

— Кровавая баня, — ответил Рошар. — Мы отступили. Они захватили пляж. Я виню тебя.

Кестрел зло втянула ноздрями воздух.

— Он не это имел в виду, — пробормотал Арин.

— Ты так и собираешься всю дорогу ехать на мне? — спросил Рошар.

Кестрел сказала что-то резкое. Не то чтобы Арин не расслышал слов, он просто слишком устал, чтобы понять их смысл. Он слышал тягучий голос Рошара и шипение Кестрел. Арин хотел сказать ей: «Он просто надел маску». Он хотел сказать, что Рошар переживает. Арина внезапно поразило их волнение за него, и как это осталось невысказанным. Арина внезапно поразило то, что они за него переживают, и делают это так обыденно. Он отошел от Рошара и направился, куда глаза глядят.

Рошар грязно обозвал его и подхватил прежде, чем Арин свалился.

* * *

— Кости, кровь и дыхание богини, — сказал Рошар. — Что ты пытаешься доказать?

Арин лежал на спине в кровати Рошара, в его шатре-палатке. Принц стоял возле, вытянутый в струнку, нервный.

Тяжелое тепло покоилось на груди Арина. Голова Кестрел. Девушка спала, встав коленями на землю, пристроив верхнюю часть тела на край кровати. Его туника и броня исчезли. Рёбра были забинтованы. Ладонь девушки лежала у Арина на животе.

— Я бы тебя донёс, — произнес Рошар спокойнее.

— Я знаю.

Голос Арина разбудил Кестрел. Она подняла голову, отстранилась. Её рот был сомкнут в тонкую линию, под глазами пролегли тени, коса наполовину расплелась.

— Битва? — спросил Арин.

Кестрел и Рошар переглянулись.

— Так плохо?

— Отдохни, Арин, — ответила Кестрел.

Рошар лязгнул зубами.

— Но не слишком долго. Он, похоже, время от времени теряет сознание. Это плохо при такой травме головы. Не давай ему спать. Держи его в сознании. — А потом обратился к Арину: — Я не могу остаться. Нужно организовывать отступление к городу.

У Арина свело желудок. Отступление в город было крайней мерой.

— Не делай этого.

Он попытался придумать что-нибудь получше. Выглядевшая мрачно Кестрел молчала.

Рошар сказал:

— Хотел бы я остаться с тобой, да не могу.

Арин протянул ладонь к щеке своего друга. Это встревожило принца. Арин увидел, что ему вспомнился этот геранский жест, и все же, принц какое-то мгновение колебался, прежде чем ответить тем же. Это расстроило Арина. Его рука безвольно упала. Он провёл по резьбе каркаса, чувствуя себя неловко из-за того, что выгнал Рошара из его кровати.

— А ты где будешь спать?

— Не бойся, мне будут рады многие кровати.

После того как принц ушёл, Арин спросил Кестрел:

— Почему мы проиграли битву?

Вопрос расстроил её.

— Ты так хочешь это знать?

— Это важно.

— Важнее, чем то, что ты чуть не умер?

— Не умер ведь.

— У моего отца слишком много чёрного пороха, — отрывисто произнесла она. — Слишком много солдат. Слишком много опыта.

— Но как именно он победил?

— Полномасштабной лобовой атаки было достаточно, после того, как он нейтрализовал наши орудия. Я всё видела, видела, как это случилось.

Вина запульсировала в висках Арина с удвоенной силой.

— Потому что ты везла меня.

У неё на глаза навернулись слёзы.

— Прости, — сказал он. — Давай сменим тему. О чём бы ты хотела поговорить.

Кестрел открыла рот. Закрыла рот. Но потом все же негромко спросила:

— Ты помнишь мозаику?

— Да.

— Кусочки мозаики так хорошо подходили друг к другу. Словно они хотели быть рядом друг с другом.

— Да. — Но он был озадачен, какую именно мозаику она имела в виду и почему вспомнила об этом именно сейчас. Кестрел говорила об этом, словно пытаясь объяснить, что лево — это на самом деле право, или что обе стороны левые или правые... что заставило его понять, ему известно, что лево и право важны, но он никак не мог уловить их смысл, и в чём была разница. Арин закрыл глаза.

— Арин, не спи.

— Всего на секундочку.

— Нет, — она сжала его руку.

— Тише.

— Легенды, — выпалила она. — Мозаика рассказывает легенды, да?

— Да, старинные.

— Я расскажу их тебе.

Арин с трудом разомкнул веки. Он не помнил, как закрыл их.

— Ты знаешь те легенды?

— Да.

Она не знала, и это сразу стало ясно, как только девушка начала рассказывать. Она слышала какие-то обрывки, которые латала друг к другу, как лоскутное одеяло, и её повествование вызвало бы улыбку, если бы ему не было так больно улыбаться.

— Ты, — выдохнул он, — такая обманщица.

— Не перебивай.

Её истории были чистой выдумкой. Кестрел запомнила сцены мозаики, а он был очень доволен, что ей запомнилось столько подробностей мозаичного пола разрушенного храма. Где и как были расположены боги, и чей змеиный язык разделялся на три части. Но истории, которые она рассказывала, имели мало общего с его религией. А порой в них и вовсе отсутствовал смысл.

— Расскажи мне как-нибудь потом свои истории снова, — попросил он, — когда у меня появятся силы смеяться.

— Так плохо?

— Ммм... Может быть, и нет. Для валорианки.

Но, в конце концов, мир вокруг замедлился и его разум уже не в силах был цепляться за нить разговора. Будто полотнище хлопка ниточку за ниточкой растащили, превратив в ничто. Может быть, Кестрел говорила несколько часов кряду. Он не знал. Когда она вновь успела припасть щекой к его сердцу? Его грудь вздымалась и опускалась.

— Арин.

— Я знаю. Нельзя спать. Но я так устал.

Она угрожала ему. Он не слышал.

— Ложись со мной, — пробормотал он. Ему не давала покоя мысль, что она стоит коленями на земле.

— Обещай, что не уснёшь.

— Обещаю.

Но он не это имел в виду. Он знал, что произойдет. Она прилегла к нему. Всё стало слишком мягким, слишком тёмным, слишком бархатным. Он засыпал, поэтому просто вздохнул и отпустил ситуацию.

Глава 34

Когда Кестрел проснулась, Арина рядом не было.

Сердце девушки ухнуло вниз, ударившись о рёбра, и ни за что не хотело возвращаться куда следует, даже когда она выскочила из палатки и обнаружила Арина, заваривающим чай под синим, почти ясным, небом. Он поддерживал небольшой костерок.

— Что это ты удумал? — потребовала объяснений Кестрел.

— Я нашёл в палатке коробку с чаем. — Арин увидел её выражение лица. — Рошар не станет возражать.

— Я возражаю.

Он перевел взгляд с девушки на котелок с бурлящей водой.

— А что не так?

— Тебе нельзя было спать.

— Мне стало лучше.

Возможно. Но ей больно было смотреть на его лицо: иссиня-чёрный синяк расплылся по лбу, сполз на глаз и скулу, на поврежденную кожу, где его ударили в висок. Арин был одет в грязную тунику, скорее всего он просто не захотел счищать грязь; засохшая кровь облепила обнаженные руки. У Кестрел в груди надулся ужасный пузырь.

— Мне нельзя было засыпать.

— И тебе необходим был сон. Битва. Поездка верхом. Это было нелегко.

— Да, это было непросто.

Арин покрутил в руках закрытую коробку с чаем. Чаинки внутри коробки зашептались.

— Спасибо, что спасла меня.

— Я подумала, ты умер. Что ты умрёшь.

Он уставился на коробку.

— Я знаю, каково это смотреть, как кто-то умирает.

— Не «кто-то», Арин, а ты.

Он кивнул, поморщился и отставил коробку. Казалось, он по-настоящему не услышал её.

Кестрел присела к огню, её согнутая рука покоилась на колене и тянулась к груди. Девушка прижала ладонь к губам, подперев ею подбородок.

— Тебе всё ещё больно.

— Не настолько. Вот почему ты можешь поговорить со мной.

— Арин, я говорю.

— О войне.

Она посмотрела на него.

Он сказал:

— Нельзя отступать к городу.

— Мы не можем сойтись с ним в открытом бою. Он обрушится на нас всей валорианской мощью. Лерален уже доказал это.

— Пригласить их устроить осаду города — это не ответ. Я уже попытался как-то выстоять против генерала. Он в пух и прах разнёс всю оборону. Он просто разрушил стену.

— Её восстановили. И на этот раз у тебя есть союзник.

— Если бы ты отбросила попытки меня защитить этим ложным оптимизмом, то что бы ты сказала?

Небо светлело. Она услышала, как лагерь потихоньку начал просыпаться.

— Кестрел, будь честна.

— О войне? — ровным голосом произнесла она.

Выражение лица Арина слегка дрогнуло. Он приставил большой палец к подбородку, а веер остальных грязных пальцев уложил на щеку, изрезанную шрамами.

— Есть что-то еще?

Его усталость. Его синяки. Боль, которую он пытался скрыть. То, какой спектр чувств разрывал её сердце. Что оно полыхало, как раскаленные угли.

Он сказал:

— Мы оба знаем, что случится, если отступить к городу.

На что Кестрел ответила:

— Восток может счесть это своей потерей, которая в дальнейшем может привести, по их мнению, к поражению и уйти... даже если Рошар захочет остаться.

— И тогда всё будет кончено. — Серые глаза Арина говорили яснее слов. — Я не могу проиграть. Если я проиграю, то у меня ничего не останется.

— Это неправда.

Но он поднялся. Лагерь уже проснулся. Костерок догорел. А забытый чай совершенно остыл.

Кестрел так и не подняла головы.

— Нужно отступить вглубь, пока я не придумаю что-нибудь получше.

Арин шагнул к ней, его шаги заглушал бледный песчаник, перемежавшийся с клочками травы. Он коснулся её волос на затылке, проведя кончика пальцев до первого шейного позвонка. Осторожно подцепил ворот её рубашки.

Её кожа пела так громко, что она не могла вспомнить ни слова, не говоря уже о правильных словах, и к тому времени, когда девушка поняла, что сейчас именно то самое мгновение, когда не страшно будет открыться и рассказать, что она может дарить свою любовь, не боясь, что её сердце может быть разбито, Арин уже ушёл.

* * *

Рошар принёс Арину небольшой паланкин. Арин взглянул на сам паланкин и мужчину, что его несли, и коротко сказал:

— Нет.

— Идиот, — усмехнулся принц. — Ты потерял сознание. Выглядишь, как чёрт знает что. Забирайся в паланкин.

— Я поеду в повозке, — сказал Арин, подразумевая телеги, в которых везли раненых. — Мне не нужно особого обращения.

— О да, еще как нужно.

Кестрел ещё ни разу не видела, чтобы Рошар так злился.

— Зачем? — Арин искоса посмотрел на принца. — Ты предлагаешь это, потому что и правда беспокоишься или таким образом хочешь послать сообщение армии?

Кестрел пришли на ум два сообщения: чтобы продемонстрировать дакранцам, что геранский лидер, предпологаемо-поцелованный богом, — был слаб, или показать, что восточный принц ценит Арина. А может быть, и то и другое.

Губы Рошара дрогнули в безрадостной улыбке.

— Значит, я поеду верхом, — сказал Арин.

* * *

Когда день сменил вечер и армия разбила лагерь на невысоком холме, пестревшем кустами с большими мясистыми листьями, Рошар стоял возле своей палатки, пока офицер её устанавливал. Принц барабанил пальцами по мускулам перекрещенных рук.

Кестрел не знала, куда подевался Арин. Она решила, что он пошёл за водой к ручью со своей новой лошастью, но когда палатка Рошара была установлена, солнце закатилось за горизонт, а Арин так и не вернулся, девушку окутал ледяной туман тревоги.

— Ему будет удобнее здесь. — Рошар указал подбородком на палатку.

— А ты? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Арин это не одобрит.

— А мне плевать. — Но тут же спешно добавил: — Паланкин не был символом, не таил каких-то скрытых посланий. Не было никакого шифра, понятного всем, кроме него. Я просто хотел, чтобы он был в порядке.

Кестрел медленно произнесла:

— По-моему, он в порядке.

Она наблюдала за ним всю дорогу и, хотя по истечении дня его лицо все же исказила гримаса, это случилось скорее от усталости, а не от боли. Арин легко держался в седле и с улыбкой встречал косые взгляды девушки. Поэтому её чувство беспокойства чуть ослабло.

Хотя это было лукавством. Её тревога сократилась не настолько, чтобы удержать от поиска Арина по лагерю, когда Рошар оставил её возле раскинутого шатра. Так и не сумев расслабить скрюченные пальцы, девушка сжала руки в кулаки, когда акварельное небо цвета индиго потемнело. Она вернулась в палатку и зажгла лампу. Глядя на горящий фитиль, Кестрел потерла ладони друг о друга, будто пытаясь их согреть. Как только он догорит до определённой отметки, она отправится на поиски. Но фитиль едва начал шипеть, когда она схватила лампу за ручку и поспешила к холщовой двери шатра... и впечаталась во входящего Арина.

Она ойкнула.

— Где ты был?

Он провёл рукой по мокрым волосам, взглянул на свою влажную рубашку. От него пахло мылом.

— Вот...

— Принял ванну?

— «Ванна» для ледяного ручья звучит уж слишком аристократично.

— Впотьмах?

— На небе луна.

— А я уж было собралась просить Рошара помочь искать тебя.

— О, я его видел. Он отправил меня сюда... многозначительно. — Арин приподнял брови. Он был под впечатлением. — Рошар очень творчески подошёл к выбору слов.

Кестрел осознала, как близко она стояла к Арину. Подняла лампу и, позолотив светом его лицо, осветила самый верх крыши шатра. Лампа излучала небольшое тепло между ними. Девушка отошла.

Арин коснулся руки, державшей лампу.

— Маленькие Кулачки, в чём дело? Что ты, что Рошар, вы оба такие злые. Моя вина лишь в том, что я получил удар по голове.

— И спал, и ехал верхом, и принимал ванну.

— Ну, у меня был просто отвратительный вид.

Кестрел отвернулась, зашагала к столу и впечатала лампу в столешницу.

Арин последовал за ней.

— Не знаю, как доказать тебе, что со мной все в порядке.

Она продолжала стоять к нему спиной. Что-то ужасно царапало ей горло.

— Мне повезло, — сказал Арин. — У меня есть ты. Довольно прочная голова. И божья благодать.

— Будь проклят твой бог.

Арин схватил её за руку выше локтя. Кестрел повернулась к нему. Всё веселье сошло с его лица. Его глаза были широко распахнуты, они требовали внимания.

— Не говори так.

— Почему это? Я могу сказать, что угодно. Кроме того, что действительно важно.

— Кестрел, забери свои слова. Он обидится.

— Твой бог рискует тобой.

— Он защищает меня.

— Ты его игрушка.

— Ты ошибаешься. Он меня любит.

Произнося эти слова, Арин выглядел таким одиноким. Он напомнил ей парус, изогнутый ветром, наполненный и пустой одновременно. Она обнаружила, что ревновала Арина к его богу. Внезапная ревность так крепко схватила девушку в свои объятия, что она не могла дышать.

— Это правда, — настаивал он.

И она поняла, что её слова ранили Арина, что любовь его бога к нему была такой ценной оттого, что он боялся вообще не встретить её нигде и ни в ком. И гнев Кестрел сошёл на нет.

— Мне очень жаль. Мне жаль. Я прошу прощения. И перед ним тоже.

Арин отпустил её, его облегчение было так легко прочесть.

— Я не очень злюсь на бога, — сказала она, — или тебя.

Он наморщил лоб.

— Ну хорошо, да, на тебя, немного. — Она нежно похлопала его по груди, затем приложила свою ладонь к его сердцу. Арин застыл. — Почему тебе так трудно принять заботу других людей?

Он молчал. Её большой палец покоился в выемке между ключицами. Кестрел чувствовала его пульс и ответ своего пульса. Он бился в бешеном ритме, словно пытался от неё убежать, и у девушки возникло такое чувство, будто она никогда не поймает своё сердце, не сможет удержать его на месте, не убережёт.

Но она больше не хотела его беречь.

Она сказала:

— Почему ты не хочешь увидеть, что людям ты небезразличен?

— Ты мне небезразличен, — добавила она.

— Я знаю, что ты переживаешь за меня. Но... — Арин внимательно посмотрел на неё. — Так поступил бы любой, ради друга.

— Ты больше, чем друг.

— На поле боя, ты осталась...

— Ну конечно, а как же иначе.

— У тебя ярко выраженное чувство долга. Так было всегда. Мне кажется, ты считаешь, что должна мне что-то.

— Я осталась, потому что люблю тебя.

Арин вздрогнул и отвернулся.

— Ты не это хотела сказать.

— Нет, именно это.

Снаружи ночь, казалось, разрасталась, напирая на шатер. Лампа пахла, как раскаленный камень. Его лицо медленно начало приоткрываться. Арин коснулся руки, которую девушка прижимала к его сердцу. Его ласка была лёгкой, тайной, которую она едва ощутила костяшками, тонкими сухожилиями, такими же сильными, как кость. Она почувствовала, что он обрёл уверенность.

Они не произнесли ни единого звука, когда Арин поцеловал её. Ничего не последовало и позже, когда она потянула завязки на его рубашке и нашла кожу Арина.

Он схватился за ее пояс, на котором крепился кинжал, сжал пальцы вокруг кожи, а потом просто снял его. Арин прошептал ей что-то в рот, что-то, напоминающее слова, которые потеряли свою форму и превратились в нечто другое.

Он отпустил себя. Кестрел услышала звук скольжения ткани о кожу, когда он стянул рубашку через голову, и его пальцы провели по наклонному потолку палатки, будто пытаясь поймать равновесие. Его рёбра были обвязаны марлей, тело отмечено шрамами. Одни старые, зажившие, коллоидные. Другие — розовые, свежие. Его покатые плечи были исполосованы бледными линиями, напоминающими следы от когтей, создавая впечатление, будто они были нанесены намеренно, как татуировки. Любопытно, она коснулась их.

Арин закусил губу.

— Больно?

— Нет.

— Что такое? В чём дело?

— Я скажу, — ответил он, — позже.

Его руки плутали по её рубашке, которая была восточного кроя, как и у Арина, без воротника. Довольно поношенная. Обтрепанная у шеи. Он с волнением потёр ткань между пальцами. А потом потянул её рубаху, чтобы та распахнулась, и Кестрел почувствовала, словно сама реальность стала шире и трепетнее: каплей воды на острие булавки.

— Кестрел... я никогда...

Она прошептала, что и для неё это было ново.

Потом наступила долгая пауза.

— Ты уверена, что хочешь...

— Да.

— Потому что...

— Арин.

— Возможно, ты...

— Арин.

Кестрел рассмеялась, и он последовал её примеру, осознав, что они нашли кровать. Слова отступали. Может быть, они улеглись на землю, накрытые одеждой, под небрежно

свернувшимся поясом для кинжала. Может быть, позже они вновь вспомнят, как это — говорить. Чтобы осмыслить случившееся, но не сейчас. Сейчас балом правили осязание, вкус и слух.

Когда он входил в неё, она была рада, что лампа так и не погасла, и освещала его кожу. Навлекая тени на его тёмные влажные волосы, демонстрируя его плоть и шрамы, которые делали его Арином. Она не отвела взгляд.

* * *

Позже, когда они затихли, Арин взглянул на неё. Растянувшись рядом, Арин приподнялся на локте.

— Мне показалось, что я ещё сплю. — Его пальцы парили над ней: нос, ресницы, растрепанная коса, плечо. — Красивая.

Она улыбнулась.

— Как и ты.

Арин скептически откашлялся и скривился. Он нашёл кончик её косы и, как кисточкой, поводит по её щеке.

— Это правда, — сказала она. — Ты никогда не веришь, когда я это говорю.

Фитиль лампы вспыхнул искрами. Значит, скоро лампа погаснет.

— Я люблю твои глаза, — сказала она. — Я полюбила их сразу же, как увидела.

— Они такие же, как у любого другого.

— Нет. — Она провела пальцем по его изрезанному шрамом лицу. — Это. — Он поёжился. — Я люблю это. — Она прикусила его подбородок. — И это. — Она продолжила водить пальцем по его лицу.

— Серьёзно?

— Да.

— И это тоже. — Прозвучало, почти как утверждение.

— И это тоже.

Она чувствовала, как в нём нарастает смех и что-то ещё, нечто тихое, но куда более насыщенное.

— Твой рот, — сказала она, — неплох.

— Неплох?

— Вполне сносен.

Он выгнул дугой одну бровь.

— Сейчас я тебе покажу.

Они перестали разговаривать.

Глава 35

Стоило Рошару утром увидеть их лица, как он закатил глаза.

— Хочу обратно свой шатер, — сказал он.

Кестрел рассмеялась.

* * *

Она загружала седельную сумку на Джавелина, слушая, как армия разбивает лагерь: клаяние и бречание, кто-то мочится на дерево, звон конской упряжи, стук подошвы ботинок по решётке для приготовления еды на огне, чтобы сбить сажу. Джавелин мотал хвостом. Арин неподалеку осматривал копыта своей лошади. Кестрелхватило одного взгляда на животное, чтобы понять, что это кобыла. Прошлый его конь остался на пляже. Хозяин этой кобылы тоже, скорее всего, был мёртв.

Арин отрегулировал подпругу. Осмотрев всю лошадь, он спросил:

— Как думаешь, почему на нас ещё не напали?

Кестрел медленно застегнула седельную сумку.

Он сказал:

— Я не об этом хотел спросить.

У него был невыспавшийся вид, рот слегка опух, но очень загорелая кожа, как будто блестела. Кестрел подумала, что, должно быть, она выглядит примерно так же: словно желание сточило все острые углы, девушка сияла как камень, отполированный речной водой, блестящий, благодаря своей гладкости.

— Как бы мне хотелось... — И тут он спохватился, и от того, как он оглядел оживленный лагерь, она решила, что Арин хотел сказать: как бы ему хотелось, чтобы не было войны, чтобы они смогли потеряться друг в друге, не потеряв при этом ничего.

Но это было не совсем правдой для него и для неё, и ей так же, как и ему, хотелось победить в войне.

— На нас не напали, потому что плацдарм укреплений моего отца остался на берегу. Подкрепляет свои войска довольствием. Им нужно восстановить силы. Им эта победа дорого далась. И ему не нужно ликвидировать нас прямо сейчас, только после того, как его армия станет сильнее. Но скоро он выступит. Займёт территорию вдоль дороги, отрежет все отходы в город.

— А ещё? — Арин посмотрел на неё.

— А ещё, — ответила Кестрел неохотно, — он считает, что покорит город малой кровью.

— Мы сами себя загоняем в ловушку.

— Да, но...

Он подождал.

— Это даст нам время, — продолжила говорить девушка. — Если мы на самом деле отступим, а не сделаем вид, что отступаем, а его разведчики доложат об этом, тогда мы сумеем найти способ контратаковать, застав его врасплох. Иногда лучше действовать, а не имитировать действие... особенно, когда нет намерения действовать так, как ожидает враг.

— Что ты задумала?

Она погладила Джавелина по носу.

— Я пока толком не знаю.

— Чёрный порох — это самая большая проблема. Если у валорианцев его не слишком много, то у нас есть шанс выстоять против них.

— Ну вот.

— Что ну вот?

— Я могу его уничтожить.

Арин потёр затылок и сморщил лоб, пока слушал её объяснение, что конкретно она хотела сказать.

Ему это не понравилось.

— Ты же знаешь, я всё равно пойду.

Он оставил свою лошадь и похлопал ладони друг о друга, чтобы стряхнуть пыль от лошадиных копыт. Когда Арин подошёл ближе, у Кестрел возникло такое чувство, будто она вышла на мороз и оказалась рядом с костром. Арин коснулся кинжала на её бедре и пробежал большим пальцем по символу на его эфесе: круг в круге.

— Бог души, — сказала Кестрел. — Это его символ.

— Её, — мягко поправил Арин.

Кестрел не была уверена наверняка, как долго она знает значение этого символа. Может быть, уже в течение длительного времени. Или, может, она только вчера вечером поняла, что это. Это было такого рода знание, которое однажды войдя в тебя, создает впечатление, будто жило там вечно.

В выражении его лица читались нежность, восхищение и озадаченность.

— Ты чувствуешь, что изменилась? Я чувствую, что изменился.

— Да, — прошептала она.

Он улыбнулся.

— Это странно.

Так оно и было.

— Мы могли бы добраться до пляжа Лерален к наступлению ночи, — сказала она, — если поднажмём. Поскачешь со мной?

— Ах, Кестрел, есть вопросы, которые тебе даже не нужно задавать.

* * *

Солнце уже зашло, когда они добрались до спутанных ветром кустарников, огородивших пляж. Дальше виднелись костры неприятельского лагеря; иссиня-чёрный воздух пах дымом и смолюю.

Кестрел почистила свои валорианские доспехи, стянула ремнем традиционный на вид (для её народа) кинжал, который она прихватила из армейской телеги с вооружением, и молча протянула Арину другой, что он выковал для неё.

— Мне не нравится моя роль в данной миссии, — сказал он. — Она заключается в том, чтобы просто смотреть на тебя, пока ты ходишь по лезвию бритвы.

— Ты забыл.

— Ах, ты об этом. Да это ж ерунда была.

— Ты мог пострадать.

Он моргнул.

— Нет.

— Тебе никогда не страшно за себя?

— Не в общепринятом смысле этого слова.

— Тогда как?

Он уставился на свои руки.

— Порой... я думаю о том, каким я был. Когда был ребёнком. И я разговариваю с ним.

Она медленно проговорила:

— Как разговариваешь со своим богом?

— Это другое. Или может быть, я думаю о нём, как мой бог думает обо мне. Будучи ребёнком, я дал обещания. И я боюсь, что не смогу их сдержать.

— Что ты обещал?

— Отомстить.

— И ты это сделаешь.

Арин кивнул, но это было скорее обыкновенное знание, нежели фактическая уверенность.

Кестрел посмотрела на него сквозь задымленный вечер, в котором еще было достаточно света, чтобы увидеть выражение его лица, и довольно сумрака, чтобы укрыть его тело в тени.

Скоро ночь по-настоящему вступит в свои права. Волны облизывали берег и убегали обратно.

— Прежде чем спуститься в лагерь, нужно дождаться восхода луны, — сказала она.

— И чем займемся, пока ждём? — спросил он.

Она поднесла его пальцы к своим губам, чтобы он мог почувствовать её улыбку.

Его пальцы провели по длине девичьей косы и поиграли с кожаным шнурком, вплетенным в волосы. Он развязал узелок. Звук расплетавшихся волос был едва слышен, как дыхание. Он распустил волосы и притянул Кестрел к себе.

* * *

Когда луна поднялась высоко в небо, Кестрел с Арином собрали все, что было нужно, и направились к пляжу, стараясь держаться поближе к лохматым кустам, сливающимся с темнотой. Они подождали, присев на корточки у границы лагеря, откуда могли видеть повозки с припасами, холстины которых покрывали купола крыш, похожие в лунном свете на грибы.

Наконец, часовой, делая обход вверенной ему территории, подошёл к их укрытию. Арин молниеносно подлетел к нему, зажал ладонью рот и стащил вниз на песок.

— Ни звука, — прошипел Арин часовому, тыча кончиком кинжала тому за ухо. Арин повернул мужчину лицом к луне. Глаза широко распахнуты. Кожа натянутая и бледная. — Говори, в какой повозке держат чёрный порох.

Часовой покачал головой.

— Помнишь, — прошептал Арин, — как наказывали сбежавших рабов? Нет? Давай-ка, я тебе напомню. — Он провел кончиком кинжала по уху и кончику носа мужчины, едва касаясь острием его кожи. — Которая повозка?

Валорианец вновь покачал головой, но на этот раз его взгляд метнулся к одной из больших повозок.

Арин взглянул на Кестрел.

«Этого достаточно?» — спросили его глаза. Она ответила губами, что достаточно, но...

— Не надо, — прошептала она. Ей было больно смотреть на часового, прижатого к песку, у него были такие же чёрные глаза, как у её друга детства, как у любого валорианского ребёнка. Они блестели тем страхом, который, в конце концов, ребёнок учится прятать. Но угроза смерти — не самый лучший учитель, она заставляет забыть всё, что вы уже успели выучить. — Нет, — повторила она.

Арин помедлил, прежде чем ударить мужчину рукояткой своего кинжала по голове, чтобы лишить того сознания.

— Не мешкай, — сказал ей Арин.

Кестрел надрезала мешочек с чёрным порошком, привязанным к её талии, и услышала, как из маленького отверстия он посыпался на песок, а потом девушка зашагала напрямик в лагерь.

Она шла с опущенной головой, перекинув туго заплетённую косу через одно плечо. Её лицо было испачканным, напомнила она себе, когда проходила мимо костров. Кестрел поработала над внешностью. Её волосы порыжели... однако они казались еще рыжее, благодаря огню. Наверняка её никто не узнает. В этих доспехах. В таком виде. Ни следа косметики, никаких украшений, шелков, драгоценных камней, сверкающего венчального клейма. Она была не похожа на себя. Кестрел была просто одной из них. Просто ещё одной валорианкой. Но во рту всё равно пересохло, а живот стянуло в тугий узел.

До повозок было рукой подать. Чтобы успокоить себя, она провела пальцами через струйку чёрного пороха, льющуюся из мешочка, и подумала, как эта линия, остающаяся на песке, разделяет её и Арина.

Когда Кестрел добралась до повозки, часовой даже не удостоил её взглядом. И девушка медленно выдохнула. Она заглянула внутрь повозки и увидела в ореоле лунного света, проникающего сквозь холст, туго набитые мешки, перевязанные шпагатом.

— Чем это ты занимаешься? — раздался чей-то требовательный голос.

Медленно, очень медленно, выдавив весь свой внезапный страх в скрип песка под ногами, Кестрел повернулась.

Это был стражница. Женщина оглядела Кестрел с головы до ног.

— И что разведчица забыла в той повозке?

Небольшой мешочек на талии Кестрел оказался на виду. Из него высыпался почти весь порошок. Заметила ли стражница его в тени?

— Инвентаризация.

— Зачем это ещё?

Слова начали слетать с её губ еще до того, как она вспомнила их целиком.

— Ради славы Валории.

Стражница слегка отпрянула, вздрогнув, услышав фразу, означающую, что указанная военная миссия не подлежит обсуждению.

— Но... шпионка?

Она вновь внимательно оглядела доспехи Кестрел, цвет и материал (кожа, а не сталь, как у офицеров), мысленно отметив низкое звание девушки.

Кестрел пожала плечами. Пустой мешочек из-под пороха покоился на бедре.

— Вряд ли стоит задавать подобные вопросы генералу.

— Да, да, конечно... — незамедлительно ответила стражница и отошла в сторону, уступая дорогу Кестрел... а та, в свою очередь, постаралась идти не слишком быстро, несмотря на то, что ей безумно хотелось бежать, бежать изо всех сил всю дорогу до дюн.

А потом ей будто ледяная мраморная рука опустилась на плечо, прижимая к земле, вынуждая ноги вязнуть в песке.

Не было никакой руки, сказала она себе. Никто к ней не прикасался.

«Иди дальше».

Но она просто не смогла, как и не смогла опустить взгляд, чтобы не увидеть в пятнадцати шагах от себя своего отца, стоявшего в свете оранжевого света костра.

Что-то в ней надломилось и выпустило некое подобие эмоции — создание: двуглавое, шишковатое, с кожаными крыльями, бесчисленным количеством конечностей, существо, которое не должно было никогда появиться на свет. Кестрел даже не догадывалась, пока не увидела лицо отца, что она по-прежнему очень сильно его любит.

Неправильно, что она всё ещё это чувствовала. Неправильно, что любовь могла сосуществовать вместе с предательством, болью и гневом.

«Ненавистью», — поправила она себя.

«Нет», — прошептал в ответ голос, голос маленькой девочки.

Отец не видел её. Он смотрел на огонь. Его глаза были в тени, губы печально изогнуты.

— Траян, — раздался чей-то голос. Кестрел увидела, как к генералу приблизился седовласый человек. Солдаты расступились, обтекая его, словно вода. Император подошёл к своему генералу, лицо которого изменилось, сделалось старше, чем она помнила.

Отсвет всполоха от костра полоснул императора по щеке, когда тот склонился, чтобы прошептать что-то её отцу на ухо. Кестрел заметила полуулыбку и вспомнила какое удовольствие получал император от своих игр — сделав ход, он месяцами мог выжидать завершения, поставленного им спектакля. Но сейчас она не могла понять по выражению его лица, что он задумал.

Отец ему ответил. Девушка стояла слишком далеко, чтобы услышать, о чем они говорили, но была достаточно близко, чтобы увидеть, что их дружба была крепкой и верной.

Кестрел отвернулась. Она зашагала к дюнам, осторожно, чтобы не наступить на свои собственные следы и не смазать дорожку пороха, которая при поджоге должна стать проводником огня от Арина прямиком до повозки. Кусты, где её остался ждать Арин, представлялись сейчас чёрными размытыми каракулями. Её щеки были влажными. Никто из валорианских солдат не обратил на неё внимания, когда она проходила мимо. Кестрел отёрла лицо. Песок шуршал под её спешащими сапогами. Она оставила лагерь позади.

Кестрел почти дошла до кустов, когда услышала, что кто-то последовал за ней.

Прошагал по песку. Прямо по её следам. Подошёл вплотную.

Она медленно опустила руку на кинжал, душа ушла в пятки.

Она обернулась.

— Кестрел?

Глава 36

Рука девушки схватилась за эфес кинжала.

— Верекс.

Он смущенно стояла в лунном свете: длинные, покатые, узкие плечи, большие глаза, растрёпанные светлые волосы. Когда он встретился взглядом с Кестрел, то сделал такой большой глоток воздуха, что ей показалось, будто его грудь сейчас необратимо прогнется внутрь тела.

— Я так волновался за тебя, — наконец выдавил он.

Кестрел пересекла песок и бросилась в его объятия.

— Я пытался помочь, — пробормотал он.

— Знаю.

— Я послал тебе ключ в трудовой лагерь.

— Я его получила.

— Мне так стыдно.

— Верекс.

— Я не мог сделать больше. Хотел. Я должен был постараться.

Она отстранилась от него.

— Тот ключ был всем для меня.

— Но этого было недостаточно. Мой отец...

— Он узнал? — У неё кровь застыла в жилах. — Он тебя наказал?

— Он говорил со мной так, словно знал, что это я: «Ну, сын мой, слышал? Заключённая на севере пыталась сбежать. И каким образом... как думаешь? — в её грязной ручонке нашли ключ». Он ни разу ничем не дал понять, что заключенная — это ты. Никогда не обвинял меня в том, что это я передал тебе ключ. Просто смотрел на меня и улыбался. А после добавил, что заключённую подвергли пыткам. Убили. И я... — У Верекса перекосилось лицо.

— Я в порядке. Я здесь.

Но его это будто не убедило.

— Что он тебе сделал?

Верекс махнул рукой.

— Ничего.

— Рассказывай.

— Ничего такого. По-моему, он просто наслаждался ситуацией, дескать, я знаю, что это твоих рук дело. Ты попытался и потерпел неудачу. У меня есть свои шпионы при дворе, мне просто пришлось ими обзавестись, и когда ты исчезла, я очень быстро выяснил, что с тобой случилось. Он хотел, чтобы я знал. Всё это время он не говорил ни слова о твоём отсутствии, сообщил только ту же историю, что распустил при дворе, и велел мне отплыть на южные острова. И сказал, что присмотрит за Ришей, пока меня не будет. — Верекс засунул руки в карманы. Его плечи поникли ещё больше. — Он сказал: «Я знаю, как ты печёшься с восточной принцессе».

— И он...

— Нет. — Его голос прозвучал тверже. — Он знает, что если с её головы упадет хоть волос, я его убью. Она в безопасности, в столице.

— Верекс, что ты здесь делаешь? Ты же не боец.

Он усмехнулся.

— Я бы мог сказать то же самое и о тебе. И посмотрите-ка вы на неё.

— Ты знал, что это была я.

— Я узнал твою походку. Ты широко шагаешь.

— Я не ожидала увидеть здесь императора, не говоря уж о тебе.

— Я здесь по большей части для того, чтобы находиться под его присмотром.

Император взял меня с собой, чтобы поднять боевой дух своих войск. Эта военная кампания уже потерпела несколько неудач. — Он пробуравил её взглядом. — Твоих рук дело?

Она не знала, как ответить. И впервые за всё время ей пришло на ум — было совершенно неважно, что Верекс был ей другом. Он всё равно мог её схватить.

Может, он забьет тревогу.

Или же он не может быть ей другом, когда окажется настолько очевидным тот факт, что она была врагом его народа.

Кестрел сделала шаг назад, потом остановилась, когда боль промелькнула на его лице.

— По-моему, — произнес Верекс нежно, — твой отец догадывается, кто за этим стоит.

— Мой отец?

— Я не придавал этому большого значения, но после победы валорианцев на пляже, один офицер отметил засаду вдоль дороги вблизи поместья Эрилит. Упоминалось имя Арина. И что он с ним сделает, если возьмёт живым.

У Кестрел скрутило живот.

— Сказал что-то о... рабе с умным трюком.

Верекс умолк и в этом его молчании она услышала гнусности, которые он не смог воспроизвести.

— Твой отец сначала ничего не ответил на это. А потом: «Это не его трюк. Не только его». А тот офицер ухмыльнулся и сказал: «Вы имеете в виду безносого варвара». Но теперь я не думаю, что генерал вообще рассматривал кандидатуру восточного принца. После битвы на пляже я видел, как он осматривал тела, переворачивал их на песке... оглядел всех, кого удалось взять в плен. Как он всматривался в лица...

— Не говори ему, что видел меня.

— Может, ему следует это знать.

— Верекс, не смей. Поклянись.

Он обеспокоенно взгляделся в лицо Кестрел.

— Даю слово. Но...

Он провёл рукой по волосам и внимательно посмотрел на неё, прищутив глаза. Юноша поднял пустой мешочек, висевший на девичьем бедре, потом убрал ладонь и потёр большой и указательный пальцы друг о друга. Услышал неповторимый запах чёрного пороха. И весь ужас понимания медленно, но верно отразился на его лице.

— Что именно ты здесь делаешь?

— Просто дай мне уйти. Забудь, что видел меня, прошу.

— Я не могу этого сделать. Ты заставишь меня нести ответственность за всё, что собираешься сделать.

— Никто не пострадает, если ты не подпустишь никого к повозке. Придумай какое-нибудь объяснение. Никто не умрёт.

— Сегодня, возможно. А что будет завтра, когда нам понадобится то, что ты собираешься уничтожить? Ты же пришла за чёрным порохом, не так ли?

Она ничего не ответила.

— Я легко и просто могу остановить тебя прямо сейчас, — сказал он сухо.

— Если ты это сделаешь, то вручишь своему отцу ещё одну победу.

Он вздохнул.

— Самое ужасное заключается в том, что часть меня хочет ему угодить, несмотря ни на что.

— Нет. Прошу, не нужно. Ты не можешь.

— Но я хочу... ненавижу себя за желание угодить ему и не могу найти другой способ, чтобы при этом не навредить тебе. Может быть, ты его придумала, но так мне и не рассказала об этом. Если ты попадешь в руки моего отца, а, следовательно, и в руки своего, я себе этого никогда не прощу.

Кестрел сказала ему, что ей будет не хватать его. Она сказала ему тихо, в тон шума волн, что ей очень хотелось, чтобы он был ей братом, что ей жаль и что она благодарна судьбе за то, что ей посчастливилось познакомиться с ним.

Она ушла, не оставив после себя ничего, кроме бьющихся о берег волн.

Когда она добралась до Арина, тот раздвинул кусты и опустил восточный арбалет, который держал наготове.

— Тебе не пришлось бы, — заявила она.

Арин посмотрел на неё. Он бы выстрелил.

— Верекс — мой друг.

Арин разрядил арбалет. Его пальцы дрожали.

— Ты встретила его как друга, — признал он, — но...

Они оба бросили взгляд в сторону лагеря. Худая фигура Верекса медленно удалялась в его сторону. Он растворился в свете лагерного костра, на приличном расстоянии от повозки.

Кестрел развязала мешочек, сняла его с талии, отряхнула руки и одежду.

— Спички, живо.

Руки Арина ещё не слушались его. Он неуклюже завозился с коробкой. Кестрел забрала её, вынула спичку и, чиркнув ею о тёмную полоску, подожгла дорожку чёрного порошка на

песке. Та заискрилась, загорелась, и по дорожке побежало пламя.

И они тоже побежали.

Пляж озарил взрыв.

* * *

Они держались подальше от дороги, пробираясь сквозь ночь обратно в свой лагерь. Не спешили. Лунный свет рисовал на земле причудливые узоры. Они молчали, но Кестрел знала, что они молчат о разных вещах.

Она не рассказала Арину, что видела своего отца в валорианском лагере. Что она никак не могла выкинуть из памяти его образ, что любовь к нему засела у неё в душе, словно кулак. Дрожащий, израненный. Она презирала эту любовь в себе. Разве это не похоже на любовь избитого животного, которое крадучись подползает к своему хозяину? И невозможно было отделаться от правды: ей не хватало отца.

И это было так ужасно, чтобы рассказать Арину.

Но, в конце концов, когда они остановились, чтобы устроить привал и поспать, даже не собираясь возиться с палаткой, просто завалившись в ложбине, которую они вытоптали в высокой траве, Арин заговорил. Он проскользнул рукой под туннику девушки, чтобы прикоснуться к её обнаженной спине, но замер:

— Всё в порядке?

Ей хотелось объяснить: раньше она не думала, что позволит кому-нибудь прикасаться к своей исполосованной шрамами спине, думала, что это будет противно ему и противно ей. И всё же его прикосновения заставляли её чувствовать себя лёгкой и обновлённой.

— Да.

Он поднял туннику, ища отметины от кнута, проводя пальцами по всей их длине. Кестрел позволила себе почувствовать это, дрожа под его пальцами и не думая ни о чём. Но напряжение росло. Он лежал неподвижно, за исключением руки.

Кестрел спросила:

— В чём дело?

— Твоя жизнь была бы куда проще, выйди ты замуж за валорианского принца.

Она развернулась, чтобы было видно его лицо. Запах чёрного пороха впился в них обоих. Его кожа пахла свечой, которую только что задули.

— Но не лучше, — сказала она.

* * *

К исходу следующего дня они догнали армию Рошара, которая остановилась... что странно — ещё было слишком рано разбивать лагерь для ночёвки и слишком поздно для обыкновенного привала. Более того, сами солдаты пребывали в недоумении. Они выглядели так, будто вообще никаких приказов не получили. Они держали строй, но скорее условно, переговариваясь между собой, правда, броню при этом не сняв, и коней не расседлав. Кто-то даже сидел в седле. Геранец держал лошадь под узды. Дакранец выглядел так, словно ему хотелось, чтобы и у его лошади были вожжи, и ему было чем занять руки. Когда Арин и Кестрел подъехали к авангарду, все подняли на них глаза. Лица обратились к Арину в поисках объяснения, явно испытав облегчение, что наконец-то им будет дан ответ. Но Арин даже не понял вопроса.

— В чём дело? — спросил он двух ближайших всадников.

— За нашим принцем кто-то пришёл, — сообщил дакранец.

Арин посмотрел на Кестрел, взволнованный неуверенностью в голосе дакранца. И он не

знал, нужно ли ей перевести то, что он сказал.

— Кто-то его увёл? — спросила она на языке солдата.

Солдат цокнул зубами. Нет.

— Но я слышал, что его сиятельство по-настоящему испугался. На него смотреть было страшно. Кто-то думает, что она...

— Она?

— Несёт весть об окончании войны. Что мы должны отказаться от дальнейшего похода и отправиться по домам. — Солдат искоса посмотрел на Арина. — Кое-кто надеется на это.

— Явилась ваша королева? — спросил Арин.

Но это не королева пришла навестить брата.

Глава 37

Рошар стоял в одиночестве возле своего шатра. И Кестрел поняла, что имел в виду солдат, когда описал лицо принца. Она давно привыкла к его увечьям и уже редко обращала на них внимание. Но сейчас эмоции так сильно исказили черты его лица, что оно превратилось в уродливое месиво: маску потери, перекошенную злобой и стыдом.

Арин подошел к нему. Широко распахнутые глаза преисполнены беспокойства.

— В чём дело? Что произошло? — скороговоркой проговорил он на дакранском.

— Моя сестра не хочет говорить со мной. — Рошар прочистил горло. — Без тебя. — Его взгляд соскользнул с Арина и переместился на Кестрел. — Вас обоих.

И тогда Кестрел вспомнила, что у Рошара была не одна сестра.

Все трое вошли в шатер, принц замыкал шествие — плечи поникшие, глаза смотрят куда угодно, только не на Ришу, стоявшую в центре. Её валорианские косы пропали. Девушка подстриглась очень коротко, на манер восточного народа, глаза были подведены королевскими цветами, руки грациозно сложены. Воздух в шатре стал раскалённым и густым.

— Сестра, — начал было говорить Рошар, и осекся.

Она проигнорировала его. Её взгляд остановился на Кестрел, которая не понимала причины нахождения здесь девушки, как и её враждебности по отношению к собственному брату, которого Риша не видела, скорее всего, с тех самых пор, как была взята в заложницы империей, ещё будучи ребёнком.

— Я пришла торговаться, — сказала Риша.

— Мне нечего тебе предложить, — с осязаемой болью в голосе произнес её брат.

— Я торгуюсь не с тобой.

— Мне так жаль, Риша, сестрёнка...

— Я доверяю тебе, — сказала она, обращаясь к Арину. — В то время как эту, — она кивнула подбородком в сторону Кестрел, — Верекс высоко ценит.

Рошар сказал:

— Я сожалел об этом каждый день, с тех пор, как последний раз тебя видел.

— И о чём ты сожалеешь больше всего? Об этом? — Она указала на его увечья.

— Нет.

— О том, как тебя убедила старшая сестра?

— Да.

— Или о том, когда ты увидел, как валорианцы забирают меня?

— Да.

— Или ты пожалел о содеянном, когда объяснил девочке, что ей придётся ненадолго

уехать, и что она должна притвориться, будто удивлена, что её взяли в заложницы. И все это ради того, чтобы убить кое-кого.

Кестрел почувствовала напряженность Арина в том, как он смотрел на принца. Он выглядел очень обеспокоенным — руки с чуть приоткрытыми ладонями по швам, словно его друг готов был вот-вот развалиться на части, и Арину нужно быть готовым в любое мгновение броситься вперед, чтобы собрать его.

— Разве так трудно убить человека? — продолжила говорить Риша. — Особенно, зная таланты девочки. Только взгляните на эту милостивую крошку. Как она ловко умеет обращаться с кинжалом. Ну просто гений. Ещё никто не видел столь юной мастерицы. О да, она с лёгкостью убьёт валорианского императора.

И Кестрел всё поняла.

Рошар сказал:

— Я сожалею обо всем.

— Знаешь, все эти годы я неустанно гадала, был ли ты слаб, чтобы позволить нашей сестре управлять тобой, или просто глуп.

— Я просто не подумал...

— О том, что случилось бы со мной после того, как я убила бы императора? Брат, а я думала об этом, когда бродила по залам императорского дворца. Когда я изучала их язык. Играла в игры с их принцем. Я думала о том, что сделают валорианцы с маленькой девочкой, убившей их императора.

У Кестрел сжались лёгкие, будто от давления. Когда её отец отказался от своей дочери, он превратился в нечто иное. Более напоминая глыбу матового стекла. Ей хотелось приподнять хотя бы часть его предательства и показать его Рише, чтобы спросить, так же он выглядит и весит, как тот груз, что она носит в сердце, и станет ли он со временем легче, а может, и вовсе растает, как лед.

Но еще Кестрел заметила в глазах Рошара, что того гложет вина. Может быть, она и не должна жалеть его, и все же жалела.

Арин сказал:

— Скажи, чего ты хочешь.

Риша устроилась в кресле из тикового дерева.

— Я ни за что не убью отца Верекса. Но... — Она махнула рукой в их сторону, — вы можете, с моей помощью. Избавившись от императора, вы сможете победить в этой войне без открытого боя.

— Подожди, — вмешалась Кестрел и осторожно добавила: — Тебя не должно быть здесь. Верекс сказал, что ты в безопасности, при дворе.

При упоминании имени Верекса, гнев Риши стал чуть слабее.

— Верекс уехал и меня ничто там больше не удерживало. И я сбежала.

— И нашла дорогу сюда? Вот так просто?

Принцесса пожала плечами.

— Нетрудно найти безопасный проход, если ты готов убить за это.

Арин спросил Кестрел на геранском:

— Что думаешь?

Она заметила, что Арин перешёл на родной язык, и поняла, что он считает, так будет безопаснее, но не рискнула ответить ему при Рише. Она не сказала, что генерал Траян мог подослать к ним озлобленную восточную принцессу в качестве соблазнительной приманки.

Кестрел опасалась ловушки.

— Какую помощь ты нам предлагаешь?

— Я могу сказать, где будет император в сопровождении гвардии из нескольких человек, отдельно от армии.

— Откуда у тебя это информация?

— Двор.

Кестрел это не понравилось. Слишком просто.

— Ты пока так и не сказала, что хочешь в обмен на это.

Риша, не сводя взгляда с Арина, произнесла:

— Обещание, что Верекс не пострадает. Что его защитят.

Арин вздрогнул.

— У меня нет стремления как-то навредить принцу, — как бы обороняясь, ответил он.

Но Рошар переменялся в лице... и Кестрел неожиданно поняла, в чём дело.

— Нет, — сказала она ему тоном выше. — И не должно быть впредь. Его смерть тебе ничем не поможет. Будет лучше, если он унаследует империю. Он станет другом востоку.

— Это не имеет никакого значения, — вмешался Рошар. — Наша королева разобьёт империю, если сможет. Убийство императора поможет выиграть войну. Верекс может стать политическим союзником. Но если он унаследует Валорию, то эта страна всегда будет угрозой для нас... и для тебя, Арин.

— Место Верекса может занять и другой, — уверенно заявила Кестрел. — Если принц умрёт, Сенат изберет нового императора.

Серые глаза Арина потемнели.

— Им станет валорианский генерал.

Рошар пожал плечами.

— Пока мы и его не устраним. Если мы ликвидируем все основные фигуры «Пограничных Земель», что тогда останется делать сопернику? Только сдаться.

— Ты забыл самую важную составляющую в этой игре, — сказала Риша. — Меня.

Плечи Рошара напряглись. Кестрел почувствовала нарастающее беспокойство.

— Мы с Верексом поженимся, — сказала принцесса.

— Союз между востоком и западом, — медленно проговорил Рошар.

Кестрел искала глазами глаза Арина, но когда их взгляды встретились, она не смогла прочесть его.

— Для тебя ничего хорошего, геранец, — сказал Рошар, обращаясь к Арину. — Твой полуостров застрянет аккурат посередине.

Риск оставался всегда, даже выиграй они войну: Геран всегда может быть захвачен западом или истощен востоком. Но сейчас Кестрел смотрела на это, как на возможное будущее: таким образом брак между императором и дакранкой может стать единой силой, правящей всем континентом. Геран исчезнет.

— Решайтесь, — сказала Риша, — или я уйду. Моя информация в обмен на безопасность Верекса. Да или нет.

Арин встретился взглядом с Кестрел. Суровый рот, мрачный взгляд, спрашивающий, стоит ли оно того.

Она подумала о руке императора на плече отца.

О ключе, который Верекс послал в северную тюрьму.

Друг. Доброе сердце.

Но Рошар был прав.

Кестрел знала, что бы выбрал отец, будь он на её месте. Она осознала, что начала полагаться на голос у себя в голове, который спас ей жизнь на поле боя. Даже сейчас сама мысль о его возможном совете успокаивала... даже при том, что ей претило быть успокоенной.

Неважно, что её отец выберет. Она не её отец.

— Хорошо, — сказала Кестрел. — Я согласна.

— Тогда и я тоже, — сказал Арин.

Рошар уставился на свои руки.

— Никто не может гарантировать безопасность кому бы то ни было. Никогда. Особенно во время войны.

— Мы можем пообещать попытаться, — сказал ему Арин. — А ты можешь защитить его от дакранской королевы.

Рошар кивнул, но рассеянно, недоверчиво, словно кто-то преподнес ему портрет, на котором он был изображен без увечий, и принц не мог выразить словами, насколько нарисованный двойник отличается от него настоящего.

— Я подслушала, как глава Сената сказал, что если Валории удастся захватить пляж, то император в небольшом сопровождении двинется внутрь страны и обоснуется в усадьбе Сифия, — сказала Риша.

— Роскошное поместье, — сказал Арин, — но не представляет никакого стратегического интереса ни для императора, ни для его армии. Виноградники. Но в это время года виноград еще зелёный. Можно наладить небольшие поставки оттуда. Поместье находится к северу от дороги в город; неудобно в качестве базы для нападения.

Однако Кестрел неплохо знала императора.

— Но усадьба красивая?

Арин передёрнул плечами.

— До войны славилась своими витражами. Там есть комнаты, которые будто выстроены из цветного стекла. Или вроде того. Точно не знаю. Я это поместье никогда не видел.

— Император любит красоту.

Рука Арина непроизвольно дёрнулась, словно он хотел дотронуться до глубокого шрама, рассекавшего его левую щеку, но вовремя остановился. При виде этого жеста у Кестрел сердце облилось кровью, она вспомнила, как императорский прислужник напал на него и исполосовал ему лицо.

Её не было там, когда это случилось. И всё же она видела это сейчас, словно была сторонним наблюдателем: парализованная, словно у неё украли голос, а в горле застрял ком. Кости как свинец.

И она увидела себя в своих покоях императорского дворца, одетую в красное, плечи в золотом кружеве. Кестрел забыла об этом. И вот воспоминание накрыло её: плотный, великолепный лиф. Складки багряной парчи. Это император выбрал ей свадебное платье. Он выбрал её, тряпицу, которую отрезал от её дома, а потом пришёл рядом с сыном во дворе. И он уже мысленно вышил узор: какой видит её в дальнейшем и кем она станет. «Я выбрал тебя, Кестрел, и вращу в тебе всё, что не смог воспитать в сыне. Я сделаю из тебя того, кто сможет занять мое место на троне».

Кестрел трудно было пошевелиться, словно она и в самом деле стала тряпичной куклой, швы которой натянулись. Она коснулась руки Арина, почувствовала, как его мышцы

затвердели.

— По-твоему, он стремится только к разрушению.

— Да, — пробормотал он.

— Им движет красота. Он уничтожает её, только если не может овладеть.

«Я спросил себя, — прошептал император ей на ухо, — неужели это возможно, чтобы ты вот так просто предала свою страну, особенно после того, как эту самую страну безвозмездно вручили тебе».

— Он любит всему придавать форму. — Её окутало воспоминание беспомощности. Видение принца и его сестры постепенно растворялось перед её внутренним взором, их присутствие никуда не делось, но не имело значения. Она странно себя чувствовала; кровь покалывала, словно что-то росло внутри неё. — Расставлять всё по местам приносит ему удовлетворение. Вот почему он любит играть в игры. Тебе же известно это, не так ли, насколько прекрасна идеально выстроенная игра?

Да. Что-то росло. Колючка.

Выражение лица Арина изменилось. Она видела, как он истолковал её неподвижность. Неужели она побледнела, подумала девушка. Тревога омрачила его лицо.

— Кестрел, могу я переговорить с тобой?

Снаружи шатра наступила ночь.

Арин взял её лицо в свои ладони.

— Ты неважно выглядишь.

— Я в порядке.

— Это не так. Ты выглядишь так, словно часть тебя исчезла. Словно ты не здесь. Словно... — Он убрал руки, — ты что-то замышляешь.

И Кестрел поняла, что она и правда кое-что замышляет. Что внутри неё уже засела занозой-шипом одна идея.

— Кестрел.

Она моргнула, а потом увидела, как боль исказила его губы. Арин сказал:

— Скажи. — Она попыталась заговорить, но он тут же прервал её: — Только не юли и не обманывай.

— Не буду.

— Даже в мелочи. Не держи меня во тьме.

— Арин, для человека, который жаждет, чтобы я ему что-то сказала, ты отлично справляешься со своей работой, не позволяя вставить и слово.

— О. — Он потёр пальцами глаза и удрученно посмотрел на девушку: — Прости.

— Риша может оказаться ловушкой. У нас нет доказательств её истинной преданности, и, хотя я знаю, насколько ей небезразличен Верекс, она может пойти на это, твердо придерживаясь стороны Валории. И эта история про императора и особняк в Сифии может быть отвлекающим маневром. Хуже того, она может заманить нас в засаду. Но я также склонна считать, что император с удовольствием покинет поле боя, чтобы остановиться в роскошном поместье, славящимся своими витражами. Он разрешал моему отцу воевать вместо него в течение двух десятилетий. Как сказал Верекс, император здесь только дабы соблюсти формальности. Валория, скорее всего, выиграет эту войну... и, учитывая наши потери на пляже, захват геранской столицы не составит никакого труда. Уничтожение некоторых запасов чёрного пороха поможет нам, но у них его еще предостаточно, кроме того, они тактически сильны своей позицией. Почему бы императору не покинуть

армейский лагерь и не променять его на перину с видом на виноградники? Это так похоже на него.

— Тогда я возглавлю небольшой отряд, чтобы убить его. Да поможет мне смерть.

— Нет. У меня есть план получше, как победить в этой войне.

Она рассказала ему то, что у неё было на уме, а потом вернулась в шатер к Рошару, чтобы попросить его о помощи.

Глава 38

В розовом свете утра Арин рвал сухую траву и рассыпал по земле тонкие жёлтые клинки. В очередной раз.

Кестрел, сидевшая рядом с ним, оторвалась от своих занятий и подняла взгляд вверх. Девушка приподняла бровь.

Арин остановился. Он знал, что делал это только из-за постоянного беспокойства, но ему необходимо было занять чем-нибудь руки, в противном случае, они немедленно начинали дрожать.

Её руки не дрожали. Кестрел обмакнула тонкую кисточку, которую сделала сама из конского волоса, прутика и шпагата, во флакончик, стоявший на широкой доске, служившей импровизированной столешницей. По поверхности рубашкой вниз была разбросана колода карт «Клыка и Жала». Девушка перевернула только четыре и провела кисточкой по их чёрной поверхности. Жидкость впиталась в карту.

— Кестрел.

— Почти готово.

— Меня беспокоит, что император может не согласиться.

— А мне кажется, он согласится.

— Но ставки...

— Позабавят его.

— И он рискнет поставить исход войны?

— Возможно, ради удовольствия выиграть у меня. — Она положила кисть на доску. — Но он не победит. — Кестрел перевернула змею лицом вниз и поднесла её поближе к той, что пометила. Девушка внимательно изучила две рубашки цвета слоновой кости. Они выглядели почти идентичными, за исключением того, что доработанная ею слегка поблескивала. Кестрел постучала деревянным кончиком по окрашенной поверхности. Никаких следов. Карта полностью высохла.

Живот Арина скрутило в тугой узел.

— Эта игра может пойти не так, как ты задумала.

— Вот почему я сжульничаю.

— Даже с краплеными картами.

— Это хороший план.

— Да, но он согласится играть, только если сочтет, что результат неважен, даже если он проиграет. Именно это ему и понравится: ожидание от противника, что он сдержит свое слово. А он этого делать не собирается.

— Всё это часть игры.

— Если что-то пойдет не так, он что-нибудь с тобой сделает.

Кестрел перевела взгляд с доски на Арина и увидела, что он набрал очередную пригоршню травы. Всякий раз это сопровождалось звуком, напоминающим треск рвущейся ткани.

— Не в этот раз, — ответила она.

Арин почувствовал запах дыма курительной трубки Рошара ещё до того, как услышал принца, подходящего сзади. Солнце садилось. Небо напоминало леденец.

— Симпатично, — прокомментировал он.

— Похоже, буря приближается. Судя по цвету неба.

— Я вот тут подумал...

Арин повернулся, чтобы взглянуть на принца, взволнованный спокойным голосом последнего. Рошар избегал его взгляда, но его чёрные глаза были широко распахнуты. Взгляд стеклянный. Арин готов был заговорить, когда Рошар прочистил горло и сказал:

— Сейчас самое время напомнить, насколько я щедр.

Арин решил не тратить попусту время на бессмысленный диалог, в котором Рошар одновременно превознесет себя и высмеет. Он прекрасно знал, что беспокоит принца.

— Дай Рише время. Она простит тебя.

Рошар же продолжил говорить, будто ничего не слышал.

— Да что там говорить, я само великодушие. Тебе нужен был союзник в войне, и вот я здесь. От меня одна польза. Даже для твоего привиденьца. Она просит — я даю. Более того, я выбрал пять элитных бойцов, чтобы сопровождать её и мою сестрёнку к усадьбе Сифия. По правде сказать, я уверен, что Рише было бы довольно, чтобы Кестрел оставалась в безопасности, но мне показалось, ты оценишь, что я привлёк дополнительную охрану.

Арин осознал, куда ведёт этот разговор, и, похоже, буря, которую он предсказал буквально несколько мгновений назад, уже подоспела.

— Нет. Постой...

— Небольшой отряд — лучшее решение для проникновения в поместье. Тихий. Эффективный. Не больше семи человек.

— Восемь.

— Прости, Арин, ты должен остаться с армией.

— Ты не можешь заставить меня остаться.

— Разве я не твой командир?

Цвета неба стали еще насыщеннее. Оранжевый и красные оттенки сгустились. Кровь Арина забурлила от гнева.

— Ты нужен мне, — и голос Рошара на этот раз прозвучал глуше.

— Что?! — Воздух будто покинул его лёгкие.

— Император может остановиться в Сифии, а может и нет. Но вот что мы знаем наверняка — вся армия Валории, значительно превосходящая нас в численности, пройдет по этой дороге во главе с генералом, который, скорее всего, продолжит воевать в независимости от того, что произойдет в том поместье. Мы поставим все на игру Кестрел? Я утверждаю, мы имеем дело с валорианцами. И говорю, не отступать.

— Я тебе не нужен, чтобы сражаться.

Рошар склонил голову набок, пожимая плечами, и развел руки, как бы рассеивая семена. Этот жест, который геранцы использовали для обозначения сомнений, разозлил Арина еще сильнее.

— Нет, не нужен, — настаивал Арин. — Ты и без меня отлично справишься. Ты прекрасно умеешь воевать.

Рошар встретился с ним взглядом. Зелёная подводка вокруг глаз принца была свежей, выражение лица хладнокровным.

— А ты ещё лучше.

* * *

Арину не хотелось пересказывать их разговор с Рошаром. И всё же он это сделал, сосредоточившись на регулировке света маленькой лампы, которую они поставили на брезент, что расстелили на земляном полу палатки. Лампа горела как попало. Чадила из-за плохого качества масла. Пока Арин говорил, он одновременно возился с горелкой и дымоотводом. А потом он умолк, понимая, что был близок к тому, чтобы сломать то, что у него находилось в руках.

Кестрел залезла в спальный мешок, распустила волосы, рассыпавшиеся по обнаженным плечам. Они были цвета пламени.

— Рошар прав, — сказала она.

Арин боролся со своей неловкостью, не зная, что сказать, боясь сболтнуть лишнее. Наконец он решил остановиться на правде, какая она есть.

— Ты очень рискуешь. Я не хочу, чтобы тебе пришлось делать это в одиночку.

Она сидела в профиль к нему. Её волосы занавесом скрывали большую часть лица, но Кестрел откинула их назад и встретилась взглядом с Арином. Она была очень решительно настроена.

— Всё получится.

Он подумал о колоде «Клыка и Жала», аккуратно сложенной в бархатный мешочек. Арин потер тыльной стороной руки щеку со шрамом, увидел, как она спокойна, как выражение лица любимой изменилось, подобно тому, как это происходит с историей: неявно, в едва уловимых деталях. Больше никаких секретов. Ему стало немного спокойнее, когда он понял её замысел: простой и ясный.

— Я верю тебе, — сказал Арин. — Я останусь с армией, но мне странно, что Рошар передумал. Он был готов отступить к городу.

— Появление Риши заставило его передумать.

— И, несмотря на это, трудно понять, чего же он на самом деле хочет. — Арин объяснил, каким образом Рошар сможет претендовать на Геран, и в глазах своего народа он возьмет только то, что его по праву. На законных основаниях.

Кестрел ответила не сразу.

— Это так не похоже на тебя, подвергать сомнению чью-то дружбу.

Вместе с воспоминанием о Плуте, первом его друге после вторжения, на Арина накатила волна отвращения.

— А может, уже пора.

— Может быть, от этого ты перестанешь быть собой, в каком-то смысле.

— А ты? Ты доверяешь Рошару?

Она обдумала ответ.

— Да.

Арин покорно вздохнул.

— И я... хотя и не должен бы.

— Утро вечера мудренее, — сказала Кестрел, как бы между прочим. А потом она моргнула. Челюсть девушки сжалась. Она задула лампу.

Арин притянул Кестрел к себе.

— В чём дело? — пробормотал он. Её сердце билось под его ладонью.

— Это просто означает, что не нужно бороться с проблемами завтрашнего дня. Нужно

уладить сегодняшние.

— Но это почему-то тебя расстраивает?

— Это из-за того, что скажет отец. — Она словно стала меньше у него в руках. — Я не могу с ним встретиться.

— Тебе и не придется, — пообещал он. Это он мог устроить. Арин почувствовал, что его бог прислушивается. Он почувствовал, как согласие бога опустилось на него, лёгкое и тёплое, как пепел.

«Отдай его мне», — сказала смерть.

Когда Кестрел уже была на пороге сна, Арину пришло в голову, что нежные эмоции, сейчас наполнявшие его, которым он поначалу не мог дать названия, потому что они ещё не были ему знакомы, — и были тем самым умиротворением.

Он постарался проникнуться как можно сильнее этим ощущением, пока оно не растворилось, будто его и не было.

Глава 39

На следующее утро полил дождь, не проявляя никаких признаков скорого завершения. Сапоги Арина вязли в грязи, пока он помогал Кестрел готовить коня. Дождь только усилился, впечатывая капли в землю, подобно гравию.

Арин поднял взгляд к небу.

— Ужасный день для верховой езды.

Ему ненавистно было смотреть, как девушка собиралась в дорогу.

Кестрел вытерла воду с лица, взглянув на Ришу, которая запрокинула голову и, закрыв глаза, подставила лицо дождю.

— Кому как, — ответила Кестрел, — благодаря дождю, меньше вероятность того, что валорианский шпион заметит, как из нашего лагеря выехал небольшой отряд.

Это правда. Впереди простирался серый туман. Арин словно расческой убрал пятерней капающие волосы со лба. Он старался вести себя, как ни в чём не бывало. Но его нервы искрились, как лезвие о точильный камень.

Кестрел коснулась его щеки.

— Дождь нам на руку.

— Иди сюда.

Она была на вкус как дождь: прохладная, освежающая и приятная. Пока он целовал её, губы девушки потеплели. Арин чувствовал, как её одежда прилипла коже. И он забылся.

Кестрел пробормотала:

— У меня есть кое-что для тебя.

— Это совершенно необязательно.

— Это не подарок. Я даю тебе это на хранение, пока не вернусь. — Она вложила ему в ладонь жёлтое в крапинку перышко.

А потом, спустя несколько мгновений, Кестрел исчезла за дождевой завесой.

* * *

Земля сочилась влагой. Грязь забрызгала Арину штаны, когда он помогал грузить телегу припасами. Арин переживал, он всё думал о «Клыке и Жале», спрятанных в седельной сумке Кестрел, да и грязь кругом замедляла его работу. И он расстраивался всё сильнее и сильнее.

«Ох, ну не знаю, — откликнулась смерть, слегка ухмыляясь, — а мне нравится слякоть».

Арин остановился. «Серьёзно?»

В ответ он услышал лишь дождь.

Арин сосредоточился на другом. Он обдумывал возможности своей армии. Армии генерала. И медленно у него сформировалась стратегия; стратегия, которая высвободила эмоцию, близкую к удовольствию. Он осознал, что это было обещанием мести: прямо на кончиках пальцев.

* * *

Дождь громко барабанил по брезенту шатра принца, пока тот внутри изучал карту, исписанную пометками Арина.

— Твои люди будут лучше сражаться в дождь, — сказал Арин.

— К тому времени, как наша армия выстроится на позиции, он может уже и закончиться.

— Но грязь никуда не денется. Подумай о тяжёлой валорианской броне у высших чинов. Наша кожаная. Большинство из них увязнет в грязи.

— Но не на мощёной дороге. — Рошар не то чтобы хотел разрушить стратегию Арина, просто прощупывал ее, проверяя на прочность. — Они превосходят нас в кавалерии. Генерал учтёт плохие погодные условия. Вооружённая пехота тяжелее, а значит, хуже лошадей, вязнущих в грязи. Они попытаются обойти нас с конницей.

— Именно. — Арин легонько постучал по карте, где оставил пометки вдоль дороги, открытой и ровной, которую по обе стороны окаймлял лес. — На это и расчёт.

* * *

— На что это похоже, — спросила Кестрел Ришу, — иметь такой дар меткости?

На что принцесса холодно ответила:

— У тебя нет никаких доказательств относительно моих талантов.

Но Кестрел прекрасно помнила соревнование по стрельбе из лука на лужайке дворца, и как Риша демонстрировала бездарность в обучении, и как последняя выпущенная ею стрела поразила центр мишени с такой силой, что прошла насквозь, почти до половины собственного древка.

— Когда-то мне очень хотелось иметь такой талант, а потом перехотелось. И вот сейчас я вновь хочу.

Риша пожала плечами.

— Я это переросла.

— Рошар был моложе тебя нынешней, когда приехал с тобой на территорию Валории. Когда тебя схватили.

— Предали.

— Ты отказалась идти с ним?

Принцесса заёрзала в седле.

— Я была совсем ребёнком и хотела проявить себя. Дети стремятся угодить. Они так стараются. Мои брат с сестрой использовали это против меня.

— И Рошар был за это жестоко наказан.

— И что? — Риша развернулась в седле, чтобы встретиться взглядом с Кестрел. Глаза принцессы горели, её коричневая кожа блестела гладкостью под дождем, полные губы были сжаты.

— Ты могла бы поговорить с ним.

Риша фыркнула.

— Ты говоришь о прощении. Прощение оно такое... скользкое. Как вся эта грязь вокруг. Кестрел вспомнилось лицо отца в огненном отблеске на пляже Лерален.

— Это разрушает, — сказала Риша. — Тебе это известно.

Кестрел охватила тревога. Она не знала, что дальше собиралась сказать Риша, но девушка уже не хотела это слушать.

— Тебе, жаждущей смерти собственного отца.

* * *

Трупы валялись в канаве, недалеко от виноградников Сифии.

Дождь смыл все следы. Однако для Кестрел не составило труда представить ход событий.

Она буквально вобрала их в себя: как сопровождение императора захватило усадьбу и вывело геранцев, живших там, на улицу. Как им велели бежать вперёд. Девочка, лежавшая в канаве, потеряла туфлю. Её маленькая ножка была вся черна от грязи. Туфля... Кестрел искала её под дождем, борясь с нарастающей паникой. Ей просто необходимо было найти обувь этой девочки, словно поиск потерянной туфли заставит исчезнуть дым, всё ещё курящийся от мёртвой женщины, державшей ребёнка за руку. Тучи никуда не спешащих насекомых. Туфля поможет абстрагироваться от трупного запаха разложений, который только усилился дождём. Она поможет сдержать желчь, подкатившую к горлу Кестрел.

Но когда девушка нашла туфлю, застрявшую в корнях дерева, стелька продолжала держать форму ноги девочки. Кестрел будто видела вживую отпечаток её ножки.

Найденная туфля не убавила ужаса. Он обосновался глубоко у неё в животе, тяжёлый, как удар взрослого.

* * *

Они с остальными пятью дакранскими солдатами притаились в кущих виноградниках. Риша вглядывалась во двор со стороны кухни усадьбы, самое слабое место в доме. В дождливой ночи светилось всего несколько окон.

Кестрел облизнула мрачные губы и вцепилась в ранец. Она представила, как колода карт подрагивает, лежа в бархатном мешочке.

Она вспомнила ужин с императором. Десерт подавался с хрупкой сахарной вилкой. Их встречи всегда вызывали у неё подобные чувства: что ни возьми — оно буквально крошилось у неё в руках. А ещё ей вспомнилось, как после охоты, будучи уже в императорском дворце, она поняла, что император выкрал или покалечил её собаку, только потому, что она её любила. «Моему отцу нужно, чтобы ты любила его больше всех», — сказал тогда Верекс.

«Приглядывай лучше за собой», — сказал он тогда.

«Если ты решишь сыграть против отца — проиграешь».

Прикосновение к руке. Риша.

— Я тебя плохо знаю, — тихо произнесла принцесса. — Но из того, что мне рассказывал Верекс и видела я сама, могу твердо сказать, что тебе не нужен дар в обращении с оружием. Ты сама по себе прекрасное оружие.

Кестрел внимательно посмотрела на Ришу, которую почти полностью укрывала тень, только глаза мерцали. Кестрел почувствовала медленно нарастающий лёгкий трепет, волнующий кровь. Она очень хорошо его знала.

Её худшая черта. Её лучшая черта.

Желание выйти на первое место, чтобы припечатать своего противника большим пальцем.

Вспышка гордости. Её разум в окружении голодного ряда, напоминающего лисьи зубы.

Позже, на рассвете, когда император вытащил кинжал Кестрел из ножен и приставил

его кончик к горлу девушки, она вспомнила, что усадьбе изначально была уготована роль ловушки. Вопрос только в том, кто кому её приготовил: она императору или это ей выпала участь стать жертвой.

Кестрел коснулась руки Риши.

— Спасибо.

И все они двинулись сквозь тьму к дому.

* * *

Алая заря. Ясное небо. Вода блестит в щелях брусчатки по дороге в Лерален.

Арин и Рошар вели армию на запад быстро, насколько это было возможным. Они добрались до позиции, которую выбрал Арин.

Задание первое: выгрузить сотни заточенных кольев, которые Арин отдал приказ выстругать.

Второе: вогнать их в размокшую землю вдоль дороги.

Третье: расставить последние мешки с порохом вдоль дороги. Рассыпав их в небольшие, туго набитые узелки.

И четвертое: ждать, стараться не думать о Кестрел, о том, как она уже добралась до Сифии и, возможно, уже сыграла партию в «Клык и Жало» с императором, и выиграла или проиграла.

* * *

Вся семерка крадучись, прячась в углах особняка, пошла к своей цели. Риша не шла, а словно плыла, плавно, эфирно, а когда ей в коридоре повстречались солдаты-валорианцы, её нож вошёл в их тела, как в масло, не встретив никакого сопротивления. Валорианцы в ответ не издали ни звука. Было так тихо, что можно было услышать, как на пол закапала кровь.

Они получили доступ к верхним этажам и начали проверять спальни. Кестрел знала их расположение: в геранских домах спальни обычно выходили окнами на восток или на запад. Риша захотела проводить осмотр в одиночестве, к досаде дакранцев, которые было двинулись за ней, но получив в ответ решительный отпор в виде тихого шипения — отступили.

Она вернулась, на лезвии крови было больше, чем когда она уходила.

— И хватит, — прошептала она.

— Нужно вести себя тихо, — напомнила Кестрел. — Нам необходимо попасть в покои императора без лишнего шума. Мы не можем сражаться со всеми.

Риша фыркнула.

— Я могу.

Раздражение принцессы поблекло. В следующий раз, когда они столкнулись с валорианцами-стражниками (опять с парой), она милостиво позволила дакранскому солдату выстрелить в одного из них из арбалета, в то время как сама оттащила другого с линии огня, зажав рукой рот. Это была женщина.

Риша коснулась кончиком своего кинжала нежной кожи женщины под широко распахнутыми глазами.

— Веди себя тихо, — прошептала Риша, — сохранишь глаза. Веди нас в покои императора.

Стражница повела их к широкой двери в геранском стиле из тигрового клёна: гладкая древесины с небольшим количеством резьбы, немногим отличающаяся от подернутого рябью косяка. В коридоре мерцало бра. Свет от масляной лампы, благодаря витражам,

украсил древесину причудливым цветным узором.

— Сюда? — спросила Кестрел. Через замочную скважину струился свет.

Женщина кивнула.

Риша убила её. Тело обмякло. Кровь ручьями хлынула на сапоги Кестрел. Она заставила себя вспомнить о девочке, потерявшей туфлю, колоде «Клыка и Жала», шраме Арина, о его разговорах с богом смерти, о его вере в то, что именно с ним он и беседует, о бараках в пшеничных полях, о своей обнаженной спине в тундре на морозе, и чаяниях, что доза наркотика, выделяемая ей на ночь, избавит от любых воспоминаний.

— Открой дверь, — прошептала она.

Один из дакранцев, отобранный лично Рошаром, благодаря мастерству в этой области, встал на колени и развернул кожаный чехол с набором инструментов, а затем вставил два из них (тонкие и длинные, напоминающие вязальные спицы) в замочную скважину. Он поворочал ими, и спустя несколько мгновений раздался приглушенный щелчок — замок открылся.

Мужчина надавил на открывшуюся дверь легонько, словно руки его были лишь дуновением ветерка.

Риша вошла первой, за ней Кестрел. Девушки попали в холл роскошных покоев.

И немедленно стали жертвами нападения личной охраны императора, которая поджидала их, как только услышала щелчок замка.

* * *

Арин выстроил армию на западной дороге. Он расставил авангард широкими рядами, пересекающими дорогу, граничащую с влажной землей, вплоть до деревьев. За авангардом средние ряды перекрывали центр дороги.

Лошадь Рошара хлестала себя своим же хвостом и переминалась с ноги на ногу.

— Деревья превратили это место в нечто, напоминающее овраг. У нас не так много места для маневра.

— И у них не будет.

Утренний свет был чистым и свежим, бледным, как мякоть лимона. Арину казалось, что он сжимает ему горло. И его вкус полностью соответствовал ощущениям Арина: он был обжигающе живым.

* * *

Кестрел не смогла их сосчитать, не увидела, как стражи убили дакранцев, не осознала скорость движения Риши, когда принцесса отпихнула девушку к стене, создавая ореол безопасности вокруг неё. Она только слышала скользящие удары клинка Риши. Её арабски и пируэты. Безошибочность попадания. Парирование ударов. Удары тел об пол.

— Остановитесь, — крикнул кто-то. — Я хочу взглянуть.

Валорианцы отступили. С клинка Риши во все стороны полетела кровь, когда она взмахнула им, разрезая воздух. Она не собиралась повиноваться голосу. Кестрел схватила принцессу за руку. Девушка резко развернулась, на её лице читалось разочарование, словно она слышала голос, который был оборван жестом Кестрел на полуслове.

Император стоял на пороге, где прихожая перетекала в остальную часть покоев. Его поза была простой, непринужденной. Мгновение не было слышно ни единого звука, кроме дождя, барабнящего по крыше.

— Ты, — произнес он удивленно, когда его взгляд выцепил Ришу.

А потом и Кестрел.

Его глаза округлились.

— И ты, — радостно воскликнул он.

Он рассмеялся.

* * *

День разгорался. Солнце, казалось, парило в небе, стремясь взобраться ещё выше.

Арин ждал.

Ничего.

Ждал.

Ничего.

Он коснулся жесткой кожаной брони. Под ней прятались грудь и лёгкие. Кожа. Крапчатое жёлтое перо надёжно укрыто в кармане его туники, прямо над сердцем.

«Забудь перо, — велела смерть. — Ты — дорога».

«Солнце».

«Небо».

«Под тобой конь».

Арин был спокоен. Он произнёс: «Боги когда-то жили среди нас».

«Верно», — ответила смерть.

«А почему ушли?»

«Ах, милое дитя, это твой народ нас покинул».

* * *

— Леди Кестрел, вы похожи на грязную дикарку. Что вы здесь делаете?

Она попыталась ответить.

— Надеялись прикончить меня во сне?

Но у девушки во рту всё пересохло.

— Может, вы пришли за дворцовыми сплетнями. Не сомневаюсь, что принцесса варваров уже рассказала всё самое интересное. Разве нет?

Кестрел сглотнула. Она поняла, что её рука сжала кинжал до белизны костяшек.

— О, полагаю, вы хотите узнать последние новости об отце. Так позвольте рассказать: он вас не оплакивал.

Кестрел слушала императора, и ей казалось, что его голос доносится откуда-то издалека.

— ... Не скучает по тебе.

— ... И никогда не скучал. Вспомни, сколько времени он проводил дома. Совсем мало. Как неловко он себя чувствовал в людных компаниях. Как пришлось умолять его остаться в столице. О да, я это слышал. А вот то, чего ты не знала: он был рад твоей ссылке на север. Я видел, как эта ноша упала с его плеч.

— ... Он выглядит счастливее.

— ... Моложе.

— ... Свободнее.

Император перевёл взгляд с неё на Ришу, а потом и на дакранских солдат, ставших мертвецами на окровавленном полу.

— А ты, Кестрел, изобретательна. Я дам тебе то, о чем ты просишь. Ты пережила рудники, выжила в тундре, в войне... и не опустила руки до сих пор. Завела... — его взгляд метнулся к Рише, — интересных союзников. Но мой страж превосходит вас обеих и у меня не займет много времени, чтобы поднять весь дом. Я мало о чём сожалею, но моё решение

посадить тебя, вместо того, чтобы убить, попахивает брезгливостью... или, скажем, излишним беспокойством за благополучие твоего отца. Знаешь, а ведь он ни разу не упомянул о тебе с тех пор, как рассказал о твоей измене.

— Он бы и не упомянул, невзирая на любые чувства, которые испытывал.

— Как бы там ни было, — продолжил говорить император елейным голосом, — я мог бы убить тебя прямо сейчас, и он бы никогда об этом не узнал. А если бы и узнал, то какая разница? Что бы могла значить для него жизнь какого-то предполагаемого убийцы?

— Я пришла сюда не для того, чтобы убить вас.

И вновь его губы растянулись в тонкой улыбке.

— Я пришла сюда, чтобы вызвать вас на дуэль.

— Да неужели?

— Одна партия в «Клык и Жало». Если я выиграю — конец войне. Вы уходите. Пересекаете море. Все, до единого валорианца.

Император издал смешок, как будто был удивлен. Он провел пальцем по морщинке, давно поселившейся между бровей, а потом развел руками:

— Что я получу в случае победы?

— Всё, что захотите из того, что я могу дать.

Он постучал указательным пальцем по губам.

— Мда, не густо.

— Уверена, вы что-нибудь придумаете.

— А если я соглашусь и проигрываю? Ты положишься на то, что я сдержу слово?

— Валорианец чтит данное слово.

— Да, — протяжно произнес он. — Чит.

— Рише даруется свобода, при любом исходе.

— Я подожду здесь, — сказала принцесса, — с вашей стражей, если желаете. — Она окинула их презрительным взглядом, давая понять, что считала их шансы на выживание призрачными, раз уж решила закончить то, что начала. — До завершения игры.

Кестрел сказала:

— Мы будем играть без свидетелей.

— Сколько условий, — сказал император, — но конкретно это я бы не променял ни на что другое.

— Так вы согласны?

— Признаюсь, мне любопытно.

— Согласны?

— Справедливости ради замечу, что я играю куда лучше тебя.

— Увидим.

* * *

Арин услышал треск деревьев.

Геранский шпион. Он бежал к Арину. Его лицо блестело от пота.

Валорианцы на подходе.

* * *

Император привел её в свою спальню. Летнее бельё на кровати было тонким, простыни лежали в беспорядке. Она увидела вмятину на подушке, след от головы. В комнате пахло его маслами: порошкообразным перцем, резким сладким бальзамом. В чёрные стекла бился дождь.

— Умойся, — сказал он.

В углу стояла туалетная раковина с зеркалом. Девушка сделала, что было велено, хотя её лицо не так уж и испачкалось. Что Кестрел поразило, так это незнакомка, отразившаяся в зеркале, и она постаралась как можно меньше смотреть на себя. Но невозможно было не обратить внимания, к немалому её удивлению, что глаза ее теперь, на фоне загорелой, покрытой веснушками кожи, казались светлее. А лицо выглядело волевым.

Она сложила полотенце и присоединилась к императору, который стоял у восьмигранного стола. Он достал бутылку вина и два бокала.

— Я обслужу, — сказала она, отчего во взгляде императора заиграло веселье. Император определенно наслаждался своим положением. Она разлила красное вино, но никто из них не прикоснулся к бокалам. Они оба знали, что каждый подозревает другого в некоей ловкости рук, что позволила незаметно подсыпать яд в бокал.

— Разоружись, — приказал он.

— Непременно, если и вы поступите так же.

Он отстегнул свой кинжал и положил его аккуратно, но уверенно на стол. Пальцы Кестрел пошарили по поясу, пока не нашли крепление и не отстегнули оружие.

Кинжал Арина рядом с императорским клинком смотрелся простоватым, но в то же время сильным, как и её непривычное лицо в зеркале.

— Интересно. — Император погладил его. — Новое приобретение? Возможно, это будет моим призом, когда я выиграю.

— Если это то, чего вы хотите.

— Я ещё не решил, чего хочу.

Она открыла ранец, положила колоду карт в бархатном мешочке на стол и собралась было усесться за него.

— Не так скоро. — Он протянул руку. Девушка вручила ему ранец, который он пристально осмотрел. Удовлетворенный тем, что ничего эдакого в нём не обнаружил, мужчина бросил его на пол и сказал: — Ты же не станешь возражать, если я для пущей убедительности, обыщу тебя на предмет припрятанного оружия?

У неё по коже побежали мурашки.

— Я даю вам слово, что безоружна.

— На слово предателя едва ли можно полагаться.

Кестрел выпрямилась и ни разу не шелохнулась, пока его руки шарили по её разоблачённому от доспехов телу. Пальцы императора нигде не задерживались, пока не подобрались к девичьему горлу, а потом надавили посильнее, чтобы почувствовать пульс, подскочивший и помчавшийся вскачь без оглядки.

Он сказал:

— Можешь и меня обыскать.

— Нет.

— Уверена? — На долю секунды Кестрел показалось, что он хотел вынудить её признаться, что ей не хочется прикасаться к нему.

— Я вам доверяю.

— Ну что ж, маленькая лгунья, давай сыграем.

* * *

Приближающаяся армия валорианцев производила впечатление серебряной реки, искрящейся солнечными зайчиками на солнце.

Арин взглянул на этот поток через подзорную трубу. Генерала он не обнаружил.

Донёлся тоненький свистящий вой.

Арин опустил подзорную трубу.

Вой прекратился.

Крик боли.

Стрела застряла в горле геранца.

Воздух проткнул поток стрел. В них, из-за деревьев по обе стороны от дороги, стреляли валорианские Всадники.

* * *

Они расселись. Кестрел откинулась на спинку стула, развязала бархатный мешочек и высыпала колоду на стол.

Она потянулась, чтобы перетасовать её, но, как Кестрел и предполагала, император не дал ей этого сделать.

— Давай-ка, для начала убедимся, что эта колода не отличается от прочих, не возражаешь? — поинтересовался он.

Он оглядел рубашки и лицевые стороны. Когда убедился, что в колоде надлежащее количество Клыков и Жал, он перевернул их рубашками вверх и перемешал. Его лицо выражала спокойствие, но руки излучали нетерпение. Он коснулся каждой карты, но едва-едва. Ему не терпелось сыграть.

Кестрел внимательно всмотрелась в его лицо. Похоже, он не заметил, что четыре карты блестят больше прочих. Помог сумрак позднего часа. Он взял себе карты.

Желудок Кестрел стянуло в тугий узел, когда она заметила, что заветные четыре карты остались в колоде, из которой они с императором по очереди будут тянуть карты на протяжении всей игры.

Она взяла себе карты. Арин как-то предупредил её, что когда у неё шансы на победу очень велики, отсутствующий вид весьма определенно демонстрирует окружающим её уверенность. «Не думаю, что это кто-то замечает, — сказал он тогда. — Выражение твоего лица не меняется. У тебя нет какого-то особого жеста, и мышцы не начинают непроизвольно подёргиваться. Я просто интуитивно чувствую появление энергии внутри тебя, которую не могу постичь, а если бы мне все же это удалось, то меня бы ударило этим как молнией».

Она старалась не думать о своем плане, переживая, что даже сама мысль об этом отразится на её лице. Кестрел почувствовала, что нынешнее выражение лица застыло, как глина в печи.

«Играй, Кестрел».

Она открыла первую карту. Император сделал то же самое.

Она обнаружила, что молится богу Арина. «Прошу тебя, пусть это закончится побыстрее».

Но ответа она не услышала.

* * *

— Держать строй, — прокричал Рошар, когда стрелы полетели в них. Восточные арбалеты выстрелили в деревья.

Рошар приказал Хашу, своей правой руке, вести его часть войска в лес слева от дороги. На себя же Рошар взял правую сторону.

— Мы позаботимся о Всадниках, — сказал он Арину, — ты командуй наступлением на дороге.

Арин ухватил принца за плечо.

— Ты увязнешь в грязи. И вы будете как на ладони у Всадников, они вас перестреляют ещё до того, как вы доберетесь до деревьев.

— Выбора особого нет. Продолжай вести ответный огонь. Дакранские лучники — жители равнин. Они знают своё дело.

— Но они не боги.

— Станут ими, чтобы защитить своего принца.

А потом Рошар ушёл и Арин сосредоточил все свое внимание на дороге, потому что враг несся лавиной прямо на них. Осталось совсем чуть-чуть. Они почти здесь. Почти...

Здесь.

* * *

Пока они играли, дождь сошёл на нет. Бокалы вина так и стояли нетронутыми. В колоде всё ещё лежали, притаившись среди других, четыре крапленые карты.

Наступила очередь императора делать ход. Он потянулся к колоде, но остановился. В его жестах наблюдалось слишком много театральности. Он ни в чём не сомневался и даже не пытался притвориться нерешительным, открыто издевался над нерешительностью как таковой, потому что прекрасно знал, что именно это она сейчас испытывает.

— Ходите уже. — Голос Кестрел был твёрд.

— Я думаю.

Она ничего не сказала.

— Разве тебе не интересно, о чём я думаю? — Он откинулся на спинку стула, его посеребренная щетина замерцала в свете лампы. Император прижал пальцы к губам, не так уж сильно, но достаточно, чтобы кожа его щек немного обвисла. Его жест обнажил возрастные морщинки, обосновавшиеся возле рта. Что-то его очень обрадовало.

Затем она увидела, что его взгляд переместился на её руки.

Они дрожали. Кестрел прижала их к столу.

— Я думаю о том, что потребую от тебя, когда выиграю, — сказал он. — Самое привлекательное в этой сделке то, что твоё предложение поразительно открытое. «Что угодно».

Стоило выразиться иначе, хотя, что ещё она могла сказать, ведь именно эта фраза заставила его согласиться на игру в предвкушении удовольствия от того, что он делал сейчас.

— Я мог бы заставить тебя преподнести мне Арина из Герана на блюдечке, — сказал император. — Он же хотел сдаться ради тебя.

Её будто оглушило.

— Я не закончил с лицом этого мальчишки. — Император толкнул пальцем рукоять кинжала Кестрел.

Движение кинжала отозвалось негромким звуком, который будто оцарапал ей позвоночник.

— Не исключено, что теперь не его лицо меня так привлекает. С удовольствием посмотрел бы, что можно сотворить с тобой.

Тишина.

— Что скажешь, леди Кестрел?

Его взгляд опустился на её плечо. Он продолжал говорить ласково, множа пункты списка, а разум Кестрел раздирали противоречивые мысли: названия выбранных им орудий пыток, способные причинить ей как можно больше боли, подразумевались для конкретных

действий или ему просто хотелось, чтобы она надеялась, что он на самом деле с ней так не поступит, и эта надежда была вершиной самой изысканной формы жестокости.

Стук сердца бешено отдавался в ушах. Ничего не выходит. Она совершила ужасную ошибку, придя сюда.

— Разумеется, — закончил свою мысль император, — с таким предложением, что ты сделала, у меня карт-бланш.

* * *

Арин приказал своему авангарду разделиться на две части и прижаться по бокам дороги.

Мешочки с чёрным порохом были подожжены.

Валорианская кавалерия встала на дыбы от того, что увидела. Но слишком поздно.

Мешочки разорвались под их копытами. В воздух взлетели куски брусчатки.

* * *

— Пропускаете ход? — спросила Кестрел.

— Отнюдь.

— Страшно играть.

— Мы оба знаем, — ответил он, — кому здесь из нас страшно.

Она взяла бокал с вином и отпила.

— Я восхищаюсь твоей любовью к азартным играм. — Император тоже взял свой бокал и отпил из него. — Это просто были мои мысли вслух. От размышлений никому нет вреда.

— Я вот тоже кое над чем думаю. Почему мой отец так сильно уважает вас?

Император опустил кубок на стол.

— Он мой друг.

— И всё же, вы говорите такие вещи о нём.

— Его здесь нет, но даже если бы и был, то ему было бы всё равно.

— Это не так.

Император внимательно оглядел девушку.

— А ты не похожа на него. Разве что глазами.

— Почему? — Вопрос сам собой сорвался с ее губ.

— Что «почему», Кестрел? — почти нежно спросил он.

У неё сдавило горло. Глаза жалили слёзы. Она осознала, что совсем позабыла об игре... и возможно, именно это было в намерениях императора. Она не хотела спрашивать и всё же не смогла удержаться, просто не смогла ничего с собой поделаться, как и с болью в сдавленном голосе:

— Почему он выбрал вас, а не меня?

— Ах, это... — Император потер сухие ладони и, сложив их конусом, слегка погладил друг о друга. — До сих пор у меня был очень занимательный вечер. Что, надо признать, только твоя заслуга. И я чувствую, что должен отплатить тебе той же монетой. Итак: правда. Траян не был мне другом... поначалу. Он был мне необходим для достижения моих целей. Мне хотелось военной доблести. Имперской экспансии. Я же, в свою очередь, давал ему возможность получить то, что хочет он. А он хотел, ни больше ни меньше, увидеть однажды свою дочь во главе империи. Понятные амбиции. Хотя, возможно, наша дружба зародилась не тогда. Мы знали друг друга задолго до твоего рождения. Он редкого ума человек. Есть некое удовольствие в поисках равного себе. Возможно, всё началось именно с этого. А потом переросло в нечто большее... — Он пожал плечами. — Возможно, так случилось

потому, что он знал, какой я с другими, и знает, что с ним я совсем не такой. Я ценю Траяна. В конечном итоге, когда он пришёл с письмом в руке, кричащем о твоём предательстве, и понял, что ты ему лгала, выбор между тобой и мной стал выбором между тем, кто его любит и кто не любит.

По щекам Кестрел потекли слёзы.

Император похлопал девушку по холодной руке.

— Полагаю, нам больше не стоит обсуждать твоего отца.

Он сделал ход.

* * *

В воздухе стоял запах серы и горелой конины. Криков было так много, и они были такими громкими, что Арин не мог их разобрать. Просто звуковой поток, от которого закладывало уши.

Валорианцы барахтались в собственной крови на взорванной дороге. Но стрелы Всадников продолжали пронзать воздух. Арин увидел, что один из булыжников разбил лицо геранскому солдату. Тело лежало наполовину в грязи, наполовину там, где ещё несколько мгновений назад была дорога.

Арину никак не удавалось найти взглядом генерала. Валорианская армия была огромной. В результате взрыва пострадало всего несколько рядов их кавалерии.

Ещё один конный отряд валорианцев передвинулся вперед на позицию.

* * *

Кестрел проигрывала. Ранее император мешкал, чтобы ей просто было неудобно, и он упивался этим, кусал и жалил её, будто змея, и наблюдал, как она корчится от боли. Тактика же медлительности Кестрел имела другую природу. Ей требовалось время, чтобы как можно на дольше растянуть игру. Если раньше она хотела, чтобы та закончилась быстрее, то теперь ей требовалось больше времени.

Четыре блестящие карты в колоде подмигнули ей. Она знала их значения. Волк — она сможет её использовать, окажись та у нее в руке. Или даже пчелу.

Её разочарование возросло.

Слёзы на щеках высохли, стянув кожу солью. Она не могла не думать о том, что император наговорил об отце. Не могла отделаться от воспоминания о том, как он сказал, что она разбила ему сердце.

Будь он здесь, она бы закричала на него. Он разбивал ей сердце снова и снова, много лет. Он пытался внушить ей собственное представление о чести. Какой он хочет, чтобы она была. А не такой, какой она должна была быть на самом деле.

Кестрел почувствовала, как её позвоночник вытянулся в струнку.

Его чёртова преданность долгу и чести.

Когда пришла её очередь вытащить карту, она не стала выбирать краплёную.

* * *

— Тише, — крикнул Арин.

Его конь тряхнул головой. Авангард Арина все еще держал строй: те несколько основных рядов, перебежавших дорогу к деревьям.

Валорианская кавалерия тоже времени даром не теряла. Она бросилась прямо к ним, готовая прорвать ряды Арина. Арин видел, как вражеские войска выстроились клином. Левая и правая стороны вынужденно сбавят скорость при столкновении и попытаются взять в окружение ядро армии Арина, проскакав вдоль дороги, где авангард примет бой.

«Да, — сказала смерть, — славно».

* * *

Император вытащил краплёную карту. Кестрел издала неопределенный звук и отвела взгляд с тем, чтобы он не смог прочесть выражение её лица.

Окна посветлели. И впервые она смогла разглядеть причудливые узоры витражей. Глухой ночью они казались чёрными. Теперь же в тусклом отблеске зари они покраснели. А в скором времени явят всю свою красоту. Цветы, богов, нос судна. Взмах птичьих крыльев.

Это была восточная комната. С зарей она явила всю свою роскошь.

* * *

Армии схлестнулись. Центр авангарда Арина объединился вокруг него. Но края — как и планировалось — распались, солдаты намеревались отступить в лес.

Левый и правый фланги валорианской кавалерии мчались прямо по открытым участкам вдоль дороги, по границам которой прятался авангард Арина.

Валорианские кони пропарывали брюхо, насаживая себя на колья, воткнутые в грязь по приказу Арина.

* * *

Император открыл лису. Он вёл игру в игре.

— Для тебя всё выглядит как-то совсем уж не радужно, — сказал он Кестрел.

* * *

Внимание Арина на фоне прочего: вращений тел, борьбы в грязи, драк, падений и подъемов, убийств, — привлекло некое движение. На периферии сражения, где в предсмертной агонии бились выпотрошенные боевые кони, что-то маячило в отдалении, не больше кролика. Он не мог смотреть прямо — был слишком занят своим конём, которого пытался отвести в сторону из-под вставшего на дыбы вражеского жеребца. А потом боролся с всадником того жеребца. Стоило Арину отвлечься, как он сразу же был схвачен рукой противника.

Не кролик.

Нечто, кратко превосходящее кролика.

И вместе с тем, возникло впечатление чего-то (а может кого-то) неуместного. Иностранной нежности. Невинности.

Арин почувствовал, как вражеская рука треснула в плече.

Наездник закричал, но Арину было все равно. Он нетерпеливо убил валорианца. Теперь он видел только то странное движение далеко в стороне от дороги, среди кровавых колеб.

Это был Верекс. Он изо всех сил пытался освободить ногу, заточённую между телом павшего коня и землей.

Он был лёгкой добычей.

Арин увидел, что солдаты видят принца... но они не видели в нём принца, они не видели в нём того, кого им запрещалось убивать.

Это принц?

Весь покрытый грязью, за исключением соломенных волос, Верекс дергался, его тонкие конечности тряслись от ужаса. Он не видел, как в натянутый дакранский лук, была заложена стрела.

Арин был слишком далеко. Он прокричал: «Нет», но его крик потонул в реве битвы.

Лучница прицелилась и выпустила стрелу.

* * *

— Мне даже, в каком-то смысле, хотелось бы проиграть, — как бы размышляя, произнес император. — Это был бы новый опыт. С моей стороны было бы неправильно надеяться, что эта игра продлится как можно дольше? Играй лучше, Кестрел, или всё завершится слишком быстро.

Кестрел напомнила себе, что всегда можно проиграть, даже имея на руках козыри. Она сделала свой ход.

* * *

Арин беспомощно наблюдал, как стрела, рассекая воздух, неумолимо летела к Верексу. Она ударилась о его металлическую броню и отскочила. Бесстрашная лучница заложила в арбалет очередную стрелу.

Арин, пригибаясь к земле, повинувшись вражеской воле, попытался пробиться к краю дороге. Но ему бы ни за что не удалось вовремя подоспеть к Верексу. «Используй коня в качестве щита». Но Верекс, который уже и сам видел, как облако опасности вокруг него уплотнилось до точки на кончике стрелы, замер.

Взгляд Арина метнулся к лучнице, на лице которой после выстрела резко поменялось выражение. На нем застыл ужас.

Арин увидел то, что видела она: к валорианцу мчался Рошар, преграждая путь стреле.

Рошар вдавил Верекса в грязь. Стрела пролетела над его плечом.

Потом брат Риши схватил ошеломлённого валорианца, вытащил его из-под лошади и потащил к деревьям, чтобы укрыть под их пологом.

* * *

Теперь они оба молчали, сосредоточенные на игре. Император потянулся за второй блестящей картой.

Витражи засветились и что-то высвободили из глубин души Кестрел. Цвет проник в дом, наполнил комнату, и Кестрел посетило неожиданное желание.

Как бы ей хотелось, чтобы отец был здесь.

«Ты, жаждущая смерти собственного отца».

Но она не жаждала. Девушка обнаружила, что просто не могла ее желать, и неважно, сколько боли он ей причинил. Она хотела, чтобы он был здесь и мог воочию видеть её победу. Чтобы он увидел то, что видела сейчас она.

Окно — это просто окно. Цветное стекло: просто стекло. Но на солнце оно приобретает больший смысл. Она бы показала ему и сказала, что подобное способна сотворить лишь любовь.

Как и тебя, потому что Кестрел больше не могла отрицать никуда не девавшуюся правду.

«Я тоже тебя люблю».

* * *

После того как Рошар с Верексом исчезли меж деревьев, Арин перестал думать. Он редко думал в бою. Так было проще всего отдаться битве полностью. Внутреннее состояние понуждало к верным действиям. Тело слушалось.

Колья разрушили всю стратегию валорианцев. Им стало не под силу обойти с флангов армию Арина, превратившуюся в монолитную колонну, которая заполонила всю дорогу. Авангард Арина по краям начал прорываться вперед, стараясь добраться до незащищенных участков дороги, где базировались валорианцы. Немного удачи и Арин нанесёт удар по ним с фланга.

Когда его меч рубил противника, открывая дорогу, Арин подумал, что не выбрал бы другого бога, которому мог позволить управлять собой, что никто из пантеона, насчитывающего сотню божеств, не смог бы доставить ему столько же радости.

«Дар», — подумалось ему.

«Это — ничто, — сообщила смерть. — Разве я не дала тебе обещание? Разве ты не остался верен мне, в надежде на этот самый момент? Посмотри, посмотри, что у меня есть для тебя».

Арин присмотрелся.

Всего в нескольких шагах от него, пеший, без шлема, стоял генерал Траян.

* * *

Это длилось слишком долго.

Рассвет разгорелся в полную силу. Витражные окна засверкали яркими аляповатыми цветами. Кестрел подошла к завершению своей игры. Она собрала достойные карты и все же боялась показывать их императору.

Неважно, что за карты она держала в руке. Все, что имело значение — игра была окончена, и император расслабился, чуть прикрыв глаза, наполненные текучей темнотой.

— Показывай, — сказал он.

* * *

Арин пришпорил коня, погнав вперед. Генерал увидел его и выпрямился. Разум Арина отключился, он ничего не слышал, даже смерть, а следовало бы, потому что в последнее мгновение генерал пал на одно колено и вогнал свой меч глубоко в грудь лошади Арина.

* * *

Медленно, насколько это было возможно, Кестрел перевернула последнюю карту.

Четвёрка пауков.

Император не улыбнулся. Она почти мечтала, чтобы он это сделал. Он только на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, выражение его лица было куда страшнее улыбки.

Он показал свои выигрышные карты.

Четвёрка тигров.

* * *

Арин со свистом слетел с коня и головой ударился о дорогу. В ушах зазвенело.

И звенело, звенело.

* * *

Над верхней губой императора появилась испарина. Он коснулся кожи, удивленно посмотрел на пальцы, но потом опять обратил всё своё внимание на Кестрел.

Девушка быстро вскочила, опрокинув стул.

Император схватил со стола её кинжал и с молниеносной быстротой приставил его к горлу Кестрел. Он проколол девичью кожу, потекла крошечная струйка крови.

Какой же она была душой, и план у неё был дурацкий, азарт идиотки, и всё же разум навязчиво царапала мысль, что еще можно что-то сделать, пустяк, который позволит переломить ход событий, исправить допущенную ошибку и дать случиться тому, что должно было бы уже случиться.

— Не принимай поражение уж слишком близко к сердцу, — сказал он. — Если тебя это утешит, то я не собирался выполнять обещанное, даже в случае твоей победы. Но удовольствие от игры такое манящее. А теперь. Сядь.

У неё подкосились ноги.

— Пришла пора обсудить, что ты можешь предложить.

* * *

Арин услышал визг металла в воздухе.

Он перекатился, убравшись с дороги меча, и услышал лязг генеральского клинка о камень дороги.

Геранец заставил себя подняться на ноги.

* * *

Император опустил обратно на свой стул. Кестрел уставилась на его выигрышную комбинацию, голова закружилась от страха.

— Тебя беспокоит это сочетание карт? — Он всё ещё держал в руке её кинжал. Мужчина перевернул карты лицевой стороной вниз. Затем он умолк, хмуро буравя взглядом рубашки карт. Он коснулся одной из блестящих карт, а затем перевернул комбинацию карточек Кестрел, чтобы изучить и их. А потом нашел в колоде еще две крапленые карты. — Что это?

Она невольно вздохнула.

Он взмахнул рукой, словно хотел отбиться от невидимого насекомого. Цветной свет озарял всю комнату. Четыре карты излучали сияние.

— Ты жульничала? — пробормотал он. — Как можно жульничать и при этом всё равно проиграть?

* * *

Арин бросился на генерала, который одним ударом рассёк застёжки его брони, походя отразив удар юноши, вынудив его меч уйти вниз. Защита Арина была вскрыта. Генерал был быстр, его движения точны. Сталь мужчины была настолько остра, что, когда он ранил Арина, тот поначалу ничего не почувствовал.

* * *

Император облизал сухие губы. Он перевернул две карты в колоде. Волк. Змея.

— Это хорошие карты. Зачем было помечать карты, если ты не собиралась их брать? — Он сглотнул так, что заметно дернулся кадык.

Кестрел увидела, что он начал понимать.

И его тело начало понимать.

Он бросился на неё.

* * *

Меч порезал шею Арина, чуть ниже уха. И отсек бы голову, не отпрянь он вовремя назад.

Арин уже не раз смотрел на лицо генерала и не видел его по-настоящему. Но не сейчас. Он видел, что этот человек точно знал, кто он такой, и что он стремился убить Арина почти столь же сильно, как Арин жаждал его смерти.

* * *

Император опрокинул вино. Он схватился одной рукой за стол, не выпуская из другой кинжал Кестрел.

Она отступила от стола, когда он забился в конвульсиях. Кестрел испытала такое облегчение, что его и облегчением-то нельзя было назвать. Скорее, она погрузилась в изнеможение, которое сразу же полностью завладело её телом.

— Я солгала, — сказала ему Кестрел.

Император попытался выпрямиться. Она подумала, что он, наверное, пытается как-то применить кинжал, но рука не слушалась его. И как следствие, оружие выпало у него из рук прямо в лужу разлитого красного вина.

— Я солгала, когда сказала, что пришла сюда не для того, чтобы убить вас.

Его округлившиеся глаза остекленели.

— Не имело значения, выиграю я или проиграю, — сказала Кестрел. — Важным было только время, чтобы яд успел подействовать. Его добывают из крошечных червей на Востоке. Яд прозрачен, а когда высыхает, блестит. Я нанесла его на четыре карты колоды «Клыка и Жала». Вы их трогали.

Изо рта императора потекла пена.

Его дыхание стало прерывистым, гортанным, сродни звуку лопающихся мыльных пузырей.

А потом всё закончилось.

* * *

Арин нанёс ответный удар.

Пока они дрались, его кровь зло кипела безмолвными словами: мать, отец, сестра. Кестрел.

Арину было всё равно, что его удары о бронированное железом тело были бесполезны, что в этих действиях не было никакого смысла, что несколько сбитых пряжек с брони генерала не приблизили его к победе. На виду было слишком мало открытых участков тела мужчины, он никак не мог до них добраться и всё же отчаянно желал пустить ему кровь. Если он не сможет ранить генерала, то избьёт его. Он будет бить, пока что-нибудь не сломает.

«Пряжки», — подсказала смерть.

Арин сместил замах и изогнул его в сторону локтя генерала, держащего меч, целясь прямо туда, где висели сломанные застёжки.

Арин отсек руку мужчине по локоть.

На Арину хлынул поток крови. Если генерал и издал какой-то звук, то Арин его не услышал. Он весь был липкий и тёплый.

Генерал упал. Он лежал, щурясь на солнце, глядя на Арину; глаза остекленевшие, рот двигается, как будто говоря что-то, но Арин ничего не слышал.

С мгновение Арин колебался.

Но в этом человеке не было ничего от неё, это был просто враг у его ног. Арин замахнулся мечом... с большей силой, чем необходимо для смертельного удара. Он хотел вложить всего себя в этот акт возмездия.

Мечь: тёмного, винного, насыщенного цвета. Она затопила лёгкие Арину.

Эти светло-карие глаза. Смотрящие на него.

Было в них нечто такое...

Это единственное, что у Кестрел было общего с отцом.

Арин заговорил, его голос прозвучал откуда-то издалека, словно часть его оставила дорогу и поднялась ввысь, и будто солнце взирала на то, что осталось внизу, на земле.

Он произнёс:

— Кестрел попросила меня об этом.

За все, что ей пришлось вынести.

Арин был мальчиком, рабом, взрослым мужчиной, свободным мужчиной. Он был всем

этим одновременно... и кем-то ещё. Он понял это только сейчас, когда вонзил меч в землю, рядом с горлом генерала.

Не благословлял его никакой бог смерти.

Арин сам был этим богом.

Глава 40

Но неожиданно для самого себя он замер.

Сожаление — неподходящее слово для описания того чувства, что Арин испытал позже. Скорее отрицание. Порой, даже спустя много лет после войны, он бы неожиданно просыпался в поту, пребывая в заложниках у ночного кошмара, в котором рубил на части отца возлюбленной.

«Но ты же этого не сделал», — сказала бы она ему.

«Ты этого не сделал».

«Скажи мне. Повтори. Скажи мне, что ты сделал».

И он бы, весь дрожа, рассказал.

Его разум был подобен стеклянному шару. Ничего, кроме эха. Запаха его матери. Голоса отца. Взгляда Анирэ, когда она смотрела на него и говорила глазами: «Выживи!» А ещё они говорили: «Люблю и мне жаль». Они шептали: «Братишка».

А потом тишина. Все затихло в голове Арина, пока он стоял на дороге. Он перестал слышать голоса. Подумал о том, как странно, что Риша, желавшая смерти императору, не пожелала расправиться с ним собственноручно. И теперь Арин понимал почему. Он знал, каково это — не иметь семьи: это как жить в доме без крыши. Даже если бы Кестрел была здесь и умоляла его: «Опусти свой меч, прошу, сделай это, не медли», — Арин не сумел бы оставить её сиротой.

Да и будь она здесь, вряд ли стала бы умолять, глядя на посеревшее лицо умирающего отца. В глазах мужчины отражалось небо. Он пытался что-то сказать, прижимая руку к груди, чуть выше сердца.

Внутри Арина пульсировало сияние; он не понял, когда успел достигнуть пика мести, как убийство смогло подойти так близко к желанию.

Он чувствовал, что его глаза горят, потому что знал, что собирался сделать.

Он не хотел быть здесь. Он гадал, почему нельзя помнить, как матери вынашивали их внутри чрева: в тёмном и нерушимом сердце, которое было целым миром, и никто не мог навредить им там, и они никому не могли причинить боли.

Арину показалось, что если он не убьёт этого человека, то память о матери растворится в небытие. Она уже начала тускнеть по прошествии лет. Не за горами тот день, когда она будет далека, как звёзды.

Но он не смог этого сделать.

Должен был, но не смог.

«Скажи мне, что ты сделал».

Арин выронил меч, упал на колени, оторвал кусок ткани с плеча мужчины и перевязал рану, чтобы спасти того, кого ненавидел больше всех на свете.

* * *

После окончания сражения и после того, как Рошар принял капитуляцию валорианцев, Арин уже не на шутку забеспокоился — почему Кестрел так до сих пор и не вернулась из Сифии. Он отправился к шатру лекарей.

Генерал спал, ему прижгли руку, обработали и перебинтовали. Доспехи были сняты.

Его пришлось усыпить. Даже сейчас, будучи под действием лекарств, он находился под стражей, закован в цепи на лодыжках, а уцелевшая рука крепко привязана к его бедру.

Арин тянул себя за волосы, пока коже на голове не стало больно. Если Кестрел не вернётся к полудню, то он отправится за ней в Сифию. Эта мысль назойливо царапала разум, тягостные ощущения ожидания скрутили желудок в сморщенный узел.

Ему ненавистно было смотреть на генерала и даже на Верекса (который ему даже почти понравился), хромавшего по лагерю, переполненного беспокойством за Ришу, а может быть, даже и за Кестрел, отчего Арин чувствовал себя до нелепости собственником, словно валорианский принц пытался его ограбить, украсть всё то, что делало Арина Арином.

Арин стал просто невыносимым и понимал это. Он неустанно ломал голову над тем, что же случилось с Кестрел, прекрасно осознавая, что случись с ней нечто непоправимое — его сердце превратится в песок.

Он не знал, куда деть руки, когда смотрел на спящего генерала, поэтому засунул их в карманы, прежде чем те ненароком не потянулись к горлу мужчины. Арин напомнил себе, зачем пришёл.

Юноша разорвал мундир генерала, чтобы добраться до внутреннего кармана, который находился именно там, куда мужчина приложил руку, когда лежал на дороге, истекая кровью.

Пальцы Арина нащупали бумагу. Он вынул её. У бумаги был потрепанный вид, она определённо не один раз побывала в руках, и её часто разворачивали и складывали.

Это были ноты. Сначала Арин не понял, на что смотрел. Почерк Кестрел. Написано по-герански. Нотное письмо, нацарапанное чёрным. И его имя, готовое вот-вот соскочить со страницы.

«Дорогой Арин».

А потом он узнал мелодию. Это была соната, которую Кестрел разучивала, когда он вошёл в музыкальный зал императорского дворца в конце весны. Это был последний раз, когда он видел её до тундры. И тогда он подумал, что это будет последний раз в жизни, когда он видит её.

Арин поспешил прочь из шатра. Он не мог читать письмо здесь.

Но он не знал, возможно ли его прочесть где-то ещё, найдется ли достаточно уединённое место, где он мог бы побыть в одиночестве, побыть самим собой, и ему было очень тяжело вспоминать, как он оставил Кестрел в тот день, и что случилось с нею после.

Ему безумно хотелось прочесть это письмо.

Ему было невыносимо читать его.

Арина возмущало, что отец хранил его.

Он задумался, а что это будет означать для неё, когда она узнает, что отец сохранил то письмо.

Арин смутно осознавал происходящее, спотыкаясь, он шёл по шумному лагерю в лес. Мысль о прочтении письма казалась неправильной, будто он собрался прочесть письмо, предназначенное для кого-то другого.

Но оно было адресовано ему.

«Дорогой Арин».

И Арин прочёл его.

* * *

— Ты в порядке?

Арин поднял взгляд на Рошара, а потом вновь сосредоточился на лошади. Он провёл рукой сверху вниз по внутренней стороне передней левой ноги животного и поднял копыто вверх, обхватив его спереди. Свободной рукой он специальной киркой сбил подкову и взял нож, чтобы пройтись по внешнему краю копыта и выявить источник проблемы. Рядом стояло ведро с подсоленной горячей водой, от которой шёл пар. Время близилось к полудню.

— Арин.

— Просто размышляю.

Написанные Кестрел слова всё ещё жили в нём, он будто проглотил солнце, и оно каким-то образом целиком поместилось в нём: сверкало и томилось, и ослепляло, но при этом он видел все куда яснее, чем прежде.

— Слушай, ну хватит уже, — сказал Рошар. — У тебя две крайности: или до ужаса серьёзен, или где-то витаешь в облаках, но ни то ни другое не подходит для победоносного лидера свободного народа.

Арин фыркнул. Лошадь, чувствуя, как его нож касается больного места, попыталась вытащить копыто. Он быстро перехватил его, поддерживая ногу снизу под колено.

— Ты мог бы, по крайней мере, произнести воодушевляющую речь, — сказал Рошар.

— Не могу. Я еду в Сифию.

Рошар сдавленно простонал.

— Не на этой лошади, — сказал Арин. — Она хромая.

— Что ты делаешь?

— Она хромала. Было больно смотреть на неё. Абсцесс, по-моему. Наверное, она наступила на что-то острое.

— Арин, черт тебя задери, ты же не коновал. Этим может заняться кто-нибудь другой.

— Шш-ш, — прошипел Арин с сочувствием, найдя нарыв. Лошадь ещё раз попробовала вытащить копыто, но он вскрыл рану, из которой сразу же потёк чёрный гной. Арин чистил рану до тех пор, пока не убрал весь гной. — Тебя не затруднит подать мне ведро?

— Да не вопрос. Я ведь живу только ради того, чтобы угождать кому не попадя.

Арин опустил копыто в горячую воду. Лошадь, которой и без того было больно, затопала копытами, расплескивая воду, вскидывая голову, но Арин схватил её за уздечку, потянув голову вниз, успокаивая животное, одновременно следя за тем, чтобы больное копыто оставалось в воде.

— Арин, ну почему ты такой предсказуемый? Всякий раз, когда ты переживаешь по какому-то поводу, то начинаешь что-то чинить. Выковыривание дряни из копыта уж совсем ни с какие ворота не лезет. Даже не знаю, что хуже, наблюдать за тем, как ты это делаешь, или осознавать, насколько тебе сложно держать себя в руках.

Арин потрепал лошадь по шее. Она вновь затопала копытами, но начала успокаиваться.

— Мы победили, — сказал Рошар, — и Кестрел в порядке. Мы обсуждали это. Этот яд очень токсичен.

— Но она не вернулась.

— Она вернется. А тебе нужно воспользоваться этим мгновением в политических целях. Если ты этого не сделаешь, то сделает кто-то другой.

Арин искоса глянул на друга.

— Ты называешь меня «предсказуемым», как будто это плохо, но мне не нужно произносить речь перед своими людьми, чтобы понять, кто я есть.

Рошар закрыл рот. Похоже, он был готов сказать что-то еще, но потом передумал,

потому что в лагерь въехали Кестрел и Риша.

Глава 41

Армия с большим количеством раненых в медленном темпе продвигалась к городу. Кому-то пришлось идти пешком. Кестрел держалась подальше от повозок, в которых везли раненых.

— Не могу на него смотреть, — сказала она Арину, когда армия остановилась на привал.

Но часть её хотела воспользоваться предоставившимся временем, чтобы повидаться с отцом.

— Тебе и не обязательно, — сказал Арин. Но в последовавшей за этими словами тишине, пока они шли прочь от повозок, каждый фрагмент сказанного им приобрел форму и окрасился в очень яркий цвет: отец лишился руки, месья Арина утратила свою важность, письмо, которое она даже не узнала, когда Арин отдал его ей.

Прошло мгновение, прежде чем Кестрел осознала, как сильно Арин нервничал. Он закусил нижнюю губу и его руки делали какие-то неопределённые движения, словно он хотел что-то сказать, да не мог. Но, в конце концов, произнес:

— Ты просила его смерти. Я не смог. Я должен был пересилить себя? Я поступил неправильно?

Она почувствовала такой прилив нежности. Девушка перехватила не находящие себе места руки юноши и ответила:

— Нет. Ты всё сделал правильно.

* * *

То письмо.

Она читала и перечитывала его в высокой сочной траве, которой поросли обочины дороги, и ночью при свете лампы. Чернила посветлели от времени до коричневого. Кестрел представляла, как отец читал его под солнцем во время кампании. На бумаге в некоторых местах появились вощёные прозрачные пятна. Остатки масла для чистки оружия? Её отец обожал лично полировать свой кинжал. Она искала смысл в подтёках грязных отпечатков пальцев под определенными словами, где на самом деле не было ничего, кроме её каракулей, и их значение. Нижняя часть письма была испачкана кровью настолько, что последние предложения невозможно было разобрать. Кестрел не могла вспомнить, что же она там написала. Как истрепанная карта, письмо само норовило сложиться.

Сложенная бумага выглядела такой умиротворенной у неё в руке. Кестрел хотелось пройти сквозь время, чтобы утешить ту девушку, писавшую это письмо, даже если единственным утешением, что она могла предложить, было только понимание. Ей хотелось представить себе другую историю, в которой отец прочитал письмо и понял его, вернул дочери, предупреждая, что ей не следовало такое писать. Никогда. «Я люблю тебя. Я все для тебя сделаю», — говорилось в письме, и Кестрел было тяжело удержаться при прочтении, чтобы не скомкать бумагу в руке, когда она осознала, что это именно те слова, которые она всегда хотела услышать от своего отца.

* * *

В трех днях пути от города, армия разбила лагерь, чтобы встать на ночь. Кестрел направилась к лекарскому шатру.

Отец заметил тот момент, когда она вошла. Он дёрнулся, затем встретил её взгляд, и Кестрел не поняла, правильно ли было испытывать то, что испытывала она: одновременно

простое и сложное чувство спокойствия, которое коснулось её при виде отца только потому, что он был ее отцом, а вместе с тем, это была ярость в груди, вызывавшая желание рвать и метать, оплакивать его искалеченную руку и сказать, что он все это заслужил.

— Почему ты сохранил моё письмо? — спросила она.

Он не ответил.

Она повторила вопрос.

Он отвернулся.

Она спрашивала и спрашивала, до хрипоты в голосе, решив, что Риша была не права, сказав, что прощение подобно грязи, которая не может принять нужную тебе форму.

Оно было жестким, твёрдым как камень.

Кестрел вышла из палатки.

* * *

Верекс сказал, что они с Ришей уезжают. Они хотели доехать до восточных равнин, и возможно, пройтись под парусом от восточного побережья Дакры, чтобы увидеть, что лежит в неизведанных водах за пределами страны. Он не собирался наследовать империю. Верекс попросил, чтобы распространили слухи о его гибели.

Увидев, как изменилась в лице Кестрел, он всё же спросил:

— Считаешь, мне следует вернуться в столицу и взойти на престол?

— Если честно, я вообще не хочу, чтобы ты куда-либо уезжал. Я буду скучать.

Его карие глаза потеплели.

— Я буду навещать тебя. И Риша тоже. Она хочет обучить тебя владению разным оружием, пока ты не найдешь то, что в твоих руках будет опаснее всего.

Кестрел открыла было рот, чтобы сказать, что это бесполезные усилия, но потом её будто громом поразило: этого не могло быть, хотя в сущности, это было не важно: могло или не могло — важна была радость, предложенная ей.

— Она мне тоже нравится.

Они стояли возле лагеря, прислонившись к очень большому стволу дерева. В воздухе плавала белая пыльца цветов, усыпавших собой его ветви. Кестрел подумала, будь здесь геранец, он бы решил, что это знамение бога, но если да, то какого.

— Прости, — сказала она Верексу.

Он знал, что она имела в виду.

— У меня не осталось никакой любви к отцу. И он определенно не любил меня.

— И всё же.

— Не знаю, что бы я ещё мог сделать. Если хоть что-нибудь... — Он сторбился, облокотившись на кору. — Став свободным, я чувствую себя ещё хуже. — Пыльца приземлилась на носок его обуви, а потом полетела дальше. Понизив голос, он добавил: — Я немного трусоват. Мне страшно, что став императором, я превращусь в такого, как он.

— Только не ты. Никогда.

— И меня гложет вина, что я бросаю страну, которая может вот-вот разрушиться. Неясно, кто теперь будет ею править.

— Держу пари, у тебя найдется парочка идей. Думаю, есть несколько сенаторов, мечтающих процарапать себе дорогу к власти. И один капитан гвардии. Хотя я уже не помню всех при дворе, да и того, кто кому должен или кто на кого точит зуб. Если бы ты обрисовал мне картину яснее, то я могла бы... держать глаз остро в столице.

Он приподнял бровь.

— Кестрел, решила вновь податься в шпионки?

— Скорее, в кураторы.

Он поднял тонкую упавшую веточку и разломил ее на мелкие палочки.

— Мне кажется, Арину он нужен.

— Лучшей кандидатуры и не найти. Однако мне бы очень хотелось, чтобы ты пореже собой рисковала. Ты слишком любишь азартные игры.

Она беспомощно пожал плечами.

— Уж какая есть.

Его улыбка была наполнена любовью. А потом он серьезно сказал:

— Прежде я считал, что мог бы смириться с местом, которое уготовил мне отец. Но Риша была бы несчастна. А значит, и я тоже.

— Тогда будь счастлив, — отчего-то свирепо сказала Кестрел.

— Буду, — сказал он, — если ты будешь.

С дерева уже спустился белый пух, пока он рассказывал о политических хитросплетениях валорианского двора, а потом поведал о щенке, которого подарил ей, сказав, что тот вырос и превратился в огромную добродушную псину, живущую с одной семьей в предгорьях Валории. В семье есть маленькие дети, обожающие её, даже когда она грызет башмаки. Марис (юная горничная, которой так не нравилась Кестрел, пока она не обнаружила обратное) вышла замуж, чему была несказанно рада. Что же до Джесс, то по словам Верекса, в самом начале войны она уехала на южные острова.

— Хотел бы я знать больше...

Кестрел очень хотелось с ней увидеться. Она неустанно думала, а могло ли всё сложиться иначе, можно ли было исправить всё, что произошло между ними.

— Я видел, как ты ходила в лекарский шатёр, — сказал Верекс.

— Он не хочет говорить со мной.

— Попытайся ещё раз.

* * *

Когда Риша и Верекс собрались в дорогу в двух днях пути от города, Кестрел, улыбаясь, расцеловала их в щёки. Поначалу ей тяжело давалось держать себя в руках, спокойно отпустить их и не испортить прощание. Но потом она заметила Рошара, который избегал свою младшую сестру с самого её возвращения, как будто боясь её, а теперь решил задержаться рядом. Риша подошла к нему и прошептала что-то на ухо. Кестрел не слышала, что именно, но на его лице появилось выражение облегчения. Он ничего не сказал в ответ; просто сложил руки Риши вместе и поцеловал их.

Кестрел подумала, что, возможно, и она была не права, и Риша была не права по поводу прощения: оно не было ни грязью, ни камнем, а скорее, напоминало дрейфующую пыльцу. Она слетала с деревьев, когда приходило время. Мягкая на ощупь, не созданная для неволи, чтобы она смогла улететь и найти свой дом там, где можно было бы пустить корни и прорасти.

Кестрел вновь вошла в палатку.

На этот раз отец заговорил прежде, чем она успела открыть рот.

— Дай мне свой кинжал.

Из глаз девушки заструились горячие слезы.

— Ты не посмеешь.

— Отвяжи мою руку. Дай кинжал.

— Нет.

— Это последнее, о чём я прошу.

— Ты не можешь просить меня помочь тебе свести счёты с жизнью.

Он больше не смотрел на неё.

— Почему ты сохранил мое письмо? — вновь спросила она.

— Ты знаешь.

— Что, сожаление?

— Неверное слово.

— Тогда что?

— Невозможно подобрать правильные слова.

— Придумай что-нибудь.

— Не могу.

— Сейчас же.

Он сглотнул.

— Захотел. Я не знал... каким образом всё стало невозможным. Вот, что бывает, когда уничтожаешь самое драгоценное для себя.

— Это ты принял решение.

— Да.

— Почему?

Он не ответил, но его глаза превратились в непроницаемые оболочки, и Кестрел поняла, что дело было не только в кодексе чести генерала, заставившем его рассказать императору о её измене. Отец захотел причинить ей боль, потому что она причинила боль ему.

Он ответил:

— Я не считал, что это происходит по-настоящему. Словно был во сне.

— Тебе известно, — произнесла она шепотом, — что со мной сделали там, в шахтах?

Он зажмурился.

Она описала. Он ей позволил. Из-под его век побежала вода.

— Кестрел, — наконец произнёс он. — Ты и сама знаешь, что есть только одно решение. Я не могу быть твоим отцом.

— Но ты мой отец.

— Мне нет здесь места. Я проведу в заключении всю оставшуюся жизнь?

Этот вопрос уже обсуждался — бурно. Рошар склонялся в пользу публичной казни. Арин потерял самообладание (Кестрел давно не видела, чтобы Арин так злился), и кричал в ответ, что судьба генерала в руках его дочери.

— Не знаю, — ответила дочь отцу.

Молчание.

— Почему ты не просишь о прощении? — спросила она.

— Невозможно.

— Попроси.

Он очень долго молчал, прежде чем сказать:

— Я не могу просить о том, что никто не может мне дать. Я прошу о милосердии.

Ее глаза затуманились. Девушка задумалась. Она знала, что им обоим потребуются годы, чтобы простить и заслужить прощение, и что ей нужна каждая минута этого времени.

Она сказала, что всё ещё любит его, потому что это было правдой. Он должен был давать ответы охотней, чем делал это, пусть даже у него их не было, это было её право —

продолжать спрашивать. Она ни за что не даст ему свой кинжал. Никогда.

— Я так старалась жить в твоём мире, теперь пришел твой черед жить в моём.

Глава 42

Арин должен был ожидать этого, но почему-то не ожидал.

Столько цветов. Наверное, срезали все летние бутоны, раздев все сады города. Когда армия вошла в ворота, поднялся такой оглушительный приветственный гул, что задрожали каменные стены, и Арин вздрогнул от неожиданности, на долю секунды натянув поводья и инстинктивно решив, что звук означает опасность. А потом он увидел радостные лица людей и подумал: «А, это просто счастье». И это делало его счастливым, а когда Кестрел, которая ехала рядом на Джавелине, улыбнулась ему, к его щеке прилип розовый лепесток, и ему пришло в голову, что он мог бы к этому привыкнуть, потому что на этот раз счастье не повернется к нему спиной.

А потом голова Кестрел повернулась, и он увидел, как она изучающе рассматривает дакранско-геранскую армию, рассыпавшуюся за ними по главной улице Лахирин. Ее губы были сжаты в напряженную линию.

— Не думаю, что это мудро, привести всех солдат в город, — сказала она.

— Это общая победа. Всех нужно чествовать.

— Я знаю.

— Но?

— Наши восточные союзники превосходят нас числом.

Он знал, к чему она клонила.

— Так было всегда.

— Если они захотят взять себе эту страну, то для них это не составит труда... особенно, если учесть, что вся их армия уже внутри городских стен.

Арин бросил взгляд на Рошара, который ехал впереди, чтобы первым встретиться с королевой.

— Я ему доверяю.

— Да, я знаю.

Арин остановил лошадь, Джавелин тоже встал. Вокруг них всюду были цветы.

— Мне больно подозревать его, — сказал он.

— Вот поэтому я подозреваю его вместо тебя.

Из окна одного из узких высоких домов, расположенных рядом с рынком, ему на голову свалилась ткань. Переполошившийся из-за резкой потери обзора, Арин стащил её с лица, лошадь под ним тоже испугалась.

Это был старый геранский флаг с вышитым гербом.

— Но королевской династии больше нет, — сказал Арин.

— Они придумают, как тебя называть, — сказала Кестрел, понукая Джавелина идти вперед.

— Только не это. Это неправильно.

— Не волнуйся. Они найдут нужные слова, чтобы описать тебя.

— И тебя.

— О, это просто.

— Разве? — Ему казалось невозможным подобрать столько слов, чтобы описать всё, что она значит для него.

Выражение лица Кестрел излучало серьёзность и свет. Ему нравилось, когда она была

такой.

— Они скажут, что я всецело твоя, — сказала она ему, — как и ты мой.

* * *

Когда Сарсин увидела Кестрел, её глаза сузились до крошечных щёлочек, и девушка внезапно очень ясно осознала, что кухня Арина была очень высокой.

— Для того, кто слышит очень умным, — сказала Сарсин, — ты ведешь себя так, будто у тебя в голове гуляет ветер. Тебе вообще не приходило в голову, что я волнуюсь за тебя? Уехала из города и даже слова не сказала.

— Я вообще-то не собиралась вот так уезжать.

— О, оно само просто так вышло.

— Да.

— Боги заставили тебя.

Кестрел рассмеялась.

— Может, и они, — а потом серьезно добавила, — прости меня, Сарсин.

Сарсин скрестила руки на груди.

— Тогда мирись со мной.

— Каким образом?

Выражение лица Сарсин смягчилось. Теперь её глаза блестели от любопытства.

— Начни с той ночи, когда ты уехала. И закончи данным мгновением. Расскажи всё, до мелочей.

И Кестрел приступила к рассказу.

* * *

Вот-вот должно было состояться празднование победы, одержанной армией, — банкет в губернаторском дворце, где будет председательствовать королева Инишанавэй. Повара в доме Арина работали на износ, обезглавив всех цыплят в хозяйстве, очистив и измельчив все спелые фрукты эрасти и исколотив комки теста об столы, посыпанные мукой.

Сам Арин, находясь в кладовой, пытался успокоить женщину, которая причитала, что потратила столько усилий на консервирование джемов, и неужели теперь, все до единого, они должны быть пущены на блюда для банкета? Ей и в голову не могло прийти, что дакранцы по достоинству оценят вкус плода илея. Зачем подавать то, что они не оценят? В отличие от геранцев. Будет лучше, без сомнения, оставить этот джем на зиму.

В попытках объяснить политику такого необычайного расточительства, Арин только запутался в дебрях предложений, потому что тоже не видел смысла съесть за один вечер всё, что имелось в стране из съестного.

А потом он услышал характерный акцент Рошара, доносившийся из кухни.

— ... ты не понимаешь. Мясо должно быть нежнейшим, вырезанным из филея, приправлено вот этой специей, а не этой...

Извинившись, Арин сказал женщине, что обсудит проблему джемов позже, и пошёл на голос принца.

— ... и мясо должно быть хорошо обжарено снаружи, почти обгорелое, но сыроватое внутри. Ярко-розовое. Слышите. Это очень важно. В противном случае, если что-то пойдет не так, банкет будет испорчен.

Арин вошёл на главную кухню, где и обнаружил принца, отчитывающего шеф-повара, который с недоверием уставился на Арина.

— Вот ты где. — Рошар сиял от счастья. — Мне нужна твоя помощь, Арин.

— Для приготовления мяса?

— Это очень важно. Ты должен внушить своему повару всю важность надлежащей готовки. Судьба политических отношений между нашими странами висит на волоске.

— Из-за мяса?

— Это для его тигра, — сказал повар.

Арин зажмурился и закрыл лицо ладонью.

— Твоего тигра?

— Он особенный, — сказал Рошар.

— Нельзя приводить тигра на банкет.

— Малыш Арин очень соскучился по тебе. Я не буду его держать вдали от тебя.

— А ты не хочешь подумать над тем, чтобы сменить ему имя?

— Нет.

— А если я тебя поуготовариваю?

— Без шансов.

— Рошар, тигр вырос.

— И продолжает оставаться милым парнем.

— Ты не можешь привести его в обеденный зал, заполненный сотней людей.

— Он будет прекрасно себя вести. У него манеры и воспитание принца.

— О, прямо как у тебя?

— Что за тон? Я негодную.

— Не уверен, что ты сможешь его контролировать.

— А разве он не был все это время паинькой? Милейшим созданием? Неужели ты откажешь своему тёзке в возможности стать свидетелем твоего триумфа? Ну и разумеется, полюбоваться на вашу пару: ты и Кестрел, бок о бок, геранец и валорианка, любовь до гроба. Арин, да про вашу любовь будут слагать песни! Как вы поженитесь, у вас появятся детки...

— О, боги, Рошар, заткнись.

* * *

Даже если бы Арин не знал, насколько Кестрел была ненавистна мысль о необходимости личного присутствия во дворце, выстроенном специально для валорианского губернатора, то он бы понял это по напряженности её плеч, по тому, как она коснулась кинжала на бедре и как она чуть ли не зарычала на Рошара, когда принц предложил отказаться от оружия на этот вечер, считая варварством открытое ношение оружия.

Арин бросил на друга предостерегающий взгляд. Принц притворился самой невинностью, изобразив замешательство, а потом пожал плечами и пошёл впереди, с почти выросшим тигром рядом. Тигр был устрашающе послушен, даже для животного, выращенного людьми. Он тыкался головой в ладонь Рошара, как домашняя кошка. Арин видел силу зверя, как она гуляла между его лопатками, вздымающимися и опускающимися под шерстью. Арин чувствовал, но не мог дать название происхождению того, что заставляло людей (и животных, по-видимому, тоже) следовать за принцем столько времени. Он подозревал (от чего неприятно кололо сердце), что спроси он Рошара прямо и тот соизволил бы дать прямой ответ, принц сказал бы, что все так и есть, и Арин тоже обладает подобной харизмой.

Странное чувство: как будто от тела Арина тянулись нити. Тысячи лесок, создающих препятствия вниманию. Тут и там. Небольшие буксиры. Люди, оказавшиеся на пути. Иногда они не могли смотреть ему в глаза, а когда все же отваживались, то становились рыбой,

которая пыталась глотнуть воздуха.

Как бы ему хотелось, чтобы все было не так.

Он знал, что это будет необходимо.

Рошар вместе с тигром исчезли внутри, оставив Кестрел и Арина в одиночестве.

Кестрел выглядела суровой. Её изящные туфельки твердо встали на гравийной дорожке. Она приподняла подол насыщенно-зелёной юбки, как присуще даме, но он видел, как ткань собралась в кулаки.

— Мне жаль, — сказал он, догадываясь о том, что её беспокоило: воспоминание о Первозимнем восстании. Мёртвые друзья, обман Арина, как залы дворца задыхались от трупов.

Она бросила на него косой взгляд.

— Часть тебя не сожалеет.

Он не мог этого отрицать.

Но смягчившись, девушка добавила:

— Я тоже не невинна. И мне тоже жаль и не жаль из-за всего, что я натворила. — Она отпустила подол платья и коснулась тремя пальцами его руки.

Арин забыл на мгновение, где он был, и что они обсуждали. Чудо, что такое лёгкое прикосновение способно передать ласку, от которой тело может так легко зажечься.

Сейчас она выглядела удивленной.

— Давай уйдем. — Он просунул руку под её распущенные волосы и коснулся ямки на шее, чувствуя порхание девичьего пульса. Выражение лица Кестрел изменилось, радостное удивление медленно переплавилось в удовольствие. Он сказал: — Давай не будем входить.

— Арин. — Кестрел вздохнула. — Мы обязаны пойти. — Она приоткрыла рот, а потом вновь сжала губы в тонкую линию.

— Что тебя беспокоит?

— Королева и словом с тобой не обмолвилась.

— Похоже на то, — пробормотал Арин, чувствуя себя неудобно, думая о различных причинах молчания Иниши.

— Все дакранцы слишком тихо себя ведут.

— Только не Рошар.

— И он тоже. Он болтает без умолку только о всякой ерунде, не о важном.

Арин замер, а потом сказал:

— Я верю в наш союз.

— Я тоже хочу в него верить.

Он предложил ей руку.

Они вошли внутрь.

* * *

Все расселись за столом, поставленным на помост в обеденном зале, все четверо в ряд, Арин с королевой по центру, Кестрел и Рошар по сторонам от них соответственно, порядок, который был целиком и полностью на совести Рошара, совершенно не обращавшего внимания на сотни уже рассеявшихся и наблюдавших за его манипуляциями людей.

Королева только раз искоса взглянула на Арина. Чернота её глаз была непроницаема. Она так ничего и не сказала, и больше не смотрела в его сторону.

Тигр свернулся у ног Рошара, который едва притронулся к пище, как только были поданы первые блюда, но с удовольствием налегал на дакранский зелёный ликер. Арин

видел за фигурой королевы, как Рошар поднимал и осушал бокал. Пальцы принца ходили ходуном.

— Брат. — Королева обратилась к нему так, будто подталкивала к чему-то.

— Оставь меня в покое. — Он подлил себе ликёра.

Когда собравшиеся приступили к основному блюду (включая Арина, который, оценив сомнительную шутку, заметил у себя на блюде приготовленную специально для тигра корейку), Рошар поднялся. Его слегка покачивало. В зале повисла тишина. Он оглядел лица дакранцев и геранцев.

— Народ из сотни, — произнес он к немалому удивлению Арина, не предполагавшего, что принц знаком с древним геранским призывом, — кто ведёт вас?

И множество голосов громогласно произнесли имя Арина, которое больше не было похоже на имя.

— Доверите ли вы свою страну ему?

— Да.

— Говорите, что Геран его?

— Да.

Позвоночник Арина закололо недоверие.

Рошар поднял руку, чтобы успокоить ревущую толпу, и этот жест напомнил Арину Плуता, упивающегося своей ролью организатора торгов. У него в горле будто камень застрял. Рука Кестрел крепко сжимала его руку, но у Арина возникло такое чувство, будто часть его уже не здесь.

— Довольно, — сказала королева... Это был не столько выговор, сколько намёк на то, что он встал на тонкий лёд.

— Я сражался за Арина, проливал за него кровь. Он навсегда поселился в моём сердце. Я даже тигра назвал в честь него — немалая честь. И всё же у нас есть проблема. Арин из Герана не всегда был моим другом, и как-то раз он совершил преступление против меня, вот почему моя королева наградила меня всем, чем он владеет: жизнью, имуществом и, раз уж вы так единогласно считаете, страной. Мне было сказано, чтобы я взял с Арина причитающееся. Было сказано, что это моё по закону. Так должен ли я забрать своё по праву? Да. Поддержит ли мой народ мои притязания, а если потребует, то и силой? Безусловно. Будет ли моя королева восхищаться мной? О, ещё как. И потому — это мой долг.

— Нет, Арин. Сядь. В другой раз будешь корчить из себя придурка, а сегодня это моя роль. Я вижу порцию моего тигра. У тебя, вон там. Да, у тебя. На тарелке. Ну-ка, подать её сюда.

Кестрел рассмеялась. А Арин скорее почувствовал, нежели увидел, что она расслабилась рядом с ним, засветилась радостью. Он откинулся на спинку своего стула, потому что теперь тоже понял суть игры Рошара. Ему хотелось петь от облегчения и одновременно с этим придушить принца.

И поблагодарить его.

— Вот. — Рошар всем продемонстрировал блюдо. — Еда тигра Арина. Мне было приказано забрать у Арина всё, что принадлежит Арину. Я так и поступлю. — Рошар возвратился на своё место с блюдом в руке и принялся нарезать мясо. Он попробовал кусочек. — Ммм. Оно великолепно. Прекрасно приготовлено. Теперь, что касается того, что принадлежит человеку Арину, я отказываюсь от любых претензий. Ничто из когда-либо принадлежавшего ему не было моим и никогда не будет. Я поддерживаю его право хранить и

оберегать то, что принадлежит ему, из моей любви к нему, а его ко мне. — Он посмотрел на королеву, когда дожевал. — Это восхитительно. Все именно так, как мне хотелось.

Королева заставил себя улыбнуться.

— О, а кто принесёт ещё кусок корейки? Сырой, пожалуйста. Мой тигр голоден.

Глава 43

— Я не хочу, чтобы ты уплывал. — Волны качались и разбивались о пирс. Солнце слепило. Обтёсанные ветром доски скрипели под ногами Арина.

— Только потому, что тебе в радость славный задира. Кто-то же должен был заставить тебя вести себя как должно...

— Нет, Рошар.

— Ты прекрасно знаешь, что делать дальше. С тобой всё будет в порядке.

— Не поэтому.

— И с чего бы это тебе скучать по мне? Допускаю, что грядущее отсутствие моего тонкого остроумия любого повергнет в уныние.

— Дело не в этом.

— Теперь мне становится грустно, стоит только подумать о том, что кому-то придётся расстаться с моей милейшей персоной. Мне повезло: я-то у себя буду всегда.

— Сказанное тобой на банкете правда?

— Я всегда говорю только правду.

— Что я люблю тебя.

Ни один мускул на лице Рошара не дрогнул.

— Я так сказал?

— Тебе прекрасно известно, что именно так ты и сказал.

— Это чтобы придать моменту больше драматизма.

— Лжец.

— Разве? — медленно проговорил Рошар. — Еще какой, Арин. — Его голос внезапно огрубел: — Еще увидимся.

— Уже скоро, — ответил ему Арин и обнял. Потом они разомкнули объятия, и вполне можно было бы подумать, что солнце светило немного жёстче обычного, чтобы под его слепящим напором не было места уверткам, а выражения их лиц были ясны и понятны, и явили все, что нужно было явить. Арин подумал, что это была доброта. Ему хотелось быть зеркалом, отражавшим то, чем был для него Рошар.

На волнах поджидал баркас. Арин пожелал ему сопутствующих приливов. Он смотрел, пока лодка Рошара не пристала к кораблю, а потом смотрел, пока судно и весь прочий дакранский флот не покинули залив его города.

* * *

Арин увидел Сарсин, когда шёл по городу. Кузина несла корзину — она повесила её на согнутую руку и даже издали было понятно, что корзина тяжелая. Её немного затравленное выражения лица смягчилось при виде брата.

Арин забрал у Сарсин корзину.

— Пришла или уходишь?

— Я здесь по делам и меня не будет дома до позднего вечера.

— Дай угадаю, что привело тебя в город?

— Попробуй.

Он заглянул в корзину. Хлеб, еще тёплый, недавно из духовки. Бутылка спирта.

Длинные, плоские дощечки. Рулоны марли.

— Пикник... с раненым солдатом? Сарсин, — поддразнил он ее, — это настоящая любовь? А для чего деревяшки? Подожди, не говори мне. Кажется, я не хочу этого знать.

Она ударила его.

— Старшая дочь каретника сломала руку.

На дно его желудка упал кусок льда. Он вспомнил изувеченные тела, которые повидал, включая те, что были на его совести. Он понял, что почему-то ожидал, что ему больше никогда не придется думать о том, как люди вредят другим людям.

Ночь вторжения. Возвращение Кестрел. Его собственное. Исполосованное шрамами лицо Рошара. Его собственное. То, как могло выглядеть тело, словно оно никогда не принадлежало человеку, и это было именно то, что Арин хотел сделать с отцом Кестрел, жившим в этом городе, его городе, в тюрьме со всеми удобствами. Но ничто не могло вернуть мужчине руку, ни одно удобство и никакие стены не могли заточить понимание Арина о том, что он сделал и хотел сделать, и чтобы потом ни о чём не сожалеть.

И всё же он сожалел.

Он не смог.

Не смог.

— Арин, ты в порядке?

— Как? — выдавил он. — Каким образом она сломала руку?

— Упала со стремянки.

Должно быть, он не смог скрыть облегчения, потому что его кузина приподняла брови и была готова стукнуть его еще раз.

— Я представил себе кое-что похуже, — попытался оправдаться он.

Она вроде бы поняла его облегчение от того, что боль, если должна была прийти, пришла, но на этот раз не кусалась. Всего лишь травма прошлого. Никем конкретно не нанесенная. Порой всего лишь ирония везения. Сильный оползень, который заканчивается тем, что вы остаетесь ни с чем, и кто-то пользуется этим.

* * *

Это была долгая дорога домой. Но неожиданно вызвавшая давно забытое удовольствие, воспоминание о возвращении домой, когда Арин был ребёнком, знающим, что найдет там всё, что любил, целым и невредимым. Его уверенность была настолько абсолютной, что он даже не подозревал о ней.

Город сменился кипарисами. Его ноги были в пыли. Солнце усилило запахи: его разгоряченной кожи, раскаленной дорожки, ветра, дышащего лавандой, цветущей где-то вне его поля зрения.

Бог смерти безмолвствовал. Не оставил его. Он по-прежнему обитал где-то там, на задворках сознания Арина, но не мешал. Он как бы сроднился с ним. Арин давно уже водил дружбу со смертью, но жил он не только ею.

Девушкой в сердце. Живущей в его доме.

Ждущей его.

Осталось пройти по щербатым каменным ступенькам последнего холма. Арин ускорил шаг.

* * *

И вот уже перед ним вырос дом, искрящийся открытыми окнами. На стриженном лугу пасся боевой конь.

Хоть Арин и всем сердцем хотел видеть Кестрел, но ему пришлось подождать. Ещё издалека он уловил пылцу музыки. Когда Арин пересёк луг, мелодия стала громче. И это открыло в его душе дверцу счастья, которое увеличилось и мерцало... глянцево и весома, как вода на солнце.

Им овладела приятная усталость. Арин лёг на траву и прислушался. Он думал о том, как Кестрел спала на лугу дворца и грезила о нём. Когда она рассказала об этом, ему безумно захотелось, чтобы это произошло в жизни. Он пытался представить себе, как это — грезить, и через некоторое время сам не заметил, как задремал. Все в его дрёме было значимым, но он ощущал скудость этого совершенного сна. Свод босых ног Кестрел. Старая сказка о боге смерти и швее. Арин не вспомнил об этом после пробуждения, утратил понимание, почему касание Кестрел пробудило в памяти историю, о которой он давно не вспоминал.

Он спал и ему снилось: чулок, зажатый в кулаке, и шальной вопрос о том, как он был создан, кто его сшил? Он видел свои руки (хотя они не были похожи на его руки), отмеряющие и раскраивающие ткань, шьющие невидимыми стежками. Из комнаты вывалился темноволосый мальчик с божьей меткой на лбу. Когда гость вошёл и сказал: «Сотки мне ткань из себя», Арин подумал, что этот мальчик всё сразу: опасный гость, дитя и швея. И она произнесла: «Мне будет тебя не хватать, когда ты проснешься».

«Не просыпайся», — попросил он.

Но проснулся.

Кестрел рядом с ним на траве, произнесла:

— Разбудила? Я не хотела.

Ему потребовалось некоторое бархатистое мгновение, чтобы понять, что это было по-настоящему. Воздух был тих. Насекомые стрекотали крыльями. Она откинула волосы с его лба. Теперь он окончательно проснулся.

— Ты так сладко спал, — сказала Кестрел.

— Грезил. — Он коснулся ее нежных губ.

— О чём?

— Подвинься ближе, и я скажу.

Но он забыл. Он поцеловал её и потерялся в восхитительном ощущении, которое становилось слишком острым для его тела. И Арин нашептал ей: секрет, желание, обещание. Сказку в своей интерпретации.

Она запугалась пальцами в зелёной траве.

Глава 44

Свежесть ночи предсказывала конец лета. Размеренный жаркий день принёс бриз, холодный, как выстиранные простыни.

Кестрел в конюшне кормила морковкой Джавелина. Она обещала ему яблоки.

— Скоро, — сказала она, гадая о том, замечали ли кони смену времен года. Обращали ли они внимание на то, как зреют яблоки на деревьях? Замечали ли они особые признаки хода времени, или для них всегда было сейчас и никаких после? Может, «скоро» для её коня было просто бессмыслицей.

Кестрел хотела навестить отца. Она хотела расспросить его о своём детстве. У нее в памяти порой всё ещё возникали провалы, а Арин не мог рассказать то, чего сам не знал. Она хотела спросить отца о том, как он подарил ей Джавелина? Каким было первое слово дочери? Хранил ли он её молочные зубы, или няня посадила их в землю, как это делают геранцы? «Какой я была и каким ты был со мной и с мамой?»

Она не знала бы ответы на некоторые вопросы, даже если бы её память не пострадала. У всех стирается из памяти часть прошлого. Но потом ей пришло в голову, что отец может не знать, а даже если и знает, может и не рассказать. Или он знает и попытается вклинить свои воспоминания, используя ее кинжал. Мужество покинуло Кестрел. Она не пошла в тюрьму.

— Пойдѣшь, когда сможешь, — ответил Арин, когда она сообщила ему о своём решении.

— Я должна была уже быть готовой.

— Это не просто рана. Никто не знает, сколько потребуется времени для полного выздоровления.

Затем она заметила, что ногти Арина почернели, и то, как он держал руку в кармане, как будто хотел удостовериться, что там что-то было.

Она говорила себе: не гадай. Но не смогла удержаться. Улыбка согрела её лицо.

Он закрыл глаза в притворной досаде.

— Боги, мне когда-нибудь удастся хоть что-то от тебя скрыть?

— Я не это имела в виду.

— Какое коварство. Тогда ты ничего от меня не получишь. До Нинаррита.

Время странно течёт — казалось, оно уже было на её мизинце, и выглядело таким беззащитным.

— Оно простое, — спешно сказал он.

— Мне понравится.

— Будешь его носить?

— Да.

— Всегда?

— Да, — ответила она, — если ты мне покажешь, как сделать кольцо для тебя.

Кестрел закончила со своим конем. Стояла глубокая ночь. Она покинула конюшню. Чёрный газон испещрили светлячки.

Девушке вспомнилось выражение лица Арина, когда она попросила научить её выковать кольцо для него, и как весь разговор светился в ней, подобно одному из этих светлячков. Наблюдая за ними, можно было почти подумать, что светлячки подмигивают, оживая, а потом растворяются в небытие, и всё это повторяется снова и снова. И что, когда они не светятся, их не существует.

Но они там были.

* * *

Ночной ветерок трепал занавески. Девушка неожиданно для себя поняла (но это был приятный, ненавязчивый сюрприз), что спальня Арина стала и ей родной. Он лениво вычерчивал пальцами круги по её животу. Это гипнотизировало Кестрел, и она впадала в редкое и чистое состояние легкомысленности.

Арин привстал на локте в кровати.

— Мне пришло в голову, что есть кое-что, чем мы никогда не занимались.

Она подумала, но не нашла ответа. Девушка вопросительно приподняла бровь.

Он склонился и прошептал ей на ухо.

— Да, — она рассмеялась. — Давай.

— Сейчас?

— Сейчас.

Поэтому они накинули на себя халаты и взяли прикроватную лампу, босиком, бесшумно

ступая, прошли по покоям Арина, а потом пересекли и безмолвствующий дом, подавляя глупое хихиканье. Они не могли смотреть друг другу в лицо, боясь, что если они это сделают, на свободу вырвется безудержная радость. Они поспешили вниз по лестнице в гостиную.

Они прикрыли за собой дверь, и всё же...

— Мы перебудим весь дом, — сказала Кестрел.

— Тогда как нам быть?

Она подвела его к пианино.

— Просто.

Он положил ладонь на инструмент, как будто уже чувствовал его вибрацию. Арин откашлялся.

— Теперь, когда я думаю об этом, то немного нервничаю.

— Ты ведь уже пел для меня.

— Не так.

— Арин, я столько об этом мечтала.

Её слова заставили его умолкнуть, немного успокоив.

Предвкушение зародилось у Кестрел в душе и загустело, как запах сада под дождём. Она села за фортепиано, коснулась клавиш и спросила:

— Готов?

Он улыбнулся.

— Играй.

Больше книг на сайте - Knigolub.net